МАРКС
ФИЛОСОФИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1988

ББЖ 15
М27

Под общей редакцией академика
Т. И. Ойзермана

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Академик *Т. И. Ойзерман* (введение, разд. I—1, разд. II—1, заключение), член-корреспондент АН СССР *Н. И. Лапин* (разд. I—1), доктор философских наук *М. Я. Ковальзон* (разд. I—2); кандидаты философских наук *Л. В. Голованов* (разд. I—3), *М. А. Маслин* (разд. I—4), доктор философских наук *В. А. Кувакин* (разд. I—5), академик *А. Г. Егоров* (разд. I—6), доктор философских наук *Ю. К. Плетников* (разд. II—2), академик *Г. Л. Смирнов* (разд. II—3), доктора философских наук *И. С. Нарский* (разд. II—4), *В. А. Лекторский, В. С. Швырев* (разд. II—5), *В. П. Кузьмин* (разд. II—6), академик *И. Т. Фролов* (разд. III—1), доктор философских наук *В. Ж. Келле* (разд. III—2), академик *Д. М. Гвишиани* (разд. III—3), доктор философских наук *А. П. Бутенко* (разд. III—4, 5). Научно-организационная работа выполнена *В. А. Кувакиным.*

М $\frac{0104000000—081}{079(02)—88}$ 35—88

ISBN 5—250—00080—0

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

ВВЕДЕНИЕ

К. Маркс писал, что пролетарские революции «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток...» [1]. Эта глубокая мысль, приводившаяся на XXVII съезде КПСС, применима в качестве характеристики и к той идейной атмосфере трудового и духовного подъема, которая становится господствующей в советском обществе в связи с курсом партии на ускорение и перестройку.

Советский народ и все прогрессивное человечество отмечают в этом, 1988 г. 170-летие со дня рождения гениального основоположника научной социалистической идеологии. В. И. Ленин учил коммунистов постоянно *советоваться с Марксом,* творчески овладевать его учением, обогащать его новым историческим опытом, развивать марксизм применительно к изменившимся социально-экономическим и политическим условиям. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно,— говорил Ленин.— Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» [2]. В своей многогранной деятельности при постановке и решении новых теоретических проблем и практически-политических задач вождь и основатель КПСС постоянно обращался к бесценному наследию Маркса. Гений Маркса — наш современник. Именно теперь, в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 123. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (первая цифра означает том, вторая — страницу).

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.

большей мере, чем в прошлом веке, когда Маркс создавал свое учение, стало очевидно, что общество без эксплуатации и угнетения, без классов, общество социального равенства есть реальная и, как свидетельствует исторический опыт, единственно обнадеживающая всемирно-историческая перспектива.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается, что учение Маркса, получившее свое творческое развитие в трудах В. И. Ленина, его учеников и продолжателей, составляет незыблемую основу всей деятельности партии. «Марксизм-ленинизм,— говорил М. С. Горбачев,— величайшее революционное мировоззрение. Он обосновал самую гуманную цель, какую когда-либо ставило перед собой человечество,— создание на Земле справедливого социального строя. Он указывает путь к научному изучению общественного развития как единого, закономерного во всей громадной разносторонности и противоречивости процесса, учит правильно разбираться в характере и взаимодействии экономических и политических сил, избирать верные направления, формы и методы борьбы, уверенно чувствовать себя на крутых исторических поворотах» [1].

Буржуазные критики марксизма тщатся доказать, что учение Маркса устарело. Они, правда, готовы признать, что его критический анализ капитализма действительно вскрыл порожденные им социальные бедствия. Но то был, утверждают они, капитализм XIX в., современный же капитализм настолько изменился, «улучшился», что критика Марксом буржуазного общества сохранила якобы лишь исторический интерес. Для всех этих рассуждений об устарелости марксизма (рассуждений, которые, кстати сказать, появились сразу же после того, как марксизм выступил на широкую общественную арену в период революций 1848 г. и I Интернационала) характерно явное и преднамеренное игнорирование самой сущности капиталистического способа производства: присвоение классом капиталистов прибавочного продукта (прибавочной стоимости), создаваемого рабочим классом. Столь же сознательно и преднамеренно буржуазные критики марксизма игнорируют *развитие* этого учения на всем протяжении его существования. Маркс и его друг и соратник Энгельс развивали свое

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 84.

учение, теоретически подытоживая опыт буржуазных революций XIX в., освободительного движения пролетариата, экономическое и политическое развитие капитализма, уроки Парижской коммуны. В. И. Ленин указывал, что теоретическое обобщение опыта революций 1848 г. привело Маркса к новым, в высшей степени важным выводам, которые не только дополняли, обогащали прежние положения марксизма, но и вносили в них определенные коррективы. Если, например, в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс характеризовали социалистическую революцию как завоевание пролетариатом политического господства, овладение государственной властью с целью осуществления коренных социальных преобразований, то в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс приходит к новому, имеющему громадное принципиальное значение выводу: пролетариат не может просто овладеть старой, буржуазной государственной машиной, он должен сломать этот предназначенный для угнетения трудящихся бюрократически-военный аппарат, создать принципиально новый тип государства, политически обеспечивающий активное участие широких трудящихся масс во всей организации общественной жизни, в управлении государственными делами.

Буржуазные рассуждения об устарелости марксизма игнорируют, замалчивают, искажают тот очевиднейший факт, что учение Маркса, став научной идеологией освободительной борьбы мирового пролетариата, впитало в себя весь международный опыт коммунистического и рабочего движения, а также исторический опыт антиимпериалистических, национально-освободительных движений непролетарских масс. Марксизм XX столетия есть марксизм-ленинизм, учение Маркса, всесторонне развитое В. И. Лениным и его продолжателями на базе нового исторического опыта эпохи империализма и социалистических революций. Устарел не марксизм, устарели «теории» об устарелости марксизма. Эту истину никак не хотят признать идеологи империалистической буржуазии. И данное обстоятельство — еще одно свидетельство того, что теории современных буржуазных идеологов принадлежат исторически изжившему себя прошлому, в то время как учение Маркса, созданное почти полтора века назад, является *современной* научной теорией в полном смысле этого слова. Не случайно даже Ж.-П. Сартр, один из крупнейших представителей

буржуазной философии XX в., несмотря на свою полемику с марксистами, признавал, что марксизм стал «горизонтом всей культуры». «Лишь марксизм,— писал он,— имеет действительную теоретическую основу: он объемлет всю человеческую деятельность... Марксизм есть аутентичная философия современной эпохи... Какими бы ни были наши мысли, они могут развиваться лишь на этой основе; они должны развиваться в рамках, очерченных марксизмом, или же деградировать, исчезнуть в пустоте» [1].

Возникновение марксизма — величайший революционный переворот в философии. Уже в начале 40-х гг. XIX в., когда Маркс, по выражению В. И. Ленина, еще только становился Марксом, т. е. лишь приступал к разработке своего учения, он решительно высказался против традиционного философствования, избегающего органической связи с коренными социально-политическими проблемами, с практической борьбой, повседневной народной жизнью. Став редактором прогрессивной «Рейнской газеты», которая под его руководством превратилась в боевой орган революционной демократии, Маркс выступил на ее страницах с философским анализом актуальных политических вопросов, открыто выражая и защищая интересы «политически и социально обездоленной массы», как он писал в одной из статей (см. 1, 125). Философия, по его словам, должна сменить аскетическое священническое одеяние на легкую и модную одежду газет. Философия не витает вне мира, подобно тому как мозг не находится вне человека, хотя он, конечно, не пребывает в желудке. Настоящая философия представляет собой живую душу культуры, духовную квинтэссенцию своей исторической эпохи. Следовательно, философам надлежит осознать свое место в общественной жизни, в борьбе народа против социальной несправедливости. «До сих пор,— иронизировал Маркс,— философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы» (1, 379).

К. Маркс самым решительным образом отвергает

[1] *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique. P., 1960, p. 16—17.

противопоставление философии практической деятельности, в особенности революционной практике. Он вскрывает также принципиальную несостоятельность противопоставления философии нефилософскому исследованию, конкретным наукам о природе и обществе. Претензия философии быть «абсолютной наукой», наукой наук в действительности свидетельствует о ненаучности философии. Чтобы сделать философию научной, необходимо сознательно связать ее с социально-политической практикой, с научным исследованием общественной жизни и законов природы. «Ничто не мешает нам, следовательно,— писал Маркс,— связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой. В таком случае, мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов» (1, 381).

В 1844 г. в статьях, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике», Маркс доводит до логического конца свою мысль о необходимости такой философии, которая была бы органически связана с борьбой против всякого гнета и эксплуатации. Он указывает на всемирно-историческую миссию пролетариата, класса, само существование которого в буржуазном обществе есть отрицание его основы — частной собственности на средства производства, ибо пролетариат — класс, лишенный средств производства. Соответственно этому Маркс определяет и смысл, проблематику, высшее назначение создаваемой им философии: стать духовным оружием освободительного движения рабочего класса. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...» (1, 428). Речь идет, конечно, о принципиально новой философии, коренным образом отличающейся от предшествующих, в том числе и прогрессивных философских учений, которые подлежат революционно-критической переработке с новых социальных позиций, с позиций пролетарской партийности.

Философы, говорил Маркс, характеризуя предшествующее философское развитие, лишь различным образом *истолковывали* мир, между тем задача состоит в том, чтобы его изменить. И философия, которую создал Маркс вместе с Энгельсом, нисколько не умаляя значе-

ние научной интерпретации природных и социальных фактов, принципиально отрицает ограничение философских задач одним лишь истолкованием существующего. Науки о природе, как известно, не только объясняют природные явления, открывая причинно-следственные связи, закономерности. Естествознание и основанные на нем прикладные науки составляют теоретическую основу преобразования природы, развития общественного производства. Почему же философы ограничивали свою задачу истолкованием существующего? Очевидно, потому, что рассматривали существующее (в том числе и существующий общественный строй) как в основе своей неизменное, соответствующее природе человека, которую они считали в принципе неизменной. Даже философы, выступавшие в качестве идеологов буржуазной революции, представляли себе социальные задачи лишь как уничтожение «извращений», несправедливых правовых установлений, преодоление заблуждений, злоупотреблений властью и т. д. Действительная сущность общественно-исторического процесса, закономерность перехода от эволюционного изменения к революционному преобразованию оставались за пределами их ви́дения.

Философское учение Маркса означало бесповоротный разрыв с этой консервативной тенденцией. «Наука,— разъяснял Энгельс,— была для Маркса исторически движущей, революционной силой» (19, 351). Именно поэтому созданная им философия, не ограничиваясь объяснением существующего, теоретически обосновывает необходимость его революционного преобразования. Это и есть отрицание философии в старом, традиционном смысле слова. Соответственно этому марксистская философия принципиально отвергает любые претензии на создание неизменной системы абсолютных, окончательных истин в последней инстанции. Научно-философское мировоззрение марксизма есть *развивающаяся* система, которая всегда находится на пути к новым идеям, открытиям и рассматривает свои положения, как и положения любой науки вообще, лишь как приблизительное отражение действительности, подлежащее дальнейшему развитию, углублению, конкретизации, уточнению.

Таким образом, марксистское отрицание предшествующей философии — философии в старом смысле слова вообще — не абстрактное, а конкретное отрицание — отрицание позитивное, диалектическое, которое удерживает, сохраняет (разумеется, в переработанном виде)

все достижения философии, достижения домарксистского материализма и диалектического способа мышления, получившего свое наиболее содержательное развитие в немецкой классической философии. Маркс и Энгельс диалектически переработали предшествующий метафизический материализм и материалистически переработали предшествующую идеалистическую диалектику. Они органически соединили материализм и диалектику — высшие достижения домарксистской философии. В рамках марксистской философии материализм и диалектика не образуют отдельных, самостоятельных составных частей научно-философского мировоззрения: материализм является *диалектическим* материализмом, диалектика — *материалистической* диалектикой. Марксистский материализм есть не только теория, но и метод, а именно материалистический метод исследования. Марксистская диалектика — не только метод, но и теория, а именно теория развития. Следовательно, то разграничение материализма и диалектики, которое столь существенным образом характеризовало домарксистскую философию, исчезает в философии марксизма благодаря их полному взаимопроникновению. Для марксизма нет и не может быть таких проблем, которые были бы лишь предметом материализма, а не диалектики или же, напротив, предметом диалектики, а не материализма.

Буржуазные и ревизионистские критики марксизма оказались неспособными постигнуть глубокий диалектический смысл марксистского отрицания традиционной философии. Эти критики уподобились тем своим собратьям, которые утверждали, что марксистское отрицание частной собственности на средства производства есть отрицание собственности вообще. Маркс разъяснял этим оппонентам, умственный горизонт которых ограничен капиталистической собственностью, что собственность вообще есть присвоение человеком вещества природы путем определенной общественной формы, в силу чего отрицание частной собственности не имеет ничего общего с отрицанием собственности вообще, т. е. необходимого условия производства и жизни людей. Такая же ограниченность (и теоретическая, и классовая) выявляется у тех буржуазных и ревизионистских критиков марксизма, которые изображают марксистское отрицание традиционного философствования как отрицание философии вообще, отречение от философского мышления. Тот факт, что диалектическое отрицание является

вместе с тем снятием отрицания (отрицанием отрицания) и, следовательно, восстановлением философии на качественно новой основе, совершенно игнорируется ими. Так, К. Каутский, считавшийся во II Интернационале самым выдающимся знатоком марксизма, писал: «Я рассматриваю марксизм не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества» [1]. Каутский не хотел видеть того, что исторический материализм есть философское учение, диалектико-материалистическое понимание истории. Такое же отрицание присущей марксизму собственной философии обосновывали и социал-демократические оппортунисты, противопоставлявшие материалистическое понимание истории философии вообще, материализму и диалектике в особенности. Э. Бернштейн «разъяснял», что материалистическое понимание истории (наличие которого в составе марксизма было бы бессмысленно отрицать) не есть материалистическое в философском смысле слова [2]. М. Адлер, видный представитель так называемого австромарксизма, отрицая вслед за Бернштейном существование философии марксизма, фактически стремился подменить диалектический материализм идеалистическим пониманием истории [3].

Теоретики II Интернационала, приписывая Марксу отрицание всякой философии, отрицали тем самым философскую, диалектико-материалистическую основу научного социализма, философский характер материалистического понимания истории. Исходя из своей мелкобуржуазной тактики, они стремились заменить материалистическое учение, доказывающее объективную

---

[1] *Kautsky K.* Ein Brief uber Marx und Mach.— Der Kampf. Wien, 1909, H. 10, S. 452.

[2] См.: *Бернштейн Э.* Теория и практика современной социал-демократии. Спб., 1906, с. 14. Социально-политический подтекст этого заявления может быть правильно понят в связи со следующим утверждением Э. Бернштейна: «Вопрос о правильности материалистического понимания истории есть вопрос об исторической необходимости и ее причинах» (*Bernstein E.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart — Berlin, 1899, S. 32). Бернштейн отрицал объективную экономическую необходимость революционного преобразования общества, не видя того, что историческая необходимость — не предустановление свыше, а реальная борьба пролетариата против капитализма, борьба, которая включает в себя не только сознание объективной необходимости, но и исторический выбор социалистического пути общественного развития.

[3] *Adler M.* Soziologie des Marxismus. Wien, 1964, Bd. 1.

необходимость социалистического переустройства общества, неокантианским «этическим социализмом», который отвергает исторический детерминизм и объявляет социалистический идеал абстрактной гуманистической идеей, моральным долженствованием, нисколько не связанным с интересами определенного класса, с революционным переустройством общества.

В свете приведенных фактов вырисовывается во всей своей громадной исторической значимости борьба В. И. Ленина за восстановление философского наследия Маркса, за дальнейшее развитие диалектического материализма. Ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» стал событием выдающегося международного значения. В этом произведении Ленин не только раскрыл внутреннее единство научного социализма и экономического учения марксизма с диалектическим материализмом, но и творчески развил философию марксизма, придав ей соответствующую новейшим открытиям естествознания историческую форму. В этой связи становится также понятным, почему Ленин, подвергая критике оппортунистические (в том числе и философские) заблуждения Г. В. Плеханова, в целом высоко оценивал философские труды этого выдающегося пропагандиста диалектического материализма. Ведь Плеханов был, по существу, единственным представителем II Интернационала, который выступил против оппортунистического отрицания существования марксистской философии, против подмены ее неокантианской идеалистической теорией, противопоставив ревизионизму систематическое изложение философии Маркса и Энгельса. «Появление материалистической философии Маркса,— писал Г. В. Плеханов,— это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» [1].

Создание исторического материализма — центральный пункт революции в философии, совершенной Марксом. В. И. Ленин подчеркивает, что, создавая свою философию, Маркс и Энгельс в первую очередь обратили внимание «на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к истории, т. е. на *достраивание* здания материалистической философии *доверху*» [2].

Может показаться непонятным, как это домарксов-

---

[1] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. В 5 т. М., 1956, т. 2, с. 450.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 255—256.

ские материалисты не выходили за границы материалистического понимания природы? Почему, переходя к рассмотрению явлений общественной жизни, они оказывались (разумеется, не сознавая этого) на позициях идеализма? Суть дела заключается в том, что материалистическое понимание природы — необходимая, но недостаточная предпосылка для материалистического понимания общественной жизни. Домарксовские материалисты вследствие своей теоретической (метафизической) и классовой ограниченности не смогли открыть *специфическую* материальную основу общественной жизни — материальное производство. Они считали основой общества природу, естественные условия существования людей, не видя того, что именно материальное производство есть специфическое, присущее только человеческому роду, единство общества и природы. И это не статическое, неизменное единство, а динамически развивающийся процесс: человек в ходе своей истории изменяет внешнюю природу и тем самым изменяет и свою собственную, человеческую природу. Не существует неизменной человеческой природы: это допущение домарксовской философии (как материалистической, так и идеалистической) было полностью опровергнуто марксизмом. Тем самым была создана теоретическая основа для понимания истории человечества как истории *развития* человечества, общественного развития. Основные качественно различные эпохи этого развития Маркс определил посредством понятия «общественно-экономическая формация».

Домарксовские материалисты противопоставили идеалистическому истолкованию истории человечества правильный тезис: люди сами творят свою историю. Однако если вдуматься в это положение, то оно окажется не столь уж простым, само собой разумеющимся. И действительно, как это возможно, чтобы люди сами творили свою историю, если ни внешняя, окружающая их природа, ни их собственная, человеческая природа не зависят от их сознания и воли? Ответ на этот в высшей степени важный вопрос дало лишь материалистическое понимание истории.

Исторический материализм доказал, что ни природа вне нас, ни наша собственная, человеческая природа не определяют характера общественной жизни, изменения, развития общества, движущих сил исторического процесса. Определяющей основой общественной жизни и

всей истории человечества является поступательное развитие материального производства.

Домарксовские мыслители, конечно, сознавали, что люди не могут существовать без производства материальных благ. Однако производство представлялось им какой-то внешней необходимостью, а не тем, что внутренне присуще человеческому существу, без чего человек вообще не был бы человеком, несмотря на свое биологическое отличие от всех других животных. То понимание производства, которое обосновывалось классиками буржуазной политической экономии, также не выходило за пределы этих мировоззренческих представлений. Марксизм же обосновал не только экономическое (и историческое), но и философско-социологическое понимание производства. Это не только производство вещей, но и производство общественных отношений, потребностей и в конечном счете производство самого человека как члена общества.

К. Маркс революционизировал понятие производства, научно раскрыв его диалектическую природу, единство человеческой деятельности и ее объективных условий, в рамках которых совершается производство. Общественно-исторический процесс был впервые понят как субъект-объектная реальность, в которой субъективное (человеческая деятельность) превращается в объективное — условия человеческой деятельности. Это значит, что объективное представляет собой не только изначальное, дочеловеческое, природное условие общественной жизни. Существует также объективное, которое создается самим человечеством, т. е. созданная людьми «вторая природа». Условия человеческого существования, будучи определяющими условиями, являются, и притом во все возрастающей степени, результатом человеческой деятельности. Люди не свободны в выборе своих производительных сил, поскольку они составляют результат трудовой деятельности всех предшествующих поколений людей, но в той мере, в какой каждое данное поколение развивает производительные силы (темпы этого развития постоянно ускоряются в ходе всемирной истории), оно определяет состояние общества, возможности, перспективы социального прогресса.

Понятие производительных сил существовало до Маркса, в учении классиков английской политической экономии. Однако эти выдающиеся ученые не имели ни малейшего представления о *социальной форме* развития

производительных сил, которые, по существу, сводились ими к средствам производства. Они, конечно, знали, что в прошлом существовали рабовладение, крепостничество, но не связывали непосредственно эти отношения с производительными силами, оценивая их просто как неправильные юридические установления. Только Маркс открыл в этих исторических формах эксплуатации и порабощения трудящихся реальное, исторически неизбежное экономическое содержание, доказал, что они представляют собой общественные отношения производства, соответствующие определенному, исторически преходящему уровню прогрессивно развивающихся производительных сил. С позиций материалистического историзма Маркс исследовал экономическое развитие капитализма и доказал, что и этот способ производства также является исторически преходящим.

«Производственные отношения» — важнейшее понятие исторического материализма. Оно позволяет выявить внутреннюю, органическую связь между развитием материального производства и развитием всей совокупности общественных отношений. Из всего многообразия общественных отношений Маркс выделил производственные отношения, общественные отношения производства, которые не следует смешивать с технико-технологической организацией производственного процесса, различной на предприятиях разного профиля или технического оснащения. Производственные отношения — не только форма развития производительных сил: они определяют все другие формы общественных отношений. Совокупность производственных отношений образует экономическую структуру общества, его экономический базис, который обусловливает в конечном итоге, т. е. посредством различных промежуточных форм организации, взаимодействия людей, политическую, правовую, идеологическую надстройку общества. Отсюда понятно, почему на смену первобытнообщинному обществу, не знавшему частной собственности на средства производства, классов, эксплуатации, пришел рабовладельческий способ производства, который в свою очередь уступил место феодальным производственным отношениям, соответствовавшим более высокому уровню производительных сил, который сделал необходимым и переход к более прогрессивной исторической форме эксплуатации. Нетрудно, далее, также понять, почему феодальная общественно-экономическая формация была

вытеснена более прогрессивным, капиталистическим строем, заменившим личную зависимость трудящихся от эксплуататоров (внеэкономическое принуждение) отношением экономической зависимости лишенных средств производства пролетариев от собственников средств производства, капиталистов.

Классическая буржуазная политическая экономия рассматривала капиталистическое производство как соответствующее якобы неизменной природе человека и, следовательно, не подлежащее изменению. В противоположность этой классово ограниченной идеологической концепции Маркс *экономически* обосновал необходимость перехода от капитализма к социализму: ведь уже в ходе развития капиталистического производства, посредством концентрации и централизации капитала, происходит обобществление средств производства. Социалистический строй, уничтожающий капиталистическую собственность, есть революционное продолжение этого процесса, создающее необходимые предпосылки для всестороннего развития производительных сил, и прежде всего главной производительной силы — человека труда. Маркс писал: «...производительные силы и общественные отношения — и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида...» (46, ч. II, 214).

Создание марксистской политической экономии, превращение социализма из утопии в науку, экономическое обоснование исторической неизбежности социалистического переустройства общества — все это стало возможным благодаря материалистическому пониманию истории, революционному перевороту в философии, осуществленному марксизмом.

Философия марксизма покончила с абстрактным противопоставлением личности и общества, человеческой деятельности и предшествующих ей условий, свободы и необходимости, субъективного и объективного вообще. Люди в такой же мере являются продуктами объективных социальных условий, в какой они сами эти условия создают. Обе стороны этого диалектического отношения одинаково существенны, и правильное понимание их противоречивого единства исключает как фатализм, так и волюнтаризм, позволяя научно оценить роль объективных и субъективных факторов в общественном развитии. Противники марксизма, приписывающие его основоположникам опровергнутую ими фатали-

стическую интерпретацию всемирной истории, не способны понять, что объективная историческая необходимость есть единство живой и объективированной деятельности людей. Наглядным выражением последней являются производительные силы, созданные людьми материальные условия их существования вообще, все богатство человеческой культуры. Следовательно, человечество само создает объективные условия, которые определяют его развитие, исторические судьбы. И именно поэтому человечество, как говорил Маркс, никогда не ставит перед собой неосуществимых задач.

Единство между живым и объективированным (овеществленным) трудом специфически характеризует структуру производительных сил. Их развитие предполагает возрастание массы овеществленного труда, вследствие чего живой труд приводит в движение все большую массу средств производства, его производительность поступательно возрастает. Это создает объективные условия не только для господства человека над стихийными силами природы, но и для человеческого господства над общественными отношениями, которые в эпоху, предшествующую социализму, господствовали над людьми подобно стихийным разрушительным силам природы.

Развитие производительных сил, ускорение социального прогресса, постоянное увеличение массы эксплуатируемых и угнетенных, развитие классовой борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, осознание эксплуатируемыми своих классовых интересов — все это, как свидетельствует исторический опыт, означает вместе с тем возрастание роли трудящихся в развитии общества. Анализируя эту тенденцию, основоположники марксизма приходят к следующему выводу, предвосхищающему основные черты современной эпохи: «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» (2, 90). Эта истина в наибольшей степени относится к социализму именно потому, что он есть сознательно организуемое и планомерно развивающееся общество. Отсюда понятно, почему решающую роль в деле ускорения социально-экономического развития общества призван сыграть человеческий фактор — сознательная, активная, организованная деятельность миллионов трудящихся в условиях радикально перестроенной системы хозяйствования и управления, адекватно

выражающей сущность социалистического общественного строя, т. е. живое творчество масс, постоянно развивающаяся вширь и вглубь демократия.

В 1984 г. М. С. Горбачев подчеркнул, что идея основоположников марксизма о возрастающей роли человеческого фактора особенно актуальна в современных исторических условиях. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду это важнейшее положение марксизма получает дальнейшее развитие и конкретизацию. Возвращаясь к этому положению в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, М. С. Горбачев указывает, что «по всем параметрам — экономическим, политическим, общественным — мы можем видеть, как в современном мире повсеместно оправдывается положение, которое Ленин считал одним из самых глубоких в марксизме, а именно: вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является. А это всегда — самый верный признак и самый мощный фактор социального прогресса, а значит, и мира»[1]. Таким образом, речь идет об одной из основных социологических закономерностей, действие которой все более усиливается в современную эпоху.

XXVII съезд КПСС во весь рост поставил вопрос о путях и средствах активизации человеческого фактора как непременном условии радикальной реформы, революционного обновления нашего общества. Речь идет не только о реформе хозяйственного механизма, управления, планирования. Важнейшей предпосылкой подъема социальной активности трудящихся является демократизация всей нашей жизни, последовательная борьба с бюрократизмом, подавляющим социалистическую самодеятельность. В этой связи следует вдуматься в чрезвычайно важное положение Маркса, которое должно быть осмыслено в полном объеме его подытоживающего громадный исторический опыт содержания: «Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования» (4, 297).

Для того чтобы каждый трудящийся отдавал делу все свои способности, необходимо действенное, оптимальное, очевидное для каждого труженика сочетание личных и общественных интересов, интересов трудовых

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 54.

коллективов, интересов различных социальных групп с общенародными, общегосударственными интересами. Отношение к труду на современном этапе развития социалистического общества определяется не только сознательностью. Без учета материальных интересов, потребностей участников общественного производства, без все более полного удовлетворения этих потребностей нельзя решить задачи достижения высшей по сравнению с капитализмом производительности труда. Отклонения от социалистических принципов распределения, хозяйствования, управления могут порождать и порождают такие чуждые социализму факты, как трудовая и социальная пассивность, скрытые формы перераспределения материальных благ и даже моральный нигилизм. Было бы политической близорукостью или, хуже того, лицемерием оценивать такого рода негативные явления просто как пережитки капитализма, не имеющие корней в условиях социалистического общества. XXVII съезд КПСС объявил решительную войну всем антисоциальным явлениям, возникающим то тут, то там на современном этапе развития общества. Развитие гласности, критики и самокритики, повышение роли трудовых коллективов, совершенствование социалистических форм самоуправления, наряду с перестройкой всей системы хозяйствования и управления,— все это необходимые условия и формы активизации человеческого фактора, а следовательно, и формы решения важнейшей задачи ускорения социально-экономического развития нашего общества.

Итак, Маркс и Энгельс начали великий революционный переворот в философии с достраивания материализма «доверху», с создания материалистического понимания истории, характеризуя которое В. И. Ленин говорил о «социальном (или историческом) материализме»[1]. В ходе последующего развития своего философского учения основоположники марксизма показали, что созданная ими диалектико-материалистическая теория развития подтверждается не только историческим опытом человечества, но и достижениями естествознания, которое в середине XIX в. обосновало закономерное превращение форм движения материи друг в друга (а тем самым и самодвижение материи), установило факт внутреннего, органического единства всех живых существ

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 545.

(клеточная теория) и убедительно объяснило происхождение и развитие видов животных и растений, опровергнув метафизическую и телеологическую концепцию неизменности видов. Благодаря этому диалектико-материалистическое понимание общественной жизни и диалектико-материалистическое понимание природы образовали единое научно-философское мировоззрение марксизма.

Философское обобщение достижений естествознания было, как известно, главным образом результатом исследований Энгельса, который, занимаясь проблематикой естествознания, постоянно советовался с Марксом, как свидетельствует об этом их переписка, начиная с середины 50-х гг. XIX в. «Анти-Дюринг», в котором Энгельс впервые изложил марксистское, диалектико-материалистическое понимание великих открытий естествознания XIX в., был прочитан в рукописи Марксом; причем автор «Капитала» принял также непосредственное участие в создании «Анти-Дюринга», написав для него одну главу. Тем не менее буржуазные критики марксизма, отрывая марксистское философское понимание общественной жизни от диалектико-материалистической интерпретации природы и отрицая тем самым целостный характер научно-философского мировоззрения марксизма, тщатся противопоставить Маркса Энгельсу, пытаясь доказать, что марксизм как учение Маркса не имеет никакого отношения к философской проблематике наук о природе. Энгельс, заявляет, например, западногерманский критик марксизма Т. Ханак, «в высшей степени расширил первоначальное материалистическое понимание истории, превратив его тем самым в мировоззрение» [1]. У Маркса, по мнению этого автора, вообще-де не было мировоззренческого учения. «Если он и говорил о бытии, то почти исключительно об общественном бытии в его противоположности общественному сознанию, надстройке, идеологии. В традиционных учениях о бытии он видел лишь пустые спекуляции, выдаваемые за высшее знание о бытии» [2]. Т. Ханак пытается создать впечатление, что Энгельс будто бы возродил традиционные учения о бытии, несмотря на то что Энгельс систематически критиковал эти учения, и притом не только их идеалистическую разновидность, но и метафизиче-

[1] *Hanak T.* Die Entwicklung der marxistischen Philosophie. Basel — Stuttgart, 1976, S. 16.
[2] Ibid., S. 25.

ский материализм, поскольку он ограничивался абстрактными рассуждениями о первоматерии, субстанции и т. д. Ханак, как и другие критики марксизма, безосновательно противопоставляет исторический материализм диалектико-материалистическому пониманию природы, как будто общество существует за пределами природы, как будто законы природы не действуют в процессе производства, которое в этом смысле является социоприродным процессом.

Противопоставление Маркса Энгельсу имеет своей целью разрушение целостности, единства марксистской философии, а в конечном счете и отрицание самого ее существования, о чем уже говорилось выше. Ясно, почему английский антимарксист М. Харингтон утверждает, что Энгельс «был изобретателем всеобъемлющей теории общества и природы, названной диалектическим материализмом, теории, которую нельзя обнаружить в сочинениях Маркса даже в качестве кратковременного отступления от его воззрений» [1].

Всякий, кто хоть немного знаком с историей марксизма, знает, что такого рода извращения составных частей его философии имеют весьма длительную историю. Они начались вскоре после смерти Маркса. Еще Энгельс в конце своей жизни иронизировал над беспочвенными рассуждениями о том, что он-де увлек Маркса на путь философии, который Маркс якобы самым решительным образом отвергал. Энгельс писал по этому поводу: «Побасенка о злом Энгельсе, соблазнившем доброго Маркса, повторялась с 1844 г. бесчисленное множество раз...» (36, 12). В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», разоблачая российский и международный философский ревизионизм, глубоко раскрыл единство воззрений Маркса и Энгельса по всем вопросам созданной ими философии, единство диалектического материализма и материалистического понимания истории, которые просто немыслимы друг без друга, если, конечно, последовательно придерживаться принципов марксизма, а не толковать их вкривь и вкось, как это делают его противники.

К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно подчеркивали: наше учение не догма, а руководство к действию. И это относится не только к политической экономии марксизма, его социалистическому учению, но и к его филосо-

[1] *Harrington M.* The Twilight of Capitalism. N. Y., 1976, p. 76.

фии, которая положила конец несостоятельным стремлениям предшествующих философов создать неизменную систему абсолютных истин, независимую от исторически развивающегося и изменяющегося знания, составляющего содержание наук о природе и обществе. И эта сторона революционного переворота в философии, осуществленного марксизмом, абсолютно непонятна его идеологическим противникам, которые держатся за изжившие себя, дискредитированные историческим опытом и достижениями конкретных наук философские традиции. Вот почему тот же Т. Ханак заявляет: «Никто не знает наверняка, какова окончательная форма марксизма, какие философские тезисы составляют эту окончательную форму» [1]. Этому незадачливому критику философии марксизма, пытающемуся оценивать ее, руководствуясь домарксистскими представлениями об окончательных философских истинах в последней инстанции, невдомек, что развитие марксистской философии, как и марксизма в целом, никогда не завершается, никогда не завершится, никогда не станет его историческим прошлым. Разработанное в философии марксизма учение о неразрывном единстве объективности и относительности истины, о единстве, взаимообусловленности абсолютной истины и истин относительных непосредственно применимо и к ее собственному содержанию. Поэтому, в частности, Энгельс выступал против приписывания абсолютного значения «отдельным положениям Маркса, которые последний выдвигал только как *относительные,* как правильные только при определенных условиях...» (39, 69—70). Энгельс предупреждал, что учением марксизма, его диалектическим методом нельзя пользоваться в качестве шаблона, отмычки к решению конкретных вопросов, предполагающему их столь же конкретное исследование, в котором марксизм, его мировоззрение и методология служат руководящей нитью.

Марксистско-ленинская философия является глубочайшим научным обобщением всемирно-исторического процесса. И это особенно значимо в современную эпоху, когда решение глобальных, общечеловеческих проблем жизненно необходимо для всех народов и государств. Маркс в своем теоретическом анализе развития общества впервые установил различие между всемирной ис-

[1] *Hanak T.* Die Entwicklung der marxistischen Philosophie, S. 1—2.

торией и историей человечества. Последняя начинается со времени антропогенеза, т. е. с возникновения человеческого существа, но это не есть еще всемирная история. «Всемирная история,— писал он,— существовала не всегда; история как всемирная история — результат» (46, ч. I, 47). И действительно, в течение многих тысячелетий не только население различных континентов земного шара, но и народы, населявшие каждый из этих континентов, почти не общались друг с другом; сплошь и рядом они даже не имели представления о существовании других народов. Возникновение и развитие капитализма, образование мирового рынка, международное разделение труда, возникновение более совершенных транспортных средств, чем те, которыми располагало средневековье, положили начало взаимозависимости народов, а тем самым и всемирной истории. Индустриализация, развернувшаяся в ходе развития капиталистической формации, «впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран» [1]. Стимулируемое капитализмом развитие производительных сил в последующую эпоху еще более углубило, усилило взаимозависимость народов, которая стала одним из основных условий социально-экономического и научно-технического прогресса. Победа социализма в СССР, образование мировой социалистической системы не только не отменяют исторически сложившегося международного разделения труда, обусловленного в значительной степени географическими особенностями и естественными ресурсами, различными в разных странах, но еще более стимулируют интернационализацию экономики и культуры.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т. М., 1985, т. 2, с. 56—57. Развивая эту мысль в «Манифесте Коммунистической партии», основоположники марксизма отмечали: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» (4, 428). Это писалось 140 лет назад. Интернационализация материального и духовного производства с тех пор достигла громадного, очевидного для всех развития. Все государства, независимо от разделяющих их социально-экономических систем, образуют противоречивый и вместе с тем единый мир человечества, существующего на одной и той же планете. У всех землян в этом смысле общая судьба.

К. Маркс, прогнозируя будущее, писал свыше 100 лет назад о том времени, когда рабочий класс выступит «не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне» (16, 373). Маркс гениально предвидел и научно обосновал объективную закономерность, в соответствии с которой на смену капиталистическому строю «с его экономической нищетой и политическим безумием» с необходимостью, обусловленной экономическим и социально-политическим развитием, придет «новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*» (17, 5). Можно сказать без преувеличения, что с победой социализма в нашей стране, с утверждением социализма в ряде других стран земного шара, с развитием социалистического движения пролетариата в капиталистических странах, с антиимпериалистическим движением бывших колониальных народов, которые ведут упорную борьбу против неоколониализма, эпоха, о которой говорил Маркс, становится осязаемой исторической реальностью. Всемирно-историческое значение этого факта невозможно переоценить. Ведь именно в наше время великие достижения науки и техники создали, с одной стороны, наиболее благоприятные материальные предпосылки для всемерного удовлетворения материальных и духовных потребностей населения земного шара, но, с другой стороны, поскольку империализм превращает эти достижения в средства массового уничтожения, угрожающие самому существованию человечества, проблема мира на Земле, предотвращения ядерной катастрофы стала важнейшей общечеловеческой проблемой, одинаково важной для всех народов и государств, независимо от различия социально-экономических и политических систем. Как подчеркнул М. С. Горбачев в речи на встрече в Кремле с участниками международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества» в феврале 1987 г., во всех делах человеческих ни на минуту нельзя забывать о доминирующем ныне над всем противоречии — между войной и миром, между существованием и небытием человечества. Необходимо ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами. Необходима новая философская концепция настоящего и будущего человечества, кон-

цепция, решительно преодолевающая милитаристское мышление и все связанные с ним стереотипы и догмы, унаследованные от безвозвратно ушедшего прошлого. Еще раньше с трибуны XXVII съезда КПСС М. С. Горбачев обратился ко всем народам мира со словами, которые не могут не затронуть людей, обеспокоенных историческими судьбами человечества, его настоящим и будущим. «В нынешний тревожный век наша социальная и, я бы сказал, жизненная стратегия нацелена на то, чтобы люди берегли планету, небесное и космическое пространство, осваивали его как новоселы *мирной* цивилизации, очистив жизнь от ядерных кошмаров и до конца раскрепостив для целей созидания, и только созидания, все лучшие качества такого уникального обитателя Вселенной, как Человек» [1]. В этих словах Генерального секретаря ЦК КПСС красноречиво и глубоко выражен реальный гуманизм марксизма-ленинизма, та основная его черта, которая делает социалистическую идеологию подлинной основой общественного сознания человечества, того человечества, которое рано или поздно станет единым, свободным, полновластным хозяином своей исторической судьбы.

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 97.

Раздел I

ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСА

1. ДИАЛЕКТИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАРКСИЗМА

О периодизации формирования марксизма

Возникновение марксизма — диалектически противоречивый процесс. Ясны основные линии восхождения мысли Маркса: от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму. Но ясно также, что это были линии не прямые и не плавные, а сложные, с резкими поворотами и крутыми подъемами. Линии восхождения к новому мировоззрению образуют специфические проблемные «узлы», связывающие воедино различные, дотоле обособленные области мысли и деятельности, в силу чего сам процесс формирования взглядов Маркса обретает от этапа к этапу все большую цельность.

Между тем на каждом отрезке своего идейного развития Маркс, мыслитель и политический деятель, выступал как исключительно цельная личность. Каждому этапу формирования его взглядов присуща своеобразная целостность, свой «круг идей», говоря словами В. И. Ленина [1]. Но переходы от одного круга идей к другому были связаны с возникновением определенных противоречий и напряженной работой по их преодолению.

Стержень этой работы, вокруг которого и возникали связующие «узлы», составляло исследование фундаментальных проблем, сама природа которых требовала комплексного их рассмотрения, таких, как проблема соотношения общих и частных интересов людей, проблема отчуждения и др. Маркс сумел очень рано нащупать эти проблемы, обнаружить связь между ними, выявить лежащие в их основе глубинные, сущностные противоречия и, наконец, найти практические средства их разрешения. Разумеется, ему это далеко не сразу удалось сделать в адекватной форме, так что в его трудах можно просле-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 8.

дить историю не только решения тех или иных проблем, но и самой их постановки.

Изучение истории возникновения и развития марксизма — замечательная школа творческого подхода к насущным проблемам теории, важнейшая предпосылка той атмосферы творчества, которую партия ныне утверждает во всех областях жизни. Обращение к истокам марксизма позволяет конкретнее представить изначально критический характер научного мировоззрения, его теснейшие связи с революционной практикой, выяснить стержневые вопросы, решение которых требовало и обеспечивало целостность марксизма и его составных частей.

В соответствии с периодизацией исторического процесса формирования марксизма, данной В. И. Лениным в статье «Карл Маркс»[1], правомерно выделить следующие три основных этапа:

— первоначальные поиски научно-философского мировоззрения, становление революционного демократизма (1837—1842 гг.);

— начало перехода от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму (1842—1843 гг.);

— формирование исходных положений целостного научно-философского и коммунистического мировоззрения (1843—1844 гг.).

Первый этап

Его отличительная особенность — просветительски-гуманистическая направленность, перерастающая в революционный демократизм.

Еще в ранней юности Маркс проникся гуманистическим духом Просвещения. Это обнаруживается уже в первом из сохранившихся литературных произведений Маркса — стихотворении «Карл Великий», датированном 1833 г. (см. 40, 586). Спустя два года, в августе 1835 г., в гимназическом сочинении на тему «Размышления юноши при выборе профессии» Маркс связывает смысл жизни с деятельностью во имя интересов и счастья всего человечества: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...» (40, 7). Этот девиз Маркс с честью пронес через всю жизнь.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 82.

После окончания гимназии юноша еще не знал, какого рода профессию предпочесть: ту ли, которая «вторгается в самую жизнь», или же ту, которая занимается «абстрактными истинами». Его влекли и теория, и практика, и с этим связана многогранность его поисков концепции мира, начавшихся в Боннском (1835—1836 гг.) и интенсивно продолжавшихся в Берлинском университете (1836—1841 гг.).

Право и философия, логика и история, поэзия и политика — вот лишь основные области интересов юного Маркса в студенческие годы. Но за этой внешней разбросанностью есть внутренняя логика: от стремления выработать единый философский взгляд на всю область права Маркс переходит к усвоению гегелевской философии (в младогегельянской ее интерпретации), а затем — к исследованию взаимоотношений между философией и общественной жизнью.

В докторской диссертации, посвященной, казалось бы, сугубо историко-философской теме — «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура»,— Маркс выясняет двойственность указанного соотношения: философия активно воздействует на мир, преобразует его согласно своим принципам, но и сама при этом испытывает его воздействие, обмирщается. Эта двойственность выражается в расколе носителей философского сознания на два противоположных направления. Такая поляризация философии — свидетельство ее жизненности, и это относится не только к послеаристотелевскому, но и к послегегелевскому периоду. Иными словами, борьба младогегельянцев против «ортодоксов» есть активный фактор преобразования немецкой действительности.

Такое понимание исторического процесса было в своей основе идеалистическим, во многом воспринятым от Гегеля. Тем не менее уже в докторской диссертации Маркса обнаруживаются тенденции, подготавливавшие выход за пределы идеализма: открытие им «энергетического принципа», свойственного атомизму Эпикура, атеистическая направленность диссертации и др. [1]

Получив в 1841 г. диплом доктора философии, Маркс намеревался стать преподавателем Боннского университета. Но репрессии прусского правительства против мла-

---

[1] Подробнее см.: *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1986, гл. 1.

догегельянцев разрушили эти намерения, ускорили переход Маркса к активной политической, прежде всего журналистской, деятельности. Проблема свободы печати — центральная тема первых его статей в «Рейнской газете» в 1842 г.

Вначале Маркс мастерски применил логику как инструмент анализа политики, разоблачая мнимый либерализм правительства. Последующее изучение дебатов рейнского ландтага о свободе печати побудило его вполне определенно встать на защиту политических интересов трудящихся, против корыстных интересов крупных собственников. В мае 1842 г. он уже отчетливо понимает необходимость революционного изменения существующего строя и призывает бороться за свободу «не только копьями, но и топорами» (см. 1, 84). К этому времени Маркс уже сформировался как революционный демократ.

Эта революционно-демократическая ориентация выявила новые грани интеллектуальной одаренности Маркса. Если и раньше его друзья видели в нем синтез гениальных дарований Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, то теперь они обнаружили еще и талант проницательного политика и страстного революционера. Отныне революционная целеустремленность стала стержнем помыслов и поступков многогранной личности Маркса, позволивших осуществить выпавшую на его долю титаническую работу.

Второй этап

Важнейшее содержание этого этапа составляет переход к материализму и коммунизму, а конкретный механизм этого перехода заключался во *взаимодействии* философских, политических, исторических и правовых воззрений Маркса.

Став редактором «Рейнской газеты», Маркс оказался перед необходимостью дать ответы на новые сложные вопросы. Прежде всего ему пришлось высказать свое отношение к идеям тогдашнего утопического коммунизма, которые все чаще обсуждались на страницах газеты. Он откровенно признал, что не располагает необходимыми данными для определения своей позиции, и вместе с тем выступил против поверхностных оценок. Он уже сознавал, что коммунистические идеи — не просто литературное явление, а выражение интересов сословия, «которое в настоящее время не владеет ничем...». Проблемы коммунизма — это такие проблемы, «над разрешением которых работают *два* народа» — французский и англий-

ский, и уже по одному этому заслуживают упорного и углубленного изучения (см. 1, 115, 116).

В конце 1842 г. Маркс уже публично заявил, что выступает «в интересах бедной, политически и социально обездоленной массы...» (1, 125). Интересы этой массы побуждали его выяснить фактическое *соотношение между частной собственностью и государством,* призванным выражать интересы общества в целом. Анализ дебатов рейнского ландтага по поводу проекта закона о краже леса показал, что на практике интерес частной собственности подчиняет себе все сферы общественной жизни: государство, право, мораль, саму логику мышления. Вместо того чтобы государство подчиняло частный интерес разумным интересам всего общества, «все делается навыворот», «частный интерес стремится низвести и низводит государство до роли средства частного интереса...» (1, 137—138).

Этот вывод нуждался в более детальном анализе и обосновании. Объектом такого анализа стало бедственное положение виноделов мозельского края. В декабре «Рейнская газета» опубликовала корреспонденции из Мозеля, в которых вина за это положение возлагалась на правительство. Обер-президент провинции потребовал от редакции опровержения или доказательства обвинений. Тогда Маркс сам взялся за подготовку доказательств, решив превратить полемику с обер-президентом во всенародное обсуждение основ прусского государства. Проанализировав большой фактический материал, он написал три статьи, две из которых были напечатаны в газете, а третья запрещена цензурой. Однако начало этой статьи сохранилось. «Мы начнем прежде всего с фактов...— писал Маркс,— которые не только характеризуют внутреннее хозяйство общины, но интересны с точки зрения того способа, каким правительство осмысливает свое место в отношении подчиненных ему чиновников и властей» [1].

Здесь мы подошли к очень важному, в известном смысле поворотному моменту в духовном развитии молодого Маркса: он начинает принципиально иначе относиться к фактам действительности, используя их уже не в качестве иллюстративного материала, а как достоверную основу, нуждающуюся в критическом осмыслении.

---

[1] Marx — Engels — Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abt., Bd. 1. B., 1975, S. 324.

Происходит дальнейшее развитие самого метода марксова исследования. Принципиальное значение для этого развития имеет то, *как Маркс соединяет факты и теорию.*

С одной стороны, факты теперь он воспринимает как достоверную *эмпирическую основу* для теоретических обобщений: «...мы хотим строить все наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме...» (1, 199). С другой стороны, «обобщенная форма» есть не просто суммирование фактов, а прежде всего их критический анализ, направленный на выяснение причинных связей между фактами, на раскрытие глубинных, сущностных оснований эмпирической действительности. Этот анализ оказывается одновременно критикой и самих фактов, и имеющихся теоретических их объяснений, и всей существующей системы общественных отношений.

Критическая направленность теоретического осмысления фактов хорошо видна на примере анализа Марксом порядка действий прусских чиновников в отношении жалоб населения. Этот анализ позволил ему столь глубоко раскрыть законы бюрократической иерархии, что сделанные им выводы до сих пор представляют большой интерес.

Исходным пунктом анализа Маркс взял документально зафиксированный типичный факт: в ответ на жалобы мозельских виноделов правительство поручило одному из чиновников разобраться в существе жалоб, чиновник пришел к выводу, что жалобщики искажают положение, которое-де вовсе не так плохо, а если и ухудшилось, то в этом виноваты сами жалующиеся. Однако Маркс приводит цифры, свидетельствующие, что не частные лица, а государственный чиновник извратил действительность. В чем *причина* этого извращения? Ответ на этот вопрос он ищет в характере отношений внутри прусского государственного аппарата. Маркс констатирует, что это отношения бюрократической иерархии, основной принцип которой — разделение всех принадлежащих к ней лиц на четко очерченные группы, каждая из которых занимает строго определенное место в иерархической пирамиде: подчиняется вышестоящим группам и, в свою очередь, требует неукоснительного подчинения от нижестоящих групп. Ни один чиновник не может изменить эти принципы, а может лишь применять их, изменяя в соответствии с ними сами объекты управления.

Таковы *объективные отношения* внутри бюрократии,

прочными узами связывающие все ее элементы в единое целое. Они дополняются оправдывающей их *теорией,* «согласно которой граждане государства делятся на две категории — на категорию активных, сознательных граждан, которые управляют, и пассивных, несознательных граждан, которыми управляют...» (1, 202). Необходимым дополнением этой теории является взгляд, будто начальство все и всегда знает лучше подчиненных. Это, в сущности, соответствует гегелевской философии права, хотя в этих статьях Маркс ее не упоминает.

Окруженные ореолом теоретической святости, законы бюрократической иерархии служат той реальной основой, которая определяет враждебное отношение чиновников к управляемому организму, т. е. к населению. С неизбежностью, независимо от добрых намерений тех или иных лиц, отношение отдельного чиновника, как и всего бюрократического аппарата, к населению характеризуется тем, что «он, с одной стороны, будет находить положение далеко не таким бедственным, а с другой стороны, если он даже и находит его бедственным, то будет искать причины этого *вне* сферы управления,— отчасти в явлениях природы, не зависящих от человеческой воли, отчасти в условиях частной жизни, не зависящих от администрации, отчасти в случайностях, ни от кого не зависящих» (1, 202). Поэтому бороться надо не против отдельных чиновников или отдельных органов власти, а против всей системы существующих в Пруссии общественных отношений.

В своих статьях в защиту мозельских крестьян Маркс сделал два выдающихся обобщения: первое — фундаментально-теоретическое, второе — революционно-политическое:

— существуют объективные по своей природе *«отношения,* которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания» (1, 192) (Маркс выделяет три ряда таких отношений: отношения между сферой частных интересов и государством; отношения внутри «организма управления»; отношение к прессе и внутри ее);

— *«бедственное положение примозельского края* является одновременно и *бедственным положением управления»* (1, 205), следовательно, необходима борьба не с отдельными нерадивыми чиновниками, а со всей системой существующих в Германии общественных отношений.

Эти выводы тесно взаимосвязаны: материалистически ориентированный анализ эмпирических фактов здесь органически соединяется с революционными практически-политическими идеями. Как проницательно заметил В. И. Ленин, в статьях в «Рейнской газете» «намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму»[1]. Правда, этот переход пока не вполне сознавался самим Марксом и представлял собой одно из проявлений воздействия условий общественной жизни на мировоззрение мыслителя. Основное средство борьбы против государства и всей системы общественных отношений он по-прежнему усматривал в свободной прессе.

В начале 1843 г. прусское правительство совершило крутой поворот к реакции и разгромило свободную прессу. Запрещена была и «Рейнская газета», несмотря на широкий по тем временам протест населения — около двух тысяч рейнцев подписали петицию протеста королю. Рухнули мечты младогегельянцев о возможности осуществить идеал разумного государства с помощью либеральной печати. Отсюда Б. Бауэр и другие «свободные» сделали вывод, что «дух» напрасно связал себя с «массой» и что отныне главным субъектом исторических преобразований должна стать «критически мыслящая личность».

К. Маркс, напротив, увидел некоторый прогресс в самом поражении — прогресс политического сознания народа, которое приобрело опасность для правительства. В новых условиях он стал искать прежде всего новые средства массовой борьбы, приступил к переосмыслению ее теоретических основ. Накапливавшиеся в его воззрениях сомнения в идеализме, элементы материализма перерастали в сознательную ориентацию на материалистические принципы.

В этом не в последнюю очередь сказалось влияние идей Л. Фейербаха. Как ни парадоксально, но лишь после появления «Предварительных тезисов к реформе философии» (1842 г.) большинство младогегельянцев впервые начинают воспринимать Фейербаха именно как материалиста (к его «Сущности христианства» относились как к одному из атеистических произведений «философии самосознания»). Отношение к Фейербаху-матери-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 82.

алисту было либо негативным (Б. Бауэр), либо ученическим (А. Руге, М. Гесс). Маркс же, позитивно восприняв материалистические взгляды Фейербаха, одновременно выразил неудовлетворение тем, что «он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» (27, 375).

Весной и летом 1843 г. Маркс предпринял попытку применить принципы материализма к критике взглядов Гегеля, изложенных им в «Философии права». В результате появилась рукопись «К критике гегелевской философии права», где многопланово запечатлен *сознательный переход Маркса на позиции материализма:* это и радикальное преодоление идеализма Гегеля, и сознательное усвоение материалистических идей, воспринятых прежде всего под влиянием философии Фейербаха, и преодоление антропологической ограниченности его материализма, соединение материализма с диалектикой в процессе анализа широкого спектра проблем общественной жизни: исторических, социальных, политических, правовых. *Диалектический и исторический материализм возникал как единое целое.*

Как начинался этот процесс? Какой круг проблем обеспечивал изначальную целостность новой философии? Эти вопросы имеют особую актуальность в настоящее время, когда диалектический и исторический материализм оказались как бы разделенными.

Дело в том, что *исходной для Маркса была проблема субъекта исторического процесса:* эта проблема находилась в центре интересов Маркса и как революционера, и как философа, преодолевавшего идеализм Гегеля. Анализ первых же параграфов раздела «Внутреннее государственное право» гегелевской «Философии права» позволил Марксу заключить, что у Гегеля «идея превращается в самостоятельный субъект, а *действительное* отношение семьи и гражданского общества к государству превращается в *воображаемую внутреннюю* деятельность идеи», более того, «Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле... превращает в предикат» (1, 224, 228).

Вскрыв этот коренной порок гегелевского хода мыслей и перевернув идеалистическую конструкцию с головы на ноги, Маркс делает противоположный вывод: «Семья и гражданское общество *сами себя* превращают в государ-

ство. Именно они являются движущей силой» (1, 225). А поскольку сами они состоят из индивидов, то следует исходить «из действительных субъектов в качестве базисов государства...» (1, 244). Но при этом речь идет не об абстрактном индивиде, а о новом понимании сущности человека, усматриваемой не в его антропологических характеристиках, а в его *«социальном качестве»* (см. 1, 242).

Содержание же социальных качеств человека исторично. Опираясь на результаты своих исторических изысканий, запечатленных в Крейцнахских тетрадях, Маркс уже видел, что в новое время государство и гражданское общество оказались оторваны, отчуждены друг от друга и воплощают противоположные — общественный и частный — принципы жизни общества. Французская революция завершила этот «процесс отделения политической жизни от гражданского общества» (1, 311). Следовательно, и человеку «приходится подвергнуть самого себя *существенному раздвоению.* Как *действительный гражданин* он находит себя в двойной организации: в *бюрократической...* и в *социальной,* в организации гражданского общества» (1, 307).

Насколько существенно это раздвоение? Не представляет ли оно собой всего лишь противоречие *существования,* а не противоречие *в самой сущности* общества? Это — коренные вопросы о характере диалектики общественной жизни и ее реальных субъектов. Заметим, что Маркса интересует не вопрос о том, «основное» это противоречие или неосновное, и даже антагонистическое оно или неантагонистическое, а именно вопрос о том, является ли это противоречие *существенным,* т. е. противоречием в самой сущности или между различными сущностями.

Развернув поиск нового, материалистического решения проблемы субъекта исторического процесса, Маркс одновременно начинает осуществлять и *материалистическую переработку диалектики Гегеля.* Глубина гегелевского подхода в том, что он везде начинает с противоположности определений и на ней делает ударение. Но характер его философии таков, что всякое противоречие выступает в конечном счете как противоречие существования. Поэтому «главная ошибка Гегеля заключается в том, что он *противоречие явления* понимает как *единство в сущности, в идее,* между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто

более глубокое, а именно — *существенное противоречие*» (1, 324).

Вместе с тем собственно логические противоположности Гегель рассматривал как действительные, что и составляет, по мысли Маркса, «основной дуализм его логики». Гегель везде ищет определения логического понятия, а задача подлинно научного знания состоит в том, чтобы «постигать специфическую логику специфического предмета» (1, 325).

Этот методологический вывод Маркс не просто провозглашает, но и старается применить при анализе конкретных социальных проблем. Если в начале рассматриваемой рукописи Маркс интерпретировал вопрос о взаимоотношении гражданского общества и государства как проблему соотношения народа и государства, т. е. в общеполитическом плане, то в конце рукописи он нащупывает действительную специфику этого соотношения. К выявлению этой специфики его привели глубокий анализ истории проблемы, стремление постичь логику изменения отношений между государством и частной собственностью за огромный период: от древнеримского положительного права до гегелевской философии права.

Этим как бы замыкался круг начатых в 1837 г. занятий Маркса правовыми проблемами: именно на примере римского права пытался он тогда провести идеи идеалистической философии через всю систему права; теперь, обогащенный опытом и знаниями, он вновь обращается к римскому праву, но уже с иной целью — применить принципы материализма и диалектики к анализу общества.

Проследив путь от римского частного права до немецкого майората, Маркс смело ставит и решает фундаментальный вопрос о характере взаимоотношения между государством и частной собственностью: «К чему же сводится власть политического государства над частной собственностью? К *собственной власти частной собственности,* к ее сущности, которая доведена до существования. Что остается политическому государству в противоположность этой сущности? Остается *иллюзия,* будто оно является определяющим, в то время как оно является определяемым» (1, 335).

Как видим, диалектическое требование постигать специфичность предмета органически связано с материалистическим выводом о первичности, определяющей роли частной собственности по отношению к государству.

Здесь мы как бы присутствуем при зарождении диалектико-материалистического понимания истории. Возникая, этот новый подход начинает стимулировать более широкие и глубокие обобщения: в той же рукописи 1843 г. Маркс приходит к выводу, что определяющая роль частной собственности по отношению к государству характеризует не только современность, но и античность и средние века, следовательно, это специфика не эпохи, а исследуемого отношения как такового.

И все же не следует переоценивать эти и другие важные положения рукописи 1843 г. Содержание, вкладываемое в термин «частная собственность», еще далеко от собственно марксистского. Этим термином обозначается по преимуществу грубое, бездушное воплощение частного интереса, противостоящее общественной, социальной сущности индивида. Еще нет и речи о частной собственности как об определенном экономическом, материальном отношении, а именно отношении к средствам производства.

Но и эти первые зарницы нового мировоззрения уже высвечивали будущее, способствовали переходу Маркса на позиции научного коммунизма. Анализ основных типов соотношения между гражданским обществом и государством, выражавших поступательный ход истории и завершившихся в новое время взаимным отчуждением государства и гражданского общества, позволил Марксу сформулировать прогностический вывод: «Исторической задачей стало затем — вернуть политическое государство в реальный мир...» (1, 254), что требует упразднения господства частных интересов, подчинения частного общественному, демократизации, принципом которой должен стать «социализированный человек», или «действительный носитель государственного строя — народ» (1, 252, 284).

Третий этап

В конце октября 1843 г. Маркс покинул Германию и прибыл в Париж, чтобы издавать здесь совместно с А. Руге «Немецко-французский ежегодник». Вскоре, однако, выяснилось, что два редактора имеют принципиально различные программы. Руге стоял на позициях абстрактного гуманизма и буржуазного радикализма: он требовал замены монархии республикой, игнорируя коренные социально-экономические проблемы. Маркс же, ушедший далеко вперед благодаря критике гегелевской философии права и своим исследованиям в области истории, выдвигал требования

не только политических, но и глубоких социальных преобразований.

В статье «К еврейскому вопросу» — первой из двух статей Маркса в «Немецко-французском ежегоднике» — он приходит к выводу о необходимости не какой-либо частичной (религиозной, политической и т. п.), а именно всеобщей, *человеческой эмансипации*, т. е. всестороннего освобождения человека.

Где же тот исторический субъект, который способен осуществить человеческую эмансипацию? Ответ Маркс дает во второй статье — «К критике гегелевской философии права. Введение». Опираясь на факты немецкой истории, он приходит к выводу, что борцом за осуществление всеобщей эмансипации выступит пролетариат, *потому что* он воплощает в себе наиболее *«полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*... Требуя *отрицания частной собственности,* пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, что́ общество возвело в *его* принцип...» (1, 428).

Так Маркс отвечает на волновавший его вопрос о главном субъекте исторических процессов современной эпохи и впервые формулирует одно из величайших открытий философского материализма и научного коммунизма — открытие исторической миссии пролетариата как единственного в истории класса, который в силу своего объективного положения борется не за установление собственного господства над обществом как новой формы гнета, а за ликвидацию всякого господства и всякого угнетения.

Но для того чтобы пролетариат смог осуществить свою историческую миссию, ему необходимо обрести еще и духовное оружие — ту философию, которая теоретически обосновывает необходимость человеческой эмансипации. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...» (1, 428).

Здесь отчетливо сформулирована мысль о необходимости соединения революционной теории с практикой борьбы революционного класса. Лишь овладев такой теорией, пролетариат становится грозной силой, ниспровергающей отношения частной собственности и эксплуатации. И лишь в революционной борьбе пролетариата научная философия перестает быть только философией и

превращается в духовное оружие социалистического переустройства общества.

Итак, осуществился сознательный переход Маркса к материализму и научному коммунизму. Это был не просто переход к уже существовавшим воззрениям, а и *начало создания принципиально нового, диалектико-материалистического и коммунистического мировоззрения.* В начале 1844 г. деятельность Маркса приобретает еще более разносторонний и интенсивный характер: он активно участвует в политических собраниях рабочих, изучает историю Конвента, обращается к анализу экономической литературы, создает знаменитые «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

По характеру конкретного материала и теоретическому содержанию эта рукопись принципиально отличается от рукописи «К критике гегелевской философии права» и статей, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». И в то же время между ними имеется тесная связь: открыв историческую миссию пролетариата, Маркс не мог ограничиться *констатацией* того, что этот класс воплощает в себе наиболее полную утрату человека, и должен был выяснить реальные *причины* этого факта, равно как и причины того, почему государство оказалось в подчинении у частной собственности. Выяснение тех и других причин предполагало проведение глубокого анализа экономических отношений. Осуществление же этого анализа в «Экономическо-философских рукописях» привело Маркса к качественно новым результатам во всех основных областях знания — политической экономии, философии, истории, политике.

«Экономическо-философские рукописи» занимают особое место в духовном развитии Маркса. К фундаментальным проблемам человека и общества он подходил здесь одновременно как философ и экономист, историк и политик, революционный мыслитель и революционер-практик; три составные части марксизма — философия, политическая экономия, научный коммунизм — уже на стадии формирования представляют собой неразрывное единство. Правда, в «Экономическо-философских рукописях» оно предстает именно только как *процесс,* когда рождающееся научное мировоззрение еще не обрело законченной структуры.

Занятия Маркса философией и политэкономией в парижский период его жизни, начавшиеся в конце 1843 г. и достигшие наибольшей интенсивности в мае — августе

1844 г., осуществлялись в двух формах: накопление исходной информации в Парижских тетрадях, включающих выписки из произведений экономистов и социалистов, попутно сопровождаемые критическими замечаниями, подчас весьма обширными [1]; самостоятельный теоретический анализ обширного круга проблем в «Экономическо-философских рукописях» [2].

Исследованиям Маркса в этот период свойственна определенная цикличность, т. е. последовательное использование на каждой их стадии некоторой совокупности способов и приемов накопления, освоения и критического переосмысления исходной научной информации: выдвижение научной проблемы, постановка творческой задачи; отбор источников; эмпирический анализ информации; теоретическое углубление в сущность исследуемого предмета; переход к новому кругу проблем и предметов исследования, выдвижение новых творческих задач (начало новой стадии). За этой, казалось бы, чисто «технической» стороной дела скрывается глубоко диалектическая природа исследовательского процесса [3].

Исходным для Маркса был вопрос о *причинах* превращения пролетариата в класс, лишенный средств производства и обреченный на наемное рабство, и о необходимых следствиях этого факта. Поиски ответа на этот вопрос Маркс начинает с параллельного анализа трех источников дохода — заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты. Уяснив природу капитала как накопленного чужого труда, он обнажает классово-антагонистический характер соотношения всех трех источников дохода и приходит к выводу, что «нищета вытекает из *сущности* самого нынешнего труда» как «одностороннего, абстрактного труда», к которому сведена деятельность «большей части человечества» (см. 42, 53, 54). Дальнейшее исследование приводит его к открытию глубинной сущности этого труда как труда отчужденного.

Некоторые предпосылки идеи *отчужденного труда* сложились на предшествующих этапах творчества Маркса: в рукописи 1843 г. он выявил отчуждение государ-

[1] Впервые полностью Парижские тетради были опубликованы в 1981 г. (MEGA-2, Vierte. Abt., Bd. 2. B., 1981).

[2] Подробнее см.: *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. М., 1986, с. 286—296.

[3] Наличие определенных циклов исследования — одна из типичных особенностей методологии научной работы Маркса (см.: *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Маркса. М., 1976, с. 210).

ства от гражданского общества, а человека — от его предметной сущности, в статьях в «Немецко-французском ежегоднике» он усмотрел в деньгах квинтэссенцию предметной отчужденности и открыл в пролетариате материальную силу ликвидации отчуждения. Но только на почве сближения всех этих проблем с экономическими проблемами труда произошел *синтез* различных аспектов отчуждения в идею отчужденного труда, в диалектико-материалистическую концепцию отчуждения вообще.

Фрагмент «Отчужденный труд» — центральный раздел «Экономическо-философских рукописей» — ключевой этап развертывания общего их содержания. Это первая попытка общетеоретического, *философского осмысления* достигнутых к тому времени результатов *экономических* занятий Маркса, и в особенности результатов параллельного, сопоставительного анализа трех источников дохода. Здесь дан всесторонний анализ отчуждения труда как сущности *частной собственности* вообще, буржуазной собственности в особенности, а также анализ снятия отчужденного труда и упразднения всех видов частной собственности. Этот анализ проведен с позиций *пролетарского гуманизма* и пронизан *социалистическим идеалом,* приобретающим здесь значительно большую глубину. Разрабатываемая Марксом новая *философско-экономическая концепция* получает здесь определенное *историческое обоснование,* являясь в этом смысле развитием его философско-исторических занятий в 1843 г.

Категория «отчужденный труд» как бы подводит общий знаменатель под противоречивые процессы буржуазного общества и многочисленные антиномии, в которые впадают буржуазные экономисты, убежденные в естественности и вечности существования частной собственности; с помощью этой категории Маркс получил возможность осмыслить существенную взаимосвязь между противоположностями труда и капитала, ценностью труда и обесценением трудящегося и т. п. В то же время категория «отчужденный труд» выражает самое повседневное, эмпирически осязаемое во всех этих процессах и антиномиях — труд, причем с самой существенной стороны — со стороны его отчужденности, т. е. является не только предельно абстрактной, но и столь же конкретной и непосредственно направленной на понимание коренных интересов трудящихся, пролетариата.

Более того, оказалось, что отчужденный труд пред-

ставляет собой источник всех других (не только экономических, но и политических и духовных) форм отчуждения человеческой сущности. Маркс, таким образом, открывает не только фундаментальный факт, но и формулирует методологический принцип. В литературе подробно описаны основные аспекты понимания Марксом этой категории: отчуждение в опредмечивании труда, самоотчуждение труда, отчуждение родовой жизни человека, отчуждение человека от человека, частная собственность как продукт отношений отчужденного труда. При этом центральной оказывается проблема соотношения отчужденного труда и частной собственности. Маркс писал: «Итак, посредством *отчужденного труда* рабочий порождает отношение к этому труду некоего человека, чуждого труду и стоящего вне труда. Отношение рабочего к труду порождает отношение к тому же труду капиталиста, или как бы там иначе ни называли хозяина труда. Стало быть, *частная собственность* есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда,* внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе. Таким образом, к *частной собственности* мы приходим посредством анализа понятия *отчужденного труда,* т. е. *отчужденного человека,* отчужденной жизни» (42, 97). Этим Маркс подчеркивает, что он не исходит из факта частной собственности, как это делали буржуазные экономисты, а *объясняет* этот факт, выводя его в результате анализа; лишь впоследствии, поясняет он, частная собственность стала основой и причиной отчужденного труда, так что отношение между ними превратилось в отношение взаимодействия.

Предельно широкое и материалистическое в основе своей содержание, вложенное Марксом в категории «отчуждение» и «отчужденный труд», поставило эти категории в центр его мировоззренческой концепции. На данном этапе духовного развития Маркса они стали стержнем, вокруг которого *синтезировались* вырабатываемые им новые философские, экономические и политические взгляды, в то же время они эвристически стимулировали дальнейшую разработку всех этих взглядов с *единой* точки зрения.

Вначале понятие отчужденного труда представлялось Марксу ключом к решению важнейших теоретических вопросов, и прежде всего проблем политической экономии. Опираясь на это понятие, а также на выведенное из него понятие частной собственности, он надеялся «раз-

вить все экономические *категории»* и с этой целью предпринял новое, более широкое и глубокое изучение трудов буржуазных экономистов (Рикардо, Милля и др.), попытался систематически изложить свои взгляды по основным проблемам экономической науки под углом зрения отчужденного труда. Здесь же он мог дать ответ и на два философско-исторических вопроса, постановкой которых завершался фрагмент об отчужденном труде: о генезисе отчужденного труда и об отношении частной собственности как продукта отчужденного труда *«к истинно человеческой собственности»* (42, 99).

В ходе работы над «Экономическо-философскими рукописями» происходил процесс дальнейшего взаимного проникновения философских, экономических, исторических и политических взглядов Маркса и их переработки в качественно новое мировоззрение. Главное место в этом процессе в данный период занимали *проблема исторических этапов возникновения, развития и ликвидации отчужденного труда* и *проблема коммунизма как упразднения всех форм отчуждения.* При этом в центре внимания Маркса находились вопросы взаимоотношения между трудом и капиталом, анализ исторических этапов развития этого взаимоотношения. Он следующим образом резюмирует сущность этих этапов: *«Во-первых — непосредственное* или *опосредствованное единство обоих»,* т. е. труда и капитала, «[*во-вторых*] — *противоположность обоих по отношению друг к другу»,* в-третьих — *«противоположность* каждого *по отношению к* самому себе», а в итоге — *«враждебная взаимная противоположность»* (42, 106, 107).

Данное положение является *одновременно философским, экономическим и историческим.*

Вот как представлял себе Маркс тогда этапы возникновения и развития отчужденного труда:

— труд непосредственно ради удовлетворения элементарных потребностей человека, когда все продукты труда потребляются самим производителем (варварское общество);

— труд, создающий больше продуктов, чем это необходимо для удовлетворения потребности производителя. Возникновение обмена и разделения труда как непосредственных форм общественной связи между людьми; цель и бытие труда здесь различны, ибо труд стал отчасти источником заработка;

— развитие разделения труда приводит к тому, что

весь продукт создается ради обмена, труд целиком превращается в труд ради заработка, и появляется универсальный посредник обмена — деньги;

— возникает капитал как накопленный чужой труд в противоположность труду непосредственному; первоначально это произошло в земледелии, в форме противоположности аграрного труда и земельной ренты;

— наконец, в промышленности капитал утверждает себя как свободный от особых свойств труда и достигает высшей формы этой самостоятельности в виде процентов; при этом противоположность труда и капитала обнаруживается в том, что трудящийся существует исключительно лишь как человек труда, «который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие... Противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения» (42, 102).

К. Маркс обнаружил также, что *реальная история общества повторяется в логике развития науки об обществе,* и прежде всего в истории политической экономии. Например, историческая последовательность: «деньги — земельная рента — свободный капитал» повторяется в последовательности экономических учений: «меркантилисты — физиократы — учения о трудовой стоимости».

Еще большую проницательность проявил Маркс, заметив, что логике возникновения и развития исторического объекта *соответствует* логика его последующего уничтожения, равно как и логика развития теоретических представлений об этом уничтожении: «Снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение» (42, 113). Как в ходе развития отчужденного труда и теорий о нем, так и в социалистически-коммунистических движениях и воззрениях частная собственность первоначально рассматривается только со своей объективной, предметной стороны (грубый коммунизм); затем обращается внимание на ее субъективную сторону, на факт самоотчуждения человека в общественной, в том числе политической, жизни (утопический социализм); наконец, в высшей своей форме коммунизм учитывает и объективную, и субъективную стороны частной собственности и требует упразднения всех видов отчуждения. Коммунизм выступает как *«положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу

этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному,* т. е. человечному. Такой коммунизм...— решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение» (42, 116).

Общество, возникающее в результате упразднения частной собственности, несет с собой упразднение всех форм отчуждения и тем самым разрешение противоречий между опредмечиванием и самоутверждением, между человеком и человеком, между человеком и природой, между индивидом и родом. Благодаря этому преодолевается прежняя разорванность человеческого бытия и формируется новый, богатый и всесторонний, глубокий во всей его деятельности, во всех его чувствах и восприятиях — словом, «целостный человек» (см. 42, 120). В результате получают свое подлинное, практическое решение те коренные теоретические проблемы, над которыми веками бились философы.

Таким образом, диалектико-материалистическую концепцию отчуждения Маркс применяет при анализе основных экономических, исторических и политических проблем. Он переходит из одной области знаний в другую и смело превращает, казалось бы, частные проблемы и категории в узловые пункты, связывающие теоретические представления о различных социальных явлениях в единое целое. Последнее оказывается качественно новым образованием не только потому, что представляет собой синтез прежде обособленных областей знания, но и потому, что заключает в себе принципиально новые идеи, рожденные на стыках этих областей и преобразующие каждую из них на новой, диалектико-материалистической основе. Анализ рукописей показывает, что в них содержится своеобразная *логика генерации новых идей на стыках формирующихся составных частей марксизма.*

Так, систематическое соотнесение философских абстракций с эмпирическими процессами приводит Маркса к выводу, что теоретические проблемы суть не только задачи познания, но и действительные жизненные задачи, которые могут быть решены соответствующими же практическими средствами. Это касается и философской проблемы тождества сознания и самосознания, и экономической проблемы единства труда и капитала, и политической проблемы равенства. Это же в полной мере от-

носится и к проблеме коммунизма: «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие. История принесет с собой это коммунистическое действие...» (42, 136).

Жизнь не замедлила продемонстрировать такое действие: 4—6 июня 1844 г., как раз во время работы Маркса над «Экономическо-философскими рукописями», вспыхнуло восстание силезских ткачей. А. Руге откликнулся на это событие статьей, где утверждал, что Пруссия — страна неполитическая и потому в ней события вроде силезского восстания могут иметь лишь местное значение. Маркс немедленно выступил с контрстатьей, где раскрыл сущностное содержание восстания как пролетарского — не только политическое, но и глубоко социальное. Опираясь на идею отчужденного труда, Маркс утверждает, что «та *общность,* от которой *изолирован* рабочий, есть общность, имеющая совсем... другой объем, нежели *политическая* общность. Та общность, от которой рабочего отрывает *его собственный труд,* есть сама *жизнь... человеческая* сущность» (1, 447). Здесь же Маркс обосновал вывод, что разрушение старого — лишь первая стадия пролетарской революции, за которой последует вторая стадия — созидания нового.

Так осуществилась первая проверка рождающегося нового мировоззрения революционной практикой. Она подтвердила истинность главных его положений. Она продемонстрировала действенность осуществляемого Марксом синтеза философских, экономических и политических взглядов и одновременной их переработки в качественно новое, научное мировоззрение пролетариата.

Завершение перехода Маркса к диалектико-материалистическому и коммунистическому мировоззрению, получившему первое экономическое обоснование, одновременно есть и *начало марксизма.* Но отнюдь не завершение его формирования как цельного научного мировоззрения: разработка основных положений диалектического и исторического материализма, научного коммунизма продолжалась вплоть до 1848 г., а марксистской политической экономии — до конца 50-х гг. («Экономические рукописи 1857—1859 годов» и «Капитал»). Именно «Капитал» Маркса, по словам В. И. Ленина, превратил материалистическое понимание истории из гипотезы в научно доказанную систему воззрений.

Однако это не значит, будто о марксизме как целостном учении следует говорить лишь со времени «Капитала». Целостность марксизма сама проходит определенные этапы развития и принимает на каждом этапе различные формы выражения[1]. Но как только она появилась, она накладывает существенный отпечаток на труды и саму деятельность основоположников марксизма.

В «Святом семействе» — первом совместном произведении Маркса и Энгельса (1844 г.) — марксизм уже предстает как разностороннее учение, хотя в нем еще отсутствуют некоторые обобщающие идеи. «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса (1844—1845 гг.) представляло собой значительный вклад в марксистскую политическую экономию и научный коммунизм, было первым фундаментальным конкретным исследованием социальных процессов с марксистских позиций, но и оно создавалось еще в условиях отсутствия разработанной структуры марксистского учения в целом. Остов такой структуры возникает в «Немецкой идеологии» — втором совместном труде Маркса и Энгельса (1845—1846 гг.). Выдвинутые здесь идеи о диалектике производительных сил и производственных отношений как источнике самодвижения истории, об общественно-экономических формациях как последовательной смене качественно различных типов общества и способов производства легли в основу марксистского учения, связав все его составные части в единую целостную теорию.

Но и это была еще не вполне развитая форма его целостности. Более зрелую форму эта целостность получает в «Нищете философии» Маркса (1847 г.), а в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (декабрь 1847 — январь 1848 г.) марксизм уже запечатлен как целостное учение в систематизированной и одновременно программной форме. «В этом произведении,— писал В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[2].

---

[1] Подробнее см.: *Лапин Н. И.* О возникновении и развитии марксизма как цельного учения.— Историко-философский ежегодник. М., 1986.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

В диалектике возникновения и развития марксизма как цельной теории ярко проявилась творческая сущность пролетарского учения. Творческий характер марксизма — важнейшая предпосылка его целостности, реализуемой путем развития, предпосылка его истинности и жизненности в прошлом, настоящем и будущем.

Становление марксизма и современные противники учения Маркса

Научно-философское, диалектико-материалистическое мировоззрение, научный коммунизм, научная в полном смысле этого слова политическая экономия — таковы важнейшие итоги исторического процесса формирования марксизма. В начале своей интеллектуальной биографии Маркс и его соратник Энгельс еще не были ни материалистами, ни коммунистами. В предисловии к своей докторской диссертации Маркс утверждает, что *«идеализм — не фантазия, а истина»* (40, 151). Лишь в 1842 г. в его статьях, публиковавшихся в «Рейнской газете», намечается переход мыслителя от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму. В 1844 г. в работах, опубликованных Марксом и Энгельсом в «Немецко-французском ежегоднике», этот переход осуществляется. В последующие три года они обосновывают отправные положения своего учения. «Нищету философии» Маркса и «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса В. И. Ленин называет первыми произведениями зрелого марксизма.

Особенно большое значение для понимания процесса становления марксизма имеют «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркса — незаконченная работа, впервые опубликованная частично на русском языке в 1927 г. и полностью на языке оригинала в 1932 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С этого времени начинается дискуссия о молодом Марксе, дискуссия, которая развертывается не столько между марксистами, сколько между сторонниками марксизма и его противниками. Один из последних, А. Шмидт, с похвальной откровенностью говорит об идеологической подоплеке этой дискуссии: «Вопрос о том, являются ли более существенными произведения «молодого» или же «зрелого» Маркса, беспредметен. Вопрос решают не хронологические аргументы, а современные потребности»[1].

[1] *Schmidt A.* Emansipatorische Sinnlichkeit. Ludwig Feuerbach. Anthropologischer Materialismus. München, 1973, S. 40. Еще более оп-

Почему, однако, именно рукописи 1844 г. оказались в центре дискуссии? Очевидно, потому, что в них излагаются материалистические и коммунистические воззрения Маркса, но формулируются эти воззрения еще непоследовательно, неадекватным образом. Так, Маркс заявляет, что его философская теория «отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обоих истиной» (42, 162). Однако в этой же рукописи он отмечает «подвиг Фейербаха», заключающийся «в основании *истинного материализма...*» (42, 154). Серьезный исследователь не может не заметить этого противоречия. Свою философскую теорию Маркс называет *завершенным натурализмом,* противопоставляя ее, с одной стороны, идеализму, а с другой — механистическому материализму и солидаризируясь с материалистической антропологией Фейербаха, несмотря на то что его, Маркса, теория, по существу, преодолевает антропологическую ограниченность фейербаховской философии. Но буржуазные критики марксизма рассматривают приведенную выше цитату буквально как счастливую находку. Маркс, делается вывод, отвергает и материализм, и идеализм. Этот несостоятельный тезис распространяется и на произведения Маркса последующего периода, на все его учение в целом. Английский антикоммунист Дж. Лихтгейм, доводя до абсурда эту тенденцию, приходит к такому сногсшибательному заключению: «Не существует никакой логической связи между концепцией К. Маркса и «диалектическим материализмом» Ф. Энгельса и Плеханова, так же как нет никакой необходимой связи между прагматической точкой зрения Маркса, рассматривающего сознательную духовную деятельность в качестве аспекта практики, и теоретико-познавательным реализмом В. И. Ленина»[1]. Таким образом, Маркс противопоставляется философии марксизма, диалектическому материализму.

В другом месте «Экономическо-философских рукопи-

ределенно высказывается на эту тему французский философ Р. Арон, по утверждению которого работы молодого Маркса истолковываются ревизионистами «таким способом, чтобы преодолеть объективный детерминизм всемирной истории...» (*Aron R.* Die heiligen Familien des Marxismus. Hamburg, 1970, S. 14). С точки зрения Р. Арона, не существует никакой объективной детерминации событий истории. Признание исторической закономерности третируется как фаталистическое верование.

[1] *Lichtheim G.* On the interpretation of Marx's Thought.— Marx and the Western World. L., 1967, p. 10.

сей 1844 года» Маркс, высоко оценивая тогдашний, т. е. утопический, коммунизм, критикует его за примитивное понимание путей и средств социального переустройства. Свою позицию он называет не коммунизмом, а «реальным гуманизмом». Иными словами, он не считает себя последователем Г. Бабёфа, Э. Кабе, Т. Дезами и других утопических коммунистов. Он и действительно не является таковым, ибо в рукописях 1844 г. формулируются исходные положения *научного* коммунизма. Но буржуазные критики марксизма, ссылаясь на «реальный гуманизм» Маркса, утверждают, что он был противником коммунизма.

Еще один пример. Обосновывая закономерность уничтожения частной собственности, Маркс определяет этот исторический процесс как «реинтеграцию или возвращение человека к самому себе, как уничтожение человеческого самоотчуждения...» (42, 116). Способ изложения еще не свободен от терминологии гегелевского идеализма и фейербаховского антропологизма. Частная собственность характеризуется как деформация человеческой сущности, общественная собственность — как восстановление человечности, или истинная форма собственности. Впоследствии Маркс отказался от этой фразеологии. Между тем современным противникам марксизма фразеология рукописей 1844 г. представляется наиболее замечательной их особенностью, поскольку на ней лежит отпечаток воззрений, от которых Маркс вскоре отказался.

Теперь понятно, почему «Экономическо-философские рукописи 1844 года», а не какое-либо произведение зрелого марксизма привлекают буржуазных мыслителей. Учение Маркса стало великим духовным достоянием современной эпохи, и каждый мыслящий человек, независимо от того, к какому классу он принадлежит, испытывает потребность как-то осмыслить, освоить эту систему идей, примирить ее со своей теоретической совестью. Эта потребность, разумеется, не совпадает со стремлением по-марксистски решать теоретические и практические вопросы. Напротив, в условиях буржуазного общества она сплошь и рядом порождается стремлением опровергнуть марксизм. Однако и это стремление, какой бы предвзятый характер ни носили его побудительные мотивы, предполагает, по меньшей мере в качестве тактической уловки, признание всемирно-исторического значения учения Маркса.

Одну из основных тенденций немарксистского освоения марксизма сформулировал 40 лет назад известный французский идеалист Э. Мунье: «Задача ближайших лет, несомненно, состоит в том, чтобы примирить Маркса и Кьеркегора»[1]. Примирить Маркса с мистиком, религиозным иррационалистом Кьеркегором — задача заведомо утопическая, но сама постановка такой задачи впечатляюще раскрывает партийную позицию, идеологическую стратегию буржуазных интерпретаторов учения Маркса. Противопоставить Маркса марксизму — такова их задача, которой подчинено рассмотрение ранних работ основоположника марксизма[2].

Разумеется, мы далеки от недооценки этих первых обнаружений гениальности Маркса. Но мы не можем проходить мимо того факта, что эти ранние работы противопоставляются Марксову «Капиталу» — энциклопедии не только экономического, но и философского учения марксизма. Нельзя не учитывать и идеологического смысла заявлений, будто бы в этих ранних работах Маркса аутентично выражено его учение, которое только зарождалось в начале 40-х гг. Однако буржуазные марксологи «обнаруживают» в этих работах... основные идеи современных идеалистических теорий. Они объявляют Маркса родоначальником экзистенциализма, персонализма и других враждебных марксизму учений[3]. И если через 10 лет после Э. Мунье западногерманский теолог Е. Тир патетически восклицал: «Молодой Маркс есть открытие нашего времени»[4], то, естественно, возникает вопрос: что за открытие имелось в виду? Открытие марксизма? Но основные труды его основоположников опубликованы свыше столетия тому назад. Суть дела в том, что учению Маркса приписываются враждебные ему идеи. Е. Тир и ему подобные рассуждают по следующей схеме: все, что написал Маркс, в том числе и его ранние, написанные с идеалистических позиций работы, должно быть включено в состав его учения. Факт формирования,

---

[1] *Mounier E.* Introduction aux existentialismes. P., 1947, p. 90.

[2] Так, западногерманский антимарксист И. Барион с напускным простодушием заявлял, что марксисты-де «до настоящего времени не понимают большого значения ранних работ Маркса» (*Barion I.* Hegel und die marxistische Staatslehre. Bonn, 1969, S. 144).

[3] Например, Р. Арон восхвалял тех псевдомарксистов, которые, как он выражается, «комментировали экзистенциалистские и гуманистические тексты молодого Маркса, выступая тем самым против диамата...» (*Aron R.* Die heiligen Familien des Marxismus, S. 14).

[4] *Thier E.* Das Weltbild des jungen Marx. Göttingen, 1957, S. 3.

становления марксизма попросту игнорируется. Научное разграничение между ранними произведениями Маркса и произведениями зрелого марксизма, обоснованное В. И. Лениным, отвергается как формальное и чуть ли не бюрократическое.

Таким образом, ранние работы Маркса, которые могут быть правильно поняты и оценены лишь в свете произведений зрелого марксизма, противопоставляются этим произведениям и объявляются основой для принципиально новой интерпретации учения Маркса.

Уже первые буржуазные интерпретаторы «Экономическо-философских рукописей 1844 года», авторы предисловия к их лейпцигскому изданию С. Ландсгут и И. Майер считали их важнейшим достоинством этическую интерпретацию социализма не как «грубой» экспроприации экспроприаторов, а как «осуществления истинного предназначения человека»[1]. Марксу подсовывалось явно нереволюционное воззрение в духе абстрактного буржуазного гуманизма. Между тем в рукописях 1844 г. Маркс, вскрывая антагонистические противоречия капиталистического строя, недвусмысленно заявляет, предвосхищая коммунистическое будущее: «Поэтому уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств...» (42, 120).

Другой комментатор рукописей 1844 г. Г. де Ман, выступивший уже в 1932 г., утверждал, что Маркс не материалист, так как он будто бы подчиняет материальное «более всеобъемлющей действительности жизни в ее пассивно-активной, бессознательно-сознательной целостности»[2]. Экономические отношения имеют определяющее значение лишь при капитализме, писал Г. де Ман, приписывая это воззрение Марксу и утверждая, что в послекапиталистическую эпоху не материальное производство, а чувственные потребности, и прежде всего «любовь человека к человеку», будут определять развитие общества. И это сентиментальное суесловие приписывается революционеру Марксу!

Ранние произведения Маркса, в особенности «Экономическо-философские рукописи 1844 года», несомненно, гениальные произведения. Тем не менее любые попытки истолковать эти произведения как самые значительные в учении Маркса, определившие весь последующий ход

[1] Marx K. Der historische Materialismus. Die Frühschriften. Hrsg. von S. Landshut und I. P. Mayer. Leipzig, 1931, Bd. 1, S. XLI.

[2] Der Kampf, 1932, N 6, S. 276.

его теоретических исследований, должны быть отвергнуты как явная фальсификация марксизма. Суть этого лицемерного возвеличения произведений Маркса, предшествующих его окончательному переходу на позиции научного коммунизма, самым непосредственным образом выявляется во всякого рода попытках принизить значение «Капитала» и других произведений Маркса, в которых его учение систематически развито и строго научно обосновано[1]. Изображать рукописи 1844 г. (не говоря уже о более ранних работах Маркса) в качестве вершины «гуманистического марксизма», за которым-де следует «экономический марксизм»,— значит извращать действительное гуманистическое содержание всего революционного учения Маркса. «...Как бы мы высоко ни оценивали ранние рукописи молодого Маркса, но не только в них, и даже не главным образом в них, заключены основные гуманистические идеи, принципы и зрелое существо марксистского революционного гуманизма»[2].

Следует подчеркнуть, что последующее развитие дискуссии о молодом Марксе явно дискредитировало это упрощенное, тенденциозное противопоставление его ранних работ произведениям зрелого марксизма. Даже буржуазные комментаторы, во всяком случае наиболее дальновидные из них, вынуждены были признать, что интерес к ранним работам Маркса обусловлен постоянно возрастающим влиянием марксизма. Не будь «Капитала» Маркса, не будь произведений В. И. Ленина, не будь коммунистического и рабочего движения, ранние работы Маркса не были бы предметом столь длительной дискус-

---

[1] Западногерманский антимарксист У. Мюллер-Херлитц, по существу, отождествляет «Капитал» Маркса с гегелевской «Феноменологией духа», которую Маркс подверг основательнейшей критике именно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Игнорируя этот факт, Мюллер-Херлитц пишет: «Маркс принимает формальную структуру гегелевского исторического процесса, заменяя, однако, его действующие факторы... Феноменология духа становится феноменологией человека, история становится процессом, в котором эмпирический человек создает самого себя, теория истории выступает как базис антропологии» (*Müller-Herlitz U.* Karl Marx. Wesen und Existenz des Menschen. München, 1972, S. 17—18).

Эта антимарксистская интерпретация основного произведения Маркса выхолащивает его конкретное экономическое и историческое содержание, революционное отрицание капитализма, обобщение опыта освободительной борьбы пролетариата, материалистическое понимание истории. И это извращение научной социалистической теории и ее экономического обоснования выдается за «аутентичное» ее изложение.

[2] Марксизм и наша эпоха. М., 1968, с. 164.

сии. Примечательно в этом смысле заявление Г. Маркузе, который в 1932 г. объявлял рукописи 1844 г. основой для пересмотра марксизма, а 30 лет спустя должен был признать именно то, что он ранее отрицал: «Ранние работы Маркса представляют собой во всех отношениях предварительные ступени к его зрелой теории, ступени, значение которых не должно быть переоценено»[1].

Не надо, однако, проявлять наивности в оценке этого поворота в стане противников марксизма. Они лишь по видимости отказались от противопоставления ранних работ Маркса произведениям зрелого марксизма. Новая концепция, согласно которой между теми и другими работами наличествует органическое единство, оказывается утонченной реабилитацией прежнего, признанного несостоятельным воззрения. Концепция «единства» означает стирание качественных различий между Марксовым «Капиталом» и рукописями 1844 г. Так, американский антимарксист Д. Н. Грей утверждает, что Маркс «никогда не покидал философской антропологии, изложенной им в «Экономическо-философских рукописях»[2]. Смысл этого утверждения очевиден, поскольку для философской антропологии характерно игнорирование классовых различий и противоположностей, рассмотрение человека безотносительно к истории общества, абстрактный гуманизм. Истолковывая содержание учения Маркса в духе рукописей 1844 г., современные его противники стремятся выхолостить революционное содержание марксизма, несмотря на то что оно уже вполне проявляется в этих рукописях. Английский марксолог Д. Мак-Леллан также стремится свести научный коммунизм, теоретически обобщивший исторический опыт развития капитализма и освободительной борьбы пролетариата, к содержанию тех ранних работ молодого Маркса, когда он еще не выделял пролетариат из всей массы угнетенных и эксплуатируемых и не был еще, следовательно, коммунистом. Соответственно этому он приходит к совершенно необоснованному выводу, что именно «ранние труды Маркса... должны быть рассмотрены как вдохновляющие последующее развитие его мысли»[3].

Таким образом, перестроившиеся на новый лад буржуазные марксологи, рассуждающие о сущностном тож-

---

[1] *Marcuse H.* Vernunft und Revolution. B. (West), 1962, S. 260.
[2] *Gray J. N.* Philosophy, Science and Myth in Marxism. N. Y., 1982, p. 72.
[3] *McLellan D.* Marx before Marxism. L., 1980, p. 214.

дестве между произведениями зрелого марксизма и ранними работами Маркса, по-прежнему выдвигают на первый план именно эти ранние работы, в которых Маркс еще не вполне размежевался с Гегелем, Фейербахом, мелкобуржуазным социализмом. Смысл этой редукции сложившегося учения Маркса к воззрениям, которые ему предшествовали, откровенно формулирует американский марксолог Р. Такер, утверждающий, что «первая система Маркса» (рукописи 1844 г.) предопределила содержание «Капитала». Маркс, писал Р. Такер, представляется уже «не социологом-аналитиком, каким он хотел быть, а прежде всего моралистом или чем-то вроде религиозного мыслителя. Старое воззрение, согласно которому «научный социализм» является научной системой, уступает место убеждению, что он в сущности есть этическая и религиозная система взглядов» [1].

Разумеется, ни «Капитал», ни ранние работы Маркса не дают ни малейших оснований для такого рода заключений. Их единственным аргументом является иррациональное убеждение буржуазного идеолога в том, что отрицание капитализма, так сказать по определению, не может быть научным. С этих буржуазных позиций учение о социалистическом переустройстве общества есть секуляризация библейской легенды о рае на земле.

Критики марксизма утверждают, что учение Маркса связано не с рабочим движением, а с умозрительными идеями Гегеля и Фейербаха, что главные положения этого учения представляют собой развитие темы, которую разрабатывали указанные мыслители. Эта тема — *отчуждение*. Как известно, у Гегеля понятие отчуждения служило обоснованию идеалистического понимания единства мира как единства «абсолютной идеи» и ее внешнего, материального существования, которое трактовалось как отчужденное бытие. Мы не касаемся здесь рациональных, диалектических сторон гегелевского понимания отчуждения, поскольку это выходит за границы нашей темы.

Фейербах попытался придать понятию отчуждения эмпирически фиксируемое содержание. Религиозное удвоение мира, разорванность религиозного сознания, в котором реальной посюсторонней действительности противостоит мнимая реальность трансцендентного, потусто-

---

[1] *Thucker R.* Karl Marx.— Die Entwicklung seines Denken von der Philosophie zum Mythos. München, 1963, S. 2.

роннего,— вот чем является, по Фейербаху, отчуждение. Однако отчуждение рассматривается Фейербахом лишь как извращенное сознание, корни которого ему не удается обнаружить.

Марксова концепция отчуждения, занимающая центральное место в «Экономическо-философских рукописях», существенно отличается не только от гегелевской, но и от фейербаховской. Для Маркса отчуждение есть прежде всего экономический феномен. Идеалистическим фразам об отчуждении сознания Маркс противопоставляет реальные, исследуемые им факты: отчуждение продукта труда производителя, отчуждение самой производительной деятельности, отчужденные общественные отношения. И лишь в этой связи, гениально раскрывая сущность труда как деятельную сущность человека, Маркс говорит об отчуждении человеческой сущности. Таким образом, исследовательская задача, которую Маркс ставит перед собой в рукописях 1844 г., не имеет ничего общего с идеалистическим умозрением. Маркс формулирует понятие отчужденного труда, понятие, которого даже в зародыше не было у Гегеля и Фейербаха. «Итак,— пишет Маркс,— нам предстоит теперь осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между стоимостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой» (42, 87) [1].

Анализ основного содержания «Экономическо-философских рукописей» показывает, что Маркс придал идее отчуждения новый смысл и содержание, связал ее с изучением и критикой буржуазной политической экономии. Уже в этих рукописях он указывает, что буржуазные экономисты исходят из факта частной собственно-

[1] Правильно отмечал канадский исследователь Д. О'Нил: «Для Маркса понятие отчуждения является фактом политической экономии, а не фактом феноменологии» (*O'Neil.* Hegel and Marx on History as Human History.— Akten des XIV Internationalen Kongresses für Philosophie. Wien, 1968, Bd. 2, S. 102). Действительно, Маркс противопоставляет идеалистическому пониманию отчуждения, разработанному Гегелем в «Феноменологии духа», материалистическое понятие отчуждения как определенного, антагонистического типа общественных отношений. Именно в этой связи Маркс критикует в «Экономическо-философских рукописях» гегелевскую концепцию отчуждения сознания.

сти на средства производства как из само собой разумеющейся посылки. В отличие от буржуазных идеологов, Маркс видит задачу в исследовании происхождения частной собственности, ставя тем самым на реальную почву исследование феномена отчуждения. Он не принимает экономического догмата, согласно которому труд всегда создавал (и будет создавать) товары, капитал, частную собственность. Необходимо исследовать ту историческую форму труда, опредмечивание которого порождает эти отнюдь не вечные экономические явления. Эту искомую форму труда Маркс и называет отчужденным трудом. «Спрашивается теперь,— пишет Маркс,— как дошел *человек до отчуждения* своего *труда?* Как обосновано это отчуждение в сущности человеческого развития?» (42, 98). Мы не находим еще решения этого вопроса в рукописях 1844 г., что объясняется, по-видимому, не только незаконченностью этой работы. Необходим был обстоятельный экономический и социологический анализ возникновения и развития частной собственности. Такое исследование было осуществлено в 50-х гг. на основе материалистического понимания истории и теории прибавочной стоимости, созданной Марксом.

Марксизм не только вскрыл закономерность возникновения частной собственности со всеми ее многообразными политическими и идеологическими последствиями. Он также доказал, что развитие производительных сил, обусловленное капиталистическими производственными отношениями, вызывает прогрессирующую концентрацию и централизацию капитала, т. е. капиталистическое обобществление средств производства, которое в конечном счете делает неизбежным переход к общественной собственности. В «Экономическо-философских рукописях» имеются лишь первые подходы к такому, последовательно научному решению проблемы частной собственности. Мы имеем в виду положения Маркса о развитии *сущностных сил* человека, производительных сил, положения, которые предвосхищают понятие общественных отношений производства.

Понятие отчужденного труда, как оно разрабатывается в указанных рукописях, еще не свободно от философско-антропологического содержания, которое нередко вступает в противоречие с историческим подходом к социальным процессам. Отчужденный труд, например, истолковывается как *извращенное* отношение человека к предметам его деятельности, самому себе, другим людям.

Развитие производительных сил буржуазного общества, правильно понимаемое как формирование экономических предпосылок социалистического обобществления средств производства, определяется вместе с тем в неадекватных этому процессу терминах философской антропологии. Так, характеризуя антагонизм труда и капитала, Маркс пишет, что «в лице рабочего субъективно существует то, что капитал есть полностью потерявший себя человек, подобно тому как в лице капитала объективно существует то, что труд есть человек, потерявший самого себя» (42, 100). С этой точки зрения отчуждение труда оказывается раздвоением человеческой сущности, противоречием между человечностью и способом ее осуществления. Поэтому и частную собственность — основную форму отчуждения труда — Маркс называет «бесчеловечным предметом» (см. 42, 119).

Такая постановка вопроса означает допущение существования *естественных* общественных отношений, независимых от исторически определенной, изменяющейся социально-экономической реальности. Отчуждение характеризуется как извращенная форма производительной деятельности, поскольку она чужда *природе* человека, которая, следовательно, рассматривается как предпосылка истории человечества. Впоследствии Маркс доказал, что не существует неизменной природы человека, так как, изменяя внешнюю природу, люди изменяют тем самым и свою собственную, разумеется социальную, природу, или человеческую сущность, которую образует вся совокупность общественных отношений.

Историко-материалистическое понимание развития человечества, разработанное в произведениях зрелого марксизма, исключает допущение неестественных (и в этом смысле несовместимых с человеческой сущностью) общественных отношений, поскольку развитие общества, история человечества трактуется как *естественноисторический* процесс. Не только отчужденный труд в условиях капиталистического общества, но и рабство, и крепостничество представляют собой естественноисторические, закономерные этапы общественного развития. Марксизм — противник капиталистических общественных отношений не потому, что они неестественны или чужды человеческой природе, а в силу того, что они превратились из исторически прогрессивной формы общественного развития в его оковы.

Представление о «неестественности» тех или иных ис-

торически определенных общественных отношений не следует, однако, считать бессодержательным. Как феномен общественного сознания, эти представления свидетельствуют о том, что данные общественные отношения выявили свою антагонистическую природу, что имеются уже общественные силы, которые ведут против них борьбу и стремятся их заменить новыми, более прогрессивными.

Сопоставляя основные положения исторического материализма и понятие отчуждения в «Экономическо-философских рукописях», нельзя не прийти к выводу, что в период формирования марксизма это понятие помогало Марксу нащупать научный подход к таким фундаментальным характеристикам буржуазного общества, как частная собственность, господство капитала над трудом, эксплуатация, анархия производства, углубление противоположности между имущими и неимущими. Вначале все эти факты осознаются лишь как превращенные, лишенные самостоятельного значения формы отчуждения. Однако и на этой ранней ступени, когда Маркс, если воспользоваться выражением Ленина, только становится Марксом, т. е. основоположником научного коммунизма, вырисовывается и более глубокое понимание специфического содержания и значения основных экономических категорий капиталистического способа производства. Так, констатируя, что капитал есть командная власть над трудом и его продуктами, Маркс разъясняет: «Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как *собственник* капитала» (42, 59). В другом месте, указывая на отчуждение продукта труда от производителя, он вскрывает классовую сущность этого феномена: «Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему.* Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять *наслаждение* и жизнерадостность. Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком» (42, 95—96).

Нетрудно понять, что, после того как Маркс и Энгельс создали свое учение об общественно-экономических формациях, антагонистических производственных отношениях, социальных революциях, разработали политическую экономию капитализма, понятие отчуждения уже не мог-

ло играть прежней роли в системе их взглядов. Они, естественно, уже не рассматривали борьбу между пролетариатом и буржуазией как следствие отчуждения, они занялись конкретным исследованием реальных условий, исторически определенных форм и причин этой борьбы. Значит ли это, что понятие отчуждения утратило всякое значение в системе воззрений Маркса и Энгельса? Такой вывод был бы неправильным, так как именно благодаря конкретизации, ограничению содержания понятие отчуждения получило ту четко фиксированную определенность, которой не хватало ему прежде.

В «Капитале» Маркса отчуждение определяется как господство продуктов человеческой деятельности над людьми, власть стихийных сил социального развития над обществом. Отчуждение рассматривается как противоречие, присущее всем антагонистическим формациям и достигающее предельного развития в условиях капитализма. Разумеется, отчуждение связывается с существованием исторически определенных форм общественного разделения труда, частной собственности, классов, эксплуатации. При этом оно, конечно, трактуется не как причина всех этих экономических фактов, а лишь как одно из их проявлений, которое специально рассматривается Марксом в теории товарного фетишизма.

Итак, буржуазная интерпретация места категории «отчуждение» в системе марксизма представляет собой попытку выхолостить саму суть этого учения. Сведение марксизма к теории отчуждения означает не только извращенное истолкование его содержания, но и фактическое отрицание марксистской политической экономии, научного коммунизма, материалистического понимания истории. Посредством такого рода операции марксизм, теоретически подытоживающий громадный исторический опыт, превращается в чисто умозрительную философско-историческую концепцию, аналогичную гегелевской или фейербаховской теории отчуждения. Именно этой цели и служит рассмотренная выше буржуазная интерпретация учения Маркса в духе его ранних произведений, в первую очередь «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

Следует подчеркнуть, что несостоятельность всех этих попыток в известной мере осознается и некоторыми буржуазными идеологами. Так, Д. Белл недвусмысленно раскрывает идеологический подтекст, по-видимому, уже набившей оскомину интерпретации марксизма в духе

концепции отчуждения. «Несмотря на то, что можно симпатизировать идее отчуждения, те, которые объявляют это понятие центральным уже у Маркса, лишь создают новый миф»[1].

Таким образом, «тайна» ранних произведений Маркса, фальсифицируемых буржуазными идеологами, раскрывается в свете произведений зрелого марксизма. Дискуссия о молодом Марксе, начавшаяся более полвека назад, полна глубокого идеологического смысла, анализ которого призван служить творческому пониманию марксизма-ленинизма, его истории и значения для современности.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Общая постановка вопроса

Создание научного обществознания представляет собой революцию в духовном развитии человечества. Эта революция — адекватное выражение объективной необходимости и острейшей духовной потребности.

Как известно, капитализм завершает период стихийного развития человечества, социализм начинает процесс сознательного созидания условий и форм общественной жизни. Отсюда качественно меняются и те требования, которые социальная практика предъявляет к обществознанию. Но эта общая постановка вопроса нуждается в конкретизации.

Капиталистическая формация не только возникает стихийно, но и функционирует и развивается как общество, в котором господствует анархия производства. В этом смысле капитализм есть продолжение предшествующих формаций и завершение предыстории человечества. Но в одном, в высшей степени существенном отношении капитализм отличается от всех предшествующих ему формаций: только здесь создаются экономические и культурные предпосылки для перехода на принципиально иной путь развития, когда организованные в общество люди начинают сознательно и целеустремленно строить свою жизнь на основе познания объективных законов функционирования и развития общества. Все дело, од-

[1] *Bell D.* The Debate on Alienation.— Revisionism. Essays on the History of Marxist Ideas. N. Y., 1972, p. 197.

нако, в том, что для возникновения этого нового общества нужны активные действия передовых общественных сил, вооруженных знаниями путей и средств осуществления объективной необходимости. Таким образом, сама жизнь, практика порождает потребность в научном познании социальных явлений, поскольку сознательная, целенаправленная деятельность становится без него невозможной. Человечество всегда ставит перед собой такие задачи, которые оно способно разрешить, или, говоря иначе, общество как развивающаяся система порождает научное обществознание как необходимый элемент своего дальнейшего развития только тогда, когда без него обойтись не может.

Нелепо, однако, думать, что любая появившаяся общественная необходимость автоматически реализуется. Этого не было ни в прошлом, ни в современной истории. Возможность появления научного обществознания складывается в результате предшествовавшего духовного развития, становления научных подходов к познанию общественной жизни. Разумеется, стихийное развитие общества как доминирующий процесс не исключает сознательной деятельности людей, в частности в сфере познания, не говоря уже о производстве. История как наука возникла уже в античном обществе. Геродот, которого обычно называют отцом истории, определил историю «как науку о деяниях людей». Столь же несомненно, что практические нужды судопроизводства, хозяйственной жизни и обмена, обучения и воспитания подрастающего поколения, установления и регулирования связей между народами, социальными общностями и т. д. порождали потребность в осмыслении и познании отдельных сторон и конкретных явлений общественной жизни, на основе чего появилась область частнонаучного социального знания. Если к этим двум фундаментальным областям обществознания прибавить развивавшиеся в недрах философии или в связи с ней общесоциологические, социально-философские теории, то станет ясно, что не случайно в ходе истории возникли и сложились три группы фундаментальных общественных наук: 1) группа исторических наук, изучающих прошлое и потому не непосредственную деятельность людей, а письменные, материальные, языковые и тому подобные свидетельства этой деятельности; 2) группа общественных наук, изучающих специфические законы и существенные особенности отдельных явлений общественной жизни (экономики,

права, языка и т. д.); 3) различные социально-философские, общесоциологические теории и учения.

Долгое время общественные науки были как бы пасынком в общей системе наук. И для этого были определенные основания. Практическая необходимость и польза естественных наук была осознана еще в древности. В период же зарождения и бурного развития капитализма они оформились в математически точные и практически значимые системы знания. Иное дело обществознание. Хотя оно тоже возникло в древности и получило значительный импульс развития в период становления капитализма, однако ни одна из областей обществознания не поднялась до последовательно научного осмысления общественной жизни. Такое его состояние, зависевшее в конечном счете от узости и ограниченности общественной практики, имеет и теоретическую причину. Оно объясняется безраздельным господством идеализма в социальном познании. Даже крупные достижения общественных наук (например, в классической буржуазной политэкономии, в трудах французских историков времен Реставрации, классиков утопического социализма и т. д.), сыгравшие огромную роль в подготовке революции в обществознании, страдали этим коренным пороком. Поэтому научное обществознание не могло появиться в результате эволюционного развития предшествующих теорий; оно могло возникнуть только путем их критического осмысления, использования накопленного ими идейно-теоретического материала и решительного разрыва с идеализмом и метафизикой.

Необходимость и возможность революционного переворота в обществознании подготавливается всем ходом истории, логикой развития общества, но реализуется только при капитализме, когда для этого созревают материальные и духовные предпосылки и возникает класс, коренные интересы которого требуют научного исследования общественной жизни.

Конкретно-историческое исследование и характеристика подвига, совершенного Марксом и Энгельсом в философии и научном познании, даны в ряде фундаментальных исследований. В литературе сложилось вполне определенное понимание принципиальных вопросов становления и развития марксизма: 1) проведено четкое различение этапа становления марксизма и этапа его развития на собственной основе; 2) показано, что характерной особенностью первого этапа является выдвижение

на передний план философской проблематики; 3) детально проанализирован процесс формирования марксистской философии, и в нем выделен ряд своеобразных периодов [1]. При этом исследователи справедливо подчеркивают своеобразие и отличие конкретно-исторического пути, характеризующего переход Маркса и Энгельса к созданию качественно нового мировоззрения. Но, углубляясь в эти различия и все более детально исследуя конкретно-исторический процесс философского развития Маркса и Энгельса, многие авторы оставляют подчас в тени логику этого развития и его объективную обусловленность. Не случайно в рецензии на первый том «Истории марксизма-ленинизма» (М., 1986) отмечается, что в данном коллективном труде исторический подход порой превалирует над логическим и что «это порой мешает выходить на высокий уровень теоретических обобщений» [2].

Имея в виду оба эти обстоятельства — и то, что конкретная история становления марксизма детально освещена, и то, что читателю особенно важно понять и усвоить объективную необходимость возникновения марксизма и существенные черты этого процесса, мы предпошлем анализу сути и значения переворота, совершенного марксизмом в обществознании, краткую характеристику логики этого переворота.

Объективная необходимость революции в философии

Возникновение марксизма диалектично, оно означает одновременно и решительный разрыв со старыми традициями общественной мысли, и глубокую связь с ней. Это диалектическое противоречие в развитии теории обусловливается выходом на мировую политическую арену пролетариата,

---

[1] Первый период охватывает вторую половину 30-х гг., в эти годы Маркс и Энгельс выступают как представители, так сказать, домарксистских философских и социально-политических взглядов; второй относится к 1842 г., связан с началом их перехода от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму; третий — 1844 г., завершающий переход основоположников марксизма на позиции пролетариата, связанный с «Немецко-французским ежегодником» и «Экономическо-философскими рукописями 1844 года»; и, наконец, четвертый — завершающий этап формирования новой философии. Его началом является первый совместный труд Маркса и Энгельса «Святое семейство», его продолжение — их второй совместный труд «Немецкая идеология», в котором изложены основы материалистического понимания истории.

[2] *Бессонов Б.* Обобщающий труд по истории марксизма-ленинизма.— Коммунист, 1987, № 8, с. 127.

самого революционного класса в мировой истории, имеющего двойственную задачу: с одной стороны — разрушить старое общество, а с другой — сознательно и целеустремленно построить новое общество,— класса, заинтересованного в сохранении всего того строительного материала, который может быть при этом использован. Такова объективная основа возникновения идеологии, порывающей со старыми идеями и сохраняющей все ценное в них.

Существенное значение для понимания того состояния духовной жизни общества, от которого отталкивались Маркс и Энгельс, имеют два важных момента. Во-первых, несмотря на то, что материализм как одно из главных направлений в философии существует более двух с половиной тысяч лет и в его истории имеется немало таких выдающихся умов, как Фалес и Гераклит, Демокрит и Эпикур, Спиноза, Ф. Бэкон и Гоббс, Гольбах, Дидро и Фейербах, Герцен и Чернышевский и многие, многие другие, при всей их гениальности и стремлении монистически осмыслить мир ни один из представителей этого направления не был материалистом в понимании общественной жизни. Во-вторых, хотя в истории естественных и общественных наук было немало корифеев, завоевавших бессмертие в благодарной памяти человечества (причем стоит подчеркнуть в противовес распространенному мнению, что речь идет не только о корифеях естествознания — Евклиде и Архимеде, Галилее и Копернике, Ньютоне и Эйнштейне, Менделееве и Циолковском, но и о гигантах общественно-политической мысли — Геродоте и Макиавелли, Вико и Сен-Симоне, Песталоцци и А. Смите и многих других), однако ни один из них не смог подняться до материалистического понимания истории.

Идеалистическое понимание истории, особенно в его натуралистической форме, фиксировало существенное различие между обществом и природой, но истолковывало его ошибочным образом. Поскольку в самой природе действуют слепые силы, постольку изучать ее надо, исходя из того, что все совершающееся в ней есть результат естественных природных связей, причин и закономерностей. Общество же состоит из людей — сознательных существ. Поэтому, изучая его, надо учитывать желания, стремления, чувства, настроения, короче — идеальные побуждения, с которыми связаны человеческие действия и их результаты. Отсюда и следовал оши-

бочный вывод: природу можно изучать материалистически, общество же — только идеалистически.

Стоит подчеркнуть, что два указанных момента нельзя рассматривать как независимые друг от друга. Они взаимодействуют. И значительная роль в этом взаимодействии принадлежит философии, поскольку научно-теоретическое познание всегда, независимо от того, сознает это ученый или нет, стимулируется философией. Ведь любое частнонаучное исследование, если оно исключает представление о мире как целом, представление, которое вырабатывает философия, не имеет ориентира. Поэтому опора на материализм всегда имела важное значение для защиты частнонаучных исследований от давления религии и идеализма. Но здесь-то и обнаруживается специфическое различие между естественными и общественными науками. Первые не только могли опереться на материалистическую философию, но и сами способны были стихийно-материалистически подходить к изучению своего объекта. Иное положение у вторых. Идеалистический подход к общественным явлениям не только порождался здесь непосредственной видимостью, но и навязывался и подкреплялся господством идеализма в философских учениях об обществе.

Внимательный читатель легко заметит, что мы говорили о теоретических причинах господства идеализма в истории. В интересах же более полной ясности необходимо подчеркнуть, что безраздельное господство идеализма в понимании истории соответствовало целям господствующего меньшинства в обществе и потому сознательно закреплялось его идеологами в различного рода социально-философских идеалистических учениях и концепциях.

Создание предпосылок научного обществознания

Революция в обществознании происходила и реализовалась как вполне определенная цепь взаимосвязей: предварительным условием превращения в подлинные науки сферы исторического знания и сферы частных общественных наук являлось преодоление господствовавшего ранее идеализма во взглядах на общественную жизнь. Значит, нужен был коренной переворот в социально-философской теории, суть которого сводилась к переходу от идеализма к материализму во взглядах на общество. Но социально-философская теория может быть разработана только как органическая часть целостного философского взгляда на

мир и место человека в этом мире, т. е. как органическая составная часть общего философского мировоззрения.

Такова логика этого процесса, и история полностью его подтверждает. Среди открытий Маркса создание материалистического понимания истории — это первое великое открытие. Общетеоретическое его значение состоит в создании целостной философии, в которой последовательный материализм охватывает и область социальной жизни, органически соединяется с диалектикой как наиболее всесторонним и глубоким учением о развитии, а также с теорией классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового общества [1].

Теперь, когда материализм в истории открыт и вошел в общественное сознание, он может показаться чем-то само собой разумеющимся. Но в условиях безраздельного господства идеализма в философии и науке, а религии — в повседневном сознании «уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея» [2]. Г. В. Плеханов писал, что возникновение философии марксизма — это «самая великая революция, которую только знает история человеческой мысли» [3].

Суть материалистического понимания истории изложена в первой главе «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса. Глава называется «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», свидетельствуя о том, что, как и «зародыш» нового мировоззрения — «Тезисы о Фейербахе», его «плод» оказывается тесно связанным с анализом философии Л. Фейербаха.

Поучительно отличие первой главы «Немецкой идеологии» от «Тезисов о Фейербахе». В «Тезисах» критика воззрений Фейербаха выступает отправным пунктом осмысления опыта развития всей истории философии. Исходный первый тезис фиксирует главный недостаток, присущий всем материалистам, включая Фейербаха: то, что разрабатывавшаяся ими теория познания (гносеология) была в основном созерцательной. Основная идея тезиса, следовательно, состоит в утверждении роли человеческой активности, практики в познании. В первой главе «Немецкой идеологии» направленность мысли

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.
[2] Там же, т. 1, с. 136.
[3] *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произв. В 5 т., т. 2, с. 450.

иная. Речь здесь идет не просто о критике созерцательности фейербаховского материализма и не о противопоставлении ему материализма практически деятельного, а об изложении на основе критики идеалистических социально-философских взглядов Фейербаха принципиально нового подхода к анализу социальных явлений, основанного на *материалистическом* понимании истории. Не случайно В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» подчеркивает именно эту суть вопроса. «Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию». Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия» [1].

Материалистическое понимание истории — это философское учение об обществе, и, как всякое философское учение, оно может быть глубоко понято только тогда, когда рассматривается в свете решений основного вопроса философии. Домарксистские философы разграничивали философию и ее представителей по многообразным основаниям — школам, ведущим идеям, методам и т. д. Основоположники марксизма в «Немецкой идеологии» впервые научно определили суть философии как мировоззрения, разрабатываемого на основе материалистического или идеалистического решения основного вопроса философии; они здесь сознательно исходили из четкой постановки и вполне определенного решения этого вопроса. Нелепо думать, что можно разграничить материалистическое и идеалистическое воззрения — в их исходных позициях и сути — как-то иначе, не обращаясь к основному вопросу философии.

Применительно к обществу материалистическое объяснение основного вопроса философии создает только первую предпосылку и необходимое условие научного исследования общественной жизни. Но оно еще не отвечает на вопрос: что же является, так сказать, «материей» социальной жизни? Домарксистский материализм не мог эту проблему не только решить, но даже поставить, ибо при анализе социальных явлений в качестве

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 55—56.

отправного пункта использовал абстрактно понятого человека. Критически осмысливая опыт прошлого, Маркс вырабатывал иной подход к общественной жизни. Суть его он позднее выразил так: «...мой метод *анализа,* исходным пунктом которого является не *человек,* а данный общественно-экономический период, не имеет ничего общего с немецко-профессорским методом соединения понятий...» (19, 386). Общество — это не просто совокупность людей, а совокупность их связей, и задача состоит в том, чтобы найти и вычленить в ней материально-экономические связи как сущностную основу любого исторически определенного общества. Уже в «Святом семействе», как это специально отметил в своем конспекте В. И. Ленин, видно, как Маркс подходит к основной идее всей своей системы, «к идее общественных отношений производства» [1]. В «Немецкой идеологии» речь уже идет о материалистической связи людей, которая «так же стара, как сами люди,— связь, которая принимает все новые формы и, следовательно, представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей» [2].

Только поставив людей в рамки исторически определенного общества, можно правильно подойти к анализу исторической деятельности людей, в том числе и к их трудовой, материально-производственной деятельности.

Но теперь возникает новый вопрос: как лучше, обращаясь к вполне определенному кругу людей, изложить и разъяснить противоположность материалистических и идеалистических воззрений? Здесь, конечно, возможны различные варианты. Но в данном случае кажется вполне ясным, чем определялся характер изложения нового открытия. В «Немецкой идеологии», в первой главе, предваряющей критику идеалистических спекуляций, Маркс и Энгельс, обращаясь к немецкому читателю, испытавшему на себе влияние гегелевской и младогегельянской, спекулятивно-идеалистической философии, должны были и по форме изложения противопоставить себя этим учениям. Вместо рассуждений о понятиях и их соотношении они начинают с простых, ясных, очевидных каждому предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем,— не произвольны, они — не догмы; это —

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 27.

действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [1].

Естественно, что и дальнейшее изложение материалистического подхода к истории Маркс и Энгельс ведут в соответствии с принятым принципом движения от известного к неизвестному, от простого к сложному: они последовательно характеризуют непосредственный процесс производства жизни, затем — связанные с ним формы общения и далее — порождаемые последними политическую надстройку и формы общественного сознания. Такое изложение позволяет подвести читателя к восприятию простого и вместе с тем очень важного тезиса о том, что способ производства жизни людей определяет все другие проявления их жизнедеятельности. Но можно ли отсюда делать вывод, что теоретическая суть материалистического понимания истории состоит не в материалистическом решении основного вопроса (и соответственно не в обосновании материалистического монизма при объяснении явлений общественной жизни), а просто в выяснении роли трудовой производственной деятельности (в более абстрактной постановке вопроса — роли «практики», «предметной деятельности» как первоосновы сознания) в детерминации всех человеческих отношений? Учитывая весь последующий опыт интерпретации и применения материализма в истории, делать это, думается, не стоит. При таком подходе оказывается неясным — почему же обоснование материализма в истории, данное в «Немецкой идеологии», убедительно подкрепляемое ссылками на очевидную всем роль производства в жизни людей, оставалось все же гипотезой, в высшей степени вероятной, но все же гипотезой? В. И. Ленин дал четкий ответ на этот вопрос. Суть его состоит в том, что в «Капитале», не прибегая ни разу для объяснения дела к чему-нибудь стоящему вне материальных производственных отношений, Маркс сумел показать действительное капиталистическое общество в его развитии с присущими ему классами, их деятельностью и ее результатами [2]. Только «Капитал», как известно, превратил материалистическое объяснение истории из гипотезы в научно обоснованную теорию.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 14.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 138—139.

В «Немецкой идеологии» вопрос о генезисе материальных общественных отношений не мог быть решен. Политико-экономические воззрения ее авторов были еще не разработаны, а исследования по антропогенезу, по существу, отсутствовали. Даже в 70-е гг. XIX в., когда Энгельс делал набросок «Роли труда в процессе превращения обезьяны в человека», конкретно-научные данные по этому вопросу были весьма скудны. Однако исходную позицию для анализа Энгельс зафиксировал точно: ближайшие животные предки человека «были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков» (20, 488—489). Нельзя сказать, что в современной антропологии проблемы генезиса общества и, соответственно, человека уже разрешены. Но ныне наукой доказано, что антропогенез — это процесс превращения популяции обезьян в предчеловеческое стадо, а затем последнего в человеческое общество. А это значит, что не только в обществе труд осуществляется посредством определенной общественной формы и может быть правильно понят только как детерминированный обществом, но и генезис человека происходил так, что потребность в труде и переход к труду как основному виду жизнедеятельности выступают не как индивидуальная, а как внутрипопуляционная потребность. Общество, как и сам человек, имеет природные предпосылки. Отсюда суть материалистического понимания истории — в вычленении системы материальных связей, позволяющих вывести общественное сознание из общественного бытия, а затем и объяснить действительную роль производства в жизни и развитии общества и человека. Благодаря этому делается также возможным проведение четкого различия между социальной основой познания и других проявлений общественного сознания.

Первое великое открытие Маркса и преобразование философии

Первое великое открытие Маркса коренным образом преобразовало всю философию. Начнем с того, что оно позволило по-новому определить содержание исходных и основополагающих понятий философии — категорий «материя» и «сознание» и впервые доказательно решить вопрос об их соотношении. Известно, что существенным недостатком всего домарксистского материализма является отождествление философского понятия материи с телами при-

роды, веществом, чувственно воспринимаемым предметом и т. д. В данном случае неважно, идет ли речь о наивном отождествлении философского понятия материи с «водой», «огнем», «атомами» (неделимыми кирпичиками) или с каким-либо физическим свойством — массой, протяженностью и т. п., важно другое — что решение философского вопроса о единстве мира, его первооснове сразу же сопровождается стремлением абсолютизировать известные науке материальные явления, т. е. истолковать их свойства как единственно возможные признаки материи.

Разработка материалистического взгляда на историю с самого начала предполагала четкое осознание того факта, что в социальной материи нет ни одного атома вещества. Это имело принципиальное значение для решения вопроса о содержании понятия «материя» в общефилософском смысле. Последнее вырабатывается марксистской философией только для абсолютного противопоставления этого понятия понятию «сознание» при решении основного вопроса философии.

Создание исторического материализма имело основополагающее значение для научного решения вопроса о сознании, его происхождении и сути. Домарксистский материализм, борясь против идеализма и религии, потратил немало усилий для доказательства вторичности сознания, его производности от материи. Вот как это, например, делал Дидро в блестящем диалоге с Даламбером. «...Возьмите яйцо,— начинает разъяснять свою мысль Дидро,— вот что ниспровергает все учения теологии и все храмы на земле. Что такое это яйцо? Масса неощущающая, пока в него не введен зародыш, а когда в него введен зародыш, то что это такое? Масса неощущающая, ибо этот зародыш в свою очередь есть лишь инертная и грубая жидкость. Каким образом эта масса переходит к другой организации, к способности ощущать, к жизни? Посредством теплоты. А что производит теплоту? Движение... Из материи инертной, организованной известным образом, под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения, получается способность ощущения, жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления... Способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт ее организованности...» [1]

[1] *Дидро Д.* Избр. филос. произв. М., 1941, с. 149—150.

Мы сознательно привели эту цитату, чтобы читатель сам получил возможность убедиться в силе и слабости рассуждений Дидро. Сила его в стремлении доказать, что человеческое сознание, как и психика животных, не имеет сверхъестественного происхождения и не возникла из ничего, а является свойством материи, продуктом ее организации. Но его слабость тотчас обнаруживается, когда он говорит «чижик из мяса, музыкант — из мяса, иначе организованного...»[1]. Ведь тем самым стирается качественная разница между психикой чижика и сознанием человека. Только создание исторического материализма, связавшее сознание людей не просто с устройством их тела, т. е. физическими предпосылками сознания, а с общественными условиями их жизни, позволило впервые выработать принципы научного подхода к анализу многообразных форм духовной жизни людей.

Вместе с тем материалистическое понимание истории имело решающее значение для доказательства относительности разграничения материального и идеального за пределами основного вопроса философии. Именно в обществе обнаруживается, что эти понятия выработаны только для решения вопроса о том, что чему предшествует и что является определяющим: материальное или идеальное. Но за пределами этого вопроса, решаемого по принципу «или — или», различие между ними относительно. Ведь в обществе все создано деятельностью людей — сознательных существ. Значит, во всем заключен результат усилий их разума и их рук. Материальные производительные силы — это результат практической энергии людей, воплощение их опыта, навыков, знаний; так же обстоит дело и со всеми другими продуктами человеческой деятельности. Что касается идеального, то фактом общественной жизни оно становится только тогда, когда материализовано в языке, книгах, орудиях труда и т. д.

Таким образом, материалистическое понимание истории позволило впервые в истории философии сознательно поставить и научно решить основной вопрос всей философии, четко отделив при этом философские понятия «материя» и «сознание» от их трактовок в рамках повседневного опыта и частнонаучных дисциплин.

Но и этим не исчерпывается суть дела. Распространение материализма на общество позволило впервые в

[1] *Дидро Д.* Избр. филос. произв., с. 151.

истории философии противопоставить идеализму целостную, монистическую, последовательно материалистическую систему взглядов на мир.

Наконец, огромное значение для философии имело открытие материалистического понимания истории как сознательного выражения всемирно-исторической преобразующей миссии рабочего класса. Только на основе практически-деятельного отношения к миру с позиций рабочего класса создается реальная возможность подлинно научного, диалектико-материалистического познания этого мира. Разработанная Гегелем идеалистическая диалектика, в которой он «гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*)...» (В. И. Ленин), была сохранена в своем рациональном содержании при разработке последовательно научного метода мышления и действия. Ф. Энгельс подчеркивал, что «материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики» (19, 322—323).

Создание исторического материализма имело, наконец, огромное значение не только для понимания единства общества и природы, но и для исследования их качественных различий. Распространение законов природы на общество не только приводило к фатализму, но и закрывало путь к пониманию специфики общественной жизни. Отрицание закономерного характера социально-исторического процесса оказалось также антинаучным и, кроме того, вело к субъективистскому, волюнтаристскому пониманию истории. Исторический материализм преодолел обе эти взаимоисключающие концепции, открыв специфическую материальную основу общества и доказав, что она создается самими людьми, многими, следующими друг за другом поколениями людей, вследствие чего она, естественно, независима от каждого данного поколения.

Значение создания исторического материализма для развития общественных наук

Как показывает опыт истории, буржуазная общественная наука не могла не испытать на себе влияния революционного переворота, совершенного марксизмом. В целом можно выделить три своеобразных этапа реакции буржуазного обществознания на марксизм, имея, конечно, в виду относительный характер этого разграничения. *Первый этап* характеризуется попыт-

ками игнорировать марксизм. В это время буржуазное обществознание, по существу, не хочет знать о той революции, которую марксизм совершил в философии и науке. Даже выход «Капитала» Маркса был встречен положительной рецензией лишь в далекой России, а в странах Западной Европы тщательно замалчивался. Что касается исторических работ Маркса и Энгельса, произведших переворот в исторической науке, а также работ, закладывавших основы научного языкознания, военной теории, юридических наук и т. п., то в течение длительного времени буржуазная наука с ними совершенно не считалась. *Второй этап* связан с теоретической победой марксизма над домарксистским мелкобуржуазным социализмом, господствовавшим в рабочем движении, что заставило буржуазное обществознание развернуть фронт борьбы против марксизма. Десятки раз буржуазные экономисты, историки, социологи, социальные психологи и т. д. объявляли марксизм опровергнутым, однако снова и снова вынуждены были приниматься за борьбу против этого учения. Показательно, что именно в этот же период начинается воздействие марксизма и на буржуазную общественную науку. Отдельные положения марксистской науки заимствуются без указания источника, причем часто в таком виде, который мало имеет общего с последовательным марксизмом. *Третий этап,* видимо, необходимо связать с началом практической реализации марксистско-ленинских идей, победой Октября, а затем и с образованием мировой системы социализма. Буржуазное обществознание начинает развертывать совершенно особые формы борьбы с марксизмом, в том числе и путем его «мягкого удушения». Маркса признают, перед марксизмом раскланиваются, с цитат Ленина начинают свои статьи и книги, и все это для того, чтобы извратить марксизм, лишить его революционности, «синтезировать» с той или иной буржуазной доктриной.

Но, конечно, наибольший интерес представляет воздействие первого великого открытия Маркса на становление и развитие качественно новых общественных наук, которые сознательно связываются с социальной позицией и интересами рабочего класса, его мировоззрением.

Что же дает материалистическое понимание истории для становления последовательно научной системы общественных наук? Прежде всего оно позволяет правильно подойти к объективному обоснованию принципиаль-

ного различия двух групп обществознания — группы исторических дисциплин, изучающих историческую деятельность людей (классов, социальных групп, отдельных личностей) как реально осуществляющуюся в рамках определенных стран, народов, государств, регионов и человечества в целом, и группы наук, изучающих части социального целого или отдельные явления общественной жизни с целью установления присущих им законов и форм их реализации в деятельности людей.

Огромное значение имела теоретическая работа Маркса и Энгельса по качественному преобразованию системы общественных наук. На первое место здесь должно быть поставлено создание Марксом научной политической экономии на основе критического осмысления истории экономических учений и глубочайшего анализа капиталистической экономики.

Считая, что философское обоснование социализма при всей своей значимости не может служить непосредственным обоснованием стратегии и тактики борьбы за социализм, Маркс не пожалел почти сорока лет своей жизни для разработки политической экономии капитализма. Только конкретно-научный анализ экономических отношений общества и присущих им объективных законов позволил показать как неизбежность появления капиталистического общества, так и неизбежную его гибель и замену социалистическим обществом. В. И. Ленин специально подчеркивал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества»[1]. Труды Маркса и Энгельса заложили фундамент для всесторонней разработки политической экономии как общественной науки, охватывающей все общественно-экономические формации, в том числе и коммунистическую.

Опираясь на материалистическое понимание истории и положения научной политической экономии, основоположники марксизма создали теорию научного коммунизма.

Значителен также вклад их в разработку других общественных наук — юридических, языкознания, искусствоведческих, социологических, социально-психологических, педагогических и т. п.

Исторический материализм как социально-философ-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

ская теория, дающая знание об общих законах и движущих силах общественного развития, позволяет историческим наукам строго определить гносеологическую природу исследуемого объекта, а также гносеологическую природу тех конкретно-научных понятий, в которых отражается их специфический объект. На основе материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу вырабатывается специфическое ви́дение социальной реальности.

Не только исторические науки, изучающие поток исторической деятельности людей, но и общественные науки, исследующие структурные элементы социальной системы как части целого, обретают в историческом материализме руководство к изучению *развивающихся* объектов.

Материалистическое понимание истории — мощное средство выявления и анализа социальных противоречий как источника общественного развития. Вместе с тем оно дает конкретным общественным наукам метод оперирования категориями данной науки.

Таким образом, в изучении социальной жизни и принцип материализма, и принцип диалектики выполняют одинаково важные гносеологические и методологические функции. Они требуют, чтобы каждая общественная наука рассматривала свой объект в его собственном бытии и развитии, а свои специфические понятия — с точки зрения их объективной устойчивости и изменчивости, определенности и подвижности. Только единство материализма и диалектики в социальном исследовании дает возможность общественной науке развиваться творчески, плодотворно.

При характеристике взаимосвязи марксистской науки об обществе с практикой необходимо иметь в виду принципиальные различия характера социальной практики рабочего класса в условиях капиталистического общества и после победоносной пролетарской революции.

До социалистической революции основная направленность социально-преобразующей деятельности пролетариата и возглавляемых им прогрессивных сил нацелена на решение задачи, связанной с ликвидацией эксплуататорского общества. Поскольку исходным при решении этой задачи является ликвидация политического господства буржуазии и установление власти трудящихся под руководством пролетариата, постольку при капитализме стержнем всей практической деятельности рабочего клас-

са, его партии оказывается политическая деятельность, носящая, по существу, массовый характер. Ясно, что тем самым практика ставит перед обществознанием задачу вскрыть научные принципы перехода от индивидуальных к массовым действиям, без чего невозможно обеспечить создание политической армии революции, конкретного союза классов, слоев и групп, способных к решению назревшей объективной задачи и заинтересованных в нем.

Принципиально иной характер носят те требования, которые предъявляет к общественному познанию и социальной теории практическая деятельность победившего пролетариата. Здесь на первый план выдвигаются позитивные задачи строительства нового общества, вовлечения в творческую созидательную работу сначала большинства, а затем и всех трудящихся, резкая интенсификация и активизация человеческого фактора. Впервые в мировой истории возникает невиданной сложности проблема теоретического предвидения и обоснования целенаправленной созидательной деятельности людей во всех сферах общественной жизни. По мере развития социалистического общества становится все более очевидным, что пассивность каждого отдельного человека — это экономическая и социальная потеря для общества. Уяснение того, что успехи социалистического строительства зависят не только от общих действий народных масс, но и от активности, инициативы, творческого горения каждого индивида, непосредственно подводит обществоведов — социологов, социальных психологов, экономистов, юристов, социальных экологов, этиков и др.— к осмыслению способов и путей реализации данной задачи. Целенаправленный процесс функционирования и развития социалистического общества может стать «предметным бытием» обществознания только тогда, когда последнее станет функциональным элементом этого общества.

Но реализация этой задачи связана с преодолением специфической трудности общественного познания. Речь идет о том, что эмпирической базой общественных наук всегда был и будет наличный уровень общественного развития и, соответственно, конкретно-исторический опыт жизнедеятельности людей, народных масс. Поэтому общественная наука, если она не желает вырождаться в социальную утопию, не может и не должна заниматься сочинением проектов будущего путем простого логического развития некоторых добытых познанием социальных истин. Но значит ли это, что социальная теория обречена

плестись в хвосте за практическим опытом масс, а деятельность масс, творящих новое общество, не может опираться на разработанный наукой и опережающий практику идеальный план деятельности?

Марксистское обществознание еще при капитализме показало, как разрешается это противоречие. Вскрыв законы развития капитализма, Маркс показал историческую неизбежность его замены социализмом. Тем самым он доказал, что на основе знания законов развития действительности можно предвидеть вытекающие из нее необходимые следствия. Значит, теория может опережать действительность и вооружать действующего в истории субъекта ясным пониманием объективно назревших социальных задач и уверенностью в успехе своей деятельности, реализующей требования объективных законов. Но формы реализации законов в конкретной деятельности людей, темпы их осуществления, наиболее рациональные в различных и меняющихся условиях пути и средства их реализации теория заранее предсказать и предусмотреть не может. Только обобщая опыт масс, уроки побед и поражений, социальная наука способна поднять этот опыт на уровень теории, извлечь из него общие и существенные выводы и тем самым создавать условия для все более сознательных и успешных действий. Развязывание творческой инициативы и активности масс и каждого отдельного человека составляет необходимое условие успешного развития общественных наук.

Таким образом, диалектический характер взаимоотношения общественной теории и практики при социализме состоит в том, что условием развития теории становится постоянное возникновение и разрешение коллизии между необходимостью в опережающем познании и невозможностью получить это знание вне глубокого обобщения опыта истории и деятельности масс. Разрешение этой коллизии достигается, с одной стороны, путем постоянного развития науки, все глубже исследующей законы общественного развития, с другой — с помощью развязывания творческой инициативы масс и каждого отдельного человека, внимательного осмысления накапливаемого опыта, сопоставления его с закономерными тенденциями прогрессивного развития и совершенствования на этой основе научных теорий, служащих успеху практической деятельности.

Осмысливая требования, предъявляемые ныне к общественным наукам, следует сказать о необходимости

существенного расширения сферы обществознания, более тесного взаимодействия трех фундаментальных составных частей марксизма — философии, политической экономии и научного коммунизма — с такими областями научного знания, как конкретная социология, социальная психология, демография, медицина, социальная экология, статистика, информатика и другие, призванные решать актуальные теоретические и практические вопросы социальной практики.

3. МАРКС И ЭНГЕЛЬС: БЕСПРИМЕРНОЕ ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО

Восхождение к истине

От имени Карла Маркса неотделимо имя Фридриха Энгельса. В течение сорока лет оба они в беспримерном духовном единстве разрабатывали научное социалистическое учение, совершив настоящую мировоззренческую революцию, организовывали и просвещали передовые отряды рабочего класса. «Два неразлучных друга, близнецы-Диоскуры[1] Маркс и Энгельс были первыми, кто ясно определил историческую задачу и историческую силу пролетариата... Они научно доказали значение классовой борьбы как движущей силы истории»[2],— писала К. Цеткин.

Наше отношение к теоретическому наследию и бесценному практическому опыту великих учителей неотделимо от глубочайшего уважения к ним как удивительным по богатству и силе духа личностям, к примеру их жизни. Как не вспомнить здесь строки письма В. И. Ленина Инессе Арманд, написанные в январе 1917 г.: «Перечитывал «Zur Wohnungsfrage»[3] Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»[4]. Мыслители, впервые поставившие на научную основу вопрос об общест-

---

[1] Диоскуры — в греческой мифологии герои-близнецы, совершившие ряд подвигов во имя своего народа, олицетворявшие идеал человеческих отношений.

[2] Их имена переживут века. Международные отклики на смерть К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1983, с. 312.

[3] «К жилищному вопросу».— *Ред.* (см. 18, с. 203—284).

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 378.

венном идеале, по сути дела, сами являли собой человеческий идеал. Тут есть определенная закономерная связь — совершенство творческой мысли неотделимо от всех сторон и особенностей творца, в первую очередь его нравственного сознания.

Справедливо высказывание Ф. Меринга: «Было бы праздным делом ломать себе голову над вопросом о том, что вышло бы из Энгельса или из Маркса, если бы они не встретили друг друга. Они должны были найти и нашли друг друга, и признательным потомкам надлежит ценить то бессмертное, что создали вместе эти два смертных человека» [1].

К самооценкам Энгельса, органической чертой которого была исключительная скромность в оценке собственной роли [2] (что он, мол, в «совместной двухголосной партии» с Марксом играл только «вторую скрипку» и подчеркивал свое значение «лишь как сотрудника великого человека»), мы подходим со своим «поправочным коэффициентом». Он играл на своей «скрипке» не только «довольно сносно» (по собственным словам), но и самостоятельные «партии». А после смерти Маркса он почти всецело отдался тому, чтобы сделать всеобщим достоянием идейное наследие своего великого друга, и до конца дней своих возглавлял мировое революционное движение.

Еще до начала тесного сотрудничества с Марксом Энгельс самостоятельно пришел к ряду важных выводов относительно внутренних пружин исторического процесса, увидев их в антагонизме экономических интересов противостоящих друг другу классов. Двадцатитрехлетнему Энгельсу принадлежит большая заслуга в критике буржуазной политэкономической мысли. В своей первой экономической работе «Наброски к критике политической экономии» (1, 544—571) он с точки зрения идей формирующегося научного социализма рассматривает экономический строй буржуазного общества и основные категории буржуазной экономической науки. Пусть эта работа еще не свободна от влияния абстрактного, «философского» коммунизма, но здесь намечается, по суще-

---

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1983, ч. 1, с. 378.

[2] На обращение Г. В. Плеханова в письмах к нему «Дорогой учитель!» Энгельс ответил: «Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс» (39, 209). Он не выносил каких-либо нарочитых проявлений чувств, дифирамбов в свой адрес, чурался восторженных приемов.

ству, диалектический, исторический анализ капиталистического производства и соответствующей ему экономической теории. Недаром спустя много лет после опубликования этого скромного по объему первого экономического труда Энгельса Маркс, уже сложившийся мыслитель, назовет его «гениальным» (см. 13, 8).

Именно после появления «Набросков» на страницах «Немецко-французского ежегодника» между Марксом и Энгельсом завязалась переписка, установился постоянный письменный обмен мнениями — пролог беспримерной дружбы. «Общение с Энгельсом,— писал В. И. Ленин,— бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот» [1].

Уже тогда Энгельс понял, что корень противоречий материальной и духовной жизни буржуазного общества в частной собственности. Это понимание получило свое развитие в его последующих статьях и в книге «Положение рабочего класса в Англии».

В своем первом совместном труде «Святое семейство» (1844 г.) Маркс и Энгельс объявили войну идеализму, отрыву теории от живой действительности, от материальной практики. Именно в этой работе они выдвигают и обосновывают положение: чем глубже, значительнее оказывается происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее должна быть масса, совершающая его. Они указали на тесную связь «идеи» и «интереса», а также на «необходимую связь между учением материализма... и коммунизмом и социализмом» (2, 145). В этом произведении был сформулирован ряд исходных положений нового мировоззрения, новой материалистической философии, ставшей теоретической основой научного коммунизма.

Затем последовала «Немецкая идеология». Над ней молодые мыслители работали с ноября 1845 г. до лета 1846 г., сообща выдвинув целостную диалектико- и историко-материалистическую концепцию как философскую основу коммунизма. Основным содержанием этого труда является изложение и обоснование исторического материализма. Здесь впервые систематически развита основополагающая идея материалистического понимания истории: общественное производство — не только производство вещей, но и производство общественных отношений,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.

как материальных, так и духовных. Исследовав диалектику производительных сил и производственных отношений, Маркс и Энгельс обосновали научное понимание всего исторического процесса, преемственной связи между последовательными ступенями общественного развития. Впервые были сформулированы идеи об общественно-экономических формациях, более подробно разработанные Марксом и Энгельсом в последующие годы. Был сорван мистический покров с истории человечества, развенчаны иллюзии относительно политических институтов общества, в первую очередь государства, которое как форму социальной организации неизбежно должен принять господствующий класс, чтобы «как вовне, так и внутри страны» гарантировать свою собственность и свои интересы [1]. Материальным производством, общественными отношениями, классовой борьбой порождаются определенные формы общественного сознания — религия, философия, мораль и т. д. Важнейшее материалистическое положение: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [2] — служит ключом к пониманию природы политики, духовной культуры, социальных ценностей и так называемых человеческих качеств.

Важнейшим из выводов, сделанных здесь, был вывод о неотвратимости пролетарской, коммунистической революции. На страницах этого труда впервые была сформулирована мысль о необходимости завоевания пролетариатом политической власти. В общих чертах были определены особенности будущего коммунистического общества, в котором стихийное развитие общества уступит место господству людей над своими общественными отношениями, сознательному управлению ими; исчезнут классы, и — соответственно — порабощающее людей классовое разделение труда; исчезнет противоположность между городом и деревней, между умственным и физическим трудом; новый социально-экономический строй откроет небывалый простор для развития общества, обеспечит каждому условия для всестороннего развития человеческих сущностных сил. Коммунизм из утопического идеала превращался в научно обоснованную теорию. «Коммунизм для нас,— писали Маркс и Энгельс,— не *состояние,* которое должно быть установлено, не *идеал,* с которым должна сообразоваться действительность. Мы

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 73.
[2] Там же, с. 20.

называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [1].

В те бурные 40-е гг., когда в Европе стихийно нарастало революционное движение, Маркс и Энгельс не случайно делали акцент на слове «коммунизм»: вокруг было немало «социалистических» течений — с одной стороны, приверженцев различных утопических систем, с другой — всевозможных социальных знахарей, стремившихся с помощью всякого рода «всеисцеляющих» средств устранить общественные бедствия. «В обоих случаях,— писал Энгельс,— это были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие поддержки скорее у «образованных» классов. Напротив, та часть рабочих, которая убедилась в недостаточности чисто политических переворотов и требовала коренного переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической*... Социализм, по крайней мере на континенте, был вполне благопристойным, коммунизм — как раз наоборот. А так как мы уже тогда весьма решительно придерживались того мнения, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», то для нас не могло быть и минутного сомнения в том, какое из двух названий нам следует выбрать. И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него» (22, 62).

Параллельно с углублением теоретического исследования животрепещущих проблем Маркс и Энгельс приступили к работе по сплочению разрозненных революционных групп в единое движение на базе идеологии борющегося рабочего класса, к созданию пролетарской партии. В январе 1846 г. в Брюсселе они создают Коммунистический корреспондентский комитет, призывая своих сторонников в других странах повсюду формировать аналогичные комитеты с целью установления постоянной связи между социалистическими и коммунистическими группами, выработки совместной стратегии и тактики в демократическом движении, а в перспективе — создания международной коммунистической организации.

В 1847 г. Маркс и Энгельс вступают в Союз справедливых и реорганизуют его в Союз коммунистов, ставший прообразом коммунистической партии. На первом конгрессе Союза коммунистов (в июне 1847 г.) вопрос о программе революционной борьбы пролетариев выдвинулся на первый план. В качестве проекта ее рассматривался

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 33.

«Коммунистический символ веры», написанный в основном Энгельсом. Значительная часть документа вошла потом в написанные Энгельсом «Принципы коммунизма». Эти идеи получили дальнейшее развитие в созданном Марксом и Энгельсом «Манифесте Коммунистической партии», в котором марксизм выступил как стройная научная теория революционного преобразования мира. Была дана беспощадная критика всех экономических и политических порядков и учреждений буржуазного общества: собственности, государства, семьи и брака. Показано, что капиталистическое производство создает почву для организации пролетариата в класс, для развертывания его классовой борьбы. Четко выражена великая идея марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и созидателя нового общества, а также сформулированы программные положения коммунистической партии. «Эта небольшая книжечка,— писал В. И. Ленин,— стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира» [1].

Таким было то магистральное направление, в русле которого в дальнейшем развивалась вся многогранная жизнь и деятельность двух великих людей. Отдав себя служению рабочему классу, Маркс и Энгельс никогда не сомневались в истинности избранного ими пути.

Во главе борющегося пролетариата

Вехи жизни Маркса и Энгельса — это вехи большого отрезка революционной истории Европы, а все написанное ими — не только политические статьи и теоретические исследования, но и личная переписка — волнующая летопись эпохи. В течение всех тех лет неуклонно развивалось и крепло основанное ими учение, питаемое новыми фактами, обогащаемое новыми выводами. Отвечая интересам и стремлениям борющегося пролетариата, оно встретило с его стороны сочувствие, какого не искало и не ожидало со стороны официальной буржуазной (и казенной и либеральной) науки. Но в марксизме не было ничего похожего на «сектантство» в смысле некоего замкнутого, окостенелого учения, возникшего в стороне от столбовой дороги истории.

Когда случались спады революционного движения и торжествовала реакция, Маркс и Энгельс использовали прогрессивные органы буржуазной печати, публично вы-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.

сказывая свое мнение по актуальным вопросам международной политики и внутреннего положения Германии, Англии, Франции, России и других стран. Нередко такого рода публикации были плодом их совместного труда. В них глубина анализа текущей ситуации сочеталась с превосходным знанием истории и культуры народов. Вся эта теоретическая и публицистическая деятельность была неотделима от их практической организаторской деятельности.

Как основатели первой массовой международной организации пролетариата — Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала) они внесли огромный вклад в организацию рабочего и социалистического движения. При этом значительная часть работы по повседневному практическому руководству социалистическим движением в ряде стран и борьбе против противников марксизма легла на плечи Энгельса. «Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной,— писал он,— на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе,— в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами,— для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом» (21, 337).

«Капитал» — это прежде всего, разумеется, дело его гениального автора, но мы не можем не воздать дань признательности и Энгельсу, который в течение нескольких десятилетий оказывал своему другу огромную помощь в разработке политэкономических проблем и популяризации достигнутого. Неудивительно, что, когда на последней странице первого тома «Капитала» была поставлена точка, Маркс поздней ночью 16 августа 1867 г. писал Энгельсу: «Итак, *этот том готов.* Только ***тебе*** обязан я тем, что это стало возможным!» (31, 275).

А вот слова В. И. Ленина: «Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» [1].

Когда в 70-х гг. XIX в. начался новый этап рабочего движения, в капиталистических странах стали образовываться, расти и мужать социалистические рабочие партии, вновь обострился интерес к теоретическим проблемам. Этого требовала и необходимость уяснения уроков

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 49.

Парижской коммуны. Энгельс ведет решительную борьбу против непролетарских течений — лассальянства, прудонизма, бакунизма. Его яркая работа «К жилищному вопросу» явилась и одним из самых значительных после «Нищеты философии» Маркса прямых выступлений против мелкобуржуазного и буржуазного социализма в его наиболее характерных проявлениях. Здесь Энгельс решительно критикует абстрактное понимание категорий «право» и «справедливость», называет невежеством и беспомощностью суждения об общественных явлениях вне связи их с материальными экономическими условиями жизни, высмеивает декларации о совершенствовании морали и права без ущемления капиталистической собственности. Действительное решение жилищного, равно как и любого другого общественного, вопроса, затрагивающего судьбу рабочих, автор видит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении самим рабочим классом всех средств существования и средств труда. В данном произведении указывалось на связь путей и способов проведения социалистических преобразований с конкретными условиями. Оно сохранило и по сей день свое принципиальное значение в борьбе как с «левым» сектантством, так с правыми оппортунистами.

«Настольная книга всякого сознательного рабочего»

Апогеем теоретической борьбы Энгельса за идейные основы рабочей партии явилась критика им претенциозной «системы» приват-доцента Берлинского университета Е. Дюринга. По установившемуся между друзьями обычаю помогать друг другу в специальных областях Маркс написал для нового произведения Энгельса «Анти-Дюринг» десятую главу отдела политэкономии; Энгельс в свою очередь читал ему всю рукопись перед отсылкой ее в печать. Был создан, говоря словами самого же автора, «энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем...» (36, 119). В нем наглядно в целостном изложении представлены три составные части марксизма: законченный философский материализм, живой душой которого является диалектика; политическая экономия, понимаемая в широком смысле слова как «наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» (20, 150), и научный коммунизм как теория революционной освободительной борьбы рабочего класса,

выявляющая его всемирно-историческую роль созидателя социалистического общества. Недаром Ленин назвал «Анти-Дюринг» (вместе с работой Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») «настольной книгой всякого сознательного рабочего»[1].

Как литературное произведение «Анти-Дюринг» — классический образец коммунистической публицистики. Глубина содержания, точность выражения мысли, безупречная аргументированность и логическая стройность рассуждений здесь сочетаются с безжалостной хлесткостью неотразимых оценок. Во всем этом — сам характер Энгельса, фундаментальность его эрудиции и воинственный, решительный дух. Критикуя Е. Дюринга, этого, по словам Энгельса, типичнейшего и наиболее массового продукта буржуазной интеллектуальной индустрии, он писал: «Мы имеем здесь дело с детской болезнью, которая свидетельствует о начинающемся переходе немецкого студиоза на сторону социал-демократии и неотделима от этого процесса, но наши рабочие при своей замечательно здоровой натуре несомненно ее преодолеют» (20, 7). Как покажет в дальнейшем опыт истории, «детская болезнь» будет вновь и вновь проявляться, хотя и в других формах, в последующих поколениях адептов социализма, и в идейном арсенале профилактических и целительных средств «Анти-Дюринг» Энгельса сохранит свое непреходящее значение.

Поучительность этого произведения — в последовательно проведенном материализме и историзме, в разоблачении идеализма, метафизики и эклектики. Энгельс предостерегает от произвольного конструирования теоретических связей, исходящего из априорных представлений, и затем внесения их в эмпирические факты — «надо извлекать их (связи.— *Авт.*) из фактов и, найдя, доказывать их, насколько это возможно, опытным путем» (20, 370—371).

И будущее, новое качество общественного устройства, как показывает Энгельс, марксизм учит рассматривать не как воплощенное откровение того или другого выдающегося ума, а как необходимый результат борьбы противостоящих друг другу классов: нужно исследовать историко-экономический процесс, закономерным следствием которого явились эти классы с их взаимной борьбой, и в реальном положении, обусловленном названным про-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 43.

цессом, стремиться найти средства разрешения конфликта. «...Конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в *философии,* а в *экономике* соответствующей эпохи» (20, 278). И средства для устранения общественного зла надо не «изобретать» из головы, а открывать их «в наличных материальных фактах производства» (20, 278).

Критикуя наукообразную концепцию Е. Дюринга, Ф. Энгельс воспроизвел основные положения разработанной Марксом теории прибавочной стоимости, отметив, что именно Маркс открыл тайну рождения последней и тем самым сбросил покрывало с механизма капиталистической наживы,— отсюда берет свое начало научный социализм.

Глубокое понимание всего происходящего укрепляло убежденность Энгельса в том, что выросшие в условиях капиталистического способа производства производительные силы, дальнейшее развитие которых буржуазия не в состоянии обуздать, «возьмет в свое владение организованное для совместной планомерной работы общество, чтобы обеспечить всем членам общества средства к существованию и свободному развитию их способностей, притом во все возрастающей мере» (20, 154). В этой связи Энгельс подчеркивает, что ответственность науки перед обществом по мере его исторического движения вперед возрастает, особенно когда становится возможным общественное производство по единому плану. Он завещал исследовать исторические условия, а вместе с тем и саму природу социалистического переустройства общества, которое призван осуществить рабочий класс под руководством своей партии.

В философском творчестве Энгельса, как и Маркса, нашли свое воплощение и его многолетние занятия естественными науками, активный, целеустремленный интерес к практическим и теоретическим открытиям в самых различных научных областях. «...Он — настоящая энциклопедия»,— говорил Маркс о своем друге (28, 505).

Продолжая дело Маркса

После смерти Маркса Энгельс принял на себя груз забот вождя международного рабочего движения. Параллельно он осуществлял поистине гигантский труд — разборку рукописей и подготовку к печати второго и третьего то-

мов «Капитала» Маркса. В эти годы им были написаны новые фундаментальные труды — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», обогатившие сокровищницу марксизма новыми идеями и положениями.

В первом из них наглядно показывалась эволюция человеческих отношений (начиная с «первоклеточки» — семейных), изменение влияния их на общественный строй по мере роста производительных сил. Возникновение частной собственности, обусловленное развитием материального производства, общественным разделением труда, порождает классы, классовые противоречия, классовую борьбу. Исключительно важное значение имеет анализ Энгельсом происхождения и развития разных форм собственности в неразрывной связи с прогрессом производительных сил. Он всесторонне исследовал вопросы происхождения и сущности государства, его конкретных форм, в частности классовой природы буржуазно-демократической республики, которую западные идеологи и поныне выдают за высшую форму демократии. Энгельс предостерегал от парламентских иллюзий: пока сохраняется власть капитала, никакие «демократические свободы» сами по себе не приведут к социальному освобождению трудящихся. В перспективе же исторического развития «классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (21, 173). В. И. Ленин, отзываясь об этом сочинении, подчеркивал, что в нем «можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала» [1].

В «Людвиге Фейербахе...» дано цельное изложение предыстории и сущности марксизма, того революционного переворота в философии, который был ознаменован рождением диалектического и исторического материализма. Вычленив рациональное зерно в диалектике Гегеля, основоположники марксизма порвали с его идеализмом, об-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

ратившись к материализму, т. е. к пониманию объективной реальности такой, какая она есть, без всяких искусственных, «системообразующих» выдумок. Гегелевский метод был переработан на материалистической основе, поставлен с головы на ноги. «Вернувшись к материалистической точке зрения,— писал Энгельс,— мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия... Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира» (21, 301—302).

Большое значение имела переписка Энгельса по вопросам исторического материализма. Основной пафос ее — стремление оградить марксизм от его вульгаризации, от смещения в нем акцентов (в частности, сведения его к экономическому материализму), от демагогии и псевдореволюционной фразеологии. В ответе одному из лидеров «молодых» он пишет, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» (22, 86).

В своих письмах Энгельс раскрывает диалектику отношений между экономическим базисом общества и всеми надстроечными явлениями, предостерегает против одностороннего взгляда, абсолютизирующего зависимость идеологической сферы от экономики; необходимо, учил он, видеть не только прямые связи, но и обратные, а также косвенные воздействия и опосредствования. «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала...» (37, 420). В противоположность вульгарной точке зрения, согласно которой экономические отношения действуют якобы автоматически, помимо воли людей (и тем самым истории придавался фаталистический характер), Энгельс доказывал, что люди сами творят свою историю, преследуя свои интересы, но делают они это в конкретных условиях, подчиняясь объективным требованиям общественных, в первую очередь экономических, отношений. Через хаос случайностей и противоречий объективная необходимость прокладывает в конечном счете себе дорогу.

В своих суждениях и оценках Энгельс предвосхитил

многие сущностные черты приближающейся, созревающей новой эпохи — эпохи, которая позднее получит название *империалистической.*

В добавлениях и примечаниях к «Анти-Дюрингу», к третьему тому «Капитала», в ряде статей и писем он отмечал распространение акционерной формы капитала, образование монополий в виде картелей и трестов. Во всем этом он видел дальнейший рост концентрации и централизации капиталистического производства, определенные сдвиги в производственных отношениях капитализма, происходившие под воздействием прогресса производительных сил, которым становилось все более тесно в традиционной капиталистической оболочке. Неудивительно, что в рамках отдельных предприятий, их объединений и даже целых промышленных отраслей начали формироваться элементы хозяйственного планирования, стала учитываться конъюнктура рынка, ее возможные колебания. «В трестах,— писал Энгельс,— свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов» (20, 673). Примечательно и то, что буржуазное государство все чаще вынуждено брать на себя руководство отдельными отраслями экономики, но правительственные ведомства управляют от имени власть имущего класса и в его интересах, способствуя дальнейшему присвоению буржуазией по «праву» собственника средств производства прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом. Энгельс указывал, что «государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» (20, 290). В небольшом наброске «Биржа», написанном как дополнение к третьему тому «Капитала», он отмечает тенденцию материального производства и, соответственно, капитала к концентрации. Усиление роли биржи как «очага величайшей коррупции», «питомника панамы и других скандалов» (см. 39, 13), возрастание мощи банков, вывоз капитала за границу связывает с важнейшими модификациями буржуазной собственности и новыми методами организации капиталистического предпринимательства, с усугублением социального паразитизма, обострением противоречий, присущих капитализму. В мысли Энгельса о том, что развитие монопо-

лий, акционерных компаний означает прекращение (разумеется, в рамках этих объединений) не только частного производства, но и отсутствие планомерности (см. 22, 234), В. И. Ленин видел «замечательно ценное указание» на новое качество капитализма [1]. Для такой новой постановки вопроса требовалось творческое развитие марксизма, умелое применение его в конкретных исторических условиях.

Анализируя существо и характер внешнеполитических отношений между капиталистическими странами, Энгельс приходит к выводу, что усложняющееся взаимодействие между ними, все более завязывающееся в тугой узел, увеличивает вероятность перерастания локальных войн в мировой конфликт с исключительно разрушительными последствиями. «...Это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы» (21, 361). В статьях 90-х гг. он размышляет о тактике рабочего класса в условиях нарастания угрозы такой войны. Главное в ней — борьба против милитаризма. Агрессивным планам монополистических кругов представители рабочего класса должны, по мнению Энгельса, противопоставить программу борьбы за прочный и устойчивый мир (его точка зрения на сей счет была ярко выражена в серии статей «Может ли Европа разоружиться?» для газеты «Форвертс»). «Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своем собственном доме» (22, 290).

В своих печатных выступлениях, письмах, в личных беседах Энгельс не уставал разъяснять творческий характер марксизма, принципиально несовместимого с отрывом теории от практики, исторического опыта, подчеркивал необходимость обогащения теории новыми выводами. «Нельзя понять марксизм и нельзя цельно изложить его, не считаясь со *всеми* сочинениями Энгельса» [2],— писал В. И. Ленин.

Русский литератор и переводчик, участник социал-демократических кружков начала 90-х гг. А. М. Воден вспоминал, как однажды Энгельс высказал пожелание, чтобы молодые социал-демократы не подбирали цитаты из Маркса и его, Энгельса, сочинений, а мыслили бы самостоятельно, как мыслил бы Маркс на их месте,—

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 67—68.
[2] Там же, т. 26, с. 93.

«только в этом смысле слово «марксист» имеет raison d'être (право на существование (фр.).— *Ред.*)»[1].

В буржуазной и реформистской литературе бывали неоднократно попытки ослабить или исказить смысл и значение вклада Энгельса в революционную теорию, в марксизм, в мировую культуру вообще. Не раз пытались представить его простым популяризатором работ Маркса, не внесшим ничего оригинального в науку. Не было недостатка и в стремлениях приписать Энгельсу расхождения во взглядах с Марксом, в попытках выискать противоречия между ними в толковании общественных и природных явлений, в методологии их исследования. Социал-демократический историк Г.-Й. Штейнберг в очерке об Энгельсе, напечатанном в изданной в ФРГ многотомной серии «Немецкие историки», воспроизводя избитые обвинения в адрес великого мыслителя, будто он упрощал марксистское учение, исторический материализм, договорился до утверждения, что Энгельс своим «Анти-Дюрингом» якобы положил начало «вульгаризации марксизма в эпоху II Интернационала»[2].

Немало бывало и спекуляций на так называемом «политическом завещании» Энгельса, т. е. последней его работе — «Введении» к «Классовой борьбе во Франции» Маркса, брошюре, составленной из серии статей Маркса о французской революции 1848—1849 гг., напечатанных в 1850 г. в «Новой Рейнской газете» и представлявших, по словам Энгельса, «величайшую ценность» (см. 39, 297). В «Введении» он подчеркивал тождественность своих теоретических и политических взглядов со взглядами Маркса, а также верность принципиальным оценкам, которые давались ими обоими четыре с половиной десятилетия назад. Энгельс выступает здесь против двух ошибочных крайностей: субъективизма, волюнтаризма в революционной борьбе, с одной стороны, и абсолютизации легальных, парламентских форм этой борьбы — с другой. Он подчеркивал необходимость использования всех форм — как мирных, так и немирных, необходимость диалектического подхода к решению конкретных политических задач в конкретной обстановке. К сожалению, издатели при опубликовании «Введения» исказили текст, внеся в него без согласования с автором изменения, придав тем самым содержанию односторонний ха-

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 2, с. 84.

[2] *Steinberg H.-J.* Friedrich Engels.— Deutsche Historiker. Göttingen, 1972, Bd. 3, S. 29, 39.

рактер. Энгельс был возмущен этим, о чем писал К. Каутскому и П. Лафаргу (см. 39, 367, 373, 376—379). Однако искажения, допущенные издателями, не были исправлены, работа Энгельса подверглась ложному истолкованию сначала со стороны Э. Бернштейна, а затем и других оппортунистов II Интернационала, утверждавших, будто он перед смертью пересмотрел свои взгляды в пользу реформистского пути. Впервые полный текст «Введения», сверенный с оригиналом рукописи, был опубликован в СССР в 1939 г., и тем самым документально была опровергнута фальсификация.

Попытки искажения исторической правды не прекращаются и по сю пору. Но ничто не сможет в конечном счете бросить тень на тот факт, что наследие Энгельса неотделимо от наследия Маркса. Вместе они составляют органичное единство, целостный монолит, в котором любая, самая малая часть бесценна и находится в полном соответствии с марксистским учением в целом. В непреходящем значении трудов основоположников марксизма убеждаются новые и новые поколения, черпая живую силу в богатстве их мыслей, наблюдений, оценок и выводов. Эти труды сохраняют непреходящую актуальность как источник самого главного, самого важного для мировоззрения и методологии научного познания и социальной практики.

4. МАРКС И РОССИЯ: ВЫМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Интерес Маркса к России

Тема России, ее исторического прошлого и революционного будущего, критика самодержавного деспотизма, изучение русской культуры и общественной мысли, обширные контакты с русскими революционными мыслителями, учеными, публицистами — все это занимало значительное место в теоретической и практической деятельности основоположников марксизма. В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»[1]. Особенно крупным знатоком русских

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 13.

проблем был Маркс, и это обстоятельство специально подчеркивал Энгельс: «...я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал Россию, ее внутреннее и внешнее положение...» (36, 446).

В сферу интереса Маркса к России входили два принципиально важных круга вопросов. Первый — проблема царизма, который являлся для него олицетворением европейской реакции, оплотом консерватизма и центром притяжения контрреволюционных сил. Наиболее резкая критика русского самодержавия содержится в работах Маркса и Энгельса конца 40-х гг., отражавших их непосредственное участие в революции 1848 г. и опубликованных в «Новой Рейнской газете».

С нарастанием революционного брожения в России, уже в следующем десятилетии, т. е. накануне первой революционной ситуации 1859—1861 гг., внимание Маркса привлекают вопросы, касающиеся перспектив русской революции. Возраставший интерес к русским делам, все более систематические исследования русской социально-экономической ситуации, особенно в последнее десятилетие его жизни, знакомство с социально-философскими идеями таких выдающихся мыслителей России, как Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, М. М. Ковалевский,— все это сделало Маркса крупнейшим в Западной Европе знатоком нашей страны.

В этом проявилось в высшей степени свойственное его личности органическое слияние качеств философа и политика, ученого и революционера. В результате кропотливой научной работы, соединенной с глубокой революционной убежденностью, в процессе изучения большого количества первоисточников, составивших целую «русскую библиотеку», Маркс уже в 1870 г. сделал вывод о том, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии» (32, 549).

Неразрывность теории и практики — характернейшая черта учения Маркса, соединяющего «строгую и высшую научность» с революционностью, что и составляет, по словам В. И. Ленина, «непреодолимую привлекательную силу» марксизма [1].

Но эти качества непреодолимой привлекательности

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

личности и учения Маркса для «социалистов всех стран» являются в то же время объектом непрекращающихся нападок со стороны буржуазных марксологов. Марксистская цельность научных идей и революционного действия квалифицируется ими как «смешение» научности и догматизма, как проявление «двойственности» личности Маркса. В других случаях ему приписываются противоречия между «этическим подходом» и «научной объективностью», «этической мотивацией и научным мышлением», «несовместимость» выражения им революционного сознания пролетариата с объективным анализом социальных процессов [1].

Буржуазные марксологи нередко признают на словах величие научных достижений Маркса, но, отталкиваясь от изначально ложного тезиса о «двойственности его личности», противопоставляют Маркса-философа и Маркса-мыслителя Марксу-революционеру и Марксу-политику. Вследствие этого признания ценности его наследия выглядят куцыми, двусмысленными, фиктивными и девальвируются фальшивыми сожалениями по поводу того, что он излишне напирал на политику, в то время как должен был «доверять только своему независимому мышлению» и более всего «опасаться доверять идеологиям» [2]. И далее: «Как революционный политик он не сумел избежать эмоционально окрашенных лозунгов, а также избавиться от убеждения в несомненной истинности своих воззрений» [3]. Г. В. Плеханов проявил большую проницательность, предвидя подобные словесные признания важности научных идей Маркса и полагая, что они обязательно будут осуществляться «под знаком критики». «Мерой их (идеологов буржуазии.— *Авт.*) «критического» отношения к Марксу является мера несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса» [4].

Миф о «русофобии» Маркса

Обвинения Маркса в противоречиях концентрируются и вокруг мифа о якобы свойственном ему неприязненно-враждебном отношении к России, который сочиняется несколькими поколениями его критиков. Этим критикам отвечал еще Г. В. Плеханов в

[1] Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia. N. Y., 1973, vol. 5, p. 333.

[2] Studies in Soviet Thought, 1985, vol. 29, N 2, p. 4.

[3] Ibid.

[4] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 12, с. 332.

статье «Карл Маркс», опубликованной в тридцать пятом номере «Искры» в связи с 20-летием смерти Маркса: «К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось»[1]. В действительности отношение Маркса к русским социалистам было настолько сердечным, что вызывало порой нечто вроде ревности со стороны некоторых немецких социал-демократов. Э. Бернштейн даже отмечал, что в отношениях Маркса с немецкими коллегами всегда сохранялось известное расстояние, в то время как с русскими друзьями он обращался чисто по-братски.

Легенда о «русофобии» Маркса призвана навести неискушенных в марксизме людей на мысль о несовместимости его революционных, демократических, интернационалистских убеждений, с одной стороны, и присущей будто бы его научным интересам «европоцентристской» ориентации — с другой. Распространители этой легенды высказываются, например, в том духе, что «неприязнь» к России выросла на почве «антиславянских предубеждений», распространенных в Германии и Австрии во времена габсбургской монархии, и что отрицательное отношение Маркса к русскому царизму было выражением не революционных, а «националистических чувств немецких интеллектуалов»[2]. Однако представление о том, что в глазах Маркса Россия не имела большого значения, лишено каких бы то ни было оснований. Приведем лишь одно его высказывание из письма к Лауре и Полю Лафарг от 5 марта 1870 г.: «Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия» (32, 549).

Приписываемое Марксу пренебрежение к народам, «менее развитым в культурном и политическом отношениях», напрямую связывается с гегелевской концепцией

---

[1] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 12, с. 326.

[2] *Nerod Ch. C.* The Nation in the History of Marxian Thought. The Concept of Nations with History and Nations without History. The Hague, 1976.

«исторических и неисторических наций», с «сознательно утверждаемым европоцентризмом», согласно которому лишь западноевропейский общественно-исторический процесс является линией всемирно-исторического значения, тогда как весь остальной мир (в том числе и Россия) выпадает из сферы действия открытых Марксом универсальных законов исторического развития.

Такой подход абсолютно не соответствует действительному характеру методологии исторического материализма и научного коммунизма, представлениям Маркса и Энгельса о перспективах мирового исторического процесса. Уже в период формирования марксизма в «Немецкой идеологии» Марксом и Энгельсом подчеркивается, что коммунизм есть движение всемирно-исторического, а не местно-ограниченного характера. Повсеместное на земном шаре распространение влияния капитализма, развитие торговли, товарообмена, существование мирового рынка, ломка национальных перегородок, «универсальное развитие производительных сил» и мирового общения составляют основу для тех всемирно-исторических процессов общественной жизни, которые устанавливаются уже при капитализме. Но эти же процессы порождают и пролетариат и как результат его деяния — пролетарскую революцию и коммунизм, который «вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование; а всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей»[1]. Марксистское понимание единства мировой истории коренным образом расходится с этноцентристскими и другими идеалистическими концепциями, в том числе и с гегелевским европоцентризмом.

Как у прошлых, так и у современных противников марксизма существует множество «искушений» для того, чтобы представить Маркса «врагом России». Общий мотив марксологии — стремление любыми средствами расчленить единое интернациональное марксистско-ленинское учение, отделить ленинизм от марксизма, создать впечатление о несовместимости философско-социологических, политических и экономических идей Маркса с теорией и практикой ленинизма, изобразить Великую Октябрьскую социалистическую революцию, построение социализма в СССР и других странах как

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 33.

отклонение от «исторического марксизма самого Маркса». «В противоположность прогнозам Маркса,— пишет буржуазный марксолог И. Дейчер,— эта революция произошла не в Европе, в странах, которые мы представляем себе колыбелью западной цивилизации, а на Востоке. Однако там, на Востоке, социализм Маркса не мог быть построен»[1].

Не вышли из употребления и по-прежнему используются «жесткие» марксологические схемы, ограничивающие «сферу действия» марксизма развитыми капиталистическими странами и, соответственно, исключающие из нее, вопреки исторической истине, Россию — родину ленинизма. И ныне в ходу утверждения, что интеллектуальная структура «классического марксизма» привязана лишь к «зрелому капиталистическому обществу» и что «почвой марксизма» всегда была Европа, вернее, Западная Европа[2].

Встречаются и такие противопоставления учения Маркса ленинизму, которые самым непосредственным образом выражают зоологическую буржуазную ненависть к социализму. Чего стоят, например, неофрейдистские интерпретации учения Маркса как «больного сознания», а учения Ленина как теории фанатизма, разрушения и т. п.[3] Такого рода выпады против Маркса и Ленина находятся за пределами науки и здравого смысла и не заслуживают специальных комментариев.

Буржуазное марксологическое мышление конструирует и специальные «разделительные модели», назначение которых в том, чтобы искусственно отделить философское мышление Маркса и Ленина и одновременно изолировать их друг от друга как революционеров и политиков. В рамках этих моделей Маркс понимается как «прототип революционера — городского интеллектуала», вынесшего «смертный приговор крестьянству» (?), создавшего будто бы «исследования, в которых доказывалось широко распространявшееся убеждение, что крестьяне повсюду в мире неизбежно будут заменены предпринимателями и рабочими»[4].

---

[1] *Deutscher I.* Marxism, Wars and Revolutions: Essays from Four Decades. L., 1984, p. 248.

[2] Ibid.

[3] *Methvin E. H.* The Rise of Radicalism. The Social Psychology of Messianic Extremism. N. Y., 1973.

[4] *Kingston-Mann E.* Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. Oxford, 1983, p. 9.

В. И. Ленин в этом случае, напротив, изображается в качестве идейного наследника некой нерасчлененной крестьянской общинной традиции, включающей славянофилов, революционных демократов А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, а также революционных народников П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева, благодаря чему он «сумел трансформировать его (марксизм.— *Авт.*) в идеологию, которая в 1917 г. привлекла крестьянство, составлявшее подавляющее большинство русского населения»[1]. И эта концепция — наглядный пример фальсификации учения Маркса, который выделил пролетариат из трудящейся непролетарской массы не для того, чтобы противопоставить его ей, а чтобы указать рабочему классу на его историческое призвание — быть авангардом и руководителем всех угнетенных и эксплуатируемых. Именно эти идеи Маркса и получили всестороннее развитие в трудах Ленина.

Марксизм в России: аномалия или закономерность?

Первоначальное ознакомление русских философов, писателей, публицистов, среди которых были и участники освободительного движения, с отдельными работами Маркса и Энгельса относится к 40-м гг. XIX в. П. В. Анненков, М. А. Бакунин, В. П. Боткин и другие в это время лично познакомились с Марксом, не став при этом его последователями. Примечательно знакомство В. Г. Белинского с ранними работами Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» и «К еврейскому вопросу». Русский революционный демократ положительно отозвался о «Немецко-французском ежегоднике» и одновременно высказал сожаление, что в России он не смог бы открыто пропагандировать аналогичные революционные и атеистические взгляды. Белинский писал Герцену 26 января 1845 г.: «Истину я взял себе — и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»[2].

Социально-экономическая отсталость России не позволила революционным демократам 40—60-х гг. XIX в. подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Попытки соединения материализма и диалектики у Белинского, Герцена, Чернышевского и их последователей не носили систематического характера, не

[1] *Kingston-Mann E.* Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution, p. VII.

[2] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956, т. 12, с. 250.

были связаны с достроением материализма «доверху», с созданием материалистического понимания истории. Магистральное направление их идейного развития наряду с осмыслением задач, обусловленных спецификой развития России, разумеется, предполагало и осмысление проблем общеевропейского значения (крушение европейского феодализма, революции 1848 г., кризис буржуазной революционности), а источники их философии были во многом близки марксизму и также включали немецкую классическую философию, в том числе Гегеля и Фейербаха, но все же здесь не было, да и не могло еще быть,— не хронологически, а теоретически — непосредственного идейного контакта с марксизмом.

Первые ограниченные попытки «вхождения» в область марксистского мышления, предпринятые «извне», т. е. с немарксистских мировоззренческих и политических позиций, были связаны с деятельностью народнических мыслителей и революционеров. Так, П. Н. Ткачев, народнический революционер заговорщического направления, первым в России (в 1865 г.) в легальной печати дал положительную оценку работы Маркса «К критике политической экономии». Ткачев считал, что метод Маркса, используемый для анализа явлений общественной жизни, противостоит «объективному методу» естествоиспытателей и является «разумным аналитико-критическим методом». Воспринимая марксово учение в духе «экономического материализма», он интерпретировал его как своеобразное продолжение утилитаризма, полагая, что его акцент на «экономическом быте», «экономическом интересе» есть не что иное, как конкретизация «личного интереса»[1].

Обращение к марксизму П. Н. Ткачева, П. Л. Лаврова, других революционных народников свидетельствовало о настойчивых поисках ими правильной революционной теории, говорило о том, что Россия следила за всяким «последним словом» Европы и Америки в этой области[2], хотя все народники обосновывали идею особого пути России к социализму.

Работы Маркса и Энгельса «Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии», «Капитал», а затем и «Анти-Дюринг» широко комментировались и изучались не

---

[1] См.: *Ткачев П. Н.* Соч. В 2 т. М., 1975, т. 1, с. 100.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

только с революционно-демократических (Г. З. Елисеев, Г. А. Лопатин, В. И. Танеев, Н. В. Шелгунов), но и с буржуазно-демократических и буржуазно-либеральных позиций (Н. И. Зибер, И. И. Иванюков, И. И. Кауфман, А. И. Чупров). Особо надо отметить большой успех вышедшего в свет в 1872 г. русского перевода первого тома «Капитала», осуществленного Н. Ф. Даниельсоном, Г. А. Лопатиным, Н. Н. Любавиным. Издание вызвало значительный общественный интерес и отклики — только в 70-е гг. они появились в 170 газетах, журналах, каталогах и других публикациях [1].

Первоначальное ознакомление с марксистскими идеями в России, их заинтересованное восприятие было показателем соответствующего уровня отечественной философской культуры и общественной мысли в целом и вместе с тем отражало общеевропейский авторитет Маркса. Поскольку в пореформенный период капитализм становился в России все более зримой реальностью, это обстоятельство объективно усиливало интерес к капиталистическому развитию в передовых странах Европы и к анализу свойственных ему антагонизмов. Русская общественная деятельница М. К. Горбунова писала в 1880 г., что «Капитал» популярен «больше всего среди тех, кто проявляет какой-либо интерес к социальным наукам и к положению народа; «Капитал» читается многими учителями и учительницами, то есть теми из них, которые серьезно относятся к своей профессии» [2]. Надо сказать, что Маркс внимательно следил за откликами на свои труды в России и был достаточно хорошо информирован об этом уже в конце 60-х гг. В письме Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. он отмечал: «Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что́ издал Дункер (1859) [3], нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», оказывается русская» (32, 472).

Эти факты говорят о несостоятельности заключения, содержащегося в «солидной» марксологической энциклопедии, относительно того, что Маркс якобы был не готов

---

[1] См.: *Грин Ц. И.* Переводчик и издатель «Капитала». М., 1985, с. 81.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 410—411.

[3] Речь идет о работах «Нищета философии» и «К критике политической экономии».

к восприятию известия о выходе в русском переводе первого тома «Капитала» в 1872 г. и «удивился» этому событию [1]. Такое можно было бы предположить, если бы не существовало тесных и дружеских связей Маркса с инициатором этого предприятия замечательным революционером Г. А. Лопатиным, оживленной переписки с другим его переводчиком — Н. Ф. Даниельсоном. В этой же энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество», как и во многих других буржуазных изданиях, отсутствует указание на то, что русский перевод «Капитала» был первым среди всех других его переводов.

Как же интерпретируется буржуазными марксологами тот интерес, с которым «Капитал» был встречен в России, интерес, не выдерживавший никакого сравнения с «заговором молчания» вокруг этого произведения в ряде стран Западной Европы? Советологический журнал «Славик ревью» в статье, опубликованной к 100-летию перевода первого тома «Капитала» на русский язык, объясняет успех этой книги, как ни странно, отсталостью русской общественной мысли. Чернышевский, как наиболее авторитетный экономист и философ России этого времени, обнаружил якобы свою непригодность и неспособность обеспечить Россию систематическим трактатом по экономике, и поэтому «молодые интеллигенты обращались к западным писателям — Прудону, Лассалю и Марксу» [2].

Тезис об отсталости экономических воззрений Н. Г. Чернышевского — явная фальсификация. Труды выдающегося русского мыслителя, в частности посвященные проблемам политической экономии, высоко оценивались основоположниками марксизма. А в необходимых случаях Маркс и Энгельс сами разъясняли, в том числе и своим русским корреспондентам, ошибочность версии об отсталости теоретической мысли в России. Маркс писал в послесловии ко второму изданию «Капитала» о Чернышевском как о «великом русском ученом и критике», который мастерски осветил банкротство буржуазной политической экономии. «Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию

[1] Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia, vol. 5, p. 331.

[2] *Resis A.* «Das Kapital» Comes to Russia.— Slavic Review, 1970, vol. 29, N 2, p. 224.

капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это — банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал уже в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский» (23, 17—18).

В указанной публикации журнала «Славик ревью», посвященной истории издания первого тома «Капитала» в нашей стране, утверждается, что России всегда недоставало оригинальных научных теорий и в этом смысле она всегда отставала от Запада. Что касается марксизма, то он, несмотря даже на свою известность в 60—70-е гг. (на самом деле, как мы видели, еще с 40-х гг.), был настолько «трудной задачей» для русских мыслителей, что ни один из них не взял на вооружение «доктрину Маркса» и не применил ее к России вплоть до 1883 г.

Этот подход, казалось бы, отличается от подхода, о котором говорилось выше и заключавшегося в том, что России вообще не суждено было в силу своей полной «непохожести» на Запад стать страной для применения «аутентичного марксизма». Однако здесь процесс восприятия марксизма ставится в зависимость от желания и способностей отдельных личностей, тогда как реальные социально-экономические предпосылки этого процесса игнорируются. Распространение и утверждение марксистской теории за пределами «ареала» ее первоначального возникновения связаны, однако, не с преодолением каких-то «культурных барьеров» и определяются не субъективным стремлением отдельных людей, а рядом конкретно-исторических, прежде всего социально-экономических, обстоятельств. В 60—70-х гг. XIX в. Россия только вступала в капиталистическую стадию развития и рабочий класс — социальная база марксистского учения — не прошел еще пути превращения из «класса в себе» в «класс для себя», не имел еще развитого классового сознания, был немногочислен, что и объясняло ограниченное распространение марксизма в России этого периода. Ознакомление с некоторыми работами Маркса, а затем и восприятие его отдельных идей в России, при всем своем положительном значении, имело место прежде всего среди разночинной интеллигенции и не могло проникнуть в среду рабочего класса. Это осознавал и сам Маркс, указывавший в этот период на непрочность

симпатий к его теории со стороны русских адептов, особенно из дворянской среды. Он указывал, в частности, на такой их недостаток, как склонность к крайностям, и потому вполне определенно заявлял, что «не следует переоценивать» степень восприятия его работ в России (см. 32, 472).

При анализе социальных аспектов развития пролетарского учения важно разграничивать понятия «первоначальное ознакомление» и «распространение» марксизма. Это тем более важно, что вопреки исторической истине, исходя из тенденциозных соображений о «преждевременности» социалистической революции для России, буржуазные советологи типа Р. Пайпса безапелляционно и бездоказательно рассуждают о «волевом», беспредпосылочном характере появления на свет русской социал-демократии [1].

Процесс распространения, пропаганды марксизма как цельного учения, революционной идеологии пролетариата начинается в России лишь с первой половины 80-х гг. XIX в. Его следует связывать с деятельностью группы «Освобождение труда», руководимой Г. В. Плехановым и созданной в Женеве в 1883 г., в год смерти Маркса. Соединение же научного социализма с организованным движением рабочего класса связано с образованием руководимого В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.), зачатка революционной марксистской партии нового типа — партии большевиков. В. И. Ленин писал: «Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»). Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения» [2].

Исправляя Маркса: «третий Маркс» и русское народничество

Буржуазные марксологи в последние годы все больше интересуются мотивами, характером и особенностями изучения самим Марксом русской социально-философской литературы, и прежде всего работ, связанных с анализом крестьянского вопроса, общинного землепользования, русскими теори-

[1] *Pipes R.* Social Democracy and the St. Petersburg Labour Movement, 1885—1897. Cambridge, Mass., 1963, p. IX—X.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 405.

ями «минования» капитализма. В ряде случаев этот интерес сопровождается осознанием ложности застарелых предрассудков насчет того, что Маркс был «врагом России». В этом плане можно отметить коллективное издание «Поздний Маркс и русский путь. Маркс и «периферии капитализма», вышедшее в Лондоне под редакцией и при участии английского марксолога Т. Шенина. Специфику этой публикации составляет то, что наряду с теоретическими разделами, посвященными исследованию проблемы «Маркс и революционная Россия», сюда включены фрагменты переводов наиболее известных русских произведений, использованных в исследованиях Маркса, в частности работы Н. Г. Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», а также некоторых теоретических документов «Народной воли» [1].

Т. Шенин справедливо отмечает, что в последнее десятилетие жизни «у Маркса стало укрепляться убеждение, что наряду с ретроградной официальной Россией, которую он так часто атаковал как знамя и жандарма европейской реакции, вырастает другая Россия — Россия союзников по революции и радикальных ученых, серьезно занимающихся теоретической работой. Именно на русский язык был осуществлен первый перевод «Капитала» за десять лет до того, как он вышел в свет в Англии» [2]. Можно также согласиться и с критикой Шенином некоторых «ухищрений марксологов», которые если и упоминают обращение Маркса к русскому опыту, прежде всего к революционной народнической мысли, то объясняют это лишь «эмоциональными мотивами» (моральным сочувствием русскому освободительному движению) и оставляют в стороне «аналитические мотивы» этого обращения, имеющие, как подчеркивается, большое современное значение.

Вопрос об отношении Маркса к России ныне нередко связывается с проблемами развивающихся стран в современном мире. В этой связи концепция Шенина относительно «периферии капитализма» получает все большее признание в среде буржуазных марксологов, которые, однако, совершенно не способны дать конструктивную оценку проблемам освободившихся государств,

---

[1] Late Marx and the Russian Road. Marx and «the Peripheries of Capitalism». Ed. by T. Shanin. L., 1983.

[2] Ibid., p. 7.

наметить перспективы решения их острых социальных проблем.

Можно положительно оценить и другие рациональные замечания и наблюдения Шенина и его коллег, в том числе касающиеся прогрессивной философской мысли России. Отмечается, например, актуальное современное значение критических суждений А. И. Герцена о природе «мещанства», т. е. узкой мелкобуржуазности и циничном индивидуализме как органически свойственной капиталистическому обществу хронической болезни, а также меткая критика Герценом потребительства, во многом предвосхищающая, как утверждается, современную критику общества массового потребления.

Как известно, именно Маркс был основателем научной концепции некапиталистического пути развития к социализму, впоследствии развитой и обогащенной В. И. Лениным. Ее разработке способствовали замечательные познания Маркса из области социально-экономической жизни России, ее общинных отношений, изучение им в оригинале трудов Н. Флеровского (В. В. Берви), Н. Г. Чернышевского, Н. Ф. Даниельсона, Н. И. Зибера, М. М. Ковалевского, переписка с В. И. Засулич, П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, конспекты разнообразных русских литературных источников. Изученное им огромное количество материалов по России составило значительное рукописное наследие, часть которого Маркс намеревался использовать в тексте третьего тома «Капитала». Научный приоритет в освоении и опубликовании этого идейного богатства, как и в разработке темы «Маркс и Россия» в целом, бесспорно, принадлежит советским ученым [1].

В ряде произведений Маркса и Энгельса, в том числе в «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в письмах В. И. Засулич и в редакцию журнала «Отечественные записки» содержатся указания на возможность для России и некоторых других стран, например Болгарии (см. 36, 462), перехода к социализму, минуя капитализм. В предисловии

[1] См.: *Волк С. С.* Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969; *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1985; *Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. М., 1974, и др. См. также: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями; Архив Маркса и Энгельса, тт. XI, XII, XIII, XVI; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967; Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979, и др.

ко второму русскому изданию «Манифеста» допускалась, в частности, вероятность трансформации по линии «коммунистического развития» некоторых сохранившихся докапиталистических институтов, вроде общины, что обусловливалось, однако, победоносными социалистическими революциями в более развитых в экономическом отношении странах, материальной и моральной поддержкой ими революций в регионах периферийного капитализма. Хотя наиболее подробно Маркс и Энгельс развивали идеи о возможности некапиталистического развития в работах 70—80-х гг., тем не менее, опираясь на материалистическое понимание истории, они подходили к этой проблеме и раньше (например, в «Принципах коммунизма» и «Немецкой идеологии»), имея в виду перспективы ускорения социальных процессов, преодоления отсталости, облегчения тяжести капиталистической эксплуатации для наций, встающих на путь капитализма.

Излагая свои воззрения на развитие общественно-экономических формаций как на естественноисторический процесс, Маркс затрагивает эти вопросы и в первом томе «Капитала», хотя они не являлись там предметом специального рассмотрения, что впоследствии разъяснял сам Маркс в письме В. И. Засулич. Ставя целью своего сочинения исследование экономических законов функционирования и развития капиталистического общества, он указывал, что эти законы нельзя «отменить» или декретировать, но существует возможность «сократить и смягчить муки» рождения нового общества.

Имеющая важное значение для современности и вполне подтвержденная историческим опытом некапиталистического развития некоторых национальных регионов бывшей Российской империи, ряда стран Азии и Африки концепция ускорения движения по направлению к социализму является достоянием собственно марксистской традиции, результатом диалектического мышления самого Маркса. Иное дело, что Маркс сформулировал это в высшей степени важное положение, основываясь на критическом изучении многочисленных русских и западноевропейских источников по экономике, истории, статистике, этнографии докапиталистических обществ (исследования А. Гакстгаузена, У. Карлтона, Ш. Летурно, Г. Мена, Р. Зома, Л. Моргана, Ф. Карденаса, Г. Хансена и других).

Возвращаясь к оценке Т. Шенином взглядов Маркса на «периферию капитализма», следует подчеркнуть, что

возможность для их непредвзятой, объективной оценки перечеркивается самим же английским автором, конструирующим псевдооригинальную концепцию неизвестного ранее «третьего Маркса». Шенин делает «сенсационное» заявление о том, будто бы русское народничество (и только оно) является ключом к пониманию «мышления позднего Маркса»: «Три источника аналитической мысли Маркса, отмеченные Энгельсом,— немецкая философия, французский социализм и британская политическая экономия должны быть по праву дополнены четвертым — русским революционным народничеством» [1].

К известному в марксологии мифу о «двух Марксах» («раннем» и «зрелом») добавляется миф о «третьем — позднем Марксе», который якобы отказался от идей «Капитала» и переключил свое внимание на «периферию капитализма». «Третий Маркс» основательно изучает Россию, русский язык, а также философию Чернышевского и программные документы «Народной воли», поскольку-де связывает свои ожидания социалистической революции лишь с «развивающимися обществами».

Отмеченный сдвиг в марксологии весьма примечателен, поскольку он, с одной стороны, явно дезавуирует легенду о «русофобии» Маркса, «западноцентристской» ориентации «аутентичного» марксизма и т. д. и т. п. Но в то же время здесь имеет место попытка создания новой схемы «исправления Маркса», в которой спекулятивно обыгрывается отношение Маркса к философскому наследию русских мыслителей. Т. Шенин так и пишет, что его задача состоит в том, чтобы «исправить наши представления о мышлении Маркса». Однако данная схема лишь подновляет обветшалую «аргументацию» старой фальсификаторской версии о пригодности марксизма-ленинизма только для стран отсталого, а не развитого капитализма. Разница лишь в том, что раньше эта версия базировалась по преимуществу на ложной идее о «чисто русских» корнях ленинизма, теперь же «русские корни» отыскиваются и в «марксизме самого Маркса».

Несостоятельность «выведения» марксизма из народничества очевидна в свете широко известной острой критики Марксом и Энгельсом анархизма М. А. Бакунина, бланкизма П. Н. Ткачева, а также в контексте их критических замечаний в адрес П. Л. Лаврова. Эти факты указывают на принципиальное расхождение теоретико-мето-

[1] Late Marx and the Russian Road, p. 20.

дологических основ марксизма и народничества, достаточно красноречиво свидетельствуют о фантастичности гипотезы о «третьем», «народническом Марксе». Сюда никак не укладываются также факты использования Марксом в своих исследованиях русских источников ненароднического характера, например принадлежавших перу таких крупных, обладавших международной известностью социологов, как М. М. Ковалевский, названный Марксом «научным другом», или Н. И. Кареев, одно из сочинений которого Маркс оценил как «превосходное» (см. 34, 323, 286). Но эти отзывы доказывают только то, что основоположник пролетарского учения внимательно анализировал реальные теоретические проблемы, которые русские либеральные социологи ставили в своих трудах, из чего, конечно, вовсе не вытекала солидарность Маркса со взглядами названных мыслителей.

В социально-философских доктринах народнического типа, широко распространенных в России 70—80-х гг. прошлого века, авторы книги «Маркс и русский путь» усматривают даже «рецепты спасения» современного капиталистического общества от «гнета его противоречий» [1]. На это обращает внимание японский автор Харуки Вада, отметивший, что вокруг этих «рецептов спасения» поднимались жаркие споры на страницах японских журналов начиная с конца 60-х гг. нашего века.

Заметим в связи с этим, что японский прогрессивный экономист Таненори Соеджима, занимающийся исследованием русской народнической мысли и осуществивший перевод на японский язык «Очерков политической экономии по Миллю» Чернышевского, гораздо точнее в сравнении с Т. Шенином и Харуки Вада оценивает народнические элементы во взглядах Н. Г. Чернышевского и их отношение к марксизму. Т. Соеджима отметил, что в экономических трудах Чернышевский пришел в ряде случаев к близким Марксу выводам и сделал это независимо от Маркса. Вместе с тем Т. Соеджима отдает должное и существенным различиям между ними, подчеркивает, что учение Маркса универсально и охватывает все стороны общественного организма, в то время как Чернышевский чаще всего иллюстрировал свою «теорию трудящихся» примерами, взятыми в пределах одной «индустриально-аграрной ассоциации».

Японский ученый, основываясь на оценках В. И. Ле-

[1] Late Marx and the Russian Road, p. 40.

нина, ясно видит отличие научного социализма Маркса от утопического социализма Чернышевского и народников. Хотя в целом Чернышевского, по его словам, можно считать выдающимся представителем утопического социализма, «близко подошедшим к началам научного социализма»[1], в его воззрениях остается еще немало утопических элементов. Позиция Соеджимы, таким образом, способствует пониманию принципиальных различий между Чернышевским и Марксом и критике концепции о «народническом Марксе».

Попытка со стороны марксологов использовать некоторые народнические идеи для критики современного капитализма объясняется, очевидно, их морализирующей критикой некоторых сторон современного буржуазного общества. Отдельные идеи Чернышевского импонируют, видимо, этим буржуазным интеллигентам либеральной ориентации. Наряду с народническим пониманием общинной жизни как противовеса отчужденным межличностным отношениям локальная община народников воспринимается некоторыми западноевропейскими интеллектуалами как антитеза обществу «централизованному, бюрократическому, связанному с государством».

Указанные антиэтатистские и отчасти анархистские настроения во многом соответствуют психологии участников современных западных экологических, «альтернативных» общественных движений, движения «зеленых» и аналогичных им социально-политических течений. Такого рода «утопизм» и «волюнтаризм», считает Т. Шенин, может «оплодотворить» современный марксизм. В действительности же речь идет о размывании марксизма утопическими идеологиями, о проповеди идеологического плюрализма и постепенного растворения собственно теоретического содержания марксизма в немарксистских концепциях.

Марксизму всегда было чуждо сектантское игнорирование действительных или возможных союзников по совместной борьбе за демократию и социализм. Такая позиция характеризовала и отношение Маркса к русским революционным народникам. Но при этом речь никогда не шла об отказе марксизма от собственных принципов и переходе на иные мировоззренческие позиции.

---

[1] *Soejima T.* N. G. Chernyshevsky — A Severe Critic of Capitalism and of Classical Political Economy.— Japanese Slavic and East European Studies, 1982, vol. 3, p. 56.

Вспоминая приведенное выше высказывание Г. В. Плеханова, можно заключить, что признание ценности взглядов Маркса на «периферию капитализма» состоялось в проанализированной марксологической книге под «знаком критики» его главного труда, «Капитала». «Капитал» интерпретируется в рамках данной марксологической концепции в качестве апогея эволюционистской и якобы монолинейной концепции развития «чистого капитализма». В действительности же такая версия — пример явной фальсификации марксизма, связанной с отрицанием решающего в марксизме — его революционной диалектики, которая выявляет многообразие, многосторонность процессов развития.

Марксово понимание диалектики общественного развития позволяет исследовать различные противоречивые (в том числе и альтернативные) отношения, сосуществующие в пределах конкретного общественного организма. Марксистская диалектика есть наиболее многостороннее учение о развитии. «В своем рациональном виде диалектика,— писал Маркс,— внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (23, 22).

Главное содержание «Капитала» — исследование объективной и закономерной диалектики развития капиталистической общественно-экономической формации. Это, однако, не означает, что, по Марксу, капитализм существует в каком-то «чистом виде», поскольку в разных обществах сложным образом сочетаются качественно различные экономические отношения. Недостаток классической буржуазной политической экономии заключался как раз в том, что она опускала анализ докапиталистических общественных форм, сосуществовавших с капитализмом. У Маркса же понятие общественно-экономической формации предполагает как высокую степень абстракции, имеющей вполне реальную и богатую эмпирическую основу, так и наличие в ней предшествующих, ставших периферийными, элементов, а также зачатков будущих общественных форм. Отсюда и вытекала идея многообразия путей движения к социализму в зависимости от конкретных социально-исторических условий, что

полностью соответствует антидогматическому характеру материалистического понимания истории и вполне подтверждается всем ходом современного общественного развития.

Марксологическая концепция «третьего Маркса» ведет не к «углубленному» пониманию его идей и тем более не к «реабилитации» заслуг Н. Г. Чернышевского и народников, а к намеренному стиранию принципиальной границы между марксистской, диалектико-материалистической и утопическими концепциями возможности некапиталистического развития. В действительности интерес Маркса к революционной мысли России, особенно возросший в последние годы его жизни, вовсе не предполагал какого-либо стирания принципиального отличия системы его воззрений от предшествующих, в том числе и прогрессивных философских учений. Марксизму абсолютно чуждо прагматическое заимствование и использование готовых решений, взятых в иных мировоззренческих и идейно-политических системах. Такого рода эклектическая позиция сплошь и рядом встречается в буржуазных теориях, и это подтверждается, в частности, многочисленными попытками ассимилировать и реинтерпретировать марксистские идеи в рамках чуждых марксизму систем. Философия диалектического и исторического материализма не нуждается в каком-то искусственном оживлении за счет других философий, в ущерб своей собственной цельности. Ей чуждо как высокомерное, холодное любопытство к различным философским культурам, так и поиски «философской экзотики», расистские и другие предрассудки.

Внимательное и бережное отношение к философскому наследию, уроки которого дал Маркс, его выдающийся историко-философский универсализм и подлинная энциклопедичность, «открытость» ко всей мировой культуре, в том числе к культуре русского народа, были самым тесным образом связаны и с его политической философией и практическими политическими действиями, что имеет первостепенное и в высшей степени поучительное значение для современных политических деятелей любой партийной принадлежности, если они сознают свою ответственность за судьбу нынешнего взаимозависимого мира, настоятельно требующего нового политического и исторического мышления.

«Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания *конструктивного, созида-*

тельного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты» [1]. Направленность на достижение такого взаимодействия со стороны творческого марксизма и его научной политики подчеркнул М. С. Горбачев в беседе с группой деятелей мировой культуры: «...политика должна питаться всем тем, что заключает в себе интеллектуальное богатство каждой нации и всей человеческой цивилизации» [2].

К. Маркс и его философия учат всех, а не только своих сторонников умению жить и выжить, сохранить цивилизацию и самого человека, его право на будущее существование, заставляют убедиться не просто в неправильности, а в невозможности ныне мыслить в категориях культурно-философского изоляционизма. Именно поэтому Маркс, живший в XIX в., является мыслителем и политиком не только XX, но и XXI в.

5. В. И. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИКЕ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Анализ закономерностей развития пролетарского учения

В. И. Ленин с первых и до последних своих работ демонстрировал подлинно творческое отношение к великому наследию Маркса. Богатейший опыт Ленина, связанный с разработкой пролетарского учения в новых исторических условиях, особенно ценен сегодня, в период радикальной перестройки всех сторон жизни общества. Обращение к идеям Ленина «не просто дань огромного уважения, не только признание ленинского авторитета. Это — настоятельное стремление возродить в современных условиях, и возродить как можно полнее, дух ленинизма...» [3].

Исключительную значимость в этой связи имеет изучение того, как Ленин творчески осваивал и развивал учение Маркса. Обогащая марксизм новыми положениями, Ленин вместе с тем дал концептуальный анализ самой этой теории как живого, диалектически развивающегося целостного учения.

Уже в работе «Что такое «друзья народа» и как они

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 20.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 4, с. 163.

[3] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 65.

воюют против социал-демократов?» Ленин, анализируя важнейшие черты учения Маркса и Энгельса, подчеркивает его качественное отличие от всех предшествующих, в том числе прогрессивных, социальных теорий. Это концептуальное осмысление структуры марксистского учения было продолжено Лениным в таких работах, как «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «О значении воинствующего материализма» и др.

Особенно интенсивно разработка вопросов об исторических путях и закономерностях развития марксизма велась Лениным в 1908—1914 гг., когда большое значение приобрела необходимость систематического анализа марксистской диалектики, диалектического процесса соединения марксистской теории и практики рабочего движения. Этому посвящена серия ленинских работ: «Марксизм и ревизионизм» (1908 г.), «Разногласия в европейском рабочем движении», «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» (1910 г.), «Наши упразднители» (1911 г.), «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Три источника и три составных части марксизма», «Переписка Маркса с Энгельсом» (1913 г.), «Карл Маркс» (1914 г.).

В силу своего революционно-преобразующего характера марксизм выступал одновременно и в качестве учения, теории, социальной науки, и в качестве общественно-политического движения, идеологии рабочего класса. Поэтому в понятие развития марксизма Ленин включал и развитие его теоретического содержания, и возрастание его роли в общественной жизни.

Отправным пунктом ленинского подхода к изучению учения Маркса был конкретный учет его многосторонности, необходимости его творческого развития, что, в свою очередь, предполагает как выдвижение новых положений, так и конкретизацию, уточнение положений, сформулированных в предшествующие исторические периоды. Особое значение при этом имела борьба марксизма не только с буржуазной идеологией, но и с чуждыми научной социалистической идеологии течениями, которые нередко, несмотря на свое оппортунистическое содержание, выступали с претензией на аутентичное (правильное) истолкование и даже развитие марксизма.

Стоит подчеркнуть, что статья «Марксизм и ревизионизм» была написана Лениным в период его напряженной работы над «Материализмом и эмпириокритициз-

мом» (февраль — октябрь 1908 г.). Обе эти работы тематически едины. Но если в первой из них дана обобщающая критика всего ревизионизма, то вторая, как известно, посвящена специальному анализу ревизионизма в философии.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин предпринял впечатляющее по своим масштабам и глубине исследование методологического кризиса естествознания, вызванного началом революции в физике, возникновением «физического» идеализма, который неадекватным образом отражал ломку фундаментальных физических понятий. Философский ревизионизм использовал эту ситуацию для дискредитации материализма, оправдания своего перехода на идеалистические позиции. Борьба против философствующих ревизионистов осуществлялась Лениным не только путем разоблачения несостоятельности новейших модификаций идеализма, но и путем всестороннего развития диалектического материализма, в особенности учения о материи и теории познания, которая была основной областью идеалистических спекуляций в это время [1].

В большинстве статей рассматриваемого цикла Ленин говорит о *диалектике развития марксизма* как отражении диалектического характера исторического процесса. Борьба классов — движущая сила этого процесса. Неудивительно поэтому, что учение Маркса «должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути» [2].

«Жизненный путь» учения Маркса не просто образное выражение, а определение, в котором схвачено единство марксистских идей и взглядов с общественным сознанием пролетариата, единство сущности пролетарской теории и многообразия форм ее существования. Говоря о развитии марксизма, Ленин выявляет многообразие данного процесса, показывает объективную необходимость борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными теориями, противостоящими научной социалистической идеологии. «Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение... буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее» [3].

[1] Подробнее см.: Главные философские труды В. И. Ленина. М., 1987, с. 15—164.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.

[3] Там же.

В. И. Ленин различает понятия «рост марксизма» и «распространение и укрепление его идей в рабочем классе». Если первое характеризует прежде всего развитие, обогащение теоретического содержания этого учения, то второе — выражает исторически развивающийся процесс соединения марксизма с массовым рабочим движением. Оба процесса, разумеется, тесно связаны между собой.

Это в особенности следует подчеркнуть, так как распространение марксизма *вширь* с необходимостью ставит задачу преодоления упрощенного истолкования этого учения, недопущения принижения его теоретического уровня. Против такого рода явлений Энгельс предупреждал уже в 80-х гг. прошлого века.

Весьма ценным для нас является указание Ленина на то, что развитие марксизма и как теории, и как «идеологии рабочего движения» вызывает и изменения конкретных форм борьбы с ним. Когда марксизм, отмечает он, вытеснил из рабочего движения «все сколько-нибудь цельные враждебные ему учения», то они «стали искать себе иных путей». Ленин пишет, что «вторые полвека существования марксизма начались (90-ые годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма» [1].

Чтобы глубже понять эту мысль, необходимо обратить внимание на то, что Ленин не отождествляет разработку учения (его теоретическое развитие) с развитием марксизма как общественного течения [2], внутри которого разворачивается идейная борьба. Упустив из виду это разграничение, имеющее принципиальное значение, трудно понять, как совмещается, например, высказывание Ленина о борьбе «внутри марксизма» с его же положениями о несовместимости пролетарского и буржуазного мировоззрений, о неизбежности отступления от марксизма вследствие попыток соединить с ним немарксистские идеи. Анализируя марксизм как идейное течение, он обращает внимание прежде всего на диалектику конкретно-исторической формы существования учения, на динамику его существования как общественно-политического явления. Говоря же о марксизме как теоретической сис-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 18.

[2] «*...Течением,*— писал Ленин,— можно назвать только такую сумму политических идей, которые определились на *всех* важнейших вопросах... и которые кроме того доказали свое право на существование, как течение, распространением среди широких слоев рабочего класса» (там же, т. 20, с. 348).

теме, Ленин имеет в виду его научную и идеологическую сущность, которая может быть только марксистской, а не «полу-» или на «три четверти» марксистской и т. п. Что же касается усвоения марксизма как стройной системы идей и взглядов, вылитой как бы «из одного куска стали», конкретными его сторонниками, то оно (усвоение) в каждом конкретном случае достигает большей или меньшей степени адекватности; часть из них в условиях капитализма не в состоянии освободиться от влияния немарксистского миросозерцания [1].

В рассматриваемом цикле ленинских статей развитие учения Маркса и Энгельса исследуется как сложный исторический процесс, предполагающий не только рост научного знания, но и многообразие его проявлений в общественной жизни, в которой теория заявляет о себе богатством функций, укреплением своей социальной базы, критическим и революционно-преобразующим характером. В этом плане главные теоретические, воспитательные и социально-политические функции марксизма Ленин усматривает в том, что он «прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную — в силу экономического развития — замену современного строя новыми порядками...» [2].

Статья Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» логически продолжает разработку темы о марксизме в целом и ревизионизме как теоретико-идеологической форме проявления разногласий в рабочем движении. Однако проблема ревизионизма здесь перерастает в более общий вопрос о том, каковы основания этих разногласий?

В. И. Ленин выделяет четыре основные причины теоретических и тактических разногласий: 1) сам «факт роста рабочего движения», внутренняя диалектика его развития; 2) неравномерность развития капитализма «в разных странах и в разных областях народного хозяйства»; 3) в целом «диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий»; 4) «...изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности» [3]. Данные причины разногласий в рабочем движении, являясь конкретным отражением социальной диалектики, составляют общий

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.
[2] Там же, т. 17, с. 17.
[3] Там же, т. 20, с. 65, 67.

источник ревизионизма, поэтому правильное осмысление этих причин возможно только с позиций диалектического материализма.

Важно отметить, что здесь в свете объективной диалектики развития рабочего движения рассматривается и диалектика развития марксизма, которая, как подчеркивает Ленин, также носит объективный исторический характер. Поэтому и анализ объективных источников и причин разногласий в рабочем движении сочетается с исследованием того, как эти источники и причины отражаются на «теории и тактике» марксизма. Касаясь первой причины разногласий, Ленин пишет: «Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени» [1].

Развитие научной теории освободительного движения пролетариата не означает простой «рост марксизма», ибо включает в себя процессы ее распространения, утверждения в общественном сознании, которые могут сопровождаться шатаниями, повторениями ошибок, временными попятными движениями. Данные явления можно рассматривать как своего рода издержки на «обучение» в процессе «расширенного воспроизводства» теории в сознании пролетариата.

Вторая причина разногласий также обусловливает противоречивость процесса соединения теории с общественным сознанием. Неравномерность развития капитализма ведет к тому, что «марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или от-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.

дельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного мировоззрения вообще и буржуазно-демократического мировоззрения в частности» [1].

В. И. Ленин подчеркивает, что марксистская теория объективно существует не только для пролетариата и его идеологов, но и для представителей других классов. Еще в конце прошлого века в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин указывал на отражение марксизма в буржуазной литературе. Последующее общественное развитие вызвало к жизни новые формы отражения марксизма, в частности в мелкобуржуазном сознании. Участились попытки буржуазных идеологов использовать в своих интересах отдельные идеи Маркса, противопоставив их другим его идеям. Однако и трудящиеся, в том числе пролетарские массы, далеко не сразу осваивают, осознают, воспринимают учение, выражающее их коренные интересы. Как подчеркивает Ленин, «массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития» [2].

Итак, перед нами гениально обрисованная Лениным ситуация. Ее основные моменты: 1) существование в общественной жизни марксистской теории и марксистского течения; 2) массы, которые, двигаясь к марксизму, учатся ему, но учатся «не из книжки»; 3) сама действительность в ее, так сказать, «сыром» и непосредственном виде. Эти факты дают основу для понимания противоречивости процесса соединения марксизма с массовым рабочим движением. В условиях капитализма господствует, разумеется, буржуазная идеология. Уместно подчеркнуть, что она господствует не только в среде капиталистов, но и в небуржуазной среде, в том числе в массе эксплуатируемых и угнетенных, куда она обычно проникает в видоизмененном, обработанном теоретиками-оппортунистами виде. Именно поэтому марксизму в условиях диктатуры капитала приходится брать каждый шаг с бою на своем пути к пролетарским массам. В этой связи следует напомнить основную идею ленинского тру-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.
[2] Там же, с. 66.

да «Что делать?». Тред-юнионистское, профсоюзное движение рабочего класса, объединяющее миллионные массы рабочих, само по себе не ведет к научному социалистическому сознанию, к пониманию необходимости уничтожения капиталистических производственных отношений, их замены социалистическим общественным производством.

Широкое «социологическое» [1], по выражению Ленина, понимание марксизма и рабочего движения позволило ему установить факт их взаимного встречного движения. На пути этого движения существует масса трудностей, и само оно предстает в виде двуединого процесса: постоянной борьбы теории за соединение со своей социальной (материальной) базой и непрерывной борьбы рабочих за свое классовое сознание и самосознание, т. е. за марксизм. В ходе соединения марксизма и рабочего движения первому приходится вести постоянную борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией. Пролетариату, со своей стороны, на пути к марксизму как своему духовному оружию приходится преодолевать не только материальные трудности, экономический и духовный гнет, но и стихийное проникновение в его среду мелкобуржуазных и буржуазных взглядов и настроений, частнособственнической психологии.

Выводы, сделанные Лениным на основе анализа европейского рабочего движения, позволяли четко представить диалектику взаимосвязи различных форм развития марксизма как научной теории, как идейного течения и как мировоззрения пролетариата. В свете ленинского анализа становится понятной и картина современного рабочего движения в капиталистических странах. В наиболее развитых из этих стран имеется значительная прослойка «рабочей аристократии», которая является одной из главных опор господствующей буржуазии, не говоря уже об оппортунистической идеологии. Ленинский анализ учит нас рассматривать развитие марксизма не только как теоретический процесс, движение науки от одного достижения к другому. Теоретическое развитие марксизма неотделимо от классовой борьбы пролетариата, которая, как известно, протекает в трех формах — экономической, политической, идеологической. К сожалению, эта сторона истории

[1] В. И. Ленин называл теоретический анализ конкретных социальных явлений социологическим (см., например: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 85, 150, 154 и др.).

марксизма недостаточно раскрывается в наших исследованиях, посвященных развитию марксистско-ленинской теории. Исследователи истории марксизма иной раз как бы забывают, что в жизни все обстоит гораздо сложнее. По-марксистски исследовать сложность условий существования и развития социальной теории — необходимое условие преодоления ее отрыва, отдаленности от общественной практики.

В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм, будучи наукой, развивается в конечном счете по восходящей линии, подтверждая свою истинность на практике, демонстрируя необратимость своего теоретического роста. Это подтверждается и его победами над противостоящими ему и борющимися с ним доктринами. Диалектический подход к марксизму как многогранному явлению существенно углубляет наше понимание этого учения, позволяя строго научно разрабатывать методологию и тактику реализации принципа единства теории и практики применительно к самому марксизму и рабочему движению. Он позволяет различать в марксизме такие разногласия, спады и кризисы, которые связаны не с его теоретической «несостоятельностью», «устарелостью» или «недостаточностью», а с конкретными социально-экономическими условиями, противоречиями, борьбой реальных общественных сил, в которой победа научной социалистической теории становится возможной в ходе более или менее длительного исторического развития, отнюдь не являющегося прямолинейно восходящим процессом.

Если в статьях «Разногласия в европейском рабочем движении» и «Марксизм и ревизионизм» Ленин стремится установить взаимосвязь между теоретической победой марксизма, с одной стороны, и возникновением ревизионизма, с другой, то в статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» он уже ставит вопрос о закономерностях развития марксистского социалистического общественного движения. В этой небольшой по объему работе Ленин, ограничиваясь, по его выражению, «чисто теоретической «социологической» точкой зрения» [1], дает блестящий по глубине анализ истории марксизма в России с 1908 по 1912 г. Как и в рассмотренных выше статьях, он подчеркивает первостепенное значение материалистической

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 85.

диалектики для научного понимания «жизненного пути» учения Маркса, его распространения в рабочем движении, исторически обусловленного выдвижения на первый план то одних, то других сторон марксизма. Именно в этой статье Ленин впервые формулирует одну из закономерностей развития пролетарского учения: «...в марксизме, как живой доктрине, *не могли не* выдвигаться на первый план *различные* стороны его»[1]. Подробное обоснование данного положения мы находим в статье «Наши упразднители», написанной несколькими месяцами позже, в январе — феврале 1911 г. Однако уже здесь оно успешно «работает» для объяснения «особенностей исторического развития марксизма». Первое, что обращает на себя внимание,— это указание Ленина на *многосторонность* содержания, «состава» теории (философия, научный социализм, политическая экономия) и определение марксизма как «живой доктрины». «Диалектика исторического развития оказалась такова,— отмечает Ленин,— что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов»[2]. Соответственно этому начинается новая полоса развития марксизма, означающая прежде всего «переработку опыта» и на этой основе новый, своеобразный поворот к революционной теории и практике. Суть этого поворота непосредственно выражена всем содержанием ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм». С 1905 по 1910 г. в России произошли значительные качественные изменения: первое трехлетие, отмечает Ленин, характеризовалось открытым выступлением всех классов на всех поприщах; основная черта второго трехлетия — тяжелая и медленная эволюция общественного развития страны по пути капитализма, эволюция, «которая почти равняется застою»[3]. Во время первого трехлетия на первый план выдвигались, по словам Ленина, «вопросы тактики», т. е. тактика социал-демократии в первой русской революции и — в плане ее отражения в теории — проблемы революции, классовой борьбы и другие ключевые вопросы исторического материализма и науч-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 85.
[2] Там же, с. 87.
[3] Там же, с. 85.

ного социализма. В период второго трехлетия ситуация резко изменилась. «Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства...» «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни,— отмечает Ленин,— повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов»[1].

Вплетение теории в ткань общественной жизни, «погружение» марксизма в исторический ее поток — важный методологический прием, к которому Ленин прибегает во многих работах. Это диктуется стремлением выяснить конкретную динамику исторической связи, взаимообусловленности марксизма и той социальной реальности, в которой он — сразу же после своего возникновения — начал играть неуклонно возрастающую роль. Такой подход к марксизму позволял объяснить основные движущие силы его развития, установить типы и уровни закономерностей развития различных его сторон, конкретизировать диалектику «внутренней» (теоретической или логической) и «внешней» (социальной) истории пролетарского учения.

Резкие повороты в распространении научной социалистической идеологии не были ни случайностью, ни результатом одних только внешних обстоятельств. «Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно»[2]. Такова противоречивая ситуация, которая объясняет приливы и отливы влияния марксизма в широких массах в период революции 1905 г. и после ее поражения. Эта диалектика, отмечает Ленин, отражается и на состоянии марксистского течения, порождая двойственный результат: с одной стороны, «серьезнейший

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 87, 88.
[2] Там же, с. 87.

внутренний кризис марксизма», «распад среди марксизма», а с другой — «решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма...»[1].

Одна из причин «кризиса» марксизма как идейного течения в России после поражения революции 1905 г.— обратное отражение в воззрениях некоторых его идеологов того факта, что «чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху (т. е. в период первой русской революции.— *Авт.*) крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов»[2]. Эти критерии связаны с методологией марксизма, с его общими философскими основами.

Историко-социологический подход к марксизму получает свое развернутое выражение в статье «Наши упразднители», в которой ставится вопрос о конкретном механизме связи между теорией и практикой, между внутренними и внешними движущими силами развития пролетарского учения. В данном случае под теорией подразумевается прежде всего философия, а под практикой — общественно-политическое течение, руководствующееся этой философией и вдохновляемое классовой борьбой пролетариата. Вопрос, «что такое философский материализм,— подчеркивает Ленин,— ...*всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением»[3].

Ленинская формулировка общей закономерности взаимодействия теории и истории (практики) дополняется указанием на то, что «при богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма»[4].

В. И. Ленин следующим образом конкретизирует эту закономерную тенденцию. «В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, в 50-ые

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 88, 89.
[2] Там же, с. 88.
[3] Там же, с. 127—128.
[4] Там же, с. 128.

и 60-ые годы — экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне» [1].

Это емкое по содержанию и краткое по форме, отличающееся богатством идей ленинское высказывание заключает в себе широкий круг вопросов об этапах развития учения Маркса, их критериях и основообразующих факторах, о субъективных и объективных сторонах его развития, влиянии истории на теорию и многое другое.

Анализируя процесс выдвижения на первый план философской стороны марксизма в России после первой русской революции, Ленин называет следующие его причины: 1) «время общественной и политической реакции, время «переваривания» богатых уроков революции» является тем временем, когда основные теоретические и в том числе философские проблемы оказываются насущными, общественно значимыми; 2) философская «разборка» в рамках марксизма была особенно необходима в России, поскольку его «философское самоопределение» несколько «запоздало» по сравнению с политическим самоутверждением. Для российского пролетариата эта философская «разборка» должна была сыграть роль могучего просветительского фактора, тем более что, как отмечает Ленин, «в передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха» [2]; 3) потребность в марксистских философских исследованиях «подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм... Европа

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 128.

[2] Там же. При этом речь не шла об умалении отечественной философии. Ленину, например, принадлежат слова: «У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция» (там же, т. 45, с. 24).

дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал» [1]; 4) бурное оживление религиозной идеологии в России, веховства, махизма» [2].

Анализ Лениным причин, стимулировавших быстрое развитие диалектико-материалистической философии в указанный период, показывает, что они связаны, во-первых, с общими тенденциями развития общественной жизни, прежде всего с классовой борьбой, политико-идеологическими процессами, во-вторых, с мировым философским процессом и внутренней логикой развития марксизма как целостного учения, в-третьих, с новейшими достижениями в естествознании, прогрессом науки в целом. Как видим, эти факторы в развитии философской науки имеют как внешний (нефилософский), так и внутренний (собственно философский) по отношению к ней характер.

Новым шагом в разработке научной концепции диалектического развития марксизма, необходимым логическим звеном в выяснении сущности и исторического значения пролетарского учения как духовного оружия революционных преобразований явилась работа Ленина «Исторические судьбы учения Карла Маркса». Обращая внимание на научный статус марксизма, он ставит здесь вопрос о проверке и подтверждении теории в ходе ее практики и исторического прогресса в целом. Если, по его словам, уже «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1848 г., дает «цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения», то в социальном смысле марксистское учение в начальный период своего развития отнюдь не господствует, «оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма» [3]. Тем не менее исторический прогресс марксизма очевиден, история подтверждает его истинность. «К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, домарксовский социализм *умирает*», а в рамках второго периода (1872—1904) «учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*» [4]. Третий — начался с периода революционных бурь в России, Турции, Персии и Китае

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 128—129.
[2] См. там же, с. 129.
[3] Там же, т. 23, с. 1.
[4] Там же, с. 2, 3.

и их «обратного отражения» в странах Западной Европы. Поэтому, заключает Ленин, «после появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха»[1]. Таким образом, Ленин прослеживает исторические судьбы марксизма, используя метод «погружения» теории в исторический поток социальной жизни и анализа самой теории в неразрывной связи с последним.

О диалектическом взаимодействии составных частей марксизма

В работах «Три источника и три составных части марксизма» и «Карл Маркс» Ленин дает целостное изложение составных частей марксизма и его основополагающих идей, подчеркивая их единство, взаимопроникновение.

Статья «Три источника и три составных части марксизма» характеризует марксизм как идейно-теоретическое, научное выражение естественноисторического процесса, как закономерный результат развития мировой цивилизации, научным выражением которого стал титанический интеллектуальный подвиг Маркса и Энгельса. В свете этого ленинского труда становится понятна несостоятельность того упрощенного представления о теоретических источниках марксизма, которое иной раз бытует в наших научно-популярных работах. Согласно этому представлению, источником диалектического материализма является немецкая классическая философия, источником научного социализма — утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, источником марксистской политической экономии — английская классическая буржуазная политическая экономия. В действительности возникновение марксизма — несравненно более сложный процесс[2]. Так, научный социализм стал возможен лишь благодаря открытию закона прибавочной стоимости и материалистического понимания истории. Марксистская политическая экономия создавалась в процессе социалистической критики буржуазной экономической теории. Диалектический материализм, диалектико-материалистическое понимание общественной жизни стали возможны лишь благодаря исследованию роли

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 4.

[2] Это обстоятельно показано в книге Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» (М., 1986).

производительных сил и экономической структуры общества, капиталистического общества прежде всего.

Статья «Карл Маркс» завершает цикл исследований Ленина, посвященных вопросам развития марксизма в историческом и логическом плане, и служит своеобразной прелюдией к «Философским тетрадям». В этой философской и политической биографии великого мыслителя и революционера дается определение марксизма как «системы взглядов и учения Маркса». Главное в этом определении — указание на *системность* марксизма, дополняемое мыслью, что данную систему взглядов характеризует «замечательная последовательность и цельность...»[1]. Ленин раскрывает сущность марксизма через конкретное выявление и анализ содержания его составных частей.

Характеризуя философские основания марксизма, Ленин особо говорит о материализме, диалектике, материалистическом понимании истории и теории классовой борьбы. Это отнюдь не означает, что он обособляет диалектику и материализм, диалектический материализм и материалистическое понимание истории. В разделе «Философский материализм» большое внимание уделяется логике становления диалектического материализма, его коренному качественному отличию от предшествующих материалистических учений. В этой связи Ленин впервые в истории марксизма высказывает идею о единстве диалектики, логики и теории познания[2]. Основные идеи этой статьи получили дальнейшее развитие в «Философских тетрадях». Развивая мысль Маркса о принципиальном отличии созданной им материалистической философии от старого, созерцательного материализма, Ленин подчеркивает, что этот материализм «не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности... Без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания»[3].

Для того чтобы лучше понять ленинскую идею единства марксистской философии и политики, развиваемую им в работе «Карл Маркс», необходимо обратиться к не-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 50.
[2] См. там же, с. 54—55.
[3] Там же, с. 77.

большой, но теоретически важной работе Ленина «Переписка Маркса с Энгельсом».

Выделяя важнейшие методологические аспекты «обмена идеями» между Марксом и Энгельсом, Ленин пишет: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки,— тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика.* Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1].

В. И. Ленин разграничивает здесь два круга теоретических интересов основоположников марксизма, чтобы полнее раскрыть *сущность* и *закономерности развития* их учения. Не случайно во многих ленинских работах столь пристальное внимание уделяется анализу отношения материалистической диалектики к основным вопросам революционной практики, и в частности тактики марксистской партии. Тактика предполагает своевременный учет изменения исторической ситуации в данной стране, соотношения классов и социальных групп, учет не только объективных, но и субъективных условий общественно-исторического процесса. Для того чтобы в полной мере учесть эти условия, необходим диалектико-материалистический подход к социальной реальности, анализ многообразия связей, этапов развития. Основной теоретический порок социал-демократического оппортунизма как раз и состоит в том, указывает Ленин, что он, по существу, игнорирует диалектику исторического развития и своеобразие ее проявления на каждом данном этапе развития.

Ленинские мысли о значении материалистической диалектики для революционной практики, для обоснования правильной стратегии и тактики особенно актуальны в настоящее время, когда со времени апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда нашей партии советский народ приступил к осуществлению стратегического курса на ускорение социально-экономического развития социалистического общества. Осущест-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 264.

вление этого курса означает революционную перестройку всей системы хозяйствования и управления, всестороннее развитие социалистической инициативы и самодеятельности, развитие вглубь и вширь демократических начал нашего общества. А для этого безусловно необходим глубокий перелом в общественном сознании, психологическая перестройка, активизация человеческого фактора, новое мышление, свободное от догматических оков и приверженности к исторически изжившим себя формам организации и руководства. Новое мышление — диалектическое мышление, которое, всемерно учитывая изменение конкретно-исторических условий, творчески развивается, обогащаясь новым историческим опытом, преодолевая заблуждения и чуждый материалистической диалектике схематизм как в теории, так и на практике.

Труды Маркса, Энгельса, Ленина стали великим достоянием духовной культуры человечества, достоянием, с которым не может не считаться ныне любое направление философской, социологической, экономической и политической мысли. Для советских обществоведов это означает необходимость постоянного расширения фронта исследований, творческое освоение лучших достижений международного сообщества ученых-марксистов для решения насущных вопросов теории и практики. «Подлинная проверка для коммуниста,— отмечал Ленин,— это его понимание, [как], где и когда превращать свой марксизм в действие»[1]. Диалектико-материалистическая методология и глубокое знание реального положения дел — вот та основа, которая позволяет наилучшим образом соединять марксистскую науку с общественным сознанием, претворять ее в плоть и кровь социалистического строительства, в интеллектуальную энергию перестройки и обновления всех сфер жизни советского народа.

6. ТЕОРИЯ, ИСПЫТАННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Строгая научность и революционность марксистской теории

История человечества знала немало социальных учений, претендовавших на разрешение острейших проблем, которые стояли перед обществом на том или ином этапе его развития. Но эти учения, как правило, стали достоянием историков общественной мысли. Лишь научная теория Маркса, которую

[1] Ленинский сборник XXXVII, с. 249.

он разрабатывал рука об руку с Энгельсом, теория, которую защитил от покушений справа и «слева» и творчески развил, обогатил в новых исторических условиях В. И. Ленин, выдержала всестороннюю проверку временем. И чем дальше стремительный бег времени удаляет нас от периода возникновения марксизма, тем все сильнее и глубже проявляется влияние марксизма на исторические судьбы человечества. Деятельность КПСС на протяжении всей ее истории, достижения братских марксистско-ленинских партий — практическое воплощение и подтверждение истинности учения Маркса — Энгельса — Ленина.

«Главное в учении Маркса,— подчеркивал В. И. Ленин,— это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества» [1]. Именно марксизм раскрыл и обосновал всемирно-историческую миссию рабочего класса и его политического авангарда — партии в социальном освобождении всех трудящихся, в строительстве нового, свободного от эксплуатации и угнетения общественного строя. Он вооружил международный рабочий класс, всех трудящихся и угнетенные народы научной программой борьбы за ниспровержение капиталистического строя и построение социализма, указал столбовую дорогу, ведущую к этим историческим свершениям. Социалистическую миссию пролетариата Маркс обосновал глубоким и всесторонним анализом закономерностей возникновения и развития капитализма.

Он доказал, что капиталистическое воспроизводство совершается путем концентрации и централизации капитала, обобществления средств производства на основе частной собственности. Этот процесс капиталистического обобществления в своем развитии означает вместе с тем и созревание экономических предпосылок социализма в недрах буржуазного общества. Однако, поскольку капиталистическое воспроизводство есть воспроизводство капиталистических отношений, постольку никакое постепенное перерастание капитализма в социализм, о котором мечтали мелкобуржуазные социалисты-утописты, невозможно. Только революционное уничтожение старых эксплуататорских отношений и установление диктатуры рабочего класса открывают путь для социалистического переустройства общества. Маркс научно доказал как не-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

обходимость перехода к социализму, так и революционный характер этого процесса. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»[1].

Рабочее движение в эпоху Маркса и Энгельса носило в основном стихийный характер. Пролетарии отстаивали свои непосредственные интересы в борьбе с хозяевами-капиталистами. Однако они не сознавали необходимости и возможности перехода к другому общественному строю, где не будет капиталистов, а трудящиеся станут хозяевами своей собственной судьбы. Маркс и Энгельс, создав научный социализм, адекватно выражающий коренные интересы рабочего класса, доказали тем самым необходимость соединения социалистической идеологии с рабочим движением. Основоположники марксизма стояли у колыбели Союза коммунистов и сыграли решающую роль в образовании и деятельности Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала, идейно подготовившего Парижскую коммуну и создавшего почву для формирования и укрепления партий рабочего класса в различных странах. Обобщая исторический опыт освободительной борьбы пролетариата, Энгельс писал: «Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г.,— чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия» (37, 275).

«Манифест Коммунистической партии», опубликованный Марксом и Энгельсом в начале 1848 г., заканчивается призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В этом лозунге выражена интернациональная сущность марксизма, общность коренных, долговременных интересов рабочего класса всех стран.

Интернациональный характер рабочего движения нисколько не умаляет национальных интересов рабочих каждой страны. Напротив, в рабочем движении (и в этом выражается его всемирно-историческое значение и под-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

линный гуманизм) «*подлинно* национальные идеи... в то же время всегда являются и подлинно *интернациональными* идеями» (33, 374). Диалектическое взаимопроникновение национального и интернационального в рабочем движении нашло свое выдающееся воплощение в созданном под руководством Маркса и Энгельса I Интернационале, который был международным братством «рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств» (19, 22).

Братский союз социалистических государств является воплощением в действительности интернационального характера научного социализма и практики социалистического строительства.

Противники марксизма постоянно стремятся противопоставить друг другу политическую экономию марксизма, его социалистическое учение и научно-философское мировоззрение. Они противопоставляют Маркса Энгельсу, ранние произведения Маркса, относящиеся к периоду становления его учения, произведениям зрелого марксизма, противопоставляют Маркса Ленину, стремясь разорвать единство марксизма-ленинизма. Крах этих попыток, постоянно выявляющийся в ходе идеологической борьбы, неоспоримо подтверждает монолитное единство, целостность марксизма на всем протяжении его исторического развития. Марксизм-ленинизм — «цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов» [1],— подчеркивается в Программе КПСС.

Творческий характер учения Маркса о капитализме и социализме

Развитие марксизма, которое его противники тщатся изобразить как нарушение его целостности, в действительности представляет собой творческое применение его принципов, обогащение его новым историческим опытом и достижениями наук. Таково, например, учение В. И. Ленина об империализме. Ленин убедительно показал, что империализм вырастает из «старого» капитализма и, следовательно, эта новая стадия со своими специфическими закономерностями не отменяет фундаментальных законов капиталистической формации, ее сущностных связей и отношений, а модифицирует их. Вот почему классический труд Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»,

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 163.

по сути, продолжает «Капитал» Маркса в новых исторических условиях и внутренне связан с ним. Осмысление исследования Марксом законов развития домонополистического капитализма помогает лучше освоить и ленинский анализ монополистической стадии капитализма. Без этого невозможно понять процессы, протекающие в недрах современного капитализма, ибо монополии — результат возросшей концентрации производства, его обобществления, высшая форма коренного противоречия капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Разумеется, ныне, в условиях государственно-монополистического капитализма, имеют место и новые процессы, каких не было не только при жизни Маркса и Энгельса, проявлявших большой интерес к возникновению и роли акционерных обществ, но даже при жизни Ленина, впервые вскрывшего природу империализма, государственно-монополистического капитализма. Однако существенные изменения, которые претерпел государственно-монополистический капитализм в дальнейшем, не отменяют объективных законов развития капитализма, открытых марксизмом, хотя, разумеется, модифицируют их, изменяют форму их проявления, функционирования. Сохраняются, продолжают действовать и в новых исторических условиях закон прибавочной стоимости, закономерности концентрации и централизации капитала, противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, антагонизм между трудом и капиталом. Необходимо, разумеется, основательное исследование этих новых форм проявления законов капитализма, а также новых форм антиимпериалистической борьбы революционных сил. Они становятся все более многообразными по мере углубления противоречий капиталистической системы и развития освободительного движения трудящихся.

Возьмем, к примеру, вопрос об отношении к научно-технической революции. Не секрет, что в течение длительного времени советские философы ограничивались анализом науки в основном как одной из форм общественного сознания. Односторонность такого подхода была преодолена сравнительно недавно. А между тем Маркс уже в экономических рукописях 1857—1858 гг. вскрыл тенденцию превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Конкретизируя это положение в 1861—1863 гг., он писал, что «капитали-

стическое производство впервые превращает материальный процесс производства в применение *науки к производству* — в науку, внедренную в практику...» (47, 559). Уже тогда Маркс сделал предметом специального анализа противоречивый, антагонистический характер развития науки в условиях капитализма, когда ее применение к производству происходит «только путем подчинения рабочего капиталу и путем *подавления* его собственного умственного и профессионального развития» (47, 559). Более того, он гениально предвидел, что роль науки неизмеримо возрастет в будущем обществе, в котором будут устранены «эксплуатация научного прогресса капиталом» и все социальные преграды, мешающие эффективному использованию науки в производстве.

Характеризуя применение науки в общественном производстве, Маркс свыше 100 лет тому назад вскрыл такую магистральную линию развития технологии, как автоматизация производственных процессов. Он, следовательно, научно предвидел одну из основных черт современной научно-технической революции. Те же черты совершающейся в настоящее время научно-теоретической революции, о которых у Маркса не было (и не могло быть) речи, также, по существу, вытекают из основных марксистских теоретических представлений о сущности материального производства и исторических перспективах его развития. Ведь главное в марксовой характеристике этого процесса — предвидение прогрессирующего технологического применения достижений науки, которое станет, как он писал, главным мерилом производительности труда.

К. Маркс и Ф. Энгельс, в отличие от утопических социалистов, никогда не ставили перед собой задачи подробного описания будущего справедливого общества. «У Маркса,— писал В. И. Ленин,— нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество»[1]. И, развивая далее эту мысль, он разъясняет методологические принципы научного марксистского предвидения: «На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 48.

тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»[1]. Таким образом, научные предвидения основоположников марксизма всегда базировались на всестороннем анализе развития капитализма, выявлении присущих ему противоречий, исследовании путей их разрешения. Исходя из анализа существующего положения вещей, Маркс и Энгельс открыли не только объективную необходимость социалистической революции, но и объективную необходимость переходного периода от капитализма к социализму, а также необходимость последующего перехода от социализма, который они называли низшей фазой коммунизма, к бесклассовому коммунистическому обществу.

Так, в «Критике Готской программы» теория расширенного воспроизводства, разработанная Марксом в «Капитале», была интерпретирована применительно к экономике социалистического и коммунистического общества. Маркс сделал это, опираясь на метод различения вещественного содержания и социальной формы экономических процессов и выражающих эти процессы категорий. Указанное различение представляло собой существенный элемент диалектико-материалистического анализа развития производительных сил; оно стало необходимым условием конкретно-исторического подхода к многообразным экономическим процессам. Вместе с тем абстрагирование от той социальной формы, которую данный процесс принимает в условиях капитализма и которая обусловлена антагонистическими производственными отношениями, давало возможность рассмотреть вещественное содержание этого процесса, определяемое в конечном счете развитием производительных сил. Но поскольку последние сохраняются при переходе от одной общественно-экономической формации к другой, сохраняется и вещественное содержание основных экономических процессов. Поэтому исследование экономических процессов при капитализме со стороны их вещественного содержания, проведенное Марксом, представляло собой существенный шаг на пути прогнозирования экономического развития будущего общества. Оно дало Марксу

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 85.

возможность не только раскрыть исторически преходящий характер капитализма и складывающиеся в его недрах материальные предпосылки социалистического общества, но и сделать научные выводы относительно экономической структуры этого будущего общества. «...Если снять с заработной платы,— писал Маркс в «Капитале»,— как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» (25, ч. II, 448).

В «Капитале» Маркс пришел к выводу об обязательности и в условиях новой, социалистической экономики прибавочного труда как труда сверх меры данных потребностей трудящегося индивида. Отсюда, указывал Маркс, следует, что одним из критериев производительного труда — если рассматривать этот труд со стороны его вещественного содержания — является производство не только необходимого, но и прибавочного продукта. Этим были опровергнуты мелкобуржуазные утопические взгляды, получившие отражение, в частности, в Готской программе германской социал-демократической партии, о необходимости непосредственного присвоения рабочим полного продукта его труда, о «неурезанном» трудовом доходе.

Опираясь на разработанную в «Капитале» теорию воспроизводства, Маркс сформулировал в «Критике Готской программы» основные особенности распределения совокупного общественного продукта в условиях коммунистической формации. Он выделил при этом следующие моменты процесса производства и воспроизводства: возмещение потребленных средств производства, создание резервного фонда, расширение, развитие производства. Все это предполагает вычеты из совокупного общественного продукта, которые Маркс характеризует как «экономическую необходимость», указывая, что «их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности...» (19, 17). Кроме того, Маркс указывает на необходимость и других вычетов из совокупного общественного продукта: непосредственно связанные с производством издержки управления, совместное удовлетворение потребностей, фонды для нетрудоспособных. Лишь оставшаяся часть совокупного общественного продукта идет на индивидуальное потребление. Маркс при этом подчеркивает, что

если издержки управления будут все более сокращаться по мере развития нового общества, то доля расходов на школы, учреждения здравоохранения и другие формы коллективного удовлетворения потребностей, напротив, будет все более возрастать. Он обращает внимание на то, что «все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества» (19, 17). Эта научно разработанная Марксом схема распределения совокупного общественного продукта составляет одну из основ социалистического планирования.

Основные положения «Критики Готской программы» имели важное значение для борьбы с вульгарными интерпретациями социализма исключительно с позиций распределения. Маркс отмечает грубую ошибку Готской программы, которая сводила социалистическое переустройство общества к преобразованиям лишь в области распределения продуктов производства. Опираясь на положение об определяющей роли общественного производства в развитии общества, он пишет: «Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства... Вульгарный социализм... перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения» (19, 20). Маркс разъясняет, что характер распределения продуктов производства при социализме не является делом субъективного установления, а объективно обусловлен уровнем развития производительных сил, направленностью их дальнейшего прогресса, необходимостью создания общего для всех членов общества фонда, обеспечивающего культурные потребности, образование и т. д. В этой связи Маркс характеризует социалистическое общество, учитывая его исторический генезис, как первую, низшую фазу коммунистической формации. «Мы имеем здесь дело,— пишет он,— не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр

которого оно вышло» (19, 18). Отсюда с необходимостью следует господство в социалистическом обществе принципа распределения по труду: «...каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему» (19, 18). В условиях социализма осуществляется равенство людей в смысле их одинакового отношения к средствам производства, так как частная собственность на средства производства и, следовательно, эксплуатация человека человеком ликвидированы. Труд — обязанность каждого члена общества, богатство которого непосредственно зависит от трудового вклада тружеников. И всякое нарушение социалистического принципа распределения соответственно количеству и качеству труда таит в себе серьезные негативные последствия, тормозит поступательное движение общества.

Отмечая эти особенности первой фазы коммунизма, Маркс еще раз подчеркивает, что они свойственны такому обществу, которое после долгих мук родов выходит из капиталистического общества: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» (19, 19). Одновременно Маркс обращает внимание на то, что с сущностью социализма связано изменение как содержания, так и формы обмена деятельностью между производителями. Изменение содержания выражается в том, что «при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда», а также в том, что «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» (19, 18). Изменение же формы выражается в том, что обмен трудовой деятельностью в социалистическом обществе приобретает планомерный и строго эквивалентный характер.

Эти выводы Маркса и сегодня учат нас реалистическому подходу к решению вопросов распределения и других социальных проблем в строгом соответствии с уровнем развития производительных сил, производительности труда, эффективности производства. Именно связывая меру потребления с мерой труда, наша партия осуществляет реальную программу повышения материального благосостояния и культурного уровня масс, обеспечивая рост производства, его эффективности и учитывая обратное воздействие на него распределения. Ведь последовательное проведение обоснованного Марксом принципа

социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду» является необходимым условием социально-экономического развития нашего общества. Нарушение же этого принципа, как отмечалось в документах XXVII съезда КПСС, составляет одну из причин замедления темпов социалистического развития в 70-е — начале 80-х гг.

В «Критике Готской программы» Маркс характеризует и вторую, высшую фазу коммунизма. «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (19, 20). Таким образом, переход от распределения по труду к распределению по потребностям становится возможным в результате глубоких качественных изменений в способе производства: изменение характера труда, отношения к нему, всестороннее развитие производительных сил, и прежде всего главной производительной силы — человека, умножение общественного богатства. Разумеется, этот переход также предполагает высокие моральные качества всех членов общества. Всестороннее развитие человека, многообразие человеческих способностей и талантов, научно-технический прогресс, постоянно революционизирующий производство,— все это приводит к тому, указывает Маркс, что главным мерилом общественного богатства становится развитие творческих способностей членов общества. Закон стоимости теряет свою силу. Исчезает необходимость распределения соответственно количеству и качеству труда. На смену социалистическому принципу распределения приходит принцип коммунизма: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям.

Как и предсказывали классики марксизма-ленинизма, социализм уже вышел за рамки одной страны, превратился в мировую систему. Практика становления и развития социалистического общества в разных странах,

естественно, конкретизирует и обогащает марксистско-ленинское учение о социализме. Вместе с тем, несмотря на различия, на растущее разнообразие форм движения разных стран, народов к социализму, все более выявляется принципиальное единство всех социалистических стран, единство социально-экономическое, политическое и идеологическое.

Магистральное направление социалистического созидания

Курс на ускорение, провозглашенный КПСС, является выражением ее стратегической линии, рассчитанной на неуклонное продвижение советского общества по пути социалистического созидания. На XXVII съезде партии со всей определенностью было подчеркнуто, что ускорение — ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним.

Лозунг «Время, вперед!» никогда не терял и не потеряет своей актуальности для общества, которому принадлежит будущее. Однако новые революционные преобразования, которые у нас происходят в настоящее время, было бы неправомерно механически выводить из прошлого. Истина всегда конкретна. Новые задачи требуют и новых решений. Современный этап наполнил понятие «ускорение» новым содержанием, придал ему глубокий революционный смысл, понять и оценить который можно лишь на основе определения своеобразия нынешней полосы исторического развития советского общества, всей мировой системы социализма.

Особенности ускорения социально-экономического развития социализма состоят в том, что это ускорение происходит, во-первых, на его собственной основе, специфическими для него средствами и, следовательно, осуществляется путем максимального использования преимуществ социалистического строя, всех его движущих сил на основе новейших достижений науки и техники. Во-вторых, ускорение развития нашего общества происходит в качественно иных по сравнению с прошлым международных условиях: существование содружества социалистических государств, с одной стороны, растущая экономическая взаимозависимость всех стран и народов нашей планеты — с другой. В-третьих, ускорение представляет собой многосторонний процесс, развертывающийся, набирающий темпы и силу в течение ряда лет не только текущей пятилетки, но и последующего пе-

риода, вплоть до конца века. Речь идет об ускорении не только экономического и научно-технического развития, но и об ускорении развития всей социальной сферы. Все это предполагает революционную перестройку системы хозяйствования, планирования, управления, всемерную активизацию человеческого фактора, социального творчества масс, развитие социалистической демократии вширь и вглубь, совершенствование форм и методов работы партийных, государственных и общественных организаций, углубление социалистического самоуправления народа. Это значит, что экономическое развитие соединяется с развитием социальным — проведением сильной социальной политики, последовательным утверждением принципа социальной справедливости, совершенствованием социалистических стимулов, утверждением повсеместного единства личных, коллективных и общенародных интересов.

Разрабатывая концепцию и стратегию ускорения социально-экономического развития страны, наша партия, теоретически обобщая коллективный опыт масс, опирается в своей созидательной деятельности всегда и во всем на учение Маркса — Энгельса — Ленина, творчески его развивает применительно к современным условиям социалистического строительства.

Материалистическое понимание истории, придавая решающее значение совершенствованию производительных сил общества, указывает тем самым важнейшее условие осуществления стратегического курса на всемерное ускорение развития социалистического общества.

К. Маркс неоднократно подчеркивал, что коммунизм можно построить лишь на базе гигантского подъема производительных сил, путем широкого применения в производстве достижений науки и техники, передовой технологии, путем повышения творческого потенциала всех работников. Он разъяснил, что развитие техники и технологии производства предполагает развитие творческих потенций самого человека, который в любых исторических условиях является важнейшей производительной силой. Если для капитализма характерно, по словам Маркса, господство овеществленного труда над живым, то социализм, а тем более коммунизм предполагает господство живого труда над его овеществленными в средствах производства формами. Это значит, что увеличивается масса многообразных, все более сложных и совершенных орудий труда, которыми оперирует труженик социа-

листического общества, а это, в свою очередь, требует и профессионального, и культурного, в частности интеллектуального, развития производителя, управляющего агрегатами машин, аппаратов, технологическими процессами и т. д. В этой связи Маркс писал: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития... т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу» (46, ч. I, 476).

Следует, конечно, иметь в виду, что это положение Маркса носит в значительной мере прогностический характер: оно устремлено в коммунистическое будущее. Стратегия ускорения развития социалистического общества и призвана создавать предпосылки этого будущего. Именно поэтому интенсивное развитие науки, новейшей техники и технологии на решающих направлениях современного научно-технического прогресса в значительной мере должно определять основные особенности экономического и социального развития в нынешней переломной ситуации. Партия придает первостепенное значение задачам ускорения научно-технического прогресса, эффективному использованию производственного потенциала, коренной реконструкции народного хозяйства (быстрому обновлению технологических процессов, модернизации машиностроения, широкому внедрению передовой ресурсосберегающей технологии, повышению уровня технической культуры трудящихся), короче говоря,— вопросам соединения на деле достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

Основоположники научного коммунизма, решительно выступая против «грубого», уравнительного коммунизма, который «насильственно абстрагируется от таланта, способностей людей», подчеркивали, что в новом обществе производство будет способствовать созданию таких условий жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу. Маркс отмечал, что социализм предполагает «отнюдь не *отказ от потребления,* а развитие производительной силы, раз-

витие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления» (46, ч. II, 221).

В соответствии с принципами марксизма-ленинизма высшая цель экономической стратегии КПСС состоит в неуклонном подъеме народного благосостояния и культуры, все более полном удовлетворении многообразных потребностей людей на базе повышения эффективности производства, роста производительности труда.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс опровергли клеветнические утверждения буржуазных идеологов о том, что с ликвидацией частной собственности якобы «воцарится всеобщая леность». В действительности же социализм, уничтожая эксплуатацию, в корне меняет характер труда, делает его свободным. В таком труде содержится мощный импульс для развития активности трудящихся. Свободный труд способствует формированию социально активных, инициативных людей с высокими идейно-нравственными качествами. Вместе с тем необходимо постоянно совершенствовать материально-техническую оснащенность труда, добиваться ликвидации ручных, физически тяжелых видов работ, улучшать организацию труда, всемерно поощрять лучших работников, крепить сознательную дисциплину. «...Условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации» [1].

К. Марксу, как известно, принадлежит открытие закона «экономии времени», который, по его словам, «остается первым экономическим законом на основе коллективного производства». Этот закон означает неуклонное повышение производительности труда на основе научно-технического прогресса и совершенствования общественной организации труда.

Каковы же основные требования этого закона? Закон экономии рабочего времени и планомерного его распределения в различных отраслях производства нацеливает нас на более решительный поворот к преимущественно интенсивным, качественным факторам экономического развития, наиболее полно отвечающим задачам перестройки и ускорения социально-экономического развития общества.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 188.

Речь идет прежде всего о правильном, экономном расходовании рабочего времени, всех трудовых и материальных ресурсов. Ведь повышение жизненного уровня масс, создание материальных условий для их всестороннего развития прямо зависит от роста производительности труда, совершенствования производства, повышения его эффективности. Именно в творческом труде происходит формирование и развитие способностей людей, их природных задатков.

Следовательно, рациональная организация труда на производстве, экономия материальных ресурсов, борьба с потерями рабочего времени, с производственными потерями, нарушениями трудовой дисциплины — насущная задача времени, вытекающая из требований объективных законов социализма. Игнорирование или недооценка этих законов порождает серьезные негативные явления в экономике и других сферах общественной жизни. И напротив, «переход к активной ресурсосберегающей политике имеет первостепенное значение для интенсификации народного хозяйства, для ускорения всего развития нашего общества»[1]. Речь идет также об эффективном применении достижений науки и новейшей техники, о быстрейшем их внедрении в производство, о совершенствовании управления народным хозяйством в соответствии с потребностями общества, о сбалансированном росте всех отраслей экономики.

Ускорение социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса, его новейших достижений — стратегический курс КПСС на современном этапе социалистического строительства.

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 2, с. 390.

Раздел II

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

1. ВСЕОБЩНОСТЬ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Всеобщность и существенность развития

Признание всеобщности и существенности развития — одно из важнейших положений материалистической диалектики — не есть простая констатация повсеместно наблюдаемого, не есть также непосредственный логический вывод из наличных научных данных. Диалектический подход к этому положению философии марксизма позволяет выявить противоречивость присущего ему содержания, которая отражает сложность, опосредствованность развития. Если развитие всеобще, значит, каждый отдельный процесс является процессом развития? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы необходимость скрупулезного анализа понятия *всеобщности* развития стала очевидной.

Механическое движение, всеобщность которого давно установлена, само по себе не является процессом развития. Изменение агрегатных состояний, так же как и значительная часть химических превращений, подобно механическим процессам, носит обратимый характер, т. е. представляет собой существенные моменты всеобщего круговорота природы, необходимой определенностью которого является повторение. Ближайший анализ последнего обнаруживает его неизбежную двойственность: повторение, по меньшей мере частично, есть также неповторение. Налицо, таким образом, единство повторения и неповторения. Противоположность между обратимыми и необратимыми процессами представляется на первый взгляд абсолютной. Необходимо, однако, разграничивать различные типы необратимых процессов и, соответственно, их различное отношение к обратимым процессам. По-видимому, и здесь абсолютное и относительное оказываются в конечном счете относительными противоположностями.

К. Маркс, анализируя противоречия капиталистического способа производства и их внешние, неадекватные выражения, сформулировал в высшей степени важное гносеологическое предупреждение: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» (25, ч. II, 384). Применяя это указание к поставленному нами вопросу, мы можем сказать, что развитие есть не непосредственное проявление, а сущность процессов, совершающихся в природе и обществе. То же, несомненно, относится и к всеобщности развития, которая предполагает бесконечное многообразие взаимообусловленных, взаимодействующих явлений, превращение одних форм движения материи в другие. Вследствие этого всеобщий процесс развития складывается из множества особенных процессов, в том числе и таких, которые сами по себе не являются процессами развития. Следовательно, отличая развитие от простого перемещения, обратимых процессов, повторения и т. д., мы не ограничиваем всеобщности развития, а, напротив, осмысливаем ее как противоречивое единство многообразия, единство противоположностей.

Признание всеобщности и существенности развития предполагает далее анализ отношений между этими его определенностями. Единство всеобщности и существенности диалектически противоречиво. Ведь если развитие всеобще, то оно, следовательно, относится как к существенным, так и к несущественным процессам. Но является ли существенным развитие несущественного? Не будем, однако, абсолютизировать существенное в его существенности, как и несущественное в его несущественности. Противоположность между существенным и несущественным не абсолютна, поскольку существенное в одном отношении оказывается несущественным в другом. Отвергая метафизическое противопоставление сущности явлению, философия марксизма доказывает, что явление существенно, хотя в нем недостаточно, неполно, не вполне адекватно выражается сущность. Видимость также существенна, как гениально доказал Маркс своим критическим анализом основного предрассудка вульгарной политической экономии, т. е. «триединой формулы», согласно которой капитал производит прибыль, рента является продуктом земли, а труд создает лишь получаемую пролетарием заработную плату. Как известно, эта ложная формула отражает конечный ре-

зультат перераспределения (в процессе конкуренции между капиталистами, а также между капиталистами и собственниками земли) прибавочной стоимости, создаваемой трудом пролетариев.

Противоположность существенного и несущественного относительна также и потому, что нечто существенно, поскольку нечто другое несущественно, но именно несущественное придает существенному свойственную ему определенность. Несущественное есть, следовательно, определенность самой сущности. Эта противоречивость сущности представляется на первый взгляд чем-то бессмысленным. Относительно такого рода замешательства обыденного здравомыслия Маркс иронически замечает: «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» (16, 131).

Всеобщность как многообразие форм существования

Материалистическая диалектика — наука о всеобщих законах движения, изменения, развития природы, общества и познания. Признание того, что природе, обществу и познанию присущи одни и те же законы движения, изменения, развития, указывает не только на всеобъемлющий характер законов диалектики, но и на то, что их всеобщность может быть правильно понята лишь как многообразие форм существования. И действительно, диалектика общественного развития качественно отлична от диалектики природы, а диалектические закономерности познавательной деятельности, отражающие объективную диалектику природы и общества, характеризуются специфической качественной определенностью, которая и выражается понятием субъективной диалектики. Восхождение от абстрактного к конкретному специфически характеризует определенную форму познания, оно есть, как говорит Маркс, «лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» (46, ч. I, 37—38). Тем не менее диалектические законы каждой из этих областей, несмотря на качественное различие между ними, которое недопустимо недооценивать, образуют сущностное тождество. Диалектическое понимание всеобщности в противоположность метафизической концепции абстрактного тождества предполагает качественное многообразие, т. е. отвергает

сведение всеобщности к единообразию, которое, как свидетельствует история познания, существует лишь как момент многообразного целого.

Всеобщее, абсолютное, относительное

Понятие абсолютного, к сожалению, недостаточно разработано в нашей литературе. Абсолютно движение, абсолютно развитие. Закон сохранения материи и движения — абсолютный закон природы. Закон превращения энергии Энгельс характеризует как «абсолютный закон природы» (20, 540). Абсолютное существует и в общественной жизни. Труд — абсолютное условие существования общества, так как он есть, пишет Маркс, «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (23, 195). Эта характеристика труда является вместе с тем в известной мере и определением абсолютного, во всяком случае применительно к условиям существования людей.

Следует подчеркнуть, что Маркс нередко пользуется понятием абсолютного и для характеристики исторически преходящих социальных явлений. При этом имеются в виду безусловно необходимые предпосылки этих явлений и основные формы их существования. Так, он характеризует деньги как «абсолютный товар», разумеется, в частнособственническом обществе, разграничивает абсолютную форму прибавочной стоимости и относительную. Всеобщий закон капиталистического накопления Маркс называет абсолютным. Анализируя экономические кризисы перепроизводства, он отмечает, что в периоды кризисов «противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие» (23, 149).

В. И. Ленин, развивая марксово понятие абсолютного применительно к основному закону диалектики, пишет: «Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [1].

Упрощенное представление о диалектике нередко связывается с отрицанием абсолютного, поскольку понятие абсолютного занимает центральное место в системах метафизики. Но марксизм отвергает лишь метафизическую концепцию абсолютного, необходимой предпо-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

сылкой которой является отрицание относительного, так же как отрицание изменения, развития. Между тем признание всеобщей связи явлений, всеобщности движения означает признание *относительности* как категориальной характеристики существующего. Но относительное и абсолютное не исключают, а предполагают друг друга. Эти противоположности относительны, они находятся в единстве. И гносеологическое положение об абсолютной истине как сумма относительных истин отражает не только движение познания, но и отношение между абсолютным и относительным в объективном мире. Движение и абсолютно и относительно. И принцип относительности движения, сформулированный Г. Галилеем и распространенный А. Эйнштейном на все физические процессы, выражает абсолютный характер движения.

Представление о всеобщности развития нередко оказывается трудно усваиваемым, поскольку уже на уровне повседневного опыта констатируется прекращение определенных процессов развития. В науке также зачастую определенные явления характеризуются как закончившие цикл своего развития. Указывается, например, на то, что человек антропологически сложился и не развивается как биологический вид с незапамятных времен. При этом, однако, следует в полной мере учитывать, что развитие человека продолжается в новой, социальной форме.

Прекращение развития есть переход из одной его формы в другую. История общественно-экономических формаций показывает, как заканчивается, прекращается развитие определенного, скажем феодального, строя, что означает переход человечества на новый, в данном случае капиталистический путь развития. Развитие социализма в определенных странах означает прекращение капиталистического развития.

Всеобщность развития — интеграция многообразных процессов движения, изменения, переходов из одного состояния в другое и, значит, прекращение прежнего состояния и т. д. Маркс в «Капитале» исследует такие процессы, как единство стоимости и потребительной стоимости товаров, товарный обмен, превращение денег в капитал, производство прибавочной стоимости, обращение капитала, распадение прибавочной стоимости на прибыль, ренту, ссудный процент, образование цены производства, простое и расширенное воспроизводство, ко-

торое является воспроизводством существующих, т. е. капиталистических, производственных отношений [1]. Из этого перечисления видно, что речь идет преимущественно о закономерностях и формах функционирования капиталистического способа производства. Однако в ходе воспроизводства капиталистических отношений осуществляется, разумеется на частнособственнической основе, обобществление средств производства, т. е. возникают, ширятся, укрепляются экономические предпосылки социализма, развиваются присущие капитализму антагонизмы, углубляется противоположность между основными классами, обостряется борьба между ними,— все это дает картину тех глубоких качественных изменений, которые обусловливают неизбежность революционного перехода от капитализма к социалистическому общественному строю.

Современное естествознание глубоко раскрывает диалектическое единство абсолютного и относительного, внося тем самым громадный вклад в понимание всеобщности диалектических закономерностей. Основоположник квантовой механики М. Планк подчеркивает, что одной из основных посылок теории относительности является положение о постоянстве скорости света, т. е. признание этого вида движения материи абсолютным. Без признания абсолютного, обобщает свою мысль Планк, не может быть построена ни одна физическая теория. «Нет большего заблуждения, чем бессмысленное выражение «Всё относительно»,— пишет Планк.— Оно неправильно уже внутри самой физики. Все так называемые универсальные константы, как масса или заряд электрона или протона, или элементарный квант действия, являются абсолютными величинами: они представляют собой устойчивые неизменные строительные камни для атомистики» [2].

Таким образом, релятивистская физика, которую неопозитивисты и «критические рационалисты» пытаются

---

[1] Авторы первого тома «Материалистической диалектики» (под ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова. М., 1981) правильно разграничивают законы строения, законы функционирования и законы развития. «Эти законы,— пишут они,— в совокупности выражают сущность саморазвивающихся системных объектов, но каждая из перечисленных групп законов выражает сущность не полностью, а частично, в каком-то одном ее отношении» (с. 249—250). Данное положение указывает, что развитие представляет собой интеграцию существенно различных процессов.

[2] *Планк М.* Избранные труды. М., 1975, с. 599.

истолковать в субъективистски-агностическом духе, не только не отрицает абсолютного, но, напротив, трактует признание абсолютного как необходимое условие познания относительного. Тем самым физика, как и вся современная наука в целом, подтверждает диалектико-материалистический принцип единства относительного и абсолютного, принцип, согласно которому в относительном имеется абсолютное, а в абсолютном — относительное. «Абсолютное и относительное, конечное и бесконечное = части, ступени одного и того же мира»[1], замечает В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля. Нет необходимости разъяснять, что принцип единства абсолютного и относительного существенным образом характеризует развитие познания и тем самым предмет теории познания диалектического материализма. Эти вопросы с достаточной основательностью исследованы в марксистских работах, в особенности в работах советских философов, которые разъясняют, развивают, конкретизируют глубочайшую мысль В. И. Ленина об относительности всякого знания и абсолютном содержании «в каждом шаге познания вперед»[2].

Абсолютный характер законов диалектики

Хотя понятие абсолютного не есть differentia specifica (специфическое отличие.— *Ред.*) законов диалектики, оно характеризует их основную определенность. Поэтому следует выделить те характеристики абсолютного, которые присущи данным законам. Когда говорят о всеобщности законов диалектики, то иной раз упускают из виду, что всякий закон природы есть форма всеобщности. Коль скоро эта истина не подлежит сомнению, всеобщность законов диалектики должна быть понята как нечто качественно отличное от всеобщности других законов природы или общества. Мы говорим обычно, что законы диалектики являются *наиболее общими* законами движения, развития. Важно, однако, понять, что это количественное различие переходит в различие качественное, в силу чего законы диалектики и являются *абсолютно всеобщими.*

Абсолютная всеобщность — безграничность как в количественном, так и в *качественном* отношениях. Этого, конечно, нельзя сказать о физических, химических, биологических и иных законах, которые составляют предмет

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 95.
[2] Там же, с. 162.

исследования специальных наук. Эти законы качественно ограничены в своей всеобщности; они являются законами физических, химических, биологических форм движения материи. Законы физической или биологической реальности не могут быть законами общественного развития, так же как и законами процесса познания.

Конечно, физические и биологические процессы происходят и в обществе, поскольку люди в определенных отношениях являются физическими телами и биологическими организмами. Процесс общественного производства как технологический процесс, безусловно, подчиняется законам природы. Экологические дисфункции, как стихийные последствия производственной деятельности людей, обусловлены не только исторически преходящими социальными факторами, но и физико-химическими закономерностями, поскольку именно они вызывают образование определенных вредных для жизнедеятельности веществ (например, при сжигании каменного угля, нефти, древесины и т. п.). Однако законы природы не определяют специфических черт социального процесса; они проявляются в нем неспецифическим образом. Маркс открыл специфические закономерности общественно-исторического процесса и тем самым доказал несостоятельность социологического натурализма, который переносит законы природы на общественную жизнь. Качественное отличие законов социального процесса от законов природы выявляется при рассмотрении социологических и экономических закономерностей.

Французский социалист-утопист Ш. Фурье заблуждался, полагая, что закон всемирного тяготения проявляется в обществе как взаимное тяготение человеческих индивидов друг к другу. Никакого специфического проявления закона всемирного тяготения (как и других законов природы) в обществе не существует. Что же касается притяжения между индивидами как физическими телами, то сила его, которая легко определяется по известной формуле Ньютона, столь незначительна, что она не оказывает ни малейшего влияния на их отношения друг к другу.

Абсолютный характер законов диалектики состоит, далее, в том, что они являются законами *всеобщего* развития, качественно отличными от тех особенных законов развития, которые образуют предмет исследования биологии, космологии и других наук. В этом смысле материалистическая диалектика выступает в качестве *все-*

общей теории развития в отличие от специальных теорий развития, классическим примером которых может служить теория Ч. Дарвина со свойственным последней категориальным аппаратом, применимым, строго говоря, лишь к биологическому процессу. Известно, к каким ложным и реакционным выводам приводили попытки так называемых социал-дарвинистов перенести на историю общества открытые Дарвином законы и категории.

Говоря об абсолютном характере законов диалектики, не следует, конечно, забывать, что некоторые законы природы также являются абсолютными. Однако и эти законы специфическим образом характеризуют лишь природные процессы. Попытки рассматривать социальный процесс с точки зрения, скажем, абсолютного закона сохранения и превращения энергии, приводят не к чему иному, как к забвению действительных социальных закономерностей. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин разоблачает ревизионистские попытки переодеть материалистическое понимание истории «в наряд биологической и энергетической терминологии». В этой связи он замечает: «Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие» [1]. Закон сохранения и превращения энергии, разумеется, применяется людьми в их производственной деятельности, так как производство есть изменение человеком природы соответственно законам природы. Но это обстоятельство не характеризует ни социальной природы производства, ни его определяющей роли в общественном развитии. Оно говорит лишь о том, что общество органически связано с естественными условиями своего существования, что оно практически применяет законы природы.

Само собой разумеется, что далеко не все законы природы абсолютны. Многие из них являются относительными, т. е. обусловленными отдельными формами движения материи, которые существуют отнюдь не повсеместно. Таковы, например, биологические закономерности, которые предполагают довольно редкий во Вселенной феномен: существование живого. Энгельс указывает на то, что многие открываемые физикой и химией закономерности носят геоцентрический характер, так как на

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

других планетах нет, например, воды и других химических соединений, существующих на Земле. На Солнце, отмечает Энгельс, проявляются лишь немногие из тех химических закономерностей, которые действуют на Земле. В этой связи он конкретизирует, уточняет понятие всеобщности, поскольку оно применяется к законам природы. «Таким образом, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых одинаково ко *всем* телам, начиная с туманности и кончая человеком, то у нас остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии, vulgo (попросту говоря.— *Ред.*) механическая теория теплоты» (20, 553). И далее Энгельс разъясняет, что факт относительности законов природы свидетельствует о том, что они свойственны разным историческим фазам развития материи, Вселенной. Иными словами, относительность законов природы является необходимым выражением абсолютного характера движения, развития, всеобщего диалектического процесса. Подытоживая эти мысли, он заключает: «...абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь *движение*» (20, 554).

Разумеется, не только природные, но и социальные законы относительны, поскольку они являются законами исторически определенных общественно-экономических формаций. Одна из важнейших заслуг Маркса — открытие историчности (и тем самым относительности) экономических законов развития общества. Законы капиталистического способа производства качественно отличаются от законов феодального способа производства. Еще более значительным, существенным является отличие экономических законов социалистического строя от экономических законов капитализма. Поэтому Маркс такие понятия, как «производство вообще», называет полезными, необходимыми абстракциями, но не более чем абстракциями, так как всякое общественное производство носит исторически определенный характер, т. е. представляет собой производство на определенной ступени общественного развития.

Единство законов диалектики и специфических законов природы и общества

Подчеркивая абсолютный характер законов диалектики, философия марксизма в полной мере учитывает относительность противоположности между абсолютным и относительным. Абсолютные законы диалектики существуют не по ту сторону законов природы и общества, которые в боль-

шинстве своем являются относительными законами. Поэтому правильное понимание законов диалектики, их абсолютного характера предполагает уяснение их диалектического единства с теми законами, которые открывают науки о природе и обществе. Законы диалектики — единство многообразия законов природы, общества, познания. Когда Энгельс писал, что освобожденная от мистических извращений диалектика становится *абсолютной* необходимостью для естествознания, он имел в виду то, что само естествознание в ходе своего развития начинает выявлять диалектический характер открываемых им законов природы. Это положение Энгельс обосновывает анализом великих открытий естествознания XIX в. Наряду с дарвинизмом, клеточной теорией, законом сохранения и превращения энергии он называет периодическую систему Д. И. Менделеева, который доказал, что химические свойства элементов являются периодической функцией их атомных весов. «Менделеев,— писал он,— применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту еще не известной планеты — Нептуна» (20, 389).

В «Диалектике природы» Энгельс анализирует основные формы движения материи, начиная с механической и кончая жизненным процессом, показывая, что каждая из этих форм внутренне диалектична, представляет собой единство взаимоисключающих, но вместе с тем и предполагающих друг друга процессов. Характеризуя учение Ч. Дарвина, он показывает, что развитие живого — сложный, противоречивый процесс, в котором наследственность и изменчивость обусловливают друг друга, случайное становится необходимым. Анализ превращения одних форм движения материи в другие приводит его к выводу, что принцип самодвижения материи, который вслед за английским философом Дж. Толандом обосновывали французские материалисты XVIII в., экспериментально, практически доказан естествознанием и технологическим применением открытых им законов природы. Осуществленный Энгельсом анализ достижений естествознания может быть подытожен его собственными словами: «...диалектические законы являются действительными законами развития природы и, значит, имеют силу также и для теоретического естествознания» (20, 385). Таким образом, если в экономических исследо-

ваниях Маркса гениально раскрыт диалектический характер социальных процессов, то Энгельс, следуя по пути марксова исследования, блестяще доказал, что законы диалектики являются также законами природы.

Диалектический материализм в противоположность идеалистическому учению Гегеля не навязывает законов диалектики природе и обществу, а выводит их путем исследования природных и социальных процессов. Гегель, утверждая, что законы диалектики всеобщи, обосновывал этот тезис посредством сведения всего существующего к мистифицированному, превращенному в субстанцию мышлению. Всеобщностью, согласно Гегелю, обладает лишь мышление, в силу чего законы диалектики являются лишь законами мышления. Природа, поскольку она существует, по Гегелю, вне времени (эта посылка позволяет философу в известной мере размежеваться с креационизмом, представлением о божественном порождении природы), не знает развития. Философия природы Гегеля, отмечает Энгельс, исключает «всякое развитие, ибо в противном случае природа не была бы вне-себя-бытием духа» (20, 552) [1]. Таким образом, законы диалектики образуют, по Гегелю, обособленное царство, высшую форму управления существующим, которая сознательно противополагается материальной действительности и наукам, занимающимся ее исследованием. Противопоставление философии наукам о природе и обществе, предельно радикализируемое Гегелем, наглядно выявляется в этом идеалистическом возвышении царства законов диалектики над якобы низшими по рангу законами природы и общества. И если диалектика Гегеля нередко «снимает» это метафизическое противополагание, то оно постоянно воспроизводится как идеалистическое основоположение, согласно которому духовное есть изначальное и, в сущности, божественное.

Диалектический материализм несовместим с противопоставлением одних законов природы другим ее законам, с допущением высшей «законодательной» сферы существующего и ее «низших», якобы подчиненных сфер. Эта

[1] Правда, мы находим в гегелевской натурфилософии немало гениальных диалектических прозрений, но это только свидетельствует о том, что противоречие между методом и системой пронизывает все учение Гегеля. Поэтому, даже ссылаясь на естественнонаучные факты — свидетельства диалектики в природе, Гегель истолковывает их как отражение самодвижения «абсолютной идеи», которая посредством иерархии природных явлений осознает, постигает самое себя и благодаря этому становится «абсолютным духом».

идеалистическая табель о рангах — пережиток средневекового учения о противоположности высшей, нетленной небесной материи и ее «низших», земных форм существования. Идеализм, естественно, не может разделаться с этим чуждым естествознанию убеждением, поскольку он отстаивает, обосновывает понятие сверхприродного[1].

Нет такой области ни в природе, ни в обществе, где бы не действовали «обычные» природные и социальные законы. Нет и не может быть обособленного, независимого от законов природы и общества царства законов диалектики. Единство мира, т. е. его материальность, необходимым выражением которой является всеобщая связь и взаимозависимость явлений, есть также единство всего многообразия свойственных миру закономерностей. И законы диалектики суть законы мирового целого во всем его многообразии, т. е. многообразии физических, химических и иных закономерностей.

В. И. Ленин писал, что «понятие *закона* есть **одна** из ступеней познания человеком *единства* и *связи,* взаимозависимости и цельности мирового процесса»[2]. Это в равной мере относится к законам диалектики и к тем «специальным» законам, которые специфически характеризуют качественно различные формы движения материи. Поэтому физические, химические, биологические, экономические и иные законы природы и общества носят диалектический характер.

Ф. Энгельс, характеризуя законы диалектики, отмечал, что их всеобщность, естественно, не выявляет специфических особенностей различных процессов. Констатируя действие закона отрицания отрицания в животном и растительном мире, в геологии, математике, истории, философии и т. д., он подчеркивает существенность единства всех этих процессов. Но единство многообразия не характеризует специфичности составляющих его элементов. «Когда я обо всех этих процессах говорю, что они представляют собой отрицание отрицания, то я охватываю их всех одним этим законом движения и именно потому оставляю без внимания особенности каждого специального процесса в отдельности» (20, 145). Следова-

[1] Мы не касаемся здесь того обстоятельства, что в учениях классиков немецкого идеализма понятие сверхприродного имеет также иной, заключающий в себе рациональный момент, смысл, поскольку это понятие служит также обоснованию специфичности социального и его относительной независимости от природы.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 135.

тельно, познавательное значение законов диалектики, так же как их действие в объективном мире, постигается в полной мере лишь тогда, когда эти абсолютные формы всеобщности рассматриваются, изучаются, применяются в единстве со специфическими законами особенных природных и социальных процессов. Такое понимание законов диалектики, *материалистической* диалектики с необходимостью вытекает из диалектико-материалистической концепции единства мира, которое доказывается не просто философскими аргументами, но всей историей познания, материального производства и практики вообще. Единство мира есть вместе с тем единство всех присущих ему законов, которые согласуются друг с другом[1].

Единство мира находит свое выражение и в единстве субъективного и объективного, мышления и бытия. Это единство, собственно, и делает возможным познание. Энгельс пишет: «Над всем нашим теоретическим мышлением господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах...» (20, 581). Эти законы, которым в равной мере подчиняются и мышление, и бытие, и есть наиболее общие, диалектические законы. Существует объективная диалектика — диалектика бытия. Существует субъективная диалектика — диалектика познания. Субъективная диалектика есть отражение всеобщего диалектического процесса, существующего вне и независимо от познания.

Единство мира, т. е. его материальность, единство субъективной и объективной диалектики, так же как и согласованность всеобщих законов диалектики и специфических законов качественно различных форм движения материи, постоянно раскрывается историей познания и практической деятельностью людей.

Отношение всеобщих законов диалектики к специфическим природным и социальным законам нередко понимается односторонне, в частности таким образом, что специфические законы характеризуются лишь как про-

[1] Немецкий физик М. Борн, опровергая субъективистски-агностическое понимание реальности, указывал на то, что взаимная согласованность законов природы имеет значение критерия объективной реальности предмета естествознания. «Для нас критерием этой реальности,— пишет он,— является не какое-то одно чувственное впечатление или взятый в отдельности опыт, а только согласованность общих законов, которую мы открываем в явлениях» (*Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963, с. 35).

явления всеобщих законов. Такая унификация сложного, многогранного отношения, охватывающего всю объективную действительность, все процессы познания, противоречит диалектическому миропониманию, согласно которому всеобщность и многообразие органически связаны друг с другом. Если всеобщее рассматривается как всегда и всюду предшествующее особенному и единичному, то оно в таком случае обособляется, истолковывается как некая независимая от отдельного, особенного изначальная реальность. Маркс и Энгельс критиковали Гегеля за такого рода концепцию всеобщего, которая в конечном счете оказывается утонченным идеалистическим схематизмом.

В «Святом семействе» основоположники марксизма разоблачают идеалистическую мистификацию всеобщего, посредством которой реальные различия между отдельными вещами рассматриваются как саморазличения, дифференциация вещи вообще, некой общей, признаваемой за субстанциальную сущности. «Когда я из действительных яблок, груш, земляники, миндаля образую общее представление *«плод»;* когда я иду дальше и *воображаю,* что и мое, выведенное из действительных плодов, абстрактное представление «плод» [*«die* Frucht»] есть вне меня существующая сущность, мало того — *истинная* сущность груши, яблока и т. д., то этим я, выражаясь *спекулятивным языком,* объявляю «плод» *«субстанцией»* груши, яблока, миндаля и т. д. ...Я объявляю тогда яблоко, грушу, миндаль и т. д. простыми формами существования, *модусами* «плода» (2, 63). Это положение не следует, конечно, интерпретировать в духе отрицания объективной реальности общего. Основоположники марксизма критикуют в данном случае спекулятивно-идеалистическую абсолютизацию общего, непонимание существенности отдельного, особенного, в которых и посредством которых только и существует общее[1]. И тот факт, что метафизическое противопоставление общего единичному и особенному свойственно Гегелю, ко-

[1] Ф. Энгельс возвращается к этому вопросу в «Диалектике природы», где он выступает против умозрительного, игнорирующего внутренние различия понятия материи. Всеобщность материи, разъясняет он, существует как неограниченное многообразие ее качественно различных состояний, форм движения, предметов. «Поэтому материю и движение *можно* познать лишь путем изучения отдельных веществ и отдельных форм движения; и поскольку мы познаём последние, постольку мы познаём также и материю и движение *как таковые*» (20, 550).

торый гениально постиг диалектическое единство этих равно всеобщих определенностей существующего, говорит о том, что такое противопоставление неотделимо от идеализма рационалистического толка.

Гегель правильно утверждал, что абстрактная всеобщность, «находящаяся вне особенного, сама представляла бы собой лишь *одну* сторону, а тем самым некое особенное, конечное» [1]. Абстрактная всеобщность есть всеобщность, представляемая как нечто существующее безотносительно к особенному и единичному, независимое от них. Конечно, понятие всеобщего образуется мышлением путем абстрагирования от особенного и единичного. Однако дальнейшее диалектическое развитие этого понятия требует включения в него тех существенных элементов действительности, от которых вначале абстрагировались. Общее, выделенное путем абстракции, отмечает Маркс, «само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях» (46, ч. 1, 21) [2]. Глубочайшим заблуждением было бы считать, что особенное, отдельное представляют собой нечто второстепенное, внешнее. Естествоиспытатель, изучая единичные объекты, например какое-либо растение, животное, устанавливает его видовые характеристики, которые представляют собой объективно существующее общее, находящееся в единстве с особенным и отдельным. Наиболее общие законы физики или химии являются особенными законами вследствие своей качественной определенности. Более того, абсолютно всеобщие законы диалектики, поскольку они представляют собой качественно неограниченные формы всеобщности, носят особенный характер, их особенностью, специфичностью является именно эта присущая только им качественно неограниченная всеобщность.

Не следует рассматривать отношение всеобщего, особенного и единичного как некое статическое единство. Противоположности находятся в движении, они переходят друг в друга. В историческом процессе, порождающем новые формы всеобщности, единичное, особенное становится всеобщим. Победа социалистической революции первоначально произошла в *одной* стране. Против-

[1] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 23—24.

[2] Всеобщее, пишет В. И. Ленин, «воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного...» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 90).

ники марксизма истолковывали победу Великой Октябрьской революции в России как *единичное* событие, исторический инцидент. В действительности это было становлением новой всемирно-исторической формы всеобщности, великим началом социалистического пути социально-экономического и политического развития, по которому в наши дни идет уже более трети населения Земли.

Одна из характерных особенностей оппортунизма в рабочем движении — противопоставление особенного общему, абсолютизация особенного, под флагом которой оппортунисты отказываются от признания общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, открытых марксизмом-ленинизмом и подтвержденных историческим опытом. Между тем особенное, специфически характеризующее путь социалистического преобразования в той или иной стране, является существенным, имеющим бесспорное значение именно как осуществление общей закономерности этого исторического перехода. Важно «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...» [1] — писал В. И. Ленин. Эта единая интернациональная задача коммунистов всех стран осуществляется именно благодаря тому, что общее берется в его связи с особенным, а особенное постигается как конкретно-историческое общее.

В. И. Ленин указывает, что сущностное тождество отдельного, особенного и общего выявляется в любом предложении (Иван есть человек, Жучка есть собака и т. п.), так как отношение подлежащего к сказуемому, выражаемое посредством связки «есть», показывает, что *«отдельное есть общее»*. Формулируя проблему в более общей форме, он пишет: «Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** от-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

дельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»[1]. Нетрудно понять, что это единство многообразия отдельного, особенного и всеобщего необходимо проявляется и в отношении между всеобщими законами диалектики и особенными законами физических, химических, социальных и иных процессов. Ленин отмечает: «...диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики...»[2]. Это же, разумеется, следует сказать и о диалектике физических или биологических процессов. Существуют, следовательно, всеобщие и особенные формы диалектического процесса или, вернее, всеобщий диалектический процесс бесконечно многообразен, и каждая его форма обладает специфической всеобщностью. И когда Энгельс, например, анализирует механическое движение как единство притяжения и отталкивания, он характеризует тем самым определенный диалектический процесс, особенный и в то же время всеобщий, поскольку он носит диалектический характер.

Всякий закон природы, говорит Энгельс, есть форма всеобщности. В свете предшествующих разъяснений мы можем сказать — *диалектической* всеобщности. Всеобщность диалектических законов есть всеобщность диалектических процессов, *всех* процессов природы и общества. Следовательно, изучение объективной диалектики есть общее дело и марксистско-ленинской философии, и каждой отдельной науки.

Когда мы говорим о наиболее общих законах движения, развития, мы отличаем их тем самым от специфических законов отдельных форм движения, развития. Но существенное различие заключает в себе тождество, подобно тому как в существенном тождестве содержится существенное различие. Поэтому при анализе особенных форм движения, развития нельзя упускать из виду всеобъемлющий, всеобщий диалектический процесс. Осмысливая эту абсолютную форму всеобщего, мы не можем не признать, что отдельные науки с их особой предметной областью исследования изучают всеобщий диалектический процесс, различные его стороны, формы. Отдельное есть так или иначе общее; познание отдельного есть так или иначе познание общего, всеобщего абсолютного. Познание части есть также в этом смысле познание целого: познание конечного есть в определен-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.
[2] Там же.

ном отношении познание бесконечного, которое состоит из конечных вещей. То же следует сказать об отношении между познанием единичного, преходящего, с одной стороны, и познанием всеобщего, непреходящего. Это значит, что материалистическая диалектика есть учение, основывающееся на осмыслении, обобщении законов различных областей научного знания.

Только уяснение сущностного тождества всеобщего, особенного и отдельного позволяет правильно понять единство диалектического материализма и специальных наук. В. И. Ленин разъясняет, что *«закон* и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.» [1]. Трудно переоценить гносеологическое значение этого положения. Напомним, что все приверженцы феноменализма, идеалисты-эмпирики объявляют понятие сущности пережитком метафизики, схоластического эссенциализма, для которого носителем сущности выступал абсолют, бог. Отбрасывая понятие сущности, они, однако, не отваживаются выбросить за борт понятие закона, ограничиваясь лишь субъективистским его извращением. Понятие закона, с их точки зрения, говорит лишь об ожидаемых восприятиях, об их последовательности, связи друг с другом. Однако естествознание и практика полностью опровергают это ложное воззрение, раскрывая роль законов в объяснении процессов, совершающихся независимо от познания, выясняя тем самым единство законов и сущности определенных явлений. Но если законы физики, химии и других наук выявляют сущность явлений, то это тем более относится к всеобщим законам диалектики. С этой точки зрения становится понятным, что законы диалектики, как неограниченные в качественном отношении законы, представляют собой единство, сущность всего многообразия законов природы и общества. Каждый крупный шаг в познании этого многообразия законов, их связи друг с другом выражает поступательное движение, развитие познания всеобщих законов диалектики. Это познание никогда не завершается, ибо речь идет о познании всеобщего, абсолютного.

Было бы наивно полагать, что открытие законов диалектики означает познание всего присущего им содержания. Это можно в известной мере сказать об открытии

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 136.

специфического закона определенного процесса, качественная определенность которого уже установлена. Но этого, конечно, нельзя сказать об абсолютных законах движения, развития природы, общества, познания, область которых не ограничена как в количественном, так и в качественном отношениях. Последнюю сторону следует особенно подчеркнуть, так как она указывает на неизбежность обнаружения нового, неизвестного, непознанного.

Всеобщность, как это видно из предшествующего изложения, имеет количественную и качественную характеристики. Закон всемирного тяготения, по-видимому, относится ко всем галактикам, метагалактикам и т. д. Но его определенность как известного количественного отношения между телами остается неизменной, поскольку именно эта количественная определенность и составляет содержание данного закона. Всеобщность законов диалектики существенно отлична. Неограниченные в качественном отношении, как об этом уже говорилось выше, они обладают вместе с тем как законы природы, законы социального процесса, законы познания качественной определенностью. Их сущностное тождество заключает в себе существенное различие. И в рамках каждой из этих областей законы диалектики многообразны.

К. Маркс показывает в «Капитале» многообразие диалектических противоречий. Энгельс указывал на то, что превращение количественных изменений в качественные, отрицание и отрицание отрицания совершаются в разных условиях по-разному. Не существует, следовательно, единообразной схемы действия законов диалектики. Их всеобщность и многообразие диалектических процессов неотделимы друг от друга. Поэтому любая абсолютизация наличного уровня познания законов диалектики (всеобщности диалектических процессов) была бы отступлением от диалектического миропонимания, уступкой метафизическому способу мышления.

Таким образом, познание, исследование как объективной, так и субъективной диалектики — постоянно совершающийся поступательный процесс, основой которого являются достижения познания и общественной практики во всех областях человеческой деятельности. И благодаря этому диалектический материализм выполняет интегрирующую функцию в развитии всего научного знания. Единство мира не абстракция, а объективно реальное, которое ни в малейшей мере не ставится под воп-

рос существованием относительно независимых друг от друга наук. Разделение труда в сфере научного исследования, так же как и разделение труда в общественном производстве, оказывается при ближайшем рассмотрении необходимой и плодотворной формой связи, взаимозависимости, взаимодействия всех участников процесса познания, как и участников процесса производства. Осознание этого единства и все более глубокое его понимание — одно из важнейших условий творческого развития марксистско-ленинской философии. С этой точки зрения должно быть осмыслено то великое единство, единое целое, которое образуют законы диалектики и законы каждой отдельной области научного исследования.

2. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

К вопросу о генезисе общественных отношений

К. Маркс, доказав несостоятельность умозрительных, идеалистических по своей сущности концепций буржуазного обществознания, открыл действительную материальную основу общественной жизни, исследовал историческое развитие общественных отношений, их специфическую объективность и обусловленность материальным производством.

Созданный людьми предметный мир, преобразованная, «очеловеченная» природа представляют собой совокупный продукт человеческого труда. С одной стороны, продукты труда — результат целенаправленной деятельности человека, они воспроизводятся человеком сообразно его потребностям и потому включают в свое содержание нечто субъективное, без чего были бы лишены функционального значения. С другой стороны, они обладают такой же реальностью, как и обычные естественные предметы материального мира. Они, так сказать, физически отделяются от непосредственных производителей и становятся объектом присвоения других индивидов. В ряду материальных образований продукты труда являются воплощениями субъектов, производителей. Поэтому, отделяя от себя продукт своего труда (этот процесс есть прежде всего результат распределения труда между индивидами) и делаясь тем самым полезным другим людям, индивид как бы соотносит частицу своего «я» с другими индивидами. Отсюда продукт человеческого труда высту-

пает в качестве вещественного посредника общения индивидов. При этом не вещество само по себе, а труд, в конечном счете овеществленный труд, связывает индивидов друг с другом, превращая их жизнедеятельность в общественно-исторический процесс.

Таков скрытый за поверхностью явлений генезис общественных отношений. «...*Предмет,* как *бытие для человека,* как *предметное бытие человека,* есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека,* его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку*» (2, 47). В. И. Ленин, комментируя приведенную выдержку из «Святого семейства», писал: «Это место характерно в высшей степени, ибо показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы»... именно к идее общественных отношений производства» [1]

Человеческий труд, труд как *«положительная, творческая деятельность»* (46, ч. II, 113) — всеобщий источник общественных отношений. Однако в условиях товарного производства генезис их мистифицируется. Товарное производство, как оно складывалось и развивалось в истории общества, закономерно рождало товарный фетишизм, т. е. экономические отношения между людьми выступали как отношения вещей, товаров. Продукт труда, принимая товарную форму, становился здесь вещью, полной «причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений» (23, 80—81). Разоблачение тайны товарного фетишизма и вместе с тем раскрытие действительных источников общественных отношений — одна из выдающихся заслуг Маркса.

Все связи, в том числе общественные отношения, предполагают взаимообусловленность, взаимодействие различных сторон. По замечанию Энгельса, «уже самый факт, что это есть *отношение,* означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*» (13, 497—498). Человеческие индивиды, формируемые общественными отношениями, являются вместе с тем взаимодействующими сторонами. Общество — продукт взаимодействия людей. Что же касается природы общественных индивидов, то она обусловлена их принадлежностью к социально-историческим общностям. Последние возникают, развиваются и отмирают в ходе естественноисторического процесса, независимо от того, осознают и жела-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 16.

ют этого люди или нет. Такими общностями выступали в прошлом и выступают в современную эпоху классы, племена, народности, нации. На уровне социально-исторических общностей, определяемых в конечном счете состоянием общественного производства, и формируется исторически конкретная система общественных отношений. Со времени возникновения классового общества ведущую роль в этом процессе играют классы, поскольку производственные отношения — социальная форма развития производительных сил — выступают как отношения классов.

Материалистическое объяснение истории покончило с произволом в исследовании общественных отношений, социальной структуры общества. Был найден критерий сведения индивидуального к социальному. Исторический материализм поднял «социологию на степень науки» [1]. Поскольку общественные отношения — опосредствованные связи людей, постольку сферой общественных отношений является сфера деятельности масс. Сказанное ни в коей мере не ставит под сомнение той роли, которую играют в общественной жизни личные, в том числе психологические, отношения (симпатия, антипатия, дружба, ненависть и т. п.). Но только при таком подходе открывается перспектива понимания подлинного значения личных отношений. Сочетая в себе общее и единичное, точнее, выступая в виде индивидуальной формы общественных отношений и дополнения к ним, личные отношения так или иначе обусловлены общественными отношениями. Сама индивидуальная форма общения людей есть продукт исторического развития. Поэтому познание общественных отношений — ключ к пониманию сущности и личных отношений, и самой личности. Все это позволяет сделать вывод: социально-исторические общности людей — первичные в сопоставлении с отдельными индивидами и социальными ячейками общества (семья, коллектив), носители социальной формы движения материи.

Наряду с понятием носителя общественных отношений необходимо особо выделить понятие субъекта общественных отношений. Субъект обладает сознанием и волей, однако он не есть само сознание и воля, а материальное образование, способное творчески относиться к действительности — познавать и преобразовывать мир.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 428.

Маркс категорически отвергал рассуждения о «бестелесном» субъекте, превращенном в философии Гегеля в некую абсолютную личность. «Нельзя отделить мышление от материи,— подчеркивал он,— *которая* мыслит. Материя является субъектом всех изменений» (2, 143). Такой «мыслящей материей» — субъектом всех изменений выступает общественный индивид и соответственно общество в целом.

К. Маркс характеризовал противоположность общества и природы как противоположность субъекта и объекта. При этом он отмечал: «...рассматривать общество как один-единственный субъект значит рассматривать его неправильно, умозрительно» (46, ч. I, 30). Что же имел в виду Маркс, противопоставляя свое понимание проблемы умозрительному подходу? По нашему мнению, и дифференциацию общества на отдельные индивиды, и социальные ячейки, и, самое главное, социально-исторические общности людей, прежде всего общественные классы, обладающие всеми признаками субъекта. Субъектами являются и такие устойчивые объединения людей, как государство, политические партии, союзы, сознательно создаваемые людьми для достижения определенных общественных целей. Следовательно, субъект — это и отдельный общественный индивид, и различные социальные образования (социально-исторические общности, социальные ячейки и устойчивые объединения людей). Поскольку жизнедеятельность людей неотделима от системы общественных отношений, постольку люди всегда являются субъектами данных отношений. Безотносительно к субъектам общественные отношения могут фиксироваться лишь в абстракции (см. 46, ч. I, 84).

Хотя понятия «субъект общественных отношений» и «носитель общественных отношений» внутренне связаны друг с другом, их нельзя отождествлять уже потому, что носитель общественных отношений далеко не всегда является субъектом данных отношений. В капиталистическом обществе, например, носителем господствующих экономических отношений выступает буржуазия. Однако функцию субъекта выполняет не этот класс как нечто целое, члены которого противостоят друг другу как конкуренты. Субъектом капиталистических отношений являются отдельные капиталисты, монополистические, а в современных исторических условиях государственно-монополистические и транснациональные объединения, которые в известной мере можно характеризовать словами

Маркса как «общественный субъект, действующий в более обширной... совокупности отраслей производства» (46, ч. I, 22).

Субъект общественных отношений необходимо предполагает объект общественных отношений. Последний соотносится с потребностями общественного человека, зависит от этих потребностей. Другими словами, объектом общественных отношений становится все то, что включается в сферу человеческих потребностей. Состояние и развитие таких потребностей обусловлено состоянием и развитием общественного производства. Поэтому они не остаются неизменными. Удовлетворенная потребность, действие удовлетворения и средство удовлетворения постоянно порождают новые потребности. Этот процес образует исторически изменяющуюся систему потребностей и, следовательно, исторически изменяющуюся систему общественных отношений.

Соединение различных сторон общественных отношений также отличается своеобразием: социальные связи в отличие от естественных не сводятся к непосредственному присутствию индивидов (физическому контакту между ними), обмену веществ, обмену энергией и информацией. Поэтому при изучении общественных форм нельзя пользоваться микроскопом, химическими реактивами, спектральным анализом и другими подобными средствами. Их место в данных исследованиях должна занять сила абстракции. Мысль о том, что общественные отношения неотделимы от материального субстрата (продукта труда), но в то же время не содержат в себе ни вещества, ни какой-либо другой природной материи, неоднократно подчеркивалась Марксом. Рассматривая стоимость в качестве общественного отношения товаропроизводителей, Маркс писал: «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы» (23, 56). Живой и овеществленный труд, который нельзя отождествить ни с физическими и нервными затратами человеческой рабочей силы, ни с преобразованным веществом природы, составляет специфическую основу социальных связей. В этом смысле Маркс, например, говорит об особом, «исключительно социальном способе существования товара (продукта труда.— *Авт.*), не имеющем ничего общего с его телесной реальностью...» (26, ч. I, 154). Конечно, порождаемое социальными связями и порождающее социальные связи взаимодействие лю-

дей необходимо предполагает преобразование вещества, энергии и информации, но все это далеко не исчерпывает его содержания. Таким содержанием выступает, по нашему мнению, обмен деятельностью между субъектами, объективным эквивалентом которого являются не результаты труда, взятые в своем естественном виде, а воплощенный в этих результатах общественно необходимый, безличный труд, соответствующий определенной исторической ступени развития общества.

Однако и общественные отношения — необходимая форма человеческой деятельности. Их нельзя отрывать от последней, но нельзя и отождествлять с нею. Их единство, отнюдь не исключающее существенного различия,— непреложная методологическая установка исследования социальной (исторической) действительности.

Термин «деятельность» имеет самое широкое распространение в научной литературе. Часто говорят о «деятельности рек», «вулканической деятельности», «деятельности генов», «высшей нервной деятельности» и т. д. Подобное словоупотребление имеет и философские традиции. Гегель, например, называл «деятельностью» движение понятия, химический процесс, субстанциальное отношение. Однако в целом развитие философской мысли шло не по линии расширения, а по линии ограничения смыслового значения данного термина.

В рамках исторического материализма деятельность — социально-философская и общесоциологическая категория, «История,— писал Энгельс,— *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» (2, 102). В этом своем значении деятельность представляет собой способ производства и воспроизводства социальной действительности, включая производство и воспроизводство общественных отношений.

К. Маркс всесторонне исследует человеческую деятельность, в особенности ту роль, которую играет живой и овеществленный труд в историческом развитии материального производства. Важнейшим результатом экономического исследования Маркса стало доказательство двойственной природы труда, содержащейся в товаре, разграничение абстрактного труда, создающего стоимость, и конкретного труда — создателя потребительной стоимости. Благодаря этому открытию, которое по праву можно считать выдающимся не только для политической экономии, но и для обществознания в целом, и была

выяснена природа социальной материальности, получен ответ на вопрос о том, в чем суть общественной субстанции — внутренней основы всех общественных явлений.

Люди сознательно преобразуют предметы природы, создавая материальные жизненные средства. Общественная же субстанция, т. е. общественно необходимый, безличный труд, незримо присутствующий в измененной человеком форме предметов природы, во всех своих связях и отношениях не зависит от сознания и воли людей. Эта субстанция исторически обусловлена только одним — производительностью общественного труда, становящегося, в свою очередь, атрибутивной характеристикой уровня развития производительных сил общества. В конечном счете общественная субстанция и есть единственный объективный эквивалент затрат общественного труда и обмена человеческой деятельностью, то, что составляет самую глубокую сущностную черту процесса производства материальных жизненных средств и вместе с ним генезиса общественных отношений.

В «Капитале» Маркс трактовал общественную субстанцию как субстанцию стоимости. Но это отнюдь не означает, что стоимость — единственная форма существования общественной субстанции. Стоимость исторически преходяща, как и товарное производство. Общественная же субстанция представляет собой исторический процесс как социальную форму движения материи в целом. Нельзя не привести здесь слова Маркса о том, что «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах...» (19, 391). Это «что-то» и есть, по нашему мнению, общественная субстанция в отличие от материально-вещественного субстрата общества.

Исследование человеческой деятельности имеет, как мы видим, большое значение для понимания природы социальной материальности, генезиса общественных, точнее, производственных отношений и научного решения основного вопроса философии применительно к общественной жизни — обоснованию первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. Производство и воспроизводство общественной субстанции — специфическая характеристика общественного бытия, отличающая его от других материальных образований общественной жизни.

Единство деятельности и общественных отношений в качестве важнейшего принципа исследования социальной действительности позволяет глубже понять содержание деятельности (предметной деятельности) как диалектического тождества субъекта и объекта. Не останавливаясь на данном вопросе специально, отметим лишь следующее: в определенных исторических условиях производительная деятельность становится отчужденной деятельностью, господствующей над производителем, порабощающей его. Таков отчужденный труд в условиях капитализма, неограниченное господство товарно-денежных отношений над производителем. Отчуждение труда становится способом производства и воспроизводства социального неравенства — антагонистических классов и классовой борьбы. Существование рабочей силы в качестве товара, стоимость которого определяется суммой средств, необходимых для ее воспроизводства, представляет собой завершенную форму отчуждения.

Отчуждение труда внутренне связано с частной собственностью. Однако эту связь, как показал Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», нельзя понимать односторонне. Причина и следствие меняются здесь местами. Частная собственность есть продукт, результат отчуждения труда. Однако в ходе своего исторического развития она сама выступает в виде основы его отчуждения. Связь отчуждения и частной собственности преобразуется во взаимодействие (см. 42, 97).

Понятие отчужденного труда, разработанное Марксом, сыграло большую роль в процессе обоснования им совместно с Энгельсом философских основ научного коммунизма. Однако и в последовавшие после формирования марксизма исторические периоды понятие отчуждения, отчужденных общественных отношений не утратило своего научного, в частности экономического, значения. В этом плане Маркс, например, характеризует в «Капитале» сущность капиталистического производства как сущность «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним» (26, ч. III, 268).

Системный характер общественных отношений

Многообразная, сложная совокупность общественных отношений подразделяется на отношения материальные (первичные) и идеологические (вторичные). Изучая механизмы человеческой деятельности и, в частности, материальные интересы, Маркс приходит к выводу, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что «они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» (13, 6).

Идеологические отношения — лишь надстройка над материальными общественными отношениями. Обращая внимание на это положение, В. И. Ленин (ему принадлежит и сам термин «идеологические отношения») подчеркивал его принципиальное значение для материалистического понимания истории. Ошибка всех домарксовских социологов, считал он, заключалась в том, что, не умея спуститься до первоначальных отношений, они «брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, натыкались на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время — и останавливались на этом...» [1].

Материальные общественные отношения существуют вне и независимо от общественного сознания. Но в отличие от материальных природных отношений они имеют и свою, только им присущую, специфику, складываясь «как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» [2]. С нашей точки зрения, категории материальных общественных, экономических и производственных отношений совпадают по своему основному содержанию, разграничивая вместе с тем различные стороны производственной деятельности людей. Категория материальных общественных отношений фиксирует факт первичности данных отношений в сопоставлении с идеологическими отношениями. Категория экономических отношений очерчивает границы сферы их непосредственного функционирования. Категория производственных отношений вычленяет специ-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.
[2] Там же, с. 149.

фические черты деятельности, в процессе которой они формируются.

Материальные общественные отношения могут формироваться не только стихийно, но и планомерно (сознательно), как это имеет место в условиях социализма. Однако сказанное ни в коей мере не изменяет природы этих отношений. Положение В. И. Ленина о том, что материальные общественные отношения складываются, не проходя через сознание, надо понимать не в том смысле, что сознательная деятельность людей не участвует в их развитии (нет общественного процесса без субъективной стороны), а в том, что возможность существования таких отношений в конечном счете не зависит от сознания; обусловленные всем предшествующим развитием производительных сил, эти общественные отношения не зависят от сознания каждого данного поколения.

Проблема сознания, субъективного фактора встает при рассмотрении процесса превращения возможности существования материальных общественных отношений в действительность. Реализация данной возможности при социализме в полной мере обнаруживает новое качественное состояние субъективного фактора общественной жизни. Если он вступает в противоречие с объективным фактором, то целеполагание в деятельности людей теряет свою социальную эффективность, а сами материальные общественные отношения складываются неадекватно их оптимальной модели. Поэтому сейчас, в условиях перестройки всех сторон жизни советского общества, совершенствование управления экономикой, как никогда раньше, требует всестороннего изучения механизма формирования материальных общественных отношений, конкретного исследования субъективного фактора в его функционировании.

Все эти вопросы определенным образом связаны с дискуссией последних лет об экономической роли современного, прежде всего социалистического, государства. Сама по себе дискуссия далеко не случайна: проблема поставлена жизнью. Вместе с тем в методологическом отношении предмет спора не был определен достаточно корректно. Думается, что экономическую роль государства нельзя всесторонне исследовать и понять, обращаясь лишь к категориям экономического базиса и надстройки. Правильное понимание вопроса о роли социалистического государства в социально-экономическом развитии нашего общества предполагает не только ана-

лиз отношения экономического базиса и надстройки, но всей экономической сферы общества.

Социалистическая экономика не может успешно развиваться как совокупность отдельных автономных хозяйств. В лице социалистического государства она обретает свой общественный «экономический центр». Оставаясь вторичными (надстроечными) образованиями, хозяйственные органы государства становятся необходимыми компонентами экономической системы. Поэтому экономическая политика не есть нечто внешнее по отношению к экономической жизни социалистического общества. Через народнохозяйственные планы, имеющие значение юридических законов, она преобразуется в программу управления народным хозяйством — закрепленный определенным образом порядок ее развития — и таким путем включается в реальный экономический процесс.

Экономические и другие общественные отношения всегда проявляются через интересы, которые, в свою очередь, выражают собой необходимость удовлетворения соответствующих человеческих потребностей. Интересы — это то, что заставляет людей действовать, приводит в движение социальные силы. Переход от преимущественно административных методов управления народным хозяйством к преимущественно экономическим методам, осуществляемый у нас в ходе перестройки всех сфер общественной жизни, и означает на практике отработку оптимальных способов соединения интересов общества, коллектива и личности. Смысл перестройки, отмечается в документах КПСС, в конечном счете «состоит в учете интересов, в воздействии на интересы, управлении ими и через них» [1].

В соответствии с фазами общественного воспроизводства экономические отношения разделяются на отношения непосредственного производства, распределения, обращения (обмена) и потребления. В системе всех этих отношений отношения непосредственного производства играют определяющую роль. Место общественных индивидов в процессе производства, вытекающее из их отношения к средствам производства, обусловливает собой способы получения и размеры той части общественного богатства, которой они располагают. Отношения распре-

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года. М., 1987, с. 11.

деления в этой связи составляют обратную сторону отношений производства. Действительно, прежде чем распределение становится распределением создаваемого продукта, оно должно быть распределением средств производства. Но такое распределение является выражением и конкретизацией распределения индивидов по родам производства — общественного распределения труда, представляющего собой подчинение членов общества исторически определенным отношениям производства. Это распределение, заключенное в самом процессе производства, опосредствуется в конечном счете общественным отношением распределения результатов труда.

В отношениях производства коренятся и отношения обмена (обращения). Обмен как обмен «деятельностей и способностей» (см. 46, ч. I, 35) в процессе производства составляет существенную сторону самого производства. Относительную самостоятельность приобретает лишь обмен продуктами труда, когда продукты обмениваются для потребления в собственном смысле слова (непроизводственное потребление). Но и в этом своем проявлении отношения обмена обусловлены отношениями производства уже потому, что обмен, как и отношения распределения, либо непосредственно включен в отношения производства в виде его момента, либо подчинен ему. В качестве определенного аспекта отношений производства выступают и общественные отношения производственного потребления рабочей силы и средств производства. Нельзя отрывать от отношений производства и общественные отношения непроизводственного потребления. Само личное потребление обретает здесь значение общественной функции, характер которой неотделим от общественной формы процесса производства.

Отношения производства через отношения распределения, обмена и потребления постоянно воссоздают сами себя как исходную общественную форму. Продавая в условиях капитализма рабочую силу, наемный рабочий, например, получает необходимые жизненные средства, потребляя их, он снова должен продавать рабочую силу. Производственные отношения, писал Маркс, «воспроизводятся с неизменностью естественных отношений...» (23, 152).

К. Маркс ставил вопрос о первичных и производных (вторичных, третичных) производственных отношениях, известную роль среди которых играют международные экономические связи (см. 46, ч. I, 46). Данная постанов-

ка вопроса имеет и другой, более широкий смысл. Речь идет и о системе производственных (экономических) отношений и обо всем многообразии форм их проявления. Дело в том, что в отношениях непосредственного производства, распределения, обмена и потребления представлены не просто отдельные общественные индивиды, а определенные общественные группы, классы, поскольку существует классовое общество. Эти отношения осуществляются как отношения между людьми физического и умственного труда, городом и деревней, предприятиями, отраслями, территориально-производственными комплексами, странами и регионами. Они проявляются также в разделении общественного труда, его специализации, кооперировании, комбинировании, обособлении и обобществлении производства, в экономических интересах, противоречиях их развития и соподчинения, в организации производства и структурах управления экономикой. В условиях социализма совершенствование форм проявления экономических отношений — реальный путь совершенствования самих этих отношений. Из такой установки и исходят КПСС и Советское правительство, принимая практические меры, направленные на перестройку экономических отношений нашего общества.

В отличие от материальных общественных отношений идеологические отношения не существуют независимо от сознания. Вместе с тем, проходя через сознание и волю людей, объективируясь в их предметной деятельности, они становятся специфической формой практики в области надстройки общества и таким образом обретают бытие вне сознания. Идеологические отношения и практически-организационные формы их закрепления (учреждения и институты надстройки) столь же объективны, сколь объективна сама внеэкономическая, надстроечная деятельность людей, определяющая их содержание. В соответствии с такой деятельностью они дифференцируются на идеологические отношения различных видов, в условиях классового общества — на отношения политические, правовые, моральные, эстетические, религиозные.

Роль идеологических отношений изменяется в ходе развития общества. Возникают новые, не существовавшие в прошлом виды данных отношений, отмирают исторически изжившие себя их формы, развивается система идеологических отношений. Классы и классовая борьба, например, породили определенные политические и право-

вые отношения, судьба которых неотделима от судьбы классового общества. В условиях социализма главным направлением их развития становится расширение и углубление представительной и непосредственной демократии, социалистического самоуправления народа. Постепенно отмирает религиозная форма общественных отношений, возрастает роль и значение моральных и эстетических отношений.

Центральное место в теории общественных отношений занимает проблема собственности. В общих чертах собственность можно охарактеризовать как исторически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. Отношения собственности могут быть и экономическими и правовыми отношениями. Не останавливаясь на данном вопросе специально, отметим лишь следующее. В качестве экономического отношения собственность — это сами общественные производственные отношения, взятые в их целостности. В качестве правового отношения — юридическое выражение производственных отношений. В этой связи отношения собственности, находящие свое закрепление в нормах права, представляют собой отношения владения, пользования и распоряжения, так или иначе отражающих общественные отношения непосредственного производства, распределения, обмена (обращения) и потребления.

К. Маркс подчеркивал всю важность четкого разграничения экономического и правового отношений собственности, смешение которых, по его словам, ведет к метафизической и юридической иллюзии. «На вопрос: что она такое? — можно было,— писал он,— ответить только критическим анализом *«политической экономии»*, охватывающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений»* (16, 26).

Критика Марксом метафизических и, в частности, юридических иллюзий относительно собственности не потеряла своей актуальности и в наши дни, в том числе в условиях социализма. Смешение экономического и правового отношений собственности, имеющее у нас место, ведет на практике к подмене экономических методов управления народным хозяйством административными (волевыми) методами, принижает роль трудовых коллективов как подлинных хозяев производства, порождает

ошибочные представления об экономическом всесилии государства, его экономических органов.

Материальные и идеологические общественные отношения существуют, разумеется, не обособленно друг от друга. Они образуют единство, формы которого многообразны. Это единство характеризует все виды социально-исторических общностей и социальных ячеек людей: классовые, национальные, семейно-бытовые, а в условиях социализма и коллективно-трудовые (связанные с трудовыми коллективами).

К. Маркс применял понятие социального, указывая на различные присущие ему характеристики. «*Политические* отношения между людьми,— писал он,— являются, естественно, также и *социальными, общественными* отношениями, как и все отношения, в которых люди находятся друг с другом» (4, 301). Вместе с тем Маркс определял социальное и как особую сферу взаимодействия между людьми, ставил вопрос о социальном в собственном смысле. Он, в частности, писал: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (13, 7).

Особое содержание понятие социального обрело у Маркса при обсуждении положения классов, социальных групп. В этой связи речь шла не о всем богатстве экономической, политической и духовной жизни общества, а об определенных исторических условиях, детерминирующих их жизнедеятельность. Под таким углом зрения Маркс рассматривает социальный вопрос, как он стоял в Германии в середине XIX в., применительно к чиновничеству, аристократии, буржуазии (см. 6, 201—202). Отсюда правомерность, с нашей точки зрения, утверждения о том, что сутью социальных отношений в собственном смысле являются отношения равенства или неравенства положения людей и групп в обществе.

Соотношение между экономической, политической и духовной жизнью общества, с одной стороны, и социальной жизнью, с другой, должно быть рассматриваемо в его исторически определенном многообразии. Оно не сводится к отношению части и целого, отдельного и общего. Отсюда особый смысл и понятий социально-экономического, социально-политического, социально-культурного (социально-духовного), соответствующая интерпретация социальной структуры общества и социальной сферы в целом, которая «охватывает интересы классов и соци-

альных групп, наций и народностей, отношения общества и личности, условия труда и быта, здоровья и досуга»[1].

Итак, собственно социальные отношения неотделимы от социально-исторических общностей людей и социальных ячеек общества. Они обладают сложной, «синтетической» природой, выражая фактическое равенство или неравенство общественного положения людей и групп. Принципиальные теоретические положения, связанные с пониманием сущности социальных отношений, необходимо учитывать, решая в наших условиях практические вопросы совершенствования всех сторон социалистического общества.

3. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛЬНОГО ГУМАНИЗМА

Диалектико-материалистическое понимание сущности человека

Учение о личности представляет собой не просто один из разделов философии марксизма, а нечто большее. По сути дела, вся марксистская теория революционного переустройства общества, опирающаяся на открытые ею объективные закономерности истории, и есть не что иное, как научно обоснованная программа освобождения человека, всестороннего развития личности. Именно поэтому марксистское учение о личности постоянно является объектом нападок буржуазных идеологов.

Наши идейные противники пытаются доказывать, будто марксисты вообще не уделяют достаточного внимания проблемам личности, ее свободы, творческой активности. Но нам нет необходимости «реабилитироваться» в глазах мировой общественности по этому вопросу, ибо научная концепция личности впервые была разработана именно основоположниками пролетарского учения.

К. Маркс рассматривает личность, ее сущность, освобождение и развитие в неразрывной связи с обществом. Причем исходным пунктом его анализа в данном случае выступает не индивид, а общество. Согласно марксизму, коренными, движущими причинами дейст-

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 44.

вия больших масс людей, целых народов, а внутри их — классов являются их экономические интересы (см. 21, 307—310). Эти два момента — экономические интересы и принадлежность к классу, социальной группе в конечном итоге определяют свойства и поведение больших масс людей, формируют *социальные типы личности.* Именно в возникающих при этом отношениях коренятся основные причины многочисленных и различных идейных побудительных мотивов поведения людей. С этим как раз связан и вывод Маркса о сущности человека, имеющий кардинальное значение для исторического материализма как науки, в том числе для теории личности: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (42, 265). «...Действительное духовное богатство индивида,— писали Маркс и Энгельс,— всецело зависит от богатства его действительных отношений...» [1]

С таким пониманием сущности человека связаны и идея революционной перестройки мира, и успех воспитательного воздействия. «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» (2, 145—146). Именно в процессе переделки обстоятельств, т. е. практического, революционного преобразования действительности, и формируется новая личность, создаются благоприятные условия для ее существования и развития.

Преобразование действительности практически осуществляется широкими массами, которые, поднимаясь до активного, сознательного исторического творчества, формируют и определенный тип личности. Это значит, что судьбу личности и перспективы ее развития марксизм рассматривает в тесной связи с судьбами масс, классов, их экономическим, социально-политическим и духовным развитием. Культ абстрактного человека, который господствовал во всей предшествующей философии, Маркс смог заменить «наукой о действительных людях и их историческом развитии» (21, 299).

Из марксовой теории личности мы возьмем здесь три момента, которые убедительно свидетельствуют о ее непреходящей научной, революционной и глубоко гуманистической значимости,— это проблемы отчуждения, свободы и всестороннего развития личности.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 35.

Маркс об отчуждении человека в буржуазном обществе и условиях его преодоления

Отчуждение нельзя отождествлять с так называемым опредмечиванием. Превращение труда в продукты, «опредмечивание», иначе говоря, «объективирование» человеком своих способностей было и будет, пока существует производство. Отчуждение же труда — явление исторически преходящее. Оно возникает вместе с прибавочным продуктом, присваиваемым эксплуататорскими классами: рабовладельцами, феодалами, капиталистами, т. е. вместе с возникновением частной собственности. В капиталистическом обществе богатство, созданное и накопленное трудом рабочих, становится орудием эксплуатации, той материальной силой, которая обрушивает на них все средства экономического принуждения, политического насилия, духовного гнета и обмана. Естественно, что «рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету», «как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» (42, 88, 91).

Но отчуждается не только продукт труда. Само производство выступает как деятельное самоотчуждение человека. «...Труд является для рабочего чем-то *внешним,* не принадлежащим к его сущности... он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя» (42, 90). Таким образом, деятельность рабочего предстает как утрата им самого себя. Рабочий и относится к собственной деятельности как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему (см. 42, 91).

Отчуждение продукта и самого труда предопределяет отчуждение человека от человека. Так как человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой, общественной сущности и, следовательно, противостоит себе, то это выражается во взаимном отчуждении людей. В условиях буржуазного общества оно представлено тем, что труд и продукт рабочего принадлежат не рабочему, а капиталисту. Поэтому между ними складываются отношения господства

и подчинения. Вражда и классовая борьба — естественное состояние таких отношений. Таковы, по Марксу, те основные характеристики, в которых резюмируется положение пролетария, отчуждение продукта труда, самого труда и человека при капитализме.

Конечно, со времени Маркса многое изменилось, но не изменилась суть капиталистической эксплуатации, остался сам факт отчуждения в буржуазном обществе. Более того, по подсчетам специалистов, доля рабочего времени, затрачиваемая пролетарием на создание прибавочной стоимости, постоянно увеличивается как вследствие роста производительности труда, так и его интенсификации. В наше время объектом эксплуатации стали не только физические, но и умственные способности работника.

К. Маркс связывал преодоление отчуждения с ликвидацией частной собственности на средства производства и заменой ее общественной собственностью в результате победы социалистической революции.

То, что в настоящее время уже достигнуто в социалистическом обществе, убедительно подтверждает теоретические предвидения Маркса. Следует, однако, подчеркнуть, что установление общественной собственности на средства производства не ведет автоматически к перевороту во всех производственных, социальных, политических отношениях, в сознании людей, к утверждению сразу же коллективистской психологии у всех. Это происходит постепенно, в процессе сложного и противоречивого преобразования общества, в борьбе и поисках. И все же крепнущая социалистическая собственность, власть народа, как показал опыт СССР, других стран социализма, явились прочной основой успешного роста экономики, развития нового образа жизни, культуры, высокой сознательности трудящихся.

Невозможно опровергнуть и тот факт, что социалистическое общество благодаря утверждению общественной собственности превратилось в ассоциацию свободных тружеников, в которой все общественные богатства — материальные и духовные — служат их интересам, развитию их способностей. Конечно, меняющиеся общественные потребности, условия на разных этапах развития общества вносят различные изменения в распределение национального дохода в интересах прогресса экономики, укрепления обороны, роста культуры, удовлетворения социальных нужд, личного потребления. Но

всегда это распределение предопределено объективно — интересами народа, упрочения его безопасности, защиты мира. Естественно, распределение можно осуществлять лучше; здесь были допущены ошибки и просчеты, и порой серьезные. Однако основным является, конечно, то, что в распределительных отношениях социалистического общества нет противостояния интересов антагонистических классов, присвоения эксплуататорским классом труда эксплуатируемых. Проблемы и сложности здесь, как правило, перемещаются в плоскость поиска оптимальных методов распределения и стимулирования производства, наилучшего учета количества и качества труда, разнообразия интересов групп и отдельных членов общества.

Нельзя не признать, далее, и того, что в условиях социализма для рабочего человека труд является не только средством для жизни, источником личного благосостояния, но и деятельностью на благо общества, служением народу. Из источника отчуждения человека труд превращается в фактор утверждения достоинства личности работника, становится критерием его общественного положения, его престижа. Трудящиеся вовлечены в управление общественными делами, что обеспечивает их сопричастность государственной политике, воспитывает в духе высокой гражданской ответственности. Это выводит индивида из узкого круга личных забот в обширный мир социальных переживаний, рождает в нем новые силы и таланты. Причастность к общему делу — могучие крылья, поднимающие человека.

Таким образом, отчуждение как социальный феномен, связанный с присвоением капиталистами продуктов труда наемных рабочих, при социализме ликвидируется. Конечно, пока остаются еще последствия веками господствовавшего отчуждения в виде того, что люди не всегда воспринимают общественную собственность как свое коллективное достояние либо пытаются незаконно использовать ее в целях личного обогащения. Это зло, сохраняющееся в силу определенных, еще не ликвидированных причин, в том числе недостатков контроля, воспитания и др.

Встречаются, однако, критики марксизма, которые утверждают, что коль скоро при социализме сохраняется государство и оно распределяет национальный доход, в том числе и на общественные нужды, то, значит, происходит присвоение государством части продукта ра-

ботника, а это якобы и есть отчуждение. Но в таком случае за отчуждение принимается факт использования части общего продукта для удовлетворения общих нужд (управление, образование, оборона и т. д.).

Чтобы оставаться здесь на правильных позициях, надо помнить, что отчуждение — явление историческое, связанное с возникновением частной собственности на средства производства. Надо видеть и то новое, что появилось при социализме. Принципиальная разница состоит в том, что расходы на общие нужды осуществляются здесь в интересах всего народа, а не в интересах монополий, особенно военно-промышленного комплекса. В социалистическом обществе нет эксплуататорского класса, который монопольно присваивал бы себе плоды труда всех. В нем господствует принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Различные же нарушения этого принципа (хищения, злоупотребления, тунеядство и т. п.), совершаемые в силу известных причин, выступают как общественное зло и преследуются законом.

Общие же нужды будут всегда, и если признать расходы на их удовлетворение отчуждением, то мы вернемся к тому, о чем уже шла речь,— к признанию вечности отчуждения. Иногда говорят, что, дескать, и при социализме рабочий не всегда знает, куда идет продукт его труда. Но смысл отчуждения не просто в знании или незнании. Как раз рабочий при капитализме может знать, куда идет его продукт, и часто знает, что продукт идет на обогащение капиталиста, на продолжение его, рабочего, эксплуатации.

Как уже отмечалось, Маркс связывал освобождение личности с проблемой освобождения масс. Именно поэтому важно показать те коренные изменения, которые произошли в личностных характеристиках при социализме. Личность как индивидуальный носитель общественных свойств всегда выражает собой определенное единство индивидуального, особенного и общего. И естественно, что отдельная личность не может быть охарактеризована без раскрытия ее индивидуальных особенностей. Но личности без общих свойств, т. е. вне конкретного социального типа, не бывает. Поэтому она не может быть понята и без уяснения общего, типического в ней. Иначе говоря, речь идет о двух разных понятиях — понятии отдельной личности и понятии социального типа личности. Лишь изучение общих свойств, типи-

ческого, общих характеристик способов соединения общего и индивидуального выводит нас в сферу объективных законов, а выявление закономерностей всегда есть суть и задача научного познания.

Если мы хотим с научной точностью определить, что же произошло с личностью при социализме, то должны охарактеризовать прежде всего общие изменения, которые совершились в сознании людей, их свойствах; и лишь на этой основе судить о возможностях, создающихся для индивидуального развития. Индивидуальные же свойства реализуются прежде всего и более всего в рамках личной свободы, в развитии способностей и потребностей личности, а главное — в ее активной деятельности. Маркс, прогнозируя развитие человека в условиях нового общества, как раз в первую очередь обращался именно к проблемам свободы и всестороннего развития человеческих сил, рассматривая последнее как самоцель будущего коммунистического общества (см. 25, ч. II, 387).

Суммируя все происшедшие при социализме изменения в объективном положении трудящихся, мы можем сказать, что впервые в истории первостепенное значение приобретают не сословные, не национальные, не религиозные, не какие-либо иные групповые особенности, а общие для всех членов общества социальные характеристики. Это выразилось в развитии у них в массовом масштабе чувства хозяина, коллективистской, интернационалистской психологии, стремлении своим трудом участвовать в укреплении страны, в управлении общественными делами. В типологической структуре общества помимо особенных, групповых свойств людей и наряду с ними появляются общие черты единого социального типа личности, нового человека. Социалистическая личность выступает как идейная, глубоко нравственная личность, разделяющая цели и принципы коммунистической идеологии, ставящая на первое место общественный интерес.

В процессе социалистических преобразований отчетливее обнажились и трудности в деле воспитания людей на коллективистских началах. Частнособственническая, индивидуалистическая психология в сознании отдельных лиц оказалась более живучей, нежели это представлялось ранее. Сказалось здесь, в частности, и то, что общество не смогло выделить больше средств на развитие образования и воспитания, на рост матери-

ального благосостояния и повышение культуры, чем это позволили обстоятельства международного и внутреннего порядка. Свою негативную роль сыграли и существенные просчеты в воспитании. Наконец, необходимо учитывать и давление капиталистического мира, который разными средствами стремится воздействовать на сознание определенных групп советских людей.

Буржуазные идеологи, указывая на имеющиеся у нас проблемы и трудности, пытаются доказать, что наличие их опровергает сам факт воспитания нового человека при социализме. Весьма показательно, что они апеллируют именно к нашим недостаткам, игнорируя главное, а именно: успешное воспитание в духе социализма подавляющего большинства населения.

Марксизм о путях освобождения и развития человеческого индивида

Освобождение личности марксизм ставит в прямую зависимость от ликвидации капиталистической эксплуатации, частной собственности на средства производства. Отвечая критикам на упрек, будто коммунисты хотят уничтожить всякую собственность как основу личной свободы, Маркс и Энгельс указывали, что за подобного рода обвинениями скрывается попытка выдать вполне определенную свободу — свободу эксплуатировать труд, свободу развития господствующего меньшинства за счет подавления большинства — за свободу личности вообще. В «Манифесте Коммунистической партии» они заявили, что такая свобода — свобода угнетения человека человеком должна быть уничтожена. На место старого общества с его классами и классовыми антагонизмами придет общество, представляющее собой ассоциацию трудящихся, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (4, 447).

Два момента обязаны мы подчеркнуть в связи с изложенным выше. Первый из них касается приведенного вывода Маркса и Энгельса. Иногда его толкуют в том духе, что общество не может стать свободным до тех пор, пока не обеспечит ничем не ограниченную свободу каждому. Однако рассуждать так — значит клонить к анархии. Всякое общество имеет свои ограничения, иначе говоря, определяет собственные рамки свободы. Обречена на неудачу любая попытка приблизиться к воплощению идеи свободы, в действительности проповедуя произвол, ибо тем самым ставится под вопрос сама эта идея. Из контекста «Манифеста Коммунистической

партии» видно, что здесь речь идет не о какой-то абстрактной свободе, а о свободе от эксплуатации, о свободе от классового угнетения. И в этом смысле общество не может считать себя свободным, пока оно не заменит несправедливые, основанные на эксплуатации порядки свободным и равноправным сотрудничеством всех членов общества.

Второй момент: если свобода капиталиста зиждется на его собственности и для него она равнозначна свободе обладания этой собственностью, свободе эксплуатации наемного труда, то для пролетария его подлинная свобода состоит прежде всего в свободе от эксплуатации, в коллективном владении средствами производства, в реальном творческом самоутверждении, развитии своих сил и способностей. Естественно, что сознательные пролетарии не приемлют формулу буржуазии, ибо она для них означает «не-свободу», а буржуазия не приемлет формулу «Коммунистического манифеста», потому что она означает ликвидацию буржуазной свободы эксплуатировать чужой труд.

Спекулируя на стремлении человека сохранить даже в условиях буржуазного общества элементарные права и свободы, империалистическая буржуазия, опасающаяся утратить свои привилегии, пытается представить систему защиты своих интересов как необходимую предпосылку свободы для всех. В этом и заключена главная причина ее особого внимания к проблеме «свободы» личности.

Но свобода как избавление от эксплуатации — лишь один, хотя и важный, аспект свободы. Свобода только тогда обретает подлинный смысл, когда человек «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...» (2, 145).

В результате социалистических преобразований утверждается общность коренных интересов общественных групп. Только тогда, когда люди равны между собой в главном — в отношении к средствам производства, когда их объединяет общность целей, помыслов, когда их отношения характеризуются социально-политическим и идейным единством,— только тогда исчезают классовые барьеры, ограничивающие свободу личности, создаются благоприятные возможности для свободного выражения ее устремлений, для участия каждого в управлении общественными делами. Чуждые

силы, господствовавшие до сих пор над людьми, поступают под их контроль. Как писал Энгельс, «это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (20, 295).

Конечно, такой характер свободы, такая ее организация вызывает тревогу у капиталистов, и они, естественно, ведут борьбу против нее, за иную свободу — свободу эксплуатации, за сохранение своего экономического и политического господства. Причем все это якобы делается во имя свободы всех членов общества.

Буржуазные советологи нередко пытаются представить дело таким образом, будто господство марксистско-ленинской идеологии, система коммунистического воспитания в СССР ведут к утрате свободы личности, ее неповторимых индивидуальных черт, к превращению ее в унифицированную единицу некоего самодовлеющего социума. Вопреки этим утверждениям наша действительность свидетельствует о другом: экономическая, социальная, политическая и духовная жизнь в городах и селах, уже десятилетия развивающаяся на коллективистских основах, содержательна и многообразна. Социализм создает широкие возможности для проявления творческой активности трудящихся, инициативы миллионов людей, для развития их потребностей и интересов.

Многие критики социализма в последние годы стали настойчиво противопоставлять реальному социализму концепции идейного и политического плюрализма. Плюрализм, как он сложился в буржуазном обществе,— явление неоднозначное, сложное, противоречивое. На первый взгляд может показаться, что это свободная игра, противоборство политических сил, в котором побеждают те, кто доказывает бóльшую жизнеспособность, активность. Однако можно ли сбрасывать со счетов то, что вся экономическая мощь, карательные органы, армия, почти все средства массовой информации и пропаганды находятся в руках капиталистов? Ясно, что нельзя, хотя именно это обстоятельство пропагандисты буржуазного плюрализма как раз стыдливо обходят. В условиях возрастающей политической активности трудящихся, реального давления масс на буржуазные партии монополистическая буржуазия провозглашает политический плюрализм атрибутом современной демократии, видит в нем эффективное средство удержания власти в своих руках путем передачи

ее время от времени от одной буржуазной партии к другой. Идейный и политический плюрализм выдается буржуазной пропагандой за возможность свободного волеизъявления для всех, потому и используется в качестве прикрытия политического господства монополистического капитала.

Известно, что определенные права и свободы, возможности отстаивать интересы трудящихся, в том числе и в парламентских формах, завоеваны пролетариатом, его политическими партиями. Ни приуменьшать, ни преувеличивать значения этих возможностей не следует. Не приуменьшать потому, что рабочий класс добился своих прав в ожесточенной политической борьбе, и они облегчают ему дальнейшую борьбу за свои жизненные интересы. Не преувеличивать потому, что буржуазия, опираясь на свою экономическую и политическую мощь, идеологический аппарат, обеспечивает защиту своих интересов и ведет постоянное наступление на интересы и права рабочего класса, трудящихся.

История, однако, знает иной опыт. Это опыт ряда социалистических стран, заключающийся в союзе политических партий, которые представляют разные слои трудящихся, с коммунистической, марксистско-ленинской партией во главе, опыт, проверенный практикой на протяжении десятилетий. Здесь многообразие интересов трудящихся действительно представлено разными политическими партиями. Но, конечно, этот плюрализм совсем не то, о чем мечтают современные «реформаторы» реального социализма на Западе. Им нужно нечто в духе именно буржуазной демократии.

В Советском Союзе накоплен огромный опыт однопартийной системы, где Коммунистическая партия выступает в качестве руководящей силы всего общества. Этот опыт свидетельствует о том, что в рамках такой политической организации осуществляется широкое представительство и учет всего многообразия интересов, точек зрения, мнений, развитие критики и самокритики, гарантируется свобода совести, религиозных вероисповеданий. Иначе говоря, в социалистическом обществе существует широкое многообразие деятельности, интересов, стремлений. Но опять же это не тот плюрализм, о каком пекутся наши противники на Западе. Им необходим такой плюрализм в политическом и идейном отношении, который бы увековечивал буржуазные порядки. Такой плюрализм на деле означает

подавление интересов трудящихся. «...Всякая свобода,— говорил В. И. Ленин,— если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман» [1].

Социалистическое общество полностью не гарантировано от посягательств со стороны отдельных лиц на безопасность как членов общества, так и на общие интересы в целом, и оно не может быть безразличным к этим посягательствам. Применение принуждения в таких случаях — необходимое условие свободы общества, проявление заботы о свободе его членов. Естественно, общество имеет систему социальных запретов, направленных на защиту завоеваний социализма; как тяжкое преступление карается измена Родине. Опираясь на аппарат принуждения, правопорядок, социалистическое государство тем самым обеспечивает охрану прав и свобод личности.

Разумеется, мы вовсе не считаем, что у нас все проблемы решены и мы достигли наивысшего развития демократии и свободы. И то и другое развивается по мере увеличения материальных и духовных возможностей, укрепления политических институтов общества. Ныне, в условиях ускорения и перестройки, сделан качественно новый шаг в совершенствовании принципов и норм, касающихся положения личности при социализме, ее прав и свобод.

Свобода личности — необходимое условие дальнейшего прогресса социалистического общества. Рост производства, решение социальных проблем, уровень научного и художественного творчества прямо зависят от инициативы, квалификации, идейной направленности работников всех звеньев социального организма. Без творческого обсуждения теоретических и практических проблем, без критики и самокритики не может быть успешного движения вперед. Социалистическое общество озабочено развитием многообразных способностей, наклонностей, талантов, ибо только при этом условии могут быть обеспечены успешный поиск и эффективное решение назревших задач.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 349.

Идея всестороннего развития личности

Теорию личности Маркса невозможно представить без учения о всестороннем развитии человека; все его творчество пронизывает гуманистическая идея гармонического развития личности.

В марксизме эта идея впервые соединена с реальной общественной потребностью, соединена не произвольно, а строго научно. Рассматривая роль машин в крупной промышленности, Маркс в первом томе «Капитала» пришел к выводам о том, что само развитие промышленности, «как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (23, 499). Иными словами, вследствие объективного развития производства возникает необходимость в замене частичного работника тружеником, способным к выполнению различных видов производственной деятельности. И если для частичного работника функционирование в производстве является лишь средством поддержания собственного существования, то для всесторонне развитого индивида его участие в производстве есть не что иное, как способ жизнедеятельности, выражение, воплощение своих сущностных человеческих сил, реализация себя как личности. Такова тенденция современной истории.

Осуществление этой тенденции стало возможным лишь после победы социалистической революции, установления общественной собственности на средства производства на основе плановой экономики, развития образования и культуры.

Марксистская постановка проблемы означает, что речь идет о развитии не отдельных индивидов, а всех трудящихся. Всестороннее развитие личности выступает не просто и не только как гуманистическая идея, но и как реальная объективная, исторически назревшая потребность общества.

В какой мере можно считать задачу всестороннего развития личности практической задачей нынешнего

времени? По этому вопросу пока нет единого мнения. Одни считают, что постановка задачи всестороннего развития личности в порядок дня преждевременна, поскольку еще имеется большое число работников, занятых тяжелым физическим трудом, а также множество других неотложных задач, требующих много сил и времени. И поскольку-де нет необходимых условий для решения этой задачи, она объявляется делом весьма отдаленного будущего. Другая крайность состоит в утверждении, что в нашем обществе уже сейчас созданы все условия для практического решения задачи всестороннего развития личности.

Конечно, вопрос непростой, и поиски, споры вокруг него естественны. На наш взгляд, нельзя согласиться как с абстрактно-категорическим утверждением, что в советском обществе уже созданы все условия для всестороннего развития личности, так и с отрицанием возможности практического обращения уже сейчас к этой задаче. Дело в том, что практические потребности развития социалистического производства на современном этапе научно-технической революции обусловливают повышение уровня профессионального мастерства, активности и ответственности работника, необходимость совмещения профессий. Всем этим требованиям может соответствовать только всесторонне развитая личность, обладающая высокой культурой и способная сочетать функции квалифицированного работника и общественного деятеля. Этому благоприятствуют плановая организация хозяйства, государственная постановка всего дела подготовки кадров.

Жизнь социалистического общества между тем дает нам свидетельства того, что всесторонне развитая личность, в определенном смысле, уже реальность, причем не в единичном случае. Многие наши современники — рабочие, колхозники, интеллигенты, получив хорошее образование, профессиональную подготовку, разностороннее развитие в культурном отношении, являют собой новый тип личности.

Для практического решения задачи всестороннего развития человека мы имеем прочную основу. Она складывается из высокого технического уровня производства, квалификации рабочего класса и колхозного крестьянства, мощного научного потенциала. Современный уровень развития социалистического общества все более создает условия для обретения высокой и

разносторонней квалификации, идейной зрелости, нравственной и политической ответственности, что и позволяет советскому человеку в процессе труда, общественной деятельности реализовать свои интеллектуальные и нравственные возможности, утверждать свое достоинство, свое, так сказать, «я».

Развитие социальной активности, ответственности всех членов общества — важнейшая задача партии и государства, ибо в решении ее — ключ к выполнению всех иных — производственных, экономических, социальных и воспитательных — задач. Природа социализма как общественного строя такова, что он может успешно функционировать и развиваться лишь благодаря высокой активности масс. Какие бы проблемы мы ни взяли — экономического или правового порядка,— их решение требует сознательного участия самих масс, ибо касается их интересов и зависит от их активности, компетентности, дисциплины. Вопрос об активности масс при социализме — важнейший в деле решения всех практических проблем нового общества. В. И. Ленин подчеркивал, что социализм «не создается по указам сверху», что он «есть создание самих народных масс» [1]. Только социально-преобразующая деятельность миллионов может создать необходимые предпосылки для успешного строительства новой жизни. Вот почему Ленин с первых шагов нового общественного строя искал конкретные формы повышения этой активности, видел в ней важнейшее условие функционирования и развития социалистического общества.

Научный прогноз Маркса, сделанный им в результате анализа реальных тенденций капитализма, в том числе проблем освобождения и развития личности, получает широкое подтверждение в жизни. Конечно, жизнь всегда оказывается сложнее, многообразнее, противоречивее, чем это выглядит в теоретических трудах. Однако реальный социализм убедительно демонстрирует правоту марксизма в основном и главном. Исторический опыт показывает, что реализация преимуществ социализма во многом зависит от активизации человеческого фактора, от сознательности, культуры членов нового общества, от их общеобразовательной и профессиональной подготовки. На воспитание всех этих качеств личности, на создание благоприятных условий

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 57.

для ее дальнейшего развития и направлены сейчас усилия нашей партии и Советского государства, взявших стратегический курс на перестройку и ускорение развития социалистического общества.

4. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Место категории «противоречие» в теоретическом творчестве Маркса

Для Маркса понятие «противоречие» было ключевой категорией в процессе создания им, совместно с Энгельсом, диалектико-материалистического мировоззрения и революционного метода. Оно стало одним из центральных понятий их философской системы. Этой категорией определяется понятийная структура главного закона материалистической диалектики — единства и борьбы противоположностей. Можно сказать, что одним из краеугольных камней формирования взглядов Маркса как идеолога пролетариата явилась разработка им неразрывно спаянной с опытом и задачами революционной борьбы материалистической концепции противоречия. Ее развитие требовало все более четкого противопоставления научного понимания противоречия идеалистическим и метафизическим трактовкам данной категории. Марксова теория развития исходила из того общего принципа, что всякое движение есть противоречие, что «противоречия — и есть именно движение» (20, 123). Противоречия суть глубинный источник развития, и его движущие силы содержатся в их структуре. Недаром молодые Маркс и Энгельс столь решительно выступили против попыток позднего Шеллинга подменить борьбу противоположностей их статическим противоположением.

Нет ни одного зрелого произведения Маркса, в котором категория противоречия и закон противоречивости вещей, процессов и явлений не находили бы своего выражения, не участвовали бы в развитии мысли Маркса и не получали бы своего дальнейшего обогащения. Так, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1851—1852 гг.) — это не только блестящий пример обобщения конкретной диалектики социально-политических событий, но и дальнейший анализ действия закона единства и борьбы противоположностей. В главном произведении Маркса — в

«Капитале» (1856—1883 гг.) и в подготовительных к нему работах осуществлено построение научной политической экономии и одновременно продолжена разработка теории диалектического противоречия. Без использования этой теории не могла бы возникнуть политэкономия марксизма. В «Анти-Дюринге» Энгельса (1876—1878 гг.) дан общий очерк теории противоречия, и основоположники марксизма продолжали ее разрабатывать вплоть до последних лет жизни.

По мере становления и развития взглядов Маркса на диалектическое противоречие и закон единства и борьбы противоположностей обрисовывались различные черты и моменты, отличающие их материалистическое понимание от идеалистического (гегелевского). В одной из своих ранних рукописей «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) Маркс критикует Гегеля за нередко встречавшуюся у него, и не только в «Философии права», тенденцию к примирению противоположностей, но еще не находит пока вполне адекватных формулировок для выражения своей мысли; терминология Маркса пока еще не устоялась (см. 1, 321). Здесь же он отмечает, что противоречия бывают разные: одно дело — противоположность Северного и Южного полюса и другое — противоположность полюса и не-полюса (см. 1, 321).

В IV главе «Святого семейства» Маркс и Энгельс на примере отношения между буржуазией и пролетариатом в капиталистическом обществе показывают, что в диалектическом противоречии имеют место как взаимообусловленность, так и взаимоотрицание его сторон, кратко обозначаемые как их диалектическое единство, «единое целое», которому присущи диссонанс, развивающийся в столкновение внутренних тенденций (ср. 48, 20, 348), а затем в «антагонизм».

Последний термин употребляется Марксом довольно широко. Во втором черновом варианте «Капитала» он употребляет термин «антагонистическое противоречие» (см. 47, 502; 46, ч. I, 89) [1] в значении сильно развитого конфликта, но отчетливого выделения антагонистических противоречий, в отличие от иных, пока еще не было. Впоследствии это важное уточнение о видах противоречий внес В. И. Ленин, проведя четкое разграниче-

[1] Аналогичны термины «полное противоречие» (см. 47, 548), «абсолютный разрыв» (см. 46, ч. I, 507).

ние между противоречиями антагонистического и неантагонистического типа.

Диалектика объективных противоречий

В диалектическом объективном противоречии имеется самоотрицание, поскольку, например, «частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению...» (2, 39). Противоречию присущи и переход его сторон в свою противоположность, и вообще взаимопроникновение сторон, и это Маркс показывает на примере того факта, что отчуждение пронизывает деятельность и поведение двух основных классов буржуазного общества. В то же время налицо относительная самостоятельность сторон диалектического противоречия, находящая свое высшее развитие в *неодинаковости* отношения этих сторон друг к другу, к сохранению данного противоречия и к его перспективам. Последнее обстоятельство исключительно важно для понимания внутренней диалектики развития каждой из сторон противоречивого процесса.

К. Маркс и Ф. Энгельс обращают внимание на то, что при анализе противоречия между пролетариатом и капиталистической частной собственностью недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Частная собственность ради сохранения своего положения вынуждена тем самым сохранять и существование своей противоположности, т. е. пролетариата. «Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность. Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность,— делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность... Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение» (2, 38—39). По мысли Маркса и Энгельса, пролетариат в результате своей победы не становится некой абсолютной стороной общества, он переходит в новое состояние, упраздняя и свое прежнее бытие. В этом их рассуждении мы видим еще один существенный момент — характеристику диа-

лектического *разрешения* противоречия: *ведущая,* прогрессивная его сторона, отрицая сторону, ей противоположную, вместе с тем «отрицает» и себя в том смысле, что переводит себя в новое качество. Так, российский пролетариат в результате осуществления социалистической революции стал качественно новым классом — рабочим классом, обладающим средствами производства и свободным от эксплуатации.

И еще раз: разрешение противоречия — его коренное преодоление и в этом смысле «уничтожение (Aufhebung)», а не примирение его сторон. Последнее, не имеющее ничего общего с принципиальными политическими компромиссами, происходит, когда разрешение противоречия изображают в виде суммирования его сторон, переносят в новое состояние объекта свойства сторон противоречия в прежнем неизменном виде либо само это прежнее состояние их взаимодействия выдают за уже достигнутое новое качество объекта. Все это в конечном счете метафизические по своему подходу действия.

Метафизическим является и тот подход к разрешению противоречий, который был применен Прудоном в «Философии нищеты» и затем подвергнут критике Марксом в его «Нищете философии». Прудон хотел показать путь к улучшению положения рабочих в рамках капиталистического строя. Он полагал, что можно просто отбросить одни его черты («стороны») как «дурные» и сохранить другие как «хорошие», не видя того, что и те и другие черты, при всей своей противоположности, обусловливают друг друга. Касаясь в этой связи диалектики Гегеля, которой не понял Прудон, Маркс писал: «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим сразу кладет конец диалектическому движению» (4, 136). В письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. Маркс подчеркнул, что, подменяя движение реальных отношений движением идей, Прудон в мышлении, и только в мышлении, «синтезирует», например, идеи монополии и конкуренции так, что «зло монополии уравновешивается конкуренцией, и vice versa (наоборот.— *Ред.*). Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что наружу выступит только их хорошая сторона... Надо изменить категории, и последствием этого

явится изменение существующего общества» (27, 407, 410). В противоречивом отношении автора «Философии нищеты» к самой проблеме противоречий (он одновременно хочет быть диалектиком в их понимании и метафизически деформирует их, искажая взаимодействие их сторон и пути их разрешения) Маркс вскрыл и противоречивость социально-классового положения Прудона как мелкого буржуа: он гордится, что «нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие,* потому что противоречие есть основа его существа» (27, 412).

В «Капитале» Маркс достиг вершины в своих исследованиях противоречий, соединив категориальный анализ с использованием понятий материалистической диалектики в изучении обширного конкретного экономико-статистического и исторического материала. Становление противоположностей, их единство и борьба в процессе развития и, наконец, разрешение противоречий — таков закон развития в данном случае капиталистического общества.

К. Маркс характеризует капитал как самовозрастающую стоимость, противоречивое экономическое отношение, содержание которого образует антагонизм между пролетариатом и частнокапиталистической собственностью на средства производства. Отсюда проистекают и все другие противоречия капиталистического развития, которые в конечном счете вызывают *конфликт* между производительными силами и производственными отношениями. Этот конфликт влечет за собой обострение борьбы между основными классами буржуазного общества, что создает как объективные, так и субъективные условия для возникновения революционной ситуации и революционного перехода от капитализма к социализму. В этой связи становится понятной закономерность, открытая Марксом: «...развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой» (23, 499; ср. 512). В общем виде эта мысль высказывалась Гегелем, но только Маркс осмыслил эту идею строго материалистически и применил ее к философскому пониманию всей истории человечества.

Встает вопрос: существует ли достаточно строгая иерархия противоречий в целостном социальном объекте, в данном случае общественно-экономической капи-

талистической формации? Вопрос здесь приобретает такую форму: в чем заключается основное движущее противоречие капитализма, как и с какими другими противоречиями в нем оно соотносится? У этого вопроса налицо два аспекта: генетический (диахронический) и синхронический, относящийся к данному, предпочтительно развитому, состоянию. Анализ показывает, что, с позиций Маркса и Энгельса, эти два аспекта единого процесса совпадают не полностью.

Последнее видно уже из того, что в аспекте *относительно* синхроническом действие разного рода обратных связей накладывает сильный отпечаток на цепи зависимостей в данном объекте, и процесс расширенного воспроизводства происходит при помощи постоянного превращения следствий в причины умножения собственных причин: «...результат этого процесса производства столь же неизменно принимает вид его предпосылок, как его предпосылки — вид его результата» (25, ч. II, 443). Иные возможности расширенного воспроизводства отсекаются, коль скоро «явление может в конце концов уничтожить свою собственную причину...» (25, ч. I, 464). Что же касается аспекта диахронического, генетического, то магистраль развития определяется в этом случае отмеченным выше сущностным развитием основного противоречия «известной исторической формы развития производства», и задача исследователя состоит здесь в том, чтобы в противоречиях внутренне взаимообусловленных движений, возникающих в недрах целого, выделить самое главное и на этой основе раскрыть форму их последующего разрешения, которое, в свою очередь, кладет начало следующему циклу противоречивого развития. Разрешения, но не примирения противоположностей. Еще в 1846 г. Маркс писал: «Желая примирить противоречия, г-н Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий... Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы...» (27, 410), в данном случае — политические противоположности буржуазного общества.

В «Капитале» Маркс ищет не примирения экономических сил буржуазного общества, для чего потребовалось бы сконструировать некие «уравновешивающие» друг друга опосредствования и противочлены или просто декларировать «затухание» противоречия в его начальной стадии. Маркс вычленяет фундаментальное,

существенное и всеобщее противоречие капиталистической экономики, объясняет его происхождение и затем теоретически («логически») прослеживает («исторически» проверяя правильность этого пути) развитие этого сущностного противоречия через ступени трансформаций во все новые противоречия, каждое из которых, если двигаться именно по магистрали углубляющего свою «поляризацию» (см. 49, 160) противоречивого развития, является все более глубоким и одновременно широким, захватывает, пронизывает в конце концов все общество в целом. Предшествующие ступени трансформаций противоречий одновременно и отрицаются и воспроизводятся в подчиненном виде в структуре позднее возникающих и более развитых противоречий. Это касается прежде всего исходного для системы товарно-капиталистических связей противоречия в товарном отношении.

Внутри этого отношения Маркс обнаружил исходное движущее противоречие, что вполне естественно, ибо в товарной форме продуктов общественного производства концентрированно выражены отношения между людьми, участвующими в процессе этого производства. Товар предполагает наличие отношения между двумя товарами, в котором через противоречивое единство стоимости и потребительной стоимости находит свое выражение противоречие между абстрактным и конкретным трудом. В товаре как «клеточке» капиталистической экономики содержатся те противоречия, которые выявляются, развиваются в ходе капиталистического прогресса.

Открытие внутренней противоречивости труда Маркс, как известно, считал своим важным достижением именно в методологическом плане. В письме Энгельсу от 24 августа 1867 г. он обратил его внимание на то, что «самое лучшее» в первом томе «Капитала» — это прежде всего «подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда,* смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов)...» (31, 277). В этом двойственном характере труда в потенции содержатся стороны ведущего движущего противоречия будущего капиталистического строя. Развитие противоречий и в данном случае происходит через их разрешение, а разрешение — через свою противоположность, т. е. через дальнейшее углубление противоречий.

Применительно к экономическим процессам Маркс прослеживает движение противоречий сначала через ступени трансформации форм стоимости, и уже здесь углубление противоречий означает их «заострение», а затем разрыв единого объекта на внеположные друг другу сущности, отношение между которыми, однако, от этого не ослабевает, а, наоборот, делается еще более интенсивным, противоречивым и таящим в себе новые противоречия. Таким образом, противоречие внутреннего единства теперь «осуществляется в движении внешних противоположностей» (23, 124). При этом каждая из внешних противоположностей, сохраняя и углубляя далее противоречивую связь с другой, получает и относительно самостоятельное движение, а значит, в каждой из них возникают свои новые противоречия, они «обрастают» ими.

В периоды массового найма капиталистами рабочей силы для эксплуатации ее на своих предприятиях процесс развития противоречий претерпевает переломный момент, это — качественный «скачок». Приобретение капиталистами потребительной стоимости, которая способна производить новые стоимости, с одной стороны, узаконивает производственное использование купленной рабочей силы, а с другой, создает предпосылки для будущей революции пролетариев против эксплуатации и угнетения.

Итак, единство противоположностей стоимости и потребительной стоимости претерпевает во вполне сложившемся капитализме метаморфозу, в которой каждая из сторон противоречия начинает играть роль своей противоположности: тем самым их взаимодействие в рамках капиталистического производства становится в своей противоречивости напряженным. Здесь «мы наблюдаем поразительный результат: на стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду или к своему собственному продукту как к *чужой собственности*» (46, ч. I, 446). В итоге двойственный характер труда трансформируется во все более массовый и все более расширенно воспроизводящийся антагонизм между *общественными классами* — пролетариатом и буржуазией, углубляется противоположность их классовых интересов.

Каждое новое средство, к которому прибегают капиталисты ради увеличения своей прибыли, углубляет эту противоположность еще больше. Каждое новое средство, к которому капиталисты прибегают, чтобы обуздать рабочих и лишить их возможности к сопротивлению, вызывает к жизни новые противоречия, не упраздняя прежних. Можно поистине признать, что капитал есть «совершающее процесс противоречие...» (46, ч. II, 214).

В сформулированном Марксом всеобщем законе капиталистического накопления основное социально-экономическое противоречие буржуазного общества очерчено в таких двух существенных последствиях его углубления, как возрастание безработной части рабочего населения и обнищание пролетариата в целом. Падение доли национального дохода, приходящейся на пролетариат, безусловно и неукоснительно, в этом смысле — абсолютно, но само абсолютное обнищание происходит, *наоборот,* относительным образом, поскольку оно сильно зависит от степени сопротивления рабочего класса экономическому наступлению на него со стороны капиталистов: усиление классового сопротивления пролетариев не только замедляет абсолютное понижение заработной платы, но иногда частично отвоевывает назад ранее утраченное. Как бы то ни было, углубление противоречий продолжается, и каждый экономический «кризис обнаруживает... единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов» (26, ч. II, 556), ибо в кризисах и противоположность, и взаимообусловленность интересов двух антагонистических классов обрисовывается ярко, заостренно и резко.

Но, составляя момент в революционной ситуации, кризисы не порождают ее в полном объеме: сами по себе они не выводят пролетариат за рамки экономической борьбы, хотя и способствуют в значительной мере консолидации его классовых интересов. К тому же взаимозависимость двух основных классов буржуазного общества в экономических кризисах еще не приходит к пределу возможностей своего существования. Объективные законы функционирования и развития капиталистического экономического механизма вместе с присущими им противоречиями продолжают действовать, а на них «накладываются» ими же стимулируемые противоречия политические и идеологические. Все более обнаруживается угнетающее и деформирующее воздействие капиталистических производственных отношений

на сознание людей, ибо они расширенно воспроизводят не только экономическое отчуждение, но и политические и духовные его варианты и следствия. Противоречия разрастаются и срастаются в *структуры,* пронизывающие и опутывающие весь капиталистический социальный организм.

Углубление антагонистических противоречий капиталистического способа производства способствует росту самосознания рабочего класса и пробуждению его революционных потенций. Марксова теория социалистической революции, в полной мере учитывая диалектику субъективных и объективных факторов, вскрывает развитие находящегося в их основе противоречия между производственными отношениями и производительными силами. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (23, 773). При обосновании социалистической революции Маркс применяет целую группу тесно взаимосвязанных категорий материалистической диалектики, но они восходят к категории развивающегося в стадию конфликта диалектического противоречия. «...Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания» (23, 773). Революцией разрешается непримиримое социальное противоречие.

Итак, перед нами марксов анализ генетического «разреза» процесса развития объективных противоречий капитализма. От двойственности структуры процесса труда пройден путь до основного классового антагонизма буржуазного общества. Но дальнейший переход от социально-экономического конфликта к политической революции происходит *не* автоматически; в этом пункте нарастания противоречий взаимодействие их объективных и субъективных форм в особенности сложно. Для революционных политических действий, а тем более для их успеха необходима революционная ситуация, соединяющая в «узел» также множество вторичных, не только внутренних, но и внешних, противоречий, которые к тому же нередко переходят друг в друга. Виды и темпы развертывания политического революционного процесса зависят от интенсивности и характера клас-

совой борьбы, от стратегии и тактики коммунистической партии, в том числе от правильного выбора союзников и выдвижения таких лозунгов, которые действительно мобилизуют массы, от точного выбора направления и времени «главного удара». Противоречия функционирования капитализма формируют законы его грядущего крушения, которые осуществляются через очень сложные, исторически конкретные и нередко крайне запутанные взаимодействия объективных и субъективных моментов. Реально разрешение противоречия в способе капиталистического производства по шаблонной схеме не происходит никогда.

Отсутствие шаблона обнаруживается и при анализе иного «разреза» — *относительно* синхронического по отношению к различным элементам структуры зрелого капитализма. Такой анализ как специальный комментарий к первому тому «Капитала» провел Энгельс в «Анти-Дюринге». Это — движение от сущности к явлениям противоречия.

Ф. Энгельс охарактеризовал как сущностное по своему характеру основное антагонистическое противоречие капитализма в способе производства — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения: «*...продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом.* Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное (т. е. буржуазное.— *Авт.*) общество...» (20, 674—675). При данном, так сказать «вертикальном», разрезе через систему противоречий капитализма *«противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией»* (20, 282; см. 19, 215). Таким образом, собственно экономическое противоречие в социальном плане обнаруживает себя как противоречие классовое. Строго говоря, Энгельс имеет в виду, что в «Капитале» Маркса в данном случае речь идет о диалектическом противоречии не «сначала в сущности, а затем в явлении», а одновременно, но в двух разных взаимообусловленных измерениях — *экономическом* и *социальном,* ибо классы действуют и в экономической жизни, и в общественной борьбе, сама социальная борьба имеет и экономические формы, в них уходит корнями и с них начинается, а экономическая деятельность в эксплуататорском

обществе помимо социальных классов и их отношений, а также отношений внутри классов протекать не может [1]. Следующий вид модификации основного противоречия в капиталистическом способе производства, т. е. между его производительными силами и производственными отношениями, состоит в том, что «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе*» (20, 285). При кризисах «экономическая коллизия достигает своей высшей точки...» (20, 287) в виде противоположности между капиталистическим способом производства и формой обмена произведенных товаров. Кульминация противоречия между способом производства и формой обмена является одновременно и кульминацией классовой поляризации в буржуазном обществе, что и находит свое выражение во всеобщем законе капиталистического накопления. При экономических и политических кризисах действие этого закона обнаруживается во многих измерениях.

Совершенно строгой, линейной, «вертикальной» обусловленности и последовательности между сущностью и явлением здесь, как и во многих других системах противоречий, особенно социальных, не возникает, но для общей теории объективных диалектических противоречий, как она вырисовывается в трудах Маркса, важно еще одно свидетельство факта системности противоречий: из их системности вытекает, что им вообще не присуща линейная (близкая гегелевским схемам) последовательность противоречий, не говоря уже о том, что системы диалектических противоречий саморазвивающихся объектов в генетическом и синхронически-«вертикальном», т. е. от сущности к явлениям, направлениях развиваются несколько по-разному. Например, на стадии «раскола» товара на товар и деньги в направлении от сущности к явлениям возникают свои специфические противоречия функционирования денег и метаморфоз их функций. Много своих противоречий в

---

[1] К. Маркс отмечает и противоречия между индивидом данного класса как агентом определенного способа производства и классом в целом (см. 47, 204). Органическая взаимосвязь экономических и социальных противоречий была глубоко раскрыта впоследствии В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России».

отношениях между капиталистами, а тем более между разными слоями их класса.

Противоречия процесса познания

К. Маркса глубоко интересовала проблема характера противоречий процесса познания. О них идет речь в знаменитом «Введении» 1857 г., в «Капитале» и в особенности в его четвертом томе, т. е. в «Теориях прибавочной стоимости». В книге «К критике политической экономии», в частности, проведена идея о различии объективных противоречий и противоречий процесса познания по способу их разрешения: первые разрешаются развитием самого объективного процесса (в обществе — «на практике»[1] (см. 13, 498), вторые — через развитие теоретического мышления.

Но уже в одной из ранних работ, в сочинении «К критике гегелевской философии права», Маркс предупреждал против ошибок процесса познания, состоящих, в частности, в том, что отвлеченная от предмета «абстракция и односторонность считает себя за истину на том основании, что истиной является лишь крайность» (1, 322): между объектом и его же свойством бывают противоречия, но их нельзя ставить на одну доску с противоречиями между противоположными свойствами того же самого объекта, а тем более между сущностными его противоположностями, которые могут даже «разорвать» объект (как это происходит, как мы уже знаем, с товаром, «раскалывающимся» на товар и деньги).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года», где поставлен ряд вопросов, которые впоследствии Маркс будет решать в подготовительных «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и других черновых вариантах «Капитала», Маркс формулирует одну из главных теоретических задач будущего исследования в виде антиномически «заостренного» противоречия процесса познания: «Таким образом, если труд есть товар, то это — товар с самыми злосчастными свойствами. Но, даже согласно основным положениям политической экономии, труд не есть товар, так как он не является *свободным «результатом свободной рыночной сделки»*...» (42, 57). Пока это еще очень несовершенные формулировки, но в них уже поставлена важнейшая проблема; нужно выяснить механизм эксплуатации наем-

[1] Кроме того, Энгельс подчеркнул также отличия объективных *отрицаний* от мыслительных, а тем более от возникающих вследствие метафизически-субъективного мышления (см. 20, 640—641).

ного труда, вытекающий из законов капиталистического производства. Постановка этой проблемы намечает генеральное направление исследований, которое приведет Маркса к открытию тайны образования прибавочной стоимости.

В антиномически «заостренных» противоречиях находит свое яркое воплощение тот факт, что закон единства и борьбы противоположностей действует в процессе познания прежде всего как закон взаимодействия различных гносеологических противоположностей, через которые, но не сводясь к которым происходит отражение противоречий самого объекта. Однако гносеологические противоречия бывают очень разными по структуре, функциям и способу разрешения. В трудах Маркса мы найдем использование в интересах познания многих так называемых *категориальных противоречий* — между чувственным и рациональным, эмпирическим и теоретическим, теоретическим и практическим, единичным, особенным и общим, абстрактным и конкретным, относительным и абсолютным, явлением и сущностью, формой и содержанием и др. Маркс не занимался специально их классификацией, хотя хорошо видел, что противоречивое соотношение сторон этих категориальных пар имеет в каждом случае свои особенности: например, две последние из перечисленных отличаются тем, что они действуют также и применительно к самим объектам познания, и не только к процессу их изучения и исследования. Это должно быть сказано и о категориях «единичное», «особенное», «общее».

Из строения экономических трудов Маркса видно: он всегда учитывал, что противоречия имеют место между констатациями различных фактов, между фактами и теориями, а также между различными теориями (гипотезами), выдвинутыми для объяснения одних и тех же комплексов фактов. Противоречия между фактами и теориями (точнее, между эмпирическими констатациями и их теоретическими систематизированными объяснениями) представляют собой могучую движущую силу развития научного познания, когда к их преодолению людей побуждают интересы их практики. Уже здесь обнаруживается своеобразная ситуация: противоречия между констатациями и утверждениями теории приобретают формально-логический вид, ибо налицо *логическая несовместимость* различных суждений. Но столь же очевидно и другое: эта несовместимость в ко-

нечном счете есть следствие общего диалектического противоречия между объективной реальностью (объектами, ее составляющими) и ее познанием субъектами. В сфере знания сущностные диалектические противоречия предстают в виде «заостренных» логических противоречий.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс неоднократно показывает, что в тех случаях, когда теоретик-экономист, работая с ошибочной концепцией, не обращает внимания на возникающие в ней формально-логические противоречия, последние в конечном счете разрушают ее изнутри. Если же такие противоречия воспринимаются как сигнал неблагополучия в теории, то они могут служить побудителем к ее усовершенствованию, переделке, замене. Так, большой ошибкой А. Смита было то, что он игнорировал следующее противоречие: «...цена, достаточная для того, чтобы продукт поступал на рынок, недостаточна для того, чтобы он поступал туда...» (26, ч. II, 387). Но если здесь А. Смит невольно затронул глубинное противоречие, с которым следует в теории разобраться, то построения вульгарной политэкономии «принимают нелепый характер и полны противоречий» (25, ч. II, 384; ср. 46, ч. I, 287), так что в подобных случаях то и дело возникает несуразное формально-логическое противоречие «между путаницей и ясностью» (26, ч. III, 17), только отдаленно восходящее к общему диалектическому противоречию познания между заблуждением и истиной. Маркс и Энгельс не раз указывали, что формально-логические противоречия из теории следует устранять, в рассуждениях необходима строгая последовательность (40, 241, 527; ср. 48, 406) и «грубое смешение противоречащих друг другу определений» недопустимо (см. 46, ч. I, 159) [1]. Иная ситуация иногда складывается в сочинениях классиков буржуазной политэкономии: «Противоречия А. Смита важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит» (26, ч. I, 132).

Здесь и возникает переход к таким «заостренным» противоречиям познания, которые служат ключом к

[1] Ф. Энгельс в «Диалектике природы» указывает и на иные метафизические передержки вроде абсолютизации относительного, игнорирования взаимообусловленности противоположностей и др. Их авторы «в конце концов... запутываются... в безнадежных противоречиях» (см. 20, 468).

разрешению узловых проблем, вставших перед исследователем. Таким противоречием была уже антиномия «труд есть и не есть товар», сформулированная Марксом в 1844 г. Эта антиномия отличается тем, что пока Маркс сам еще не выяснил, что товаром является никак не труд, но рабочая сила. После того как Маркс это выяснил, в «Капитале» мы встречаем иную по сути и лишь частично подобную по своей логической форме прежней антиномию: «...капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении» (23, 176; ср. 46, ч. II, 55), но, в отличие от антиномии «труд есть и не есть товар», это постановка проблемы уже не для самого исследователя, а для читателя труда о прежде осуществленном исследовании. Маркс уже открыл, что товаром является не труд, а рабочая сила, но читателю «Капитала» еще нужно объяснить важные последствия этого факта. Как бы то ни было, сама по себе эта формула тоже не есть уже достигнутая истина, но «условия проблемы» (см. 23, 177) [1]. Там, где прежние экономисты не усматривали никакой принципиальной трудности или уже «видели *решение*», Маркс «видел только *проблему*» (24, 20), подчеркивал Энгельс особенности методологии Маркса.

Проблему, аналогичную антиномии «труд есть и не есть товар», представляет собой то противоречие, о котором Маркс пишет в третьей книге третьего тома «Капитала»: «цена труда» определяется ценой необходимых средств для поддержания жизни рабочего, но она же не может определяться ценой жизненных средств, поскольку та сама зависит от того, что получают рабочие за свой труд (см. 25, ч. II, 435; ср. 47, 94, 596, 612). Отвергая ложное понятие «цена труда», Маркс показывает, что величина заработной платы определяется стоимостью рабочей силы. Характерно, что в самой классической антиномии возникновения капитала вопрос до глубины сущности, строго говоря, не доходит: он стоит в плоскости выяснения, где именно образуется капитал (а значит, и прибавочная стоимость) — в производстве или вне его, т. е. в обращении, и ответ гласит, что в произ-

[1] К. Маркс употреблял термин «антиномия» в нескольких смыслах, в том числе для обозначения самого объективного противоречия (см. 40, 161; 47, 203), кажущегося противоречия (см. 49, 25) и в других случаях.

водстве, но с помощью обращения. Однако следующий шаг в глубину сущности этим данным ответом определен: прибавочная стоимость *производится,* а происходить это может только благодаря *производственному* использованию потребительной стоимости рабочей силы, что было обусловлено ее куплей по стоимости (см. 23, 205—206).

Таким образом, раскрытие тайны самовозрастания капитала происходит через разрешение объективного противоречия возникновения новых, прежде не существовавших стоимостей посредством обращения, в котором купля и продажа в целом совершаются по имеющимся стоимостям, что в совокупности и раскрывает механизм эксплуатации. Но путь к этому пролегает через преодоление субъективного, т. е. гносеологического, противоречия, которое в проблеме возникновения капитала приобрело напряженно-антиномический вид. О данном гносеологическом противоречии нельзя сказать ни того, что оно абсолютно совпадает с тем объективным противоречием, на пути к которому оно возникло, ни того, что оно абсолютно не связано с ним по содержанию. Ведь «парадокс действительности выражается также и в словесных парадоксах, которые противоречат обыденному человеческому рассудку...» (26, ч. III, 139). Налицо — *диалектическое* по характеру отражение. Если бы гносеологическое противоречие совпадало с объективным, первое не надо было бы и разрешать, достаточно было бы просто познать его в данном нам виде, надеясь тем самым непосредственно постичь и объективное противоречие в его наличной форме. Но это значило бы топтаться на месте. В аналогичной ложной ситуации оказался Дж. Милль: он «подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности.* Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей» (26, ч. III, 86). Если бы гносеологическое противоречие по своему содержанию совершенно ничего не имело бы общего с находящимся «под ним» объективным противоречием, преодоление первого ни в чем бы не подвинуло нас к раскрытию заложенных в объективном противоречии корней и тенденций, а это значило бы оказаться в положении агностиков.

Еще Гегель истолковал разрешение диалектического противоречия как диалектический же «синтез», озна-

чающий не примирение противоположностей, а подъем на более высокий уровень развития. Для противоречий процесса познания «синтез» означает нахождение верного пути к раскрытию сущности и судеб того объективного противоречия, которое нам следует познать. Этот путь не находят посредством каких-то неизменных шаблонов, последние Марксом и Энгельсом всегда отвергались, ибо путь к истине всегда конкретен, как и сама истина.

Это хорошо видно, если сравнить конкретный способ решения Марксом противоречия возникновения капитала с тем приемом, которым он разрешил гегелевскую антиномию смысла математического дифференциала. В «Математических рукописях» Маркс разрешил гносеологическое противоречие «дифференциал есть нуль и он не есть нуль» так, что искомый «синтез» вообще выходит за рамки выделенных в антиномии возможностей, а также и других аналогичных решений, вроде понятия «бесконечно малой» или «неопределенно малой» величины: dx вообще не есть величина, но только символ определенных операций. «...Символические дифференциальные выражения... играют теперь роль символов, указывающих на дифференциальные операции, которые должны быть выполнены над реальной функцией *x*, т. е. становятся, таким образом, *оперативными символами*» [1].

Но во всех случаях «синтез» в смысле разрешения диалектического противоречия, будет ли оно иметь место в познании или же в реальном мире, не состоит в сохранении одной из сторон этого противоречия в неизменном виде и в абсолютном исчезновении содержания другой его стороны: в противном случае результат не имеет никакой связи с диалектическим синтезом. А этот синтез не имеет ничего общего ни с замалчиванием или затушевыванием противоречий, ни с их фетишизацией и оставлением их, «как они есть», в покое, без разрешения, ни с изображением реальных противоречий как всего лишь мнимых и кажущихся или как чисто мыслительных.

В создании диалектико-материалистической теории противоречия — великая и непреходящая заслуга Маркса. Идеи Маркса о противоречиях и действии закона единства и борьбы противоположностей в современных

[1] *Маркс К.* Математические рукописи. М., 1968, с. 109.

нам условиях очень актуальны: жизнь человечества пронизана глубокими противоречиями и социалистическое общество растет и совершенствуется не иначе, как через развитие и разрешение противоречий. К сожалению, у нас «ленинское указание о том, что ценность теории в точном изображении «всех тех противоречий, которые имеют место в жизни», зачастую просто игнорировалось... Социальная структура общества изображалась схематично как лишенная противоречий и динамизма многообразных интересов его различных слоев и групп»[1]. Преодоление этого недостатка теоретических работ советских философов, а значит, и преодоление разрыва между теорией и практикой — одна из составных частей процесса перестройки в нашем обществе. Сам этот процесс развивается неуклонно, ибо ему нет альтернатив, но указанное развитие происходит через противоречия.

5. МАРКС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ

Принцип деятельности и его методологическая роль

О связи практики и познания в нашей философской литературе написано достаточно много. И тем не менее проблема эта остается по-прежнему весьма актуальной. Дело здесь в первую очередь в интенсивно идущем расширении наших представлений о функционировании и развитии знания и познания вообще, научного познания в частности и в особенности, в прогрессе целого ряда специальных научных дисциплин, занимающихся исследованием познавательных процессов (так называемые когнитивные науки, науковедение, история науки и т. д.). Но дело не только в этом. Развитие наук о человеке, в том числе о человеческом познании, расширяет и углубляет наши представления об эвристической роли марксова принципа предметной практической деятельности, о диалектике практики, познания и общения. Это заставляет вместе с тем вновь обратиться к самому марксовскому пониманию практической деятельности, выявить некоторые важные стороны этого понимания, которые сегодня оказываются весьма актуальными для анализа некоторых существен-

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 8.

ных особенностей современного этапа взаимодействия научного познания и человеческой преобразовательной деятельности.

Начнем с классического, многократно цитировавшегося положения Маркса, которое, однако, нельзя не воспроизвести, так как оно в сжатой и яркой форме выражает суть его понимания той проблематики, которая будет обсуждаться в данном разделе. «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма (включая и фейербаховский) заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта, или* в форме *созерцания,* а не как *чувственно-человеческая деятельность, практика;* не субъективно. Поэтому *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась абстрактно идеализмом — который, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» (42, 261).

Как понять смысл этого высказывания? Ясно, что Маркс подчеркивает особую значимость практически-творческого, преобразовательного отношения человека к миру. Но ведь самоочевидным является тот факт, что человек не только изменяет мир, но и познает его (в том числе в формах созерцания, т. е. тогда, когда он ведет себя достаточно пассивно), оценивает все происходящее, общается с себе подобными. Можно ли понять все эти разные формы отношения к миру, если делать акцент только на одной из этих форм — преобразовании действительности?

Некоторые из наших специалистов по деятельностному подходу находят простой выход из этого положения. Разные типы человеческой активности они называют особыми деятельностями (деятельностью познавательной, преобразовательной, оценивающей, деятельностью общения), а все их вместе — системой человеческой деятельности. Однако продвигает ли нас подобное наименование хоть на йоту в понимании существа разных типов человеческого отношения к миру? Думается, что нет. Неудивительно поэтому, что слишком расширительное истолкование деятельности рождает противодействие. Оппоненты такого понимания справедливо обращают внимание на неплодотворность чисто формального подведения под понятие деятельности разных форм активности. Вряд ли правомерно считать деятельностью, например, созерцание, эмоциональные состояния и т. д. (а ведь это тоже специфически человеческие способы отношения к миру).

Каков же действительный методологический статус принципа деятельности? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы хотели бы прежде всего напомнить о том, что построение теоретической системы всегда с необходимостью связано с выделением некоторой исходной сущностной модели исследуемой области, такой модели, которая характеризует «единицу анализа» и вместе с тем задает ориентир для развертывания всей системы в целом. Важно при этом отметить, что эта модель может непосредственно и не относиться к каждому эмпирически данному объекту, процессу или событию, составляющим предметную область теории. Взятая сама по себе (т. е. вне контекста развертывающейся на ее основе теории), она соотносится лишь с некоторыми эмпирическими «частными случаями». Однако это такие «случаи», теоретический анализ которых (в рамках некоторых идеализаций) служит ключом к пониманию всей совокупности исследуемых фактов и является исходным пунктом в развертывании теоретической системы. Так, Маркс увидел ключ к объяснению всей системы капиталистических производственных отношений в простом акте обмена одного товара на другой, т. е. в факте, казалось бы, тоже очень «частном» и в таком виде даже не встречающемся в развитом буржуазном обществе. Однако, как он показал, это такой «частный случай», который содержит в зародыше, в потенции все противоречия развитого капитализма.

Важно заметить, что подлинное теоретическое понимание достигается не тогда, когда мы просто находим сходное, внешне похожее в ряду разнообразных явлений, а как раз тогда, когда исходная модель внешне кажется отличной от тех явлений, объяснению которых она должна служить (в нашем примере обмен товара на товар выступает исходным пунктом для последующего объяснения такого явления, как, скажем, получение прибыли на капитал).

То же самое и с деятельностью. Смысл этого понятия не в том, что оно фиксирует нечто формально общее самым различным проявлениям человеческой активности, ибо, если понимать деятельность сколько-нибудь содержательным образом, приходится признать, что в явно выраженном виде она непосредственно имеет место отнюдь не во всех видах специфически человеческого отношения к миру. В самом деле, ведь деятельность — это не простая направленность на мир, а такая человеческая активность, которая связана с *преобразованием* объектов,

предметов, ситуаций, т. е. активность, имеющая форму процесса, включающего ряд различных временных этапов. При этом начальный этап здесь связан с конечным определенной, задаваемой деятелем смысловой связью. Эвристический смысл деятельностного подхода как раз в том и состоит, что он позволяет понять на основе деятельности (как ее «сгустки», как результат ее опредмечивания, либо преобразования, либо как ее своеобразные «превращенные формы», либо как ее необходимые моменты и т. д.) те явления, которые непосредственно кажутся не имеющими к деятельности никакого отношения. При этом речь может идти и о реальных вещах, предметах и о таких идеальных состояниях, как созерцание.

Для Маркса деятельность — это в своей исходной и самой глубинной сущности практическая деятельность, т. е. деятельность предметная, направленная на преобразование природной и социальной действительности. Вместе с тем Маркс идет дальше и пытается саму духовную, идеальную деятельность понять на основе деятельности практической, в частности как момент, регулятор, «план» практической деятельности и вместе с тем как результат развития последней. Естественно, что такое понимание связи практической и духовной деятельности меняет представления и о самой духовной деятельности.

Конечно, деятельность и практика при подобном понимании не синонимичны, понятие деятельности по своему объему шире практики, не сводится к последней, ибо наряду с деятельностью практической существует и деятельность духовная, идеальная. В то же время важно подчеркнуть, что именно понимание сущности предметной практической деятельности является ключом к осмыслению всех видов и форм человеческой деятельности, в том числе таких, которые не являются непосредственно практическими.

Для Маркса в предметной практической деятельности выражается творческое отношение человека к миру. Человек при таком понимании выступает как существо, которое в известном смысле «творит самого себя»: изменяя природную и социальную реальность, он изменяет себя. Речь при этом идет не о двух актах изменений, один из которых следует за другим или просто в зависимости от другого, а о едином акте практической деятельности, который имеет двоякий результат: преобразование внешней реальности и преобразование (и даже творение) са-

мого деятеля (Маркс называл это совпадением изменения обстоятельств и самоизменения). Собственно говоря, иного способа самоизменения и не существует. Субъект может изменить самого себя лишь в том случае, если он выразит себя вовне, деятельно опредмечивает себя, как бы ни были различны формы этого опредмечивания: начиная от трудовой деятельности и кончая нравственным поступком, взаимодействием с другим человеком, созданием предметов духовной культуры.

На основе марксистского учения о практике преодолеваются как представления старого материализма о полной обусловленности человека внешними обстоятельствами («теория среды»), так и идеалистические концепции о возможности чисто духовного самопреобразования субъекта. Из понимания характера практики вытекает принципиально новое представление о смысле и роли социальной теории. Последняя должна не просто констатировать существующее положение дел, а указывать пути творчества (на основе объективных законов социального развития) новой социальной реальности, т. е. выполнять конструктивную функцию. Подлинное теоретическое понимание человека и социальной реальности поэтому ведет к признанию необходимости включения субъекта в деятельность по их изменению. Марксовская теория практики имеет ряд важных следствий в виде учения об опредмечивании и распредмечивании, теории труда и свободной деятельности, теории революционно-практической деятельности, учения об отчуждении, концепции о взаимоотношении практики и познания и т. д.

Ныне все более актуальным становится исследование взаимосвязей, взаимопереходов и взаимозависимостей коллективной, групповой и индивидуальной практической деятельности, их различной структуры и их единства. Все яснее становится значение проблематики предметной практической деятельности для всего комплекса интенсивно развивающихся наук о человеке и обществе: психологии, социологических исследований, лингвистики, теории культуры и др.

Развитие форм предметной деятельности и познания

Марксово понимание предметно-практической деятельности включает в себя признание неразрывной связи деятельности по преобразованию внешней реальности и отражения характеристик объективного мира. Познание не только вплетено в предметную деятельность, будучи ее идеальным планом, не

только развивается в ходе развития этой деятельности, оно строится принципиально на тех же принципах, что и последняя (хотя и не тождественно ей). Практическая деятельность должна быть понята в ее специфически человеческих характеристиках, а именно: как деятельность коллективная, совместная, в ходе которой каждый индивид вступает в определенные отношения с другими людьми. В процессе практики человек ставит между собой и внешним предметом другие предметы, созданные людьми и играющие роль инструментов, орудий деятельности. Важно заметить, что принципиальное сходство способов функционирования предметной деятельности и ее идеального плана имеет далеко идущее следствие: если фактором опосредствования практической деятельности выступает орудие труда, то применительно к познавательной деятельности эту роль играет гораздо более широкий круг предметов, начиная от орудий практической деятельности и кончая предметами бытового обихода и особыми идеальными предметами-посредниками: знаково-символическими системами, моделями, чертежами, схемами и т. д.

В познаваемых объектах человек выделяет те черты, которые оказываются существенными с точки зрения развивающейся общественной практики, а это становится возможным именно при помощи предметов-посредников, несущих в себе опредмеченный социально-исторический опыт. Овладевая социально-функционирующим, созданным человеком для человека предметом, индивид начинает выделять во внешних объектах те черты и характеристики, которые существенны для деятельности посредством данного инструмента, данного, человеком созданного предмета. Подобные предметы, средства выступают также и в качестве объективных форм выражения познавательных норм, эталонов. Именно в ходе усвоения индивидом этих норм, имеющих социальное происхождение, и совершается становление предметности, объективности всех форм познания, начиная с элементарных.

К. Маркс писал о том, что само бытие человеческой деятельности выступает «чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*...» (42, 123). Ныне в науке накоплен достаточно большой материал относительно развития форм познания в связи с развитием форм предметной деятельности в ходе онтогенеза (индивидуального развития), демонстрирующий исключительную эвристи-

ческую значимость данного тезиса Маркса. Это сделано прежде всего в работах советских исследователей, исходивших из принципиальных положений марксистской философии о взаимоотношении познания и деятельности. Так, в ряде психологических работ показано, что первоначально процессы восприятия формируются и развиваются как органические компоненты практической деятельности и выяснение особенностей воспринимаемой ситуации является суммарным эффектом этой деятельности в целом. В практической, предметной деятельности возникают операции выделения и анализа признаков предмета. Однако, по мере того как деятельность ребенка усложняется и перед ним возникают более трудные познавательные задачи, выясняется ограниченность чисто практического ознакомления с предметом и выясняется необходимость в особых перцептивных действиях. Однако и эти действия на первых порах внешне похожи на предметные действия с вещами. Это сходство наблюдается даже в тех случаях, когда речь идет о дистантных рецепторах, которые непосредственно не контактируют с вещами [1].

Как подчеркивал Маркс, «глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека... *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории» (42, 120, 122).

Советскими психологами была выдвинута, а затем экспериментально подтверждена гипотеза о том, что в качестве средств осуществления перцептивных действий выступают выделенные и фиксированные в общественном опыте системы чувственно воспринимаемых качеств предметов, которые, будучи усвоены ребенком, приобретают значение эталонов, «единиц измерения» при восприятии многообразных явлений действительности. Это могут быть, например, цвета спектра, геометрические формы и т. д.[2] Так, четкое различение в процессе восприятия окружности и овала (и выделение этих форм также в предметах естественной природы) производно от их различного функционирования в рамках предметной деятельности, от оперирования созданными человеком предметами.

---

[1] См.: *Вергилес Н. Ю., Зинченко В. П.* Проблема адекватности образа.— Вопросы философии, 1967, № 4, с. 57.

[2] См.: *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г.* Восприятие и действие. М., 1967, с. 265, 285.

Таким образом, осуществление акта познания как специфически человеческого отражения, воспроизведения существенных характеристик объекта предполагает не только активную деятельность субъекта с предметом, но и создание человеком — не как природным индивидом, а как общественным человеком, т. е. в кооперации с другими людьми, определенной системы «искусственных» предметов, опосредствующих процесс отражения и несущих в себе познавательные нормы, эталоны. Эти предметы-посредники, выступая в функции средств познания, обладают специфической особенностью. С одной стороны, их назначение состоит в том, чтобы давать объекту возможность познавательного отражения характеристик тех объектов, которые существуют независимо от них. С другой стороны, сами посредники являются своеобразными объектами, которые обладают своими особенностями, имеют внутренние связи, предполагают определенные способы оперирования с ними и существуют первоначально во внешней, опредмеченной форме (лишь затем они усваиваются индивидом и становятся его внутренним достоянием).

К. Маркс подчеркивает, что преобразование внешней реальности, познание и общение внутренне взаимосвязаны. Так же как практическая деятельность возможна лишь на основе включения индивида в коллективный процесс и предполагает использование предметов, созданных одним человеком для другого, так и познание принципиально невозможно как чисто индивидуальный акт, а обязательно предполагает отношение одного человека к другому. «Но даже и тогда, когда я занимаюсь *научной* и т. п. деятельностью,— деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими,— даже и тогда я занят *общественной* деятельностью, потому что я действую как *человек*. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и... мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» (42, 118).

Как показывают современные исследования, в исходном пункте процесса развития познания три вида деятельности выступают как связанные воедино: внешняя практическая деятельность, сам процесс познания как идеальный план деятельности и коммуникации (обще-

ние). В ходе осуществления одного и того же предметного действия субъект одновременно выполняет ряд функций: изменяет форму внешнего предмета, совершает акт познавательной ориентировки и усваивает общественно сформированные способы практической и познавательной деятельности, воплощенные в том предмете, который он использует в качестве посредника — орудия. Следует при этом заметить, что акт коммуникации, передачи сообщения от одного субъекта к другому следует понимать не просто как усвоение субъектом общественного опыта, опредмеченного в данном орудии. Само это усвоение возможно лишь при условии включения субъекта (в данном случае ребенка) в живую коммуникативную связь с другими ныне существующими людьми (взрослыми), которые обучают его человеческим методам использования человеком созданных вещей и этим самым формируют у него культурные установки и нормы, включая эталоны познавательной деятельности. Прежде чем ребенок научится действовать сам, он совершает действие в непосредственной кооперации со взрослым человеком (так называемая совместно-разделенная деятельность). Отношение к предмету деятельности и познания здесь, таким образом, опосредствовано отношением к другому человеку.

Впоследствии непосредственная связь практической деятельности, познания и коммуникации разрывается, однако она сохраняется по существу. Познавательная деятельность — по принципиальным механизмам своего осуществления — всегда носит социально-опосредствованный характер, т. е. всегда содержит потенцию коммуницирования. Сколь бы ни были сложны и опосредствованы формы взаимоотношения развитого теоретического познания и непосредственной практической деятельности, именно последняя является конечным критерием истинности познания, а не разного рода «внутризнаниевые» критерии (логическая правильность, соответствие тем или иным регулятивам познания и т. д.), которые имеют вспомогательный характер и сами определяются их отношениями к социально-исторической практике.

Однако формы познавательной деятельности меняются не только в связи с развитием предметной деятельности в ходе онтогенеза. Последний сам вплетен в социально-исторический процесс развития коллективных форм практической, прежде всего производственной, и познавательной деятельности (и в конечном счете обус-

ловлен этим процессом). К рассмотрению последнего на материале такой специализированной формы познания, как наука, мы и переходим.

Генезис и развитие научного познания

Для понимания генезиса и развития классической науки большое значение представляют следующие два тезиса Маркса, относящиеся к анализу деятельности.

Во-первых, это положение о том, что «люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в этом теоретическом отношении к *предметам внешнего мира*». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать,* овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности» (19, 377).

Во-вторых, это положение о том, что «животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания... Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» (42, 93).

Возникновение науки связано с развитием и усложнением общественно-производственной практики, с накоплением различного рода практических знаний в сфере строительства, ирригации, регулирования цикла сельскохозяйственных работ. Необходимость передачи накопленного опыта по измерению площадей, вычислению положения небесных светил, расчету строительных конструкций и т. д. обусловливало выделение специально организованной и социально-институциализированной деятельности обучения этим практическим знаниям (вспомним, например, школу писцов в Египте). Однако само по себе накопление и передача знаний, воплощенных в разного рода рецептах практической деятельности, правилах расчета, технологических схемах и т. д., является еще только генетической предпосылкой собственно науки. В донаучном практическом сознании знание вплетено, по выражению Маркса, «в ткань реальной жизни», оно выступает всегда в качестве идеального плана деятельности, средства и условия ее осуществления.

Генезис же научно-теоретического сознания связан с

превращением этих вплетенных в практическую деятельность познавательных средств и норм в специальный и независимый предмет исследования (человек делает свою жизнедеятельность предметом своего сознания). В результате формировался мир идеальных сущностей или смыслов, что не было простым обобщением накопленных данных опыта и рецептурно-технологических схем. Это предполагало отношение к знанию как к условию мировоззренческой ориентации человека, а не просто к средству осуществления его земных практических потребностей [1]. Характерным признаком теоретического сознания является то, что оно относится к вырабатываемому им содержанию не как к чему-то заданному, а как к результату определенной деятельности, отправляющейся от известных оснований и предпосылок, которые должны быть выявлены и взяты под сознательный контроль. Знания, вырабатываемые на основе теоретического сознания, принимаются, таким образом, не вследствие авторитета, традиции или веры, а путем сознательного убеждения в их истинности на основе общезначимых для научного сообщества норм и критериев.

Эта установка научно-теоретического сознания — важное условие конструктивной деятельности в науке, она способствует выявлению и оценке различного рода альтернатив, скрытых посылок, развертыванию широкого спектра возможностей движения мысли, их критическому анализу и отбору наиболее перспективных из них. Тем самым обеспечивается динамичность, гибкость и плодотворность научно-теоретической познавательной деятельности, научного мышления по сравнению со стихийным накоплением опыта.

Иначе говоря, внутренний механизм «духовного производства» (по выражению Маркса), характерный именно для научно-теоретического сознания, предоставляет последнему значительные преимущества в реализации его функции — разрабатывать познавательные нормы и средства, усваиваемые впоследствии культурой и в конечном счете оказывающие воздействие на развитие общественно-производственной практики. Система культуры обогащается, внутренне дифференцируется, становит-

---

[1] См.: *Степин В. С.* Естествознание как социокультурный феномен (К проблеме становления естествознания в истории цивилизации).— В кн.: Ценностные аспекты современного естествознания. Обнинск, 1979, с. 25; *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980, гл. 2.

ся более сложной с появлением в ней науки как нового элемента, берущего на себя функцию выработки познавательных норм и средств, функцию особого вида «духовного производства». Это приводит в конечном счете к повышению результативности и практически преобразовательной деятельности общества.

Наука как форма теоретического сознания возникает, как известно, в Древней Греции. Создавая науку, прежде всего математику (геометрию), как форму теоретического сознания, античные греки, безусловно, опирались на богатый познавательный опыт древних цивилизаций Востока. Однако они привнесли в развитие этого познавательного опыта нечто принципиально новое, качественно своеобразное, что и сделало их основоположниками науки как формы теоретического сознания, а именно математическое знание выступило для них не как совокупность правил исчисления и расчета, а как особого рода «идеальное бытие».

Превращение знания в особого рода «идеальное бытие», выделение его из ткани реального практического опыта оказалось первоначально связанным в античной культуре с принципиальным противопоставлением мира неизменных неподвижных «идеальных сущностей» текучему неопределенному миру «мнения». Для раннего античного научно-теоретического сознания, как оно реально выступает в геометрии, получившей впоследствии свое выражение в системе Евклида, опыт не выступал в качестве непосредственно конструктивного фактора развития знания. Статус предшествующих теоретическим конструкциям эмпирических сведений, формирующихся еще в рамках предметно-практического сознания, осознавался здесь лишь в негативной форме противопоставления норм теоретического мышления стилю донаучного сознания, получившего свое наиболее четкое выражение в платонизме.

Однако уже Аристотель снимает или, во всяком случае, смягчает то резкое противопоставление неизменного мира идеальных сущностей, достойных, с точки зрения платоников, быть предметом научно-теоретического знания, и мира подверженных изменению, становлению предметов «мнения». Именно Аристотеля следует считать одним из основоположников той разновидности научного познания, которую можно назвать *эмпирической* или *фактуальной описательной наукой,* отличая последнюю как от замкнутой теоретической науки — примером ее яв-

ляется античная геометрия, так и от *экспериментально-математического* естествознания галилеевского типа.

Дальнейшее развитие науки предполагало соединение, синтез деятельности с теоретическими идеализированными объектами («замкнутая теоретическая наука») и деятельности по осмыслению в научной картине мира эмпирического содержания («эмпирическая наука»). Этот синтез должен был привести к созданию нового, более развитого типа научного знания. Такой тип научного познания появляется в новое время, и именно он составляет его специфику по сравнению с формирующейся наукой античности.

Открытия Коперника и Галилея, явившиеся основой «научной революции» нового времени, отнюдь не являются результатом обращения к «непредвзятому», т. е. к беспредпосылочному в теоретическом отношении, «чистому опыту». Те доктрины, на смену которым эти открытия пришли и которые они преодолели в упорной борьбе, в большей степени согласовывались с подобным опытом обыденного восприятия мира. Ведь это факт, что, по видимости, Солнце движется вокруг Земли, движение тел в земных условиях прекращается после того, как на тело перестает действовать сила, а скорость падения представляется зависимой от размера тела.

Сталкиваясь с этим несомненным противоречием своих теоретических конструкций обыденному, не просветленному, так сказать, теоретическим разумом опыту, Галилей вынужден был проводить специальное обоснование соответствия этих концепций опыту. Не отрицая данных обыденного восприятия, он вводил их в определенный теоретический контекст, показывая основания внешнего противоречия непосредственного наблюдения и теории. Тем самым он не просто надстраивает «теоретический мир» над миром обыденного опыта, а согласовывает тот и другой, строит *научную эмпирию* как особый внутренний компонент научной картины мира. Отличаясь от обыденного опыта и от теоретической идеализированной модели, она связана с усвоением данных наблюдения в соответствующей научной картине мира и превращением их тем самым в «факты науки».

В литературе по истории науки в противовес узкоэмпиристской трактовке переворота в научном мышлении, совершенного Галилеем, существует тенденция подчеркивания роли идеального, мысленного эксперимента в его творчестве, представленная наиболее четко фран-

цузским историком науки А. Койре[1]. Несомненно, что мысленный эксперимент занимал важное место в мышлении Галилея. Однако, признавая его значение, необходимо, на наш взгляд, иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Галилей выдвинул перспективную исследовательскую программу, реализация которой стимулировала экспериментальное исследование ученых более позднего времени, и не последнюю роль здесь сыграл стиль мышления, связанный с мысленным экспериментированием[2]. Во-вторых, теоретическое мысленное экспериментирование Галилея сформировалось под влиянием технологического мышления, своего рода конструктивного стиля сознания. Галилей снимает характерное для платонизма противопоставление мира идеальных сущностей реальным, земным, материальным, подвижным объектам, поскольку для него прообразом теоретической идеи становится технологическая конструкция, построение которой, с одной стороны, с достаточной ясностью контролируется сознанием, но которая, с другой стороны, воплотима в реальном мире. Отсюда появляется возможность сочетать определенность идеальной формы с материальным началом, которое со времени античности трактовалось как хаотичность, не поддающаяся упорядочению в теоретической мысли.

Важно подчеркнуть, что характерный для нового времени тип научного познания стал возможен благодаря общему процессу развития производства, общественной жизни. Важнейшей его предпосылкой выступила связь науки и практического производственного опыта, внедрение технологического стиля сознания в научное мышление. Практический технический опыт стимулирует саму теоретическую мысль, определяет характер стоящих перед ней задач. Схемы формулировки и решения этих

---

[1] Подробнее об этом см.: *Ахутин А. В.* История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М., 1976, с. 135—236.

[2] Объективной трудностью для осуществления реальных экспериментов во времена деятельности Галилея было отсутствие соответствующих приборов. Так, экспериментальное подтверждение открытых Галилеем законов колебания маятника и определение ускорения свободного падения были осуществлены Риччоли и Гюйгенсом, которые (особенно Гюйгенс) сумели сконструировать точные часы для измерения времени. Ясно, однако, что их открытия стали возможными благодаря теоретическим работам Галилея, в частности его идеям о «чистом» свободном падении, не модифицированном воздействием среды.

задач составляют сплошь и рядом основание идеализированных теоретических объектов естествознания, прежде всего механики нового времени.

Особенности современного этапа развития науки

Понимание особенностей современного этапа развития науки связано опять-таки с ее осмыслением на основе проанализированной Марксом тенденции превращения науки в непосредственную производительную силу. Маркс указывал, что «применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов» на определенной стадии развития промышленности, а именно «лишь тогда, когда крупная промышленность уже достигла более высокой ступени развития и все науки поставлены на службу капиталу, а уже имеющаяся система машин сама обладает большими ресурсами» (46, ч. II, 212).

Этот процесс и определяет такую специфическую черту современной науки, как проективно-конструктивный характер теоретического сознания по отношению к практической деятельности.

Проектирующая, программирующая роль науки по отношению к человеческой деятельности заключается в том, что наука активно вырабатывает идеальные планы новых типов человеческой деятельности, открывая тем самым такие ее перспективы, которые не возникают без науки или вне науки. Разумеется, осуществление этой роли науки становится возможным только на определенном этапе развития и совершенствования самой общественно-производственной практики человека. Так, для того чтобы наука действительно стала превращаться в непосредственную производительную силу, само материальное производство должно достигнуть такой стадии, чтобы необходимым условием дальнейшего его совершенствования стало бы формирование научных знаний о соответствующих производственных процессах. Таким образом, определяющая роль материального производства по отношению к науке сохраняется на протяжении всего развития научного знания.

Для того чтобы появилась возможность теоретического осознания и программирования революционных социальных преобразований и построения социалистического общества, в недрах старого общества должны были возникнуть те объективные противоречия и тенденции общественного движения, которые стали предметом иссле-

дования марксизма-ленинизма как научной теории современного общественного развития, сформулировавшей программу реальных революционно-преобразующих действий. Вместе с тем сами эти теоретические построения как в области естественных, так и в области общественных наук, будучи, несомненно, подготовлены и обусловлены самим объективным процессом развития общественно-производственной практической деятельности, в современную эпоху становятся необходимым средством ее осуществления.

Рационализация оснований человеческой жизнедеятельности во всех ее сферах на базе научного мышления становится не просто одним из важных факторов общественного прогресса, но и начинает играть роль обязательного ее условия и предпосылки. Что касается связи науки с непосредственным производством, то именно этот процесс превращения науки в необходимое условие совершенствования и развития производства и характеризует суть того многообразного и сложного явления, которое именуется в настоящее время научно-технической революцией. Разумеется, это внедрение науки в общественную жизнь в разных социальных системах осуществляется принципиально различно. Научно-технический прогресс в условиях капитализма обостряет присущие капиталистической системе социальные конфликты и противоречия, а нередко порождает и новые, с новых сторон раскрывает его антигуманистическую природу. Напротив, социализм, с внутренне присущим ему принципом планового ведения экономики и всех общественных дел, открывает широкие перспективы для прогресса науки в интересах всего общества и внедрения результатов научного познания во все сферы общественной жизни.

Можно с полным основанием утверждать, что исторически первым образцом этого современного проективно-конструктивного стиля научного мышления выступила марксистская теория общества. Тезис Маркса о том, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»,— классическая формулировка этого нового типа отношения теоретического сознания и налично данной действительности.

Марксистско-ленинская теория общественного развития, отражая его объективные закономерности, воплощает в себе одновременно и идеологию прогрессивных со-

циальных сил, являясь научной основой программы революционного преобразования общества.

В других формах, но, по существу, аналогичный процесс развития проективно-конструктивной функции науки, приводящий в конечном счете к превращению науки в непосредственную производительную силу, осуществлялся и осуществляется в естествознании.

Суть этого процесса, составляющего основу современной научно-технической революции, состоит в том, что научные знания не просто в той или иной степени влияют на производство, способствуют совершенствованию существующих технологий, модернизации отдельных звеньев производственного процесса и т. д., а в том, что на основе науки возникают качественно новые технологические производственные процессы, появление которых имеет революционное значение в развитии производства. Сущность этого процесса была впервые глубоко раскрыта Марксом, указавшим, что этот процесс связан с таким взаимодействием науки и производства, когда применение науки к непосредственному производству становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов, в результате чего труд «выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» (46, ч. II, 213).

Процесс этого превращения глубоко диалектичен по своей природе. Специфическая для современного естествознания тенденция к теоретизации имеет своим результатом «увеличение дистанции» между верхними этажами науки и ее эмпирическим базисом.

И именно это развитие естествознания, характеризуемое ростом процессов теоретизации и математизации и ведущее ко все большему отходу естественнонаучной картины мира от привычных обыденно-эмпирических представлений, является основой для осуществления проективно-конструктивных функций современного естествознания. Развитие теоретического естествознания создает возможности для опережающего отражения действительности по отношению к тем формам ее практического освоения, которые существуют до и независимо от теоретического естествознания. На основе научной картины мира, создаваемой теоретическим естествознанием, разрабатываются специальные экспериментально-технические устройства, в результате функционирования кото-

рых человек входит в реально-практическое взаимодействие с такими слоями объективной реальности, которые не могли бы стать предметом практического освоения вне и независимо от теоретического сознания. На основе этой экспериментальной техники, поначалу являющейся лишь средством эмпирического подтверждения теоретических гипотез и предвидений, развиваются дальше реальные производительные силы, которые уже, в свою очередь, являются средством решения производственных задач, далеко выходящих за пределы обслуживания внутренних целей науки. Такова принципиальная логика развития атомной, электронной промышленности, промышленности синтеза химических соединений и т. п.

Это движение от разработки техники экспериментальной деятельности, обслуживающей внутренние потребности развития науки, к внедрению ее в непосредственное производство — один из важнейших каналов (хотя, разумеется, и не единственный) того, говоря словами Маркса, применения науки к непосредственному производству, которое составляет, как уже отмечалось выше, сущность современной научно-технической революции.

С другой стороны, решение внутренних задач, проведение новейших научных экспериментов, осуществление сложных расчетов, требующих обработки огромных массивов информации, и т. п. предполагают в качестве своего необходимого условия применение наиболее совершенной производственной технологии (использование ЭВМ, основанных на достижениях электроники, ускорителей частиц в физике и т. д.). В свою очередь, эта новейшая производственная технология не могла бы возникнуть и совершенствоваться иначе, как на основе внедрения результатов современного научного исследования.

В то же время усиление проективно-конструктивной функции науки не означает ее сведения к непосредственной практически-производственной деятельности. Лежащее в основе разделения теоретической и практической деятельности обособление идеального плана деятельности от самого процесса ее осуществления и выделение работы с идеальным планом и в идеальном плане в качестве особого вида общественно необходимого труда сохраняется и в современных условиях. Эта деятельность в «идеальном плане» не теряет своей специфики в процессе изменения формы ее социальной организации из-за того, что она проводится теперь уже не одиночками учеными и не небольшими сообществами, а в больших научных

коллективах, имеющих сложную структуру, и что иными становятся средства ее реального осуществления (используются современная вычислительная техника, сложнейшие экспериментальные устройства и т. д.). Например, современный эксперимент в области физики высоких энергий аккумулирует в себе практически все новейшие средства технического развития. В нем используются достижения вычислительной техники, вакуумной техники, технологии получения сверхчистых материалов и т. д. Все это, однако, не означает, что экспериментальная деятельность в данном случае имеет своим непосредственным результатом немедленное практическое преобразование материальной действительности, а не усовершенствование теоретической картины мира [1]. Проективно-конструктивная функция научного сознания может успешно осуществляться только в той мере и постольку, поскольку наука способна давать объективно-истинное знание действительности, познавать природу «глубже, вернее, *полнее*», по выражению В. И. Ленина [2]. Таким образом, развитие проективно-конструктивной функции научного познания отнюдь не означает умаления фундаментальной отражательной функции науки как все более глубокого проникновения в сущность явлений и ее мировоззренческой роли, которая из этой функции вытекает. Наука была и остается прежде всего Знанием с большой буквы, таким видом знания, в котором в наибольшей степени проявляются познавательные способности человека, знанием систематизированным, обоснованным, постоянно развивающимся. И лишь постольку, поскольку наука является объективно-истинным знанием о сущности реального мира, она и может осуществлять свою проективно-конструктивную функцию как в области организации социальных отношений, так и в сфере материального производства. Вместе с тем необходимо учитывать, что эта активная роль науки в современном обществе выдвигает новые проблемы при оценке результатов ее деятельности, которые не возникали в еще сравнительно недавнюю эпоху, когда наука традиционно мыс-

[1] «Исследования в области фундаментальной науки в каждый данный момент кажутся иногда бесполезными даже для ученых смежных направлений,— пишет Н. Н. Боголюбов.— Лишь впоследствии оказывается, что, казалось бы, чисто теоретические фундаментальные исследования дали тот задел, который привел к созданию новых областей техники» (*Боголюбов Н. Н.* Значение фундаментальных исследований в ядерной физике.— Природа, 1979, № 7, с. 8).

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

лилась в образе некоего чистого, «незаинтересованного» созерцания истины. Противоречивый характер социального эффекта науки в современном капиталистическом обществе порождает глубокие расхождения во мнениях по поводу возможностей науки. Их кристаллизованным теоретическим выражением является непрекращающаяся полемика сциентизма и антисциентизма [1].

Сциентизм имеет своей основой абсолютизацию роли науки в системе культуры, в развитии и преобразовании человеческого общества. Он склонен игнорировать реальные проблемы, связанные с отрицательными моментами воздействия научно-технического прогресса на общество и на природу, с негативным использованием результатов научных открытий, которые неизбежны в условиях капиталистического общества. Радикальный антисциентизм, напротив, абсолютизирует эти негативные последствия, пытаясь представить современную науку как силу, целиком враждебную природе человека, безотносительно к тем социальным условиям, в рамках которых она существует. Марксистская оценка социальной роли науки, ее проективно-конструктивной функции исходит из убежденности в принципиальной безграничности возможностей научного прогресса и его положительного влияния на жизнь общества. За отрицательные последствия применения научных достижений ответственна не наука сама по себе с необходимо присущим ей стремлением ко все более полному и глубокому познанию действительности, а те социальные условия, в контексте которых осуществляется использование ее результатов. Процесс врастания науки в реальную практическую деятельность человека, конечно, связан с возникновением целого ряда новых проблем. Но это проблемы, в принципе порожденные расширением горизонта человеческих возможностей. Разумеется, всякое расширение этого горизонта, делая подвластным человеку новые и все более могучие силы природы, одновременно повышает степень ответственности людей за использование этих сил. Человечество стоит перед жизненно важной, в буквальном смысле этого слова, необходимостью — сделать новый осознанный шаг в своем развитии, преобразуя существующие социальные отношения и вытекающие из них мировоззренческие ус-

[1] См.: Человек — Наука — Техника. М., 1973, с. 303—311; *Швырев В. С., Юдин Э. Г.* Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1981, с. 377—392.

тановки, системы духовных ценностей таким образом, чтобы они находились в соответствии с происходящим превращением человечества в силу планетарно-космического масштаба.

6. «КАПИТАЛ» МАРКСА: МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научная методология и системное знание

Главный труд Маркса — всемирно известный «Капитал» — если еще и содержит недостаточно изученные теоретические области, то к ним относятся, скорее всего, вопросы его методологии. Но именно ее наряду с материалистическим пониманием истории и теорией прибавочной стоимости Энгельс считал одним из великих творческих достижений марксистского учения. Он писал: «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» (13, 497).

Известно, что методология, примененная в «Капитале», специально, в обобщенном систематическом виде самим Марксом не была изложена [1]. Он, правда, собирался написать отдельную работу, посвященную анализу гегелевской диалектики [2], но, занятый подготовкой томов «Капитала», к сожалению, не выполнил этого намерения. Появись такая работа, она не ограничивалась бы критикой диалектики Гегеля, а конечно же содержала бы и позитивное изложение диалектической методологии самого Маркса.

О трудности решения этой задачи Энгельс в то время писал: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалисти-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т, 29, с. 301.

[2] В письме Энгельсу от 14 января 1858 г. Маркс писал: «Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» (29, 212).

ческих оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли» (13, 496—497) [1].

Вместе с тем задача, конечно, состояла не только в выявлении рационального содержания гегелевской диалектики и применении ее как универсального средства ко всем явлениям действительности. Маркс писал об этом в предисловии ко второму изданию «Капитала»: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней... Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (23, 21, 22).

К. Маркс не просто использовал диалектику Гегеля при анализе различных областей действительности, а коренным образом переработал ее, творчески развивая диалектику на материалистической основе, подчеркивал В. И. Ленин в «Философских тетрадях». «Если Marx,— писал он,— не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [2]. Далее, он отмечает то специфически материалистическое, что делает диалектику Маркса существен-

---

[1] Конечно, позже были такие работы Энгельса, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», были «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и другие ленинские труды, было множество других соответствующих работ ученых-марксистов. Однако проблематика марксистской методологии все еще остается чрезвычайно актуальной исследовательской задачей. К этому надо прибавить то, что сама методология не может стоять на месте, она развивается вместе со всем научным знанием. Соответственно прогрессирует, должна прогрессировать и методология, базирующаяся на принципах марксистско-ленинского учения.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

но иной: товар как исходный пункт изучения в политической экономии; *двоякий* анализ дедуктивный и индуктивный,— логический и исторический (формы стоимости); проверку фактами, практикой на каждом шаге исследования; раскрытие сущностей через явления: цена и стоимость, спрос и предложение, заработная плата и цена рабочей силы. Маркс повсюду идет от жизни, объективной действительности, реальных явлений, словом, от материального к идеальному, а не наоборот, как у Гегеля. Благодаря этому диалектика, поставленная на материалистическое основание, получает неизмеримо большее богатство и разнообразие форм и степеней свободы.

Развивая диалектику на новой основе, Маркс обогащает, дополняет рациональное содержание гегелевской «диалектики всеобщего» диалектикой специфического развития явлений, раскрывающей, по его словам, специфическую логику специфических предметов (см. 1, 325).

Подчеркивая принципиальное качественное отличие материалистической диалектики от гегелевской и полемизируя с Гегелем по поводу роли всеобщего знания, Маркс, как материалист, постоянно указывает на недостаточность только всеобщих знаний и говорит, что «объяснение, в котором нет указания на differentia specifica, *не есть* объяснение» и что «субъекты,— поскольку они не поняты в их специфической сущности,— остаются непонятыми...» (1, 229, 230). Так утверждается совершенно отличная от гегелевской («противоположная ей») методология диалектико-материалистического анализа явлений.

Обогащение диалектики за счет ее материалистического понимания и обоснования было связано у Маркса прежде всего с принципиально иным решением основного вопроса философии, с утверждением первичности материи.

Лишь на базе материализма становится возможным и необходимым и иное соотношение субъективной и объективной диалектики. Резко расширяется и конкретизируется изучение диалектики объективного мира, которая изучается и как целое, и в своих специфических формах проявления (диалектика живой и неживой природы, общества, мышления). Это позволяет преодолеть фетиш абсолютной универсальности всеобщих познавательных форм. Наряду с сохранением значения всеобщих форм все более глубоко изучаются и специфические

теоретико-познавательные приемы и методы, исследовательские процедуры. Палитра методологических средств становится богаче и разнообразнее.

Расширение теоретических возможностей марксистской методологии происходит и на базе открытия материалистического понимания истории, которое позволило построить первую в истории человеческой мысли универсальную систему диалектики, ничем не ограниченную в своем внутреннем и внешнем развертывании. Марксова диалектика принципиально отличалась от идеалистической диалектики признанием развития материи, природы.

Диалектико-материалистическое понимание истории выявило также новый класс объективных закономерностей — законы развития общества как системы (макросистемы). И это открытие «макромасштабного» измерения объективной реальности (наряду с прежними, в основном «предметоцентрическими» представлениями) создало предпосылки для выработки новой, как бы двухуровневой картины мира, дающей разноаспектные, многомерные, более глубокие и объемные представления о нем. Научная методология, таким образом, получила новую степень свободы и широты в подходе к изучаемым предметам — она стала рассматривать явления в комплексе с более глубокими основаниями их бытия.

На этой новой методологической основе принципиально иначе решались неразрешимые философские антиномии прошлого. Так, соотношение индивидуального и видо-родового бытия, не находившее до тех пор естественного объяснения, теперь успешно разрешалось. Абстрактный до тех пор мир «сущностей» и «субстанций» общественных явлений благодаря учению Маркса об общественно-экономических формациях получил реалистическое объяснение. Учение Маркса о двойственности качественной определенности социальных явлений раскрыло эту важнейшую методологическую проблему изнутри: предметное и макросистемное ви́дение действительности оказались взаимно сопряженными ориентациями научного познания. Так постепенно стали складываться представления о полисистемности объективной действительности. В этих условиях системное знание становится необходимым компонентом новой научной картины мира и современной научной методологии, выявляется двуединство принципов развития и системности, начинает формироваться гносеология сложного знания.

Рассматриваемые ниже фрагменты системного содержания учения Маркса — системные качества и системная специфика явлений — по своей методологической сути как раз и являются элементами становления гносеологии сложного знания.

Системные качества

Системность может быть простой и сложной. Человек фактически всегда изучал целостные явления, и при этом всегда обнаруживались системные моменты, связанные с пониманием единства и целостности предметов, соотношения части и целого, структуры, внутренних связей и взаимодействия компонентов целого и т. п. Все это простые системные свойства, не представляющие какой-либо загадки. Иное дело — сложные совокупные системные качества. Их надо было открыть методами теоретического анализа.

Исторически исходным пунктом научно обоснованных системных представлений о мире стали теории К. Маркса и Ч. Дарвина, раскрывшие закономерности существования и развития общественных и биологических макросистем. Оба эти учения выступали, с одной стороны, как теории исторического развития в природе и обществе, а с другой стороны, как теории функционирования систем. Одна сторона (историческая) становилась здесь alter ego другой (системной), и наоборот. Так, материалистическое понимание истории свое осуществление и завершение находило в теории общественно-экономических формаций (систем). Аналогично происхождение видов путем естественного отбора у Дарвина своей опорной базой имело главную биогенетическую систему — виды животных и растений. Без нее историческая эволюция органического мира была бы практически необъяснимой.

Все это заставило по-новому осмыслить проблему природы системных макрообъектов, специфики системных оснований и исторического развития как системного развития. Отправной точкой здесь стал тот кардинальный факт, что бытие индивидуальное и бытие «видовое» (системное) не только едины, но и различны по своему материальному базису. Первое всегда конечно и относительно скоротечно. Второе — особого рода самообновляющееся целое, коллективное бытие которого является продолженным, «вечным», не прекращающимся из-за смены составляющих его конечных вещей, индивидов, поколений и т. д.

Теории К. Маркса и Ч. Дарвина доказали, что у истории общества и природы есть свои более крупные (чем отдельные явления) «кирпичи» и «блоки» — системы явлений и, соответственно, свои временные масштабы их существования. На смену господствовавшим тысячелетия взглядам на мир как на нечто в сущности неизменное была выдвинута новая система взглядов, согласно которой вся общественная и природная история выступила как непрерывный естественноисторический процесс. Вместе с тем выявление реальных системных макрообъектов (в данном случае общественно-экономических формаций и видов живой природы) стало важнейшей предпосылкой понимания самого «устройства» объективной действительности и ее исторической качественной эволюции.

Сравнивая научные теории Маркса и Дарвина, В. И. Ленин писал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [1].

Ключ к решению проблемы дает понятие системного качества, через которое и получает свое определение системное бытие объекта.

Науке известны три основные разновидности качеств, определяющих различные свойства и отношения материального мира. Первый род качеств — это *природные, материально-структурные* качества. Под ними имеются в виду свойства самой природной материи или, точнее, все многообразие ее свойств, состояний и качественно различных форм. В рамках этого рода качеств любое природное явление — земля, вода, железо, цветок и т. д.— определяется с точки зрения своего материально-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

го состава или материально-структурных особенностей.

Второй род образуют *функциональные качества.* В основе этого типа качественной определенности лежит принцип специализации или назначения. Здесь качественная определенность самой материи теряет свое главенствующее значение и назывательно-определительная роль переходит к функции. Этот подсмотренный человеком в природе феномен в той или иной форме используется при определении практически всех социальных качеств. Так, именно по этому принципу определяются все предметы созданной человеком «второй природы». Скажем, многие предметы домашнего обихода могут быть изготовлены из различных материалов, но главное — чтобы предметы соответствовали своему назначению, своей функции. Это и есть их функциональное качество.

Открытием третьего рода качеств — *системных* (или макросистемных) — человечество обязано прежде всего Марксу. В отличие от первых двух качественных определенностей, всегда присутствующих в материальных явлениях, последние являются совокупными, или интегральными, качествами. Поэтому в конкретных социальных предметах и явлениях они могут быть структурно не материализованными (например, стоимость, моральный износ и т. п.) и присутствовать в них только как некий общий признак состояния системы или «пропорциональная часть» целого. Системные качества наиболее сложные, непосредственному наблюдению они обычно недоступны. Их можно открыть лишь при помощи научного анализа, притом такого, который охватывает всю систему в целом.

«Целое больше суммы частей» — уже в этой аксиоме системного подхода дана проблема сверхкачеств всякого целого и всякой системы по отношению к составляющим ее элементам и внутренним взаимосвязям. Маркс исследует макросистемные качества общественного развития и выявляет множество различных конкретных феноменов интеграции (кооперация, тресты и монополии и т. п.). Раскрытие им базисных «формационных» закономерностей общества является основой всей его экономической и социальной теории. Таким образом, заслуга Маркса в углублении качественного анализа состоит в том, что за внешней системностью он увидел и раскрыл ее внутренние закономерности, прежде всего интегрально-системные.

Значение открытия интегральных системных качеств и отношений чрезвычайно велико, ибо без знания их закономерностей всякое изучение сложных объектов (особенно социальных) вольно или невольно будет сбиваться на путь сведения сложного к простому. В этой связи важно восстановить саму историю открытия интегральных системных качеств, осмыслить те конкретные системные закономерности, которые добыла наука XIX в.

К. Маркс не оставил нам общеметодологических исследований проблемы системности самой по себе, но он дал множество примеров конкретного решения этой проблемы при изучении общества, взятого как целое. Один из примеров этого — анализ им феномена двойственности качественной определенности социальных явлений (раскрывающий сам механизм интеграции), что и стало фактически раскрытием природы «сложной» системности. Этот анализ лежит в основе понимания труда, товара, стоимости.

Сообщая в письме Энгельсу об окончании работы над первым томом «Капитала», Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда,* смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости...»* (31, 277).

В «Капитале» эта мысль повторяется не раз. Так, говоря о двойственном характере заключенного в товарах труда, Маркс отмечает: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно» (23, 50; см. также 49, 139).

Чем же Маркс гордится как открытием, равным открытию прибавочной стоимости, и что он сам называет «самым лучшим» в «Капитале»? Что он считает «отправным пунктом... понимания политической экономии» и тем, на чем «основывается все понимание фактов»? Только ли это решение упоминаемого вопроса о двойственной природе труда, заключенного в товаре, или речь

идет о чем-то более широком, с точки зрения Маркса? Для нас несомненно, что он гордился прежде всего раскрытием природы важнейшего политэкономического явления, благодаря чему трудовая теория стоимости становится наконец во всем последовательной, стройной и объясняющей «всю совокупность фактов». Но Маркс отлично понимал и огромное общенаучное значение открытия этого методологического принципа. По сути дела, с точки зрения истории методологии формулирование этого принципа было равнозначно раскрытию природы системности общественных явлений.

Этот тезис можно доказывать на примере всего «Капитала» и проследить его реализацию, в частности, в исследовании Марксом двойственного характера труда, заключенного в товаре, анализе потребительной и меновой стоимости, денег, физического и морального износа техники и ряда других вопросов.

К. Маркс открыл группу закономерностей системного бытия и развития социальных систем, исходной и ключевой среди которых была закономерность «второго качества» как высшего качества. В раскрытых им феноменах — внепредметного существования стоимости, абстрактного труда, морального износа и т. п.— была обнаружена сама надындивидуальная «душа» системного качества. В «Капитале» системность впервые стала реально осязаемой. Здесь она была научно доказана. И каких бы успехов ни добилось научное знание в последующем, идя по этому пути, следует помнить, что первые и притом исключительно важные закономерности системного порядка применительно к обществу были установлены Марксом.

К. Маркс не случайно бился над проблемой общественных качеств созданных людьми вещей: именно здесь он видел ту проблему, которую наука не смогла разрешить прежде. Он неоднократно отмечает, что непонимание общественных (высших системных!) качеств и того, как они возникают на основе определенного исторического способа производства, есть характерная черта и ограниченность буржуазной политической экономии, равно как и просветителей XVIII в., исходивших из вечности общественных порядков. Маркс убедительно показал, как они, наталкиваясь на эти сложные явления и не умея их объяснить, объявляли их простыми знаками (например, деньги), считали произвольным продуктом человеческого ума (см. 23, 101).

Обычно мы имеем дело с теми социальными качествами вещей «очеловеченной природы», которые люди своим трудом придают различным природным материалам, превращая их в полезные вещи: дома, столы, стулья, топоры, ножи и т. д. Они обладают всем понятными функциональными, предметными качествами, делающими вещи потребительными стоимостями. Это, так сказать, социальные качества «первого порядка». Они очевидны, овеществлены в конкретных предметах, и в них не содержится никакой особой загадки для науки.

«Как потребительная стоимость, он (товар.— *Авт.*),— пишет Маркс,— не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать» (23, 81).

Вот в этих-то «чувственно-сверхчувственных вещах» Маркс и находит общественные качества «второго порядка». Новое качество, возникающее как продукт интеграции, дает нечто большее, чем сумма частей, оно отражает некие общие кооперативные свойства данного множества явлений и представляет собой определенность надындивидуальную. И если познание не различает таких системных качественных определенностей, то оно невольно сбивается на путь предметного фетишизма, пытается в самих конкретных явлениях найти то, что лежит вне их и составляет самостоятельную («групповую», а не единичную) реальность. Совокупные, или интегральные, системные качества как раз и характеризуют эту реальность.

Как же обнаружить в товаре такое важное, сложное и «хитрое» качество, как стоимость, которое и принадлежит товару и не принадлежит, которое является ос-

новным для каждого товара и вместе с тем не заключено в нем предметно? Маркс писал: «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость остается неуловимым» (23, 56).

Раскрывая тайну общественной природы стоимости, Маркс задумался над странным фактом, который обходили все классики буржуазной политической экономии до него: он обратил внимание на практическую соизмеримость качественно разнородных вещей, совершающуюся в процессе товарного обмена, и раскрыл то, что стоит за этой всем известной, но непонятной соизмеримостью.

Как же представить себе эту «тайную жизнь товара», его *системное общественное бытие,* совершенно отличное от форм его непосредственного материального бытия?

К. Маркс говорит, что общественное бытие вещей-товаров может быть выражено лишь через всестороннее общественное отношение (см. 23, 76) и что «меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи...» (23, 92).

В отличие от натуральной формы товара его стоимостная форма и соответствующее ей общественное качество представляют собой качественную величину, производную от наличного уровня общественной производительной силы труда (см. 23, 48) и конкретных условий места и времени. Она есть некая пропорциональная часть совокупного общественного труда, величина, которая может подвергаться очень большим и довольно быстрым изменениям, в том числе таким, которые совершенно не связаны с изменением свойств данной потребительной стоимости, с изменением, так сказать, «материального субстрата» товара. Именно это и служит наилучшим доказательством качественной самостоятельности и определенной независимости данной сферы, более того, показывает, что ее развитие при капитализме (т. е. развитие общественного производства товаров) совершается по законам обмена стоимостей. «Если бы товары обладали даром слова,— писал Маркс,— они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит

тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости» (23, 93).

К. Маркс доказал, что капиталистическое производство покоится на действии законов стоимости и производстве прибавочной стоимости и что стоимость является высшим общественным качеством товаров, их *системным* качеством. Следовательно, между потребительной стоимостью (в единстве ее природных и социальных качеств) и меновой стоимостью складывается особая субординация качеств. Как природная материя, вещь-товар имеет один цикл существования и изменений, как потребительная стоимость — другой, наконец, как стоимостная вещь — третий.

«Потребительная стоимость и меновая стоимость, хотя и соединены непосредственно в товаре, столь же непосредственно находятся вне друг друга» (46, ч. II, 394). Маркс подчеркивает двойственность детерминации вещи-товара как потребительной стоимости и меновой стоимости. Потребительная стоимость определяется свойствами вещи и условиями потребления, меновая же стоимость определяется затратами общественно необходимого труда в его абстрактном качестве.

К. Маркс доказал — и это является принципиально важным теоретическим открытием,— что именно стоимость есть интегральное системное качество вещей-товаров, именно она определяет при капитализме основные условия их общественного развития. Возникает вопрос: действует ли и при социализме положение о системных качествах, доказанное Марксом для капитализма, или, может быть, здесь оно уже не действует?

В условиях социализма принципы общественного устройства и общественного производства меняются коренным образом. Капиталистический принцип производства ради наживы, ради прибавочной стоимости заменяется другим, при котором производство потребительных стоимостей опять становится основным, однако это отрицание отрицания не просто возвращает нас к исходному пункту натурального хозяйства и простого товарного производства, а приводит к новому типу общественного хозяйства, при котором производство общественных потребительных стоимостей становится «истиной в самом понятии». Стоимостный критерий в этом случае не отбрасывается, а лишь диалектически «снимается», т. е. при переходе в высшую форму движения он отменяется как главный и исключительный критерий общественного

производства, но остается как один из обязательных и действующих критериев. Маркс и Энгельс отмечали, что при коммунизме стоимостные отношения с их вообще относительной и недостаточной мерой постепенно отомрут, однако задача регулирования рабочего времени и распределения общественного труда между различными группами производства сохранится, в связи с чем это определение «нестоимостной стоимости» станет еще более важным.

«...По уничтожении капиталистического способа производства,— писал Маркс,— но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» (25, ч. II, 421).

Таким образом, Маркс не оставляет ни тени сомнения по поводу того, что высшие системные качества и при социализме останутся господствующими. Это обстоятельство обусловливается качественно новой степенью целостности общественного организма и достигнутым уровнем общественного производства. Естественно, что социализм, меняющий социально-экономическую систему общества, но наследующий и развивающий далее общественный характер и уровень производства, не отменяет, а, наоборот, усиливает действие общесистемных закономерностей.

Не менее выпукло общественные, системные качества видны на примере исследования денег. Маркс рассматривает деньги как превращенную форму стоимости. В «Капитале» они предстают перед нами во всем разнообразии своих функций и конкретно-исторических форм, как явление сугубо общественное, системное, но вместе с тем имеющее и свое «я», свою известную автономию и самостоятельность. На этом же примере хорошо видно, что для Маркса ни один методологический принцип не становится самоцелью исследования. Исследование исторического развития форм стоимости органически дополняется изучением функции денег. Институт денег исследуется и сам по себе, и взятый как функциональная часть общественной системы — и с качественной и с количественной стороны.

В отличие от природной материи, реальность которой не требует общественного признания ни человеком, ни

человечеством, товар как «стоимостная вещь» или вещь общественно необходимая требует безусловного признания обществом. В условиях капиталистического общества этот акт может быть осуществлен только на рынке, только через акт продажи, обмена на денежный товар или другой товарный эквивалент. Развитое общественное производство, обмен товаров и денежное обращение составляют различные звенья «общественного обмена веществ». «Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществление» (23, 118).

Для того чтобы совершить это salto mortale, товар-соискатель должен преодолеть по крайней мере три барьера, или три круга чистилища буржуазного рынка: 1) он должен доказать, что труд, затраченный на его производство, затрачен в общественно полезной форме, что он является продуктом труда «нормального качества», «действительным звеном общественного разделения труда» (см. 23, 571, 116); 2) он должен подтвердить, что общественные условия потребления соответствуют производству данного товара; 3) ему просто должно чертовски повезти, чтобы при всех прочих добродетелях он не попал в число тех товарных индивидов данного вида и сорта, которые произведены сверх реальной потребности реального рынка. Понятно, что в условиях стихийности функционирования и развития капиталистического общественно-производственного организма такой гарантией ни один товар не обладает (см. 23, 116—118).

Таким образом, общественное бытие товара, его специфическая форма материальности определяются прежде всего его становлением или превращением в общественно необходимую материю. Другой важнейшей системной характеристикой как товара, так и его цены является то, что товар, становясь общественной потребительной стоимостью, становится функциональной частью общественного целого — совокупного общественного труда и потому выступает как некая пропорциональная его часть или элемент. Маркс пишет: «Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров» (23, 134). «Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара... И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь ма-

териализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин» (23, 117). Очевидно, что величина этой пропорциональной части есть величина переменная, и она будет изменяться в зависимости от изменения общественного целого, т. е. всей системы (см. 23, 48).

Это важный качественно-системный момент, именно его чаще всего и не может усвоить обыденное сознание, ибо ему мешают мерки привычных представлений о природной и предметной материальности явлений. Ход обыденных рассуждений при этом бывает таков: раз системное качество в самом предмете не обнаруживается, следовательно, это выдумки, воображаемая форма (см. 23, 100—101). Если же все-таки допустить, что оно невидимо присутствует в предмете, то изменение его независимо от изменений данного предмета доказывает, что оно не является качеством данного предмета. В этих заблуждениях обыденного сознания, не способного преодолеть «предметного фетишизма», сквозит вместе с тем смутная догадка о том, что денежная форма вещей (как и стоимостная) есть «нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений» (23, 100).

В плане анализа сложных макросистемных качеств весьма характерным является различение Марксом физического и морального износа машин.

Две формы материального износа, связанные с употреблением и неупотреблением техники, дают нам картину производственной амортизации — естественного старения, сопровождающегося физическим снашиванием и разрушением машин. Это *естественно-производственный* процесс, в течение которого изменяются предметные качества машин. Вместе с тем Маркс выделяет и другой, уже чисто *общественный* процесс — моральный износ, который материально «не персонифицируется», не связывается вообще с изменением физического состояния машин и притом «совершается за спиной производителей». «...Кроме материального износа машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию. В обоих случаях, как бы еще нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически овеществлено в ней,

а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства ее самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость» (23, 415).

Здесь снова видны те же основные черты системных общественных качеств, которые мы уже видели на примере анализа стоимости и денег: отдельная машина становится носителем этого высшего системного качества не сама по себе, а как часть общего парка действующих машин, в сравнении с ними. Именно моральный износ подгоняет технический прогресс, требует принципиальных конструктивных («видовых») изменений техники, становится важнейшим фактором, регулирующим общественное производство. За отношениями вещей проглядывают отношения людей, реальные отношения общественного производства. Они выражают сложные, интегративные качества общественных систем, не сводимые к качествам отдельных их элементов. Следовательно, Маркс обнаруживает в анализируемых им общественных явлениях феномен *совокупного системного качества* и тем самым вскрывает один из ведущих принципов системного качествообразования.

В «Капитале» Маркс анализирует ряд других объектов, в основе которых лежит совокупное системное качество. Значительный интерес представляет вычленение и определение Марксом *системной специфики* явлений (того, что он обычно называет differentia specifica).

Системная специфика

Выше мы рассмотрели по преимуществу структурный аспект проблемы системных качеств в общественных явлениях и выявили их интегральную, надындивидуальную сущность. Теперь обратимся к проблемам функционирования и развития общества. Системные качества здесь предстанут перед нами в совершенно другом облике — как выражение конкретно-исторической специфики общественных явлений. Методологическое основание этого аспекта их рассмотрения составляет различение и сравнение качественной природы и качественной специфики общественных явлений, их функционального и системного качества. Анализ отличия системно-исторического аспекта от системно-структурного позволит вскрыть новые стороны системных качеств.

Домарксистским мыслителям общество, как правило, представлялось чем-то в основе своей неизменным. Философы и историки хотя и фиксировали в своих сочи-

нениях историческую смену социальных форм и господствующих порядков, но главной целью исследования, философских размышлений считали выявление неких «абсолютных» начал общественной жизни и человеческой природы. На первый взгляд кажется, что для этого есть определенные основания. Вот, скажем, основные потребности человека. В своей основе и сущности они представляются одинаковыми во все времена: человек прежде всего должен есть, пить, одеваться, иметь жилище и т. п. Или возьмем труд. Он «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» (23, 195). Производство отличает «видовую», «родовую» жизнь людей от соответствующей «видовой», «родовой» жизни животных. То же или почти то же самое можно сказать и о некоторых других существенных чертах жизни людей (существование семьи, некоторых простых нравственных норм и т. д.). Конечно, эти общие всей истории человечества нормы приобретали различные конкретно-исторические формы, оставаясь тем не менее в своей основе и сущности потребностями, трудом, производством и т. д. и т. п. Словом, подобный общефункциональный взгляд на явления общественной жизни был в известной мере обоснованным. Его сущность состоит в изолированном изучении социальных явлений *самих по себе:* человека как такового, труда, производства, собственности, политики, культуры, идеологии, морали, общества как таковых.

Анализ подобного рода вскрывает некоторые всеобщие черты (абстрактные моменты) явлений, но не раскрывает их сущности, а тем более существенных изменений, которые они претерпевают. Естественно, что, принимая то или иное явление за исходный пункт рассмотрения, мы тем самым выводим все его свойства из него самого, принижая значение, существо его развития, которое существенным образом изменяет это явление. Это и есть позиция «предметоцентризма», исходя из которой было написано множество исторических, социологических и других специальных трудов об обществе, человеке, общественном производстве, культуре, политике, праве, морали и т. п. Однако все это разнообразное изучение истории, экономики, культуры не создавало картины, адекватной историческому процессу развития общества

в целом. Факты оказывались разрозненными, застывшими, мертвыми. Их надо было заставить жить, функционировать, рассказывать свою действительную историю. Иными словами, задача состояла в том, чтобы объяснить взаимосвязь и взаимодействие различных процессов, факторов и движущих сил истории. А это без насилия над фактами можно было сделать, только найдя их *базис,* реальную общественную *систему,* по законам которой функционировали и развивались те или иные общественные явления.

К. Маркс, создавая новую, революционную по духу науку, не отбросил всего положительного, что было достигнуто его предшественниками в различных областях знания. То принципиально новое, что создал Маркс, с методологической точки зрения состояло в следующем: своей теорией общественно-экономических формаций он строго и последовательно объединил разрозненные научные факты и частные теории отдельных сфер, процессов и явлений жизни общества, дал единое системное объяснение общественного развития. Именно это и стало базой последовательного материалистического переосмысления всех накопленных в обществоведении знаний, впервые создало возможность подлинной *научной* социологии, политической экономии, истории, общественной науки вообще. Он, следовательно, впервые научно доказал, что человеческое общество представляет собой не просто сумму различных сфер общественной жизни, каждая из которых развивается по своим собственным законам, а единый, целостный общественный организм, системные законы которого (законы общественно-экономической формации) являются высшими законами, мерой мер всех других, более частных закономерностей.

Мы вправе утверждать, что материалистическое понимание истории, раскрывшее законы развития общества, было вместе с тем открытием *системных* закономерностей его функционирования и развития.

Особый интерес для социального познания в этой связи представляет вопрос о различии общего и специфического в общественных явлениях и способ решения этого вопроса марксизмом. Системному анализу, примененному Марксом в «Капитале», присущ один характерный методологический прием, который, несомненно, обогатил материалистическую гносеологию. Существо его заключается в том, что Маркс рассматривает одно и то же явление в двух аспектах — с точки зрения его *каче-*

ственной природы и с точки зрения его *качественной специфики*. Вначале раскрывается его общее, функциональное или структурное, качество, а затем — его конкретно-историческая системная модификация. При этом в первом случае явление берется само по себе, в своих наиболее общих и абстрактных моментах, а во втором — как элемент или компонент данной системы, как макросистемное явление.

Раздельное рассмотрение этих качественных определенностей позволяет избежать путаницы в определении природы явлений, их реального конкретно-исторического содержания. Маркс неоднократно указывал, что смешение общих и специфических качеств явлений было камнем преткновения даже для крупных ученых, классиков буржуазной политической экономии и оно порой приводило их к грубым ошибкам (см. 23, 124, 623—624) [1]. Широко известна, например, критика Марксом Д. Рикардо, А. Смита, Дж. Ст. Милля, Ж. Б. Сэя и других буржуазных экономистов за то, что они во многих случаях подменяли качественный анализ чисто количественным подходом, пренебрегали историческим рассмотрением явлений, не исследовали качественную специфику буржуазных экономических отношений, представляя их вечными и неизменными. Типичными примерами этого служит непонимание двойственного характера труда и механизма образования стоимости товаров, смешение двух различных родов частной собственности (основанной на собственном труде производителя и на эксплуатации чужого труда) (см. 23, 774), отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов, сведение сложных капиталистических отношений к простым отношениям товарного производства (см. 23, 124).

Анализируя взгляды своих предшественников в политической экономии и социологии, Маркс главный порок их методологии видит в антиисторизме и метафизической абстрактности. Он беспощадно разоблачает и высмеивает всевозможные «робинзонады», «вечные законы» и всяческие абсолюты. Маркс специально рассматривает приемы буржуазных экономистов, которые, не умея объяснить конкретного и специфического в изучаемых явлениях, всячески раздувают тривиальные всеобщие опре-

[1] Следует отметить, что ошибки смешения общих и специфических качеств, как и заведомые спекуляции на «всеобщих формах и качествах»,— явление распространенное и в современной буржуазной философии, и в социологии.

деления «производства вообще», «труда вообще», «собственности вообще», «условий, способствующих производству вообще» и т. п., что неизбежно завершается плоскими тавтологиями.

Следуя в «Капитале» методу восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс обычно сначала анализировал некоторые «простые и абстрактные моменты» исследуемых процессов и явлений, затем изучал их генезис, специфическое системное содержание и роль, которую они играют в данной социально-экономической системе, и только на этой основе и с учетом всей суммы отношений реальной общественной жизни раскрывал их конкретно-исторические формы. Так, он последовательно изучает товар и процесс обмена, деньги и денежное обращение, труд, капитал и т. д. Анализ всеобщего, всеобщих форм (абстрактного и простого, говорил Маркс) обычно идет первым, но исследователь никогда не останавливается на этом. Изучение всеобщих функциональных качеств явлений у Маркса представляет собой обязательный элемент научного познания, однако это только «момент», предпосылка полного и истинного знания, но еще не все знание. Главным же в анализе общественных явлений он считал познание differentia specifica (характерных особенностей) (см. 23, 632). В этом смысле конкретное выступает и как конкретно-историческое, и как системное, и как синтез, наиболее содержательное и богатое определениями знание, адекватное реальным формам действительности. Таковы основное направление и цель его исследования, если говорить о методологической стороне дела.

Показательно в этом отношении исследование Марксом роли труда. Уже в первых главах «Капитала» он анализирует всеобщие моменты труда «как независимого от всяких общественных форм условия существования людей»; затем показывает его двойственную природу — как труда конкретного, создающего меновые стоимости; после выяснения общих форм и функций труда в человеческом обществе переходит к конкретно-историческим формам труда в условиях капитализма.

К. Маркс показал эволюцию труда от первых форм конкретного труда до превращения его в труд вообще, когда конкретная форма труда становится практически безразличной и индивид с легкостью переходит от одного вида труда к другому. «Труд здесь, не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством

для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд sans phrase (без дальних разговоров.— *Ред.*), этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной. Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества» (46, ч. I, 41).

Здесь раскрываются два аспекта общности труда. В плане абстрактного, функционального понятия «труд вообще» воплощает в себе общие характерные черты всякого труда. В плане конкретно-исторического понятия он имеет другую, системную всеобщность, выступает как высшая степень его развитости, при которой конкретные разновидности труда становятся безразличными.

Итак, важнейший принцип марксистской методологии — конкретно-исторический подход — уже в самом своем основании предполагает изучение и сопоставление этих двух аспектов качественной определенности — качественной природы и качественной специфики общественных явлений. Весь анализ и вся аргументация Маркса последовательно приводят нас к выводу о том, что это «специфическое» качество невозможно понять иначе, как через призму общих законов капитализма, через призму системных закономерностей данного «общественного организма».

Теория Маркса представила историю человечества как естественноисторический процесс. Она показала, что история общества есть история сменяющих друг друга социальных организмов, каждый из которых имеет свой особый базис и свою особую систему функционирования и вместе с тем является более высокой ступенью развития производительных сил общества, чем предшествующая. Благодаря теории формаций исторические формы общественной жизни предстали как *системные формы.* Системными оказались и внутренние взаимодействия сфер, и функциональная структура общества, и сами кон-

кретно-исторические формы общественных явлений. Пал фетиш абстрактного функционализма, а вместе с ним и представления об абсолютных формах и функциях. Оказалось, что общество и его сферы функционируют и развиваются по законам базиса, точнее, данного конкретного базиса, данной общественно-экономической формации (системы).

Это *единство социального и исторического в материалистическом понимании истории* столь органично, что В. И. Ленин иногда пишет о «социальном (или историческом) материализме»[1]. И сам Маркс нередко употребляет понятие «историческое» в смысле «социальное» либо ставит их через «или». Все существенные исторические изменения общественных явлений и процессов протекают в конечном счете как изменения всего социального организма, а сама социально-экономическая система оказывается преходящим, конкретно-историческим состоянием общества. В этих условиях естественно, что показателем системного качества выступает именно специфическое, отличное от исторически предшествующего ему явления и от того, что обще всем другим историческим этапам.

К. Маркс в этой связи подчеркивает, что «определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства... не были забыты существенные различия», ибо «именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» (46, ч. I, 21).

Таким образом, *широко применяемое Марксом понятие «differentia specifica» в условиях общественных систем становится выражением одновременно и системности общественных явлений, и их конкретно-исторических особенностей.*

Однако было бы неправильным представлять дело таким образом, что Маркс, устраняя из теории общественного развития все эти «абсолюты», «вечности» и противоречащие истории «естественные законы», служившие подпорками несостоятельных теоретических концепций, устанавливает противоположную, релятивистскую концепцию, в которой нет никакого места для понимания неких «функциональных констант». Нет, ему были чужды всякие односторонности, он всегда видел всю сложность процессов и явлений, которые изучал. И, видимо, правильнее было бы его методологическую позицию по этим

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 545.

вопросам представить таким же образом, как и при различении социальных качеств на системные качества «первого» и «второго» порядка. Тогда качества, которые мы определяли как выражающие «качественную природу», будут соответствовать уровню системных качеств «первого порядка», а качества, которые выражают «качественную специфику»,— уровню системных качеств «второго порядка». Первые будут выступать на поверхности явлений как функциональные, «отраслевые», предметные, вторые — как целостные, системно-специфические и системно-интегральные. При таком рассмотрении каждое общественное явление выступает как имеющее *двойственную качественную структуру: функциональную и общесистемную.*

С точки зрения функционального содержания одни и те же явления в различные исторические эпохи и в обществах различных социально-экономических типов могут быть принципиально теми же и выполнять, по-видимому, те же основные функции. А с точки зрения системного содержания они при этом могут быть диаметрально противоположными: например, государство может быть государством для защиты интересов угнетателей и подавления народа либо государством, обеспечивающим подлинное народовластие; школа может утверждать незыблемость и святость принципов частной собственности, господства эксплуататорского меньшинства и догматов религии или, наоборот, может воспитывать юное поколение на идеях социального равенства, всеобщности труда, свободы, братства и дружбы и т. д. Конечно, всякая школа учит грамоте и счету и всякое государство осуществляет функции общественного управления и международных отношений. И если принимать во внимание только эту предельно общую функциональную «природу явлений», то их *общественное,* системное, содержание останется непознанным и нераскрытым, т. е. ускользнет главное, самое существенное.

Так из конкретного анализа этих и многих других вопросов, исследованных Марксом с позиций «двойственности» качественной определенности явлений, вырисовывается то великое теоретическое и методологическое открытие, которое он совершил, разгадав основные тайны системных качеств и системной специфики общественных явлений.

Системное содержание «Капитала» не сводится только к описанным выше сюжетам. Большой и самостоя-

тельный интерес представляет системный принцип материалистического понимания истории, мысли Маркса об обществе как системе и диалектике функционирования общественных систем. Интереснейшей стороной вопроса являются его представления об обществе как системе с расширяющимся основанием и сменными структурами, о диалектике взаимодействия «постоянных» и «переменных» структур, о различных типах и фокусировках системного знания (предметоцентрического, системоцентрического, метасистемного), наконец, о системных чертах материалистической диалектики в целом, истории системных идей и т. п. Все это составляет различные грани системного содержания теории и методологии Маркса, которые в целом можно было бы определить как приемы и принципы полисистемного анализа [1].

[1] См.: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986.

Раздел III

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЧЕЛОВЕК И СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Проблемы, затрагивающие интересы цивилизации

В развитии цивилизации последней трети XX столетия все большее значение играет группа противоречий мирового развития, о которых в общей принципиальной форме говорили Маркс и Ленин, но которые в конкретном виде остро проявились только в наше время, точнее, в 60—70-е гг. Речь идет о группе противоречий, которые можно условно обозначить как противоречия между империализмом и всем человечеством, противоречия, лежащие в основе того, что принято называть глобальными проблемами современности. Это, прежде всего, угроза ядерной войны, которая поставила бы под вопрос существование цивилизации в целом. Это, далее, такие проблемы, как преодоление экономической отсталости, ликвидация голода и нищеты, особенно в развивающихся странах. Это, наконец, ряд проблем, затрагивающих отношения человека и природы. Реальная диалектика современного мирового развития состоит в сочетании исторического противоборства двух систем и нарастающей тенденции к взаимозависимости государств. «Через борьбу противоположностей складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир... Последние десятилетия XX века поставили перед народами планеты трудные и острые проблемы. Потребность решить насущнейшие общечеловеческие задачи должна побудить их к взаимодействию, дать выход тенденциям к самосохранению человечества»[1].

Глобальные проблемы оказывают существенное влияние на многие стороны жизни человечества — социально-экономическую, политическую, этнокультурную и геог-

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза с. 100.

рафическую. Они по-новому ставят многие мировоззренческие вопросы и в особенности остро — вопрос о будущем всего человечества.

К глобальным проблемам обращаются сегодня не только философы и проповедники, но и далекие от морализирования государственные деятели и ученые, увидевшие опасность бесконтрольного использования результатов своей работы. Во всем мире растет осознание важности и необходимости новых подходов к их решению. Это относится ко всей системе глобальных проблем, поскольку они затрагивают интересы всего человечества и требуют для своего разрешения совместных усилий международного сообщества. «Решать общечеловеческие, глобальные проблемы силами одного государства или группы государств нельзя. Здесь необходимо сотрудничество в общемировом масштабе, тесное конструктивное взаимодействие большинства стран... Таково категорическое требование времени, в которое мы живем» [1].

Все проблемы, называемые глобальными, в той или иной степени влияют на будущее человеческой цивилизации, причем зачастую самым непосредственным образом, они не дают никакой надежды на ослабление угрозы, их решение не допускает никаких отсрочек. И, обращаясь к будущему, мыслители различных направлений стремятся поэтому прежде всего найти пути и методы их решения. Делается это с разных, а зачастую противоположных идейно-политических и мировоззренческих позиций, и не случайно эти проблемы стали ареной острейшей идеологической борьбы.

«Глобальные проблемы порождены научно-технической революцией» — так считали и считают поныне многие ученые, общественные деятели на Западе. Отсюда делаются различные выводы, приводящие к появлению соответствующих концепций, часто не только принципиально различных, но и прямо противоположных. Мысль человечества, застигнутого врасплох, мечется от одной крайности к другой, от безграничного упования на технику к полному отрицанию ее, от превознесения человека как венца творения к объявлению его ошибкой природы, от безграничного оптимизма к полнейшему пессимизму [2].

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 19.

[2] Возьмем, например, последние доклады Римского клуба и сравним их с первыми глобальными моделями мирового развития, пред-

Проблемы, относимые к категории глобальных, порождены общественным развитием, прежде всего развитием материального производства, стали следствием НТР. Но не сама НТР автоматически ведет к оскудению природных ресурсов, загрязнению окружающей среды, голоду, усилению социального неравенства. Негативные последствия развития производительных сил в решающей степени связаны с характером общественного строя, в рамках которого они развиваются.

Этот принципиальный в понимании сущности глобальных проблем тезис, который лежит в основе марксистско-ленинской концепции глобальных проблем современности,— одно из величайших открытий Маркса.

Теория развития общества, основы которой заложили классики марксизма, позволяет понять, что главным препятствием к решению глобальных проблем является империализм. Мало сказать, что, ведя к усугублению ранее возникших проблем, он как бы концентрирует их, придавая им катастрофические масштабы, порождая угрозу самому существованию цивилизации.

ложенными, в частности, Дж. Форрестером в книге «Мировая динамика» и Д. Медоузом с соавторами в книге «Пределы роста». Поразительно, как на протяжении одного десятилетия — в течение 70-х гг.— может меняться подход к одной и той же проблеме! Если в первых докладах Римского клуба обнаруживался почти ничем не прикрытый технократизм, основная ставка в решении глобальных проблем делалась на научно-технические меры при условии «нулевого» или «ограниченного роста» производства, народонаселения и др., то в последующих докладах научно-технические предложения во все большей мере дополнялись социально-этическими, обращенными как к обществу в целом, так и к отдельному индивиду. При этом все более обнаруживался антропологический крен, сосредоточение на вопросе о необходимости изменения самого человека, его сознания, морали, образования как предпосылки и условия других изменений, включая научно-технические и социальные, которые позволили бы решить проблемы мирового развития. При этом абстрактно-утопические построения, исходящие из антропологической абсолютизации «природы человека», благополучно трансформируются в ряде докладов Римского клуба в весьма конкретные социально-политические предложения и выводы, имеющие отчетливую классовую установку (апологетика «реформированного» капитализма, идея конвергенции и пр.). И это, по-видимому, не случайно, хотя сама по себе акцентировка роли и значения «человеческого фактора» в решении глобальных проблем человечества и выборе альтернатив будущего не имеет с этим прямой связи. Утопизм и искусственное «соединение» технократизма с антропологическими крайностями присущи и докладу Римского клуба, который опубликован в 1982 г. и называется «Микроэлектроника и общество. На радость или горе». В нем ставятся и обсуждаются важнейшие проблемы будущего человеческой цивилизации, но нет даже попытки определить реальные социальные пути к нему.

Ныне уже не только внутренние процессы развития в каждой отдельно взятой капиталистической стране, но и мировое развитие в целом свидетельствуют о жизненной необходимости глубочайших социальных перемен, необходимости революционного разрешения противоречий, порожденных капитализмом. Только следуя путем революционных преобразований, человечество, говоря словами Маркса, сможет прийти к подлинному разрешению противоречия между человеком и человеком, между индивидом и родом, между человеком и природой (см. 42, 116). Формы социальных изменений были, есть и будут бесконечно многообразными. Ни одна из них не может ни канонизироваться, ни превращаться в какой-то фетиш. Но, по сути дела, речь идет и должна идти именно о глубочайших социальных переменах в масштабах всего земного шара.

Перемены такого рода не вызываются, как учил Маркс, произвольно, по чьему-то заказу, а порождаются постепенно самим ходом общественного развития. Причем жизнь показала, что социальные изменения происходят, как правило, не в международных, а в национальных рамках. Это значит, что, хотя радикальное решение проблемы может дать только социализм, ждать, пока он победит повсеместно, невозможно. Необходимо искать какое-то решение, исходящее из сегодняшних социальных условий. Такого рода решение и предлагается социалистическими и развивающимися странами. Речь идет о всемерном развитии всестороннего мирного сотрудничества.

Говоря о системе глобальных проблем, современные последователи Маркса опираются на его методологию, соединяя в ней научные, социальные и гуманистические подходы и признавая центральной в этой системе проблему человека и его будущего. «Мы исходим из того,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— что главное направление борьбы в современных условиях — создание достойных, подлинно человеческих материальных и духовных условий жизни для всех народов, обеспечение обитаемости нашей планеты, рачительное отношение к ее богатствам. И прежде всего к главному богатству — самому человеку, его возможностям. Вот здесь мы и предлагаем соревноваться с системой капитализма» [1].

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 21.

Марксизм как реальный гуманизм

Существует некий трагический парадокс современной научно-технической цивилизации: над человеком нависла смертельная угроза самоуничтожения, он может в любой момент исчезнуть с лика Земли, что будет противоестественно для человека разумного. С другой стороны, человек сам, своим разумом создал эту противоестественную ситуацию, а теперь начинает все острее осознавать необходимость «высокого соприкосновения» разума с самим собой, разума, соединенного с гуманностью, т. е. необходимость мудрости. Нет сейчас такого мировоззрения, такой идеологической и политической установки, которая в той или иной форме не апеллировала бы к гуманизму. В результате ему даются самые различные, а иногда и противоположные трактовки. И нет такого (в том числе античеловечного, варварского) деяния, которое не прикрывалось бы фарисейски этим благородным словом. Поэтому огромное значение имеет то, какой смысл придается гуманизму и как здесь соединяются слово и дело. И в этом отношении марксизм не только дает ясную и научно обоснованную концепцию гуманизма; он исходит из единства слова и дела, теории и практики. Гуманистическая сущность марксизма находится в единстве и взаимосвязи с научными и революционно-практическими его сторонами. Поэтому марксизм предстает как реальный гуманизм, который сегодня выступает в качестве мировоззренческой основы научно-технического и культурного прогресса человечества, решения глобальных проблем.

Противники марксизма и буржуазно-реформистские марксологи всегда пытались и пытаются то представить его сугубо «экономическим учением», лишенным самостоятельных философских оснований, то столкнуть его с внутренне присущим ему революционно-практическим содержанием (в особенности когда речь заходит о ленинском этапе марксизма), то вдруг «открыть» Маркса как «утопического пророка», который в ранних своих работах обратился к человеку и гуманизму, а затем изменил себе и развил учение, из которого человек исчез, уступив место жесткому экономическому детерминизму и абсолютизации социума. Однако все это — грубое искажение марксизма как целостной системы.

Марксизм как реальный гуманизм теоретически представляет собой науку об освобождении и развитии человека и человечества. Эта наука, творчески развитая в

новых условиях В. И. Лениным и его последователями, в наши дни как единая марксистско-ленинская наука ставит гуманизм на реальные исторические основания и придает ему практически действенный характер. И в этом — его удивительная интеллектуальная и эмоциональная привлекательность для всех прогрессивно мыслящих людей, всех истинных гуманистов, остро переживающих те угрозы и альтернативы, перед которыми стоит современное человечество. Являясь прежде всего наукой об освобождении и развитии человека, т. е. воплощенным гуманизмом, марксизм рассматривает все другие стороны жизни общества как средства достижения этой цели и лишь освобождение и развитие человеческой природы — как единственную и предстающую в абсолютной форме самоцель.

К. Маркс подчинил этому всю свою научную и революционную деятельность. Поставленная им еще в молодые годы гуманистическая задача найти «категорический императив», повелевающий *«ниспровергнуть все отношения,* в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом» (1, 422), в последующей его деятельности получала все более научное и реальное разрешение в поиске путей и методов освобождения и развития личности. Этому служили и политэкономические, и социально-политические исследования Маркса, и главный его труд — «Капитал», в котором была раскрыта тайна капиталистического производства и доказана естественноисторическая необходимость перехода к коммунизму как истинно человеческому обществу, где станет возможным свободное и всестороннее развитие человека. Тем самым, следовательно, утверждается истинный гуманизм марксизма, соединяющего в себе научность и практическую действенность, который Маркс и называл поэтому реальным гуманизмом.

Сегодня на Западе делается немало попыток доказать, что в новых условиях, порожденных научно-технической революцией, возникновением и обострением глобальных проблем, когда развитие мировых событий, рост производства и культуры предъявляют новые требования к человеку, его деятельности, сознанию и самосознанию, его волевым и нравственным качествам, а угроза мировой ядерной войны ставит вопрос о самом существовании рода человеческого,— в этих условиях необходимы якобы какие-то новые формы гуманизма, учитывающие, в частности, глобальные подходы к жизнедеятельности

человека и человечества, к его будущему. Вместе с тем заявляется, что марксизм в этом отношении безнадежно устарел и его надо вообще отбросить либо реформировать в соответствии с идеалами «гуманистического социализма». «Новый гуманизм» объявляется основой утопического «нового общества», провозглашенного, в частности, Э. Фроммом, стремившимся соединить философско-антропологический подход с культурологическим и социально-политическим. Иногда это делается и с формальными ссылками на марксизм, хотя они не имеют с ним ничего общего. Более того, многие буржуазные теоретики в области философии, социологии, политэкономии часто просто перелицовывают на свой лад марксистские идеи. Быть может, в наибольшей степени это относится сегодня к пониманию марксизма как реального гуманизма, как науки об освобождении и развитии человека. Именно науки, ибо марксизм впервые в истории социальной мысли отказался от абстрактного, внеисторического и надклассового подхода к проблемам человека, проблемам гуманизма. Он поставил эти проблемы на реальный фундамент, органически связав осуществление идеалов освобождения человека с единственной подлинно научной теорией общественного развития, с революционным движением пролетариата, с борьбой за коммунизм. Заложенная в трудах Маркса и Энгельса, развитая Лениным, всем опытом мирового коммунистического движения, эта теория находит в наше время практическое воплощение в завоеваниях реального социализма. «Коммунисты всегда представляли себе пути социального прогресса во всей их внутренней сложности и противоречивости. Но — и в этом главное отличие коммунистического мировоззрения — в центре этих процессов неизменно стоит человек, его интересы и заботы. Человеческая жизнь, возможности ее всестороннего раскрытия, подчеркивал В. И. Ленин,— самая большая ценность, интересы общественного развития — превыше всего. На это КПСС ориентируется в своей практической деятельности» [1].

Коммунизм открывает реальную перспективу создания «для *всех людей* таких условий жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 21.

в человеческих отношениях...» (2, 554). Тем самым решается подлинно общечеловеческая задача, и род людской утверждает себя в неограниченной перспективе своего развития.

К. Маркс глубоко исследовал пути, ведущие к этому состоянию общества, которое характеризуется им как истинное «царство свободы», понимаемой в неразрывной связи с необходимостью, с высочайшим уровнем развития материального производства, когда человек освобождается от непосредственного участия в нем. «Царство свободы,— писал он,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его (царства необходимости.— *Авт.*) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (25, ч. II, 386—387).

Тем самым в научное понимание общественного развития вносятся высокие гуманные цели, на которые должны быть ориентированы и материальное производство, и социальные отношения, и культура общества в целом. Благодаря именно этим целям, этому ясно сформулированному марксизмом социальному идеалу общественное развитие предстает как исторический процесс становления и реализации человеческой сущности, превращения индивида в личность и ее дальнейшего совершенствования и обогащения безотносительно, как пишет Маркс, к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. «Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» (46, ч. I, 476).

Человек может проявить свою индивидуальность и вообще обособиться в качестве индивида только в обществе, только в ходе его прогрессивного развития. Человек, отмечал Маркс, «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»; «чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному

целому...» (46, ч. I, 18). Становление личности в истории — это и процесс все более полной и адекватной реализации сущностных сил человека, его целостности, это путь к единству человека. Соответственно разные периоды общественно-исторического развития характеризуются и как этапы на пути к этому единству, как процесс преодоления разрыва между сущностью и существованием человека.

Так, известно, что в античности обращение к целостному человеку еще не сопровождалось его различением как индивидуального «я»; этот процесс начался в европейской цивилизации лишь с эпохи Возрождения. Однако по мере углубления разделения труда, развития частной собственности усиливалось отчуждение человека, его раздробленность, расчлененность. «Вместе с разделением труда,— отмечал Энгельс,— разделяется и сам человек» (20, 303). Наряду с «частичным рабочим» развивается социальный тип личности, который может быть охарактеризован как «частичный индивид». Поэтому открытая марксизмом коммунистическая перспектива и утверждалась с самого начала как преодоление отчуждения и раздробленности личности, стремление к единству общего, особенного и единичного, общественного и индивидуального в человеке, формирование всесторонне и гармонически развитой личности. Гуманистический смысл этой перспективы выражается в том, чтобы человек и общество поставили под свой контроль «условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам...» [1]. Маркс отмечал, что различные общественные функции, преломляющиеся в отдельном человеке,— это главным образом «сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» (23, 499). Более того, «*как* само общество производит *человека* как *человека,* так и он,— считал Маркс,— *производит* общество» (42, 118). «...История,— отмечал в свою очередь В. И. Ленин,— вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей» [2].

Это личностное развитие становится в условиях социализма и коммунизма достижением всех, а не какой-то элиты. Благодаря победе Великого Октября впервые в мировой истории человек труда, его интересы и нужды

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 64.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

были поставлены в центр политики партии и государства. Большие успехи достигнуты нашей страной, странами социалистического содружества в реальной гуманизации общественной жизни.

Но любые, даже самые грандиозные достижения не могут и не должны заслонять и реальных противоречий процесса создания подлинно человеческих условий жизни, а тем более наших ошибок и упущений в столь сложном и важном деле.

В соответствии с принципами марксизма-ленинизма, подтвержденными практикой социалистического строительства, установка на всестороннее развитие человека как цели общественного развития выражает смысл и сущность социализма; она объективно задана и изначально присуща новому общественному строю. Однако в определенный период, когда субъективистские, авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, в теории получили хождение технократические взгляды на человека как на «винтик», своеобразный придаток к общественной системе. Более того, подобные представления, по сути дела, отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, что фактически снимало задачу обеспечения развития человека не только как фактора, но и как цели общественного прогресса, т. е. задачу подчинения этой цели всего механизма народного хозяйства, всех наличных ресурсов страны. Это значительно ослабляло воздействие социалистических идеалов, вело к отрыву идейно-воспитательной работы от реальных запросов жизни. Проводившиеся же отдельными учеными исследования проблем человека, его интересов и потребностей, его взаимодействия с окружающей средой в условиях научно-технической революции не находили поддержки. В результате, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, социальная направленность экономики оказалась явно ослабленной. Успешно решив вопросы занятости населения, обеспечив социальные гарантии принципиального характера, наше общество не смогло полностью реализовать свои преимущества в развитии человека, максимальном раскрытии его способностей и талантов. Неизбежным следствием этого было падение у определенной части населения социальной активности, проявление безответственности и потребительства.

Всему этому дана принципиальная оценка. Партией выработана научно обоснованная стратегия ускорения,

конечная цель которой — глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя.

Не следует забывать об историческом масштабе решаемой задачи. Ведь мы живем не в вакууме, а в тесном взаимосвязанном мире государств, где по самому высокому счету идет сравнение двух общественных систем, и критерием здесь является способность каждой из них создать подлинно человеческие условия жизни. Средством реализации и умножения таких возможностей стали сегодня авангардная техника и технология. Работа с ними требует «высокого соприкосновения» с человеком, т. е. высочайшего уровня его не только профессионального, но и общекультурного, гуманитарного развития. Сегодня чисто пропагандистские средства уже неэффективны. Поэтому вопрос о гуманизме, реальном гуманизме нашей жизни — это вопрос и сути и судеб социализма.

Процесс освобождения, развития человека необычайно сложен. Поэтому он не может не опираться на науку, которая сама претерпевает коренные изменения, все в большей мере обращаясь — или возвращаясь — к человеку.

Целостная концепция человека

Ныне перед наукой, прежде всего перед философией, встает задача обобщить в рамках марксизма-ленинизма новейшие результаты естественных, технических и гуманитарных наук, дать интегративную концепцию человека в свете резкого возрастания роли субъективного фактора, обострения глобальных проблем в условиях перехода все новых народов от общества частной собственности, эксплуатации, классовых антагонизмов и войн к обществу, основанному на принципах социализма, т. е. гуманизма, прогресса и мира.

Теперь (в какой уж раз!) наступает, по-видимому, «звездный час» для философии. И не только потому, что именно она во все времена имела главным объектом своих поисков человека, исследовала безграничный мир человека в столь же безграничном мире его отношений и состояний, включая природные, социальные и нравственные. Философия, эта любовь к мудрости, получила еще одну возможность соединить науку и гуманистические идеалы — исходя из принципа, что человек, если перефразировать известное изречение Протагора,— «мера всех наук». Но она не просто «дополняет» науку в этом отношении, а дерзает сделать большее — объединить

различные науки, так или иначе изучающие или просто касающиеся человека, в единый комплекс, чтобы создать, воплощая предвидение Маркса, единую науку о человеке. Более того, философия как ближайшую задачу ставит объединение науки и искусства в познании человека, что, естественно, по-новому определяет характер и постулируемой единой науки о человеке, заставляя задуматься над тем, действительно ли здесь речь идет о науке в традиционном смысле.

Интересно вспомнить слова Л. Н. Толстого, который, резко высказываясь о «научной науке», говорил, что посвятил себя служению науке о том, как жить людям друг с другом.

Сегодня терпит крах гипертрофированная «научная рациональность», доведенная до предельных форм редукционизмом и структурализмом и истощенная ими. Это в той или иной степени относится и к познанию человека, вращающемуся сегодня между крайностями «чистого» антропологизма, вульгарного, «выпаренного» социологизма и прямолинейного социал-биологизма с его односторонней, редукционистской методологией.

Ф. М. Достоевский писал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...» Это высказывание нашего великого человековеда может показаться кому-то и экстравагантным, и «ненаучным», хотя в нем заключена глубокая мудрость и предостережение. Ведь если почитать иных современных авторов, обращающихся к проблеме человека, то может создаться впечатление, что главное здесь позади и мы ответили не только на вопрос «что такое человек?», но и четко представляем себе, каким он будет в обозримом будущем. Между тем более основательные рассуждения убеждают в обратном: мы находимся в познании человека лишь в самом начале пути и тайна его во многом так и остается тайной. И в разгадывании ее, в стремлении понять сложные процессы развития человека, его познания и самопознания мы неизменно обращаемся к марксистско-ленинскому учению о социальной сущности человека и путях его освобождения как личности в ее диалектическом единстве с обществом, экономическими, социальными и духовными сторонами его жизнедеятельности.

Правда, если бы мы ограничили научное определение человека, данное Марксом, только раскрытием его социальной сущности, то этот «сгусток социума» был бы весь-

ма далек от реального, конкретного человека, живущего на Земле, а история его предстала бы только как прогресс разума в борьбе с неразумностью. Но такой рационалистически-просветительский взгляд был чужд Марксу, видевшему в истории деятельность полнокровно живущего, мыслящего и чувствующего человека, переживающего порой мучительные противоречия между велениями разума и влечениями его «природы», подавляемыми инстинктами и страстями, между сознанием и «подсознанием», как бы это ни называли. Даже в самых своих сложных абстрактно-теоретических выкладках, например в «Капитале», где сила абстракции была главным орудием познания, он апеллировал к реальному человеку, образ которого всегда находился перед его мысленным взором. Критикуя тощие абстракции о некой бессубъектной «истории» человечества, Энгельс писал: «*История* не делает *ничего,* она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах!» Не «история», а именно *человек,* действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется» (2, 102).

Противники марксизма не перестают твердить о его «сверхрационалистичности» в понимании истории и человека, которого марксизм если и признает, то якобы только как некоторую дедукцию из общих социальных предпосылок. При этом игнорируется то, что Маркс называл «природой человека». Не учитывается различие между сущностью человека как личности и существованием его как индивида, представителя рода человеческого.

К. Маркс придавал большое значение природно-биологическим факторам существования и развития человека, его биологической природе. Первоначально употреблявшееся им понятие «человеческая природа» он дополнил впоследствии представлением о «совокупности потребностей и инстинктов», а в «Капитале» развил тезис о взаимодействии между внешней и собственной природой человека, в результате которого происходит изменение как первой, так и второй (см. 23, 188—189). Определение сущности человека как совокупности всех общественных отношений находилось у Маркса в органической связи с пониманием его как предметного, чувственного существа, отдельные особенности и влечения которого (страсть и т. п.) он рассматривал также как его «сущностные силы». «*Человек,*— писал Маркс,— является не-

посредственно *природным существом.* В качестве природного существа... он... наделен *природными силами, жизненными силами,* являясь *деятельным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений...*» (42, 162—163).

Такой подход нашел разностороннее обоснование и развитие в трудах Энгельса. Историческое значение открытия социальной сущности человека в том, что это позволило окончательно преодолеть односторонний антропологизм, в котором проблематика человека, его освобождения и развития рассматривается в абсолютизированной, «атомарной» форме, сопровождаясь абстрактно-философским или биосоциальным редукционизмом; марксистская трактовка органично соединила эту проблематику с материалистическим пониманием истории, классовой борьбой пролетариата, теорией революции и учением о социализме и коммунизме как истинно человеческом обществе, в котором человек находит адекватные своей сущности социальные формы реализации.

Марксово понимание проблематики человека предстает сегодня, в условиях господства в буржуазной идеологии схематичных, неизменно страдающих односторонностью представлений о человеке, как самая последовательная и до конца научная, целостная концепция, лежащая в основе всемирно-исторического процесса освобождения и развития человека. Ибо, подчеркивает Маркс, «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» (42, 265).

То, что человек определяется, в сущности, как «свернутое общество», а общество — как «развернутый человек», позволяет дать научный ответ и на «извечный» вопрос о соотношении социальных и природно-биологических факторов, а тем самым преодолеть многие биологизаторские, неоевгенические и прочие идеи, с помощью которых пытаются увести общественную мысль от основного и главного — социальной деятельности во имя освобождения и развития человека. В них не учитывается, что, как доказал Маркс, природно-биологические факторы (их значение отнюдь не отрицается марксизмом) действуют в человеке в преобразованном, «снятом» виде, что существует диалектика опосредствования и преобразования природно-биологического социальным, поскольку «*человеческие* предметы не являются природными пред-

метами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе...» (42, 164).

Это относится и к биологическим потребностям человека, преобразование которых имеет столь глубокий характер, что оно дало возможность Марксу сказать: «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» (46, ч. I, 28).

Опосредствование и преобразования природно-биологического социальным имеют в качестве своей основы и механизма реализации специфически человеческую деятельность, прежде всего трудовую, производственную, которая создает биосоциальные формы существования и развития человека.

Еще в молодые годы Маркс писал: «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу... Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо.* Это производство есть его деятельная родовая жизнь» (42, 93, 94). Впоследствии Маркс развил и обосновал эти идеи на основе глубокого анализа специфики человеческого труда. В «Капитале» он обращал внимание на то, что труд «с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.» (23, 81). Однако вместе с тем Маркс и Энгельс подчеркивали, что «способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством фактического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*» [1]. Именно поэтому, в частности, «история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил,* чувственно представшей перед нами человеческой *психологией,* которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека...» (42, 123).

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т., т. 2, с. 15.

Как видим, сущность человека Маркс связывал с трудовой деятельностью, с производством, и, если применить к вопросу об опосредствовании и преобразовании природно-биологического социальным его понимание диалектики производства и потребления, можно сказать, что «каждое из них выступает как средство для другого, одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости друг от друга» (46, ч. I, 29). В свете этого огромное значение приобретает сегодня марксистское положение о том, что центром единства и взаимодействия природно-биологического и социального является предметная деятельность человека как общественного существа.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал, что «если человек есть некоторый *особенный* индивид и именно его особенность делает из него индивида и действительное *индивидуальное* общественное существо, то он в такой же мере есть также и *тотальность*... в действительности он существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование им, а с другой стороны — как тотальность человеческого проявления жизни» (42, 119). Индивидуальность человека, его неповторимое своеобразие проявляются в органическом единстве и целостности процесса развития всей совокупности его потребностей и способностей, формирующихся через посредство предметных форм, способов и средств культуры — труда, языка, навыков, умений, знаний, художественного творчества и т. п. «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь... являются,— подчеркивал Маркс,— в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету,* присвоением последнего» (42, 120). Речь здесь идет о «присвоении человеческой действительности». Эта формула Маркса является ключевой для правильного понимания индивидуального и исторического развития человека; она помогает решить и проблему соотношения социальных и биологических факторов в его развитии; наконец, она позволяет научно определить перспективы этого развития.

Если взглянуть через призму марксистского подхода на современные проблемы изучения человека, то мы уви-

дим, что при всей важности непосредственного научного исследования проблем жизни и смерти человека [1], совершенствования его биологической организации и т. п. мы не решаем полностью основной вопрос — для чего все это нужно, если обращаемся только к природно-биологическому существованию человека. Поскольку же человек как общественное существо выходит за рамки своего биологического существования, решение этого основного вопроса также должно покинуть сферу непосредственного исследования жизни и смерти человека в их биологическом значении и обратиться к философии, где биологический и социальный смысл жизни и смерти человека, его будущего как биосоциального существа получает свое истинное определение в качестве некоторого диалектического единства.

Вряд ли можно согласиться с французским биологом Ж. Моно, который говорил о врожденной, записанной где-то на уровне генов, тоске человека по смыслу жизни. Цель и смысл индивидуальной человеческой жизни тесно связаны с общими социальными идеями и действиями, определяющими цель и смысл человеческой истории, общества, в котором человек живет, человечества как целого, его предназначение, а значит — ответственность на Земле и во Вселенной. Это четко очерчивает границы того, что могут и что не могут ни при каких условиях делать на индивидуальном и социальном уровнях человек и человечество. И это определяет то, как, какими средствами могут или не могут они добиваться своих целей, даже если последние представляются высокими, нравственными.

Другой стороной забвения диалектики социального и биологического выступает «сциентизация» исследований человека.

Возьмем, к примеру, все, что связано с проблемой соотношения социальных и биологических факторов в развитии человека. Сколько предлагается сейчас различного рода проектов, например, о необходимости использовать новые резервы человека, в частности психофизио-

[1] Эти проблемы, которыми традиционно занималась религия, а затем (и наряду с ней) идеалистическая философия, сегодня выходят на передний край идеологической борьбы, начинают активно изучаться философами-марксистами. Союз науки и материалистической философии призван дать мудрые и реальные ответы на «вечные» вопросы человеческого бытия, которые и составляют то, что можно было бы назвать в подлинном смысле нравственной философией человека, научным, реальным гуманизмом.

логические, резервы его генотипа и т. д. И при этом даже в работах серьезного плана очень мало обсуждаются проблемы этико-гуманистического порядка, мало говорится о том, как надо быть осторожным и мудрым в этих вопросах. Ведь если это резервы, то, может быть, они и существуют для того, чтобы быть резервами организма? К чему приведет манипулирование с генотипом, с мозгом человека? Это может вызвать необратимые для человека и человечества рассогласования, которые закончатся для них трагически. Такое манипулирование представляет сейчас тем большую угрозу (если здесь можно делать какие-то сравнения), что в планируемых способах нового ведения войны предполагается использовать оружие, которое может быть создано путем технологического применения, например, генной инженерии и т. д.

Обращаясь к человеку, исследованию его ресурсов, в том числе психофизиологических, обращаясь к проблематике экспериментирования на человеке, необходимо, как считают многие ученые, создать такой этос, соответствующий тому уровню развития наук (в частности, науки о человеке), который только-только начинает обозначаться. В этом смысле, может быть, мы и сами в недостаточной степени исследуем то, что следует из соединения социальных и социально-этических факторов с «чистым» познанием. Да и существует ли последнее в таком именно виде?

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Этот знаменитый тезис, отражающий самую суть нового гуманистического мировоззрения, философии марксизма, приобретает сегодня новое звучание, новую жизнь. Философия в наши дни переживает свой звездный час не только потому, что, обращаясь — или возвращаясь — к человеку, она обретает свой первоначальный высший смысл быть мировоззрением, духовной опорой как каждого отдельного человека, так и всего человечества. В полном согласии с духом марксизма, философия становится сегодня активной силой, не только объясняющей, но и преобразующей мир. Философские положения, переведенные на язык политических решений, становятся принципами деятельности отдельных государств, основой международных отношений. Идеи реального гуманизма нашли воплощение в выводах XXVII съезда КПСС о нашем противоречивом, взаимозависимом, во многом целостном мире, в концеп-

ции нового политического мышления. Призыв нашей страны ко всем народам и правительствам мира учиться мыслить и действовать по-новому основан на выводах, к которым давно пришла наука, передовая философия.

Новое мышление и новый этос науки

Ученые первыми осознали не только бессмысленность войн вообще, но и направленность, взрывоопасность ситуации в мире во второй половине XX в.

31 января 1955 г. французский физик коммунист Ф. Жолио-Кюри, бывший в то время президентом Всемирной федерации научных работников, обратился с письмом к английскому буржуазному философу и прогрессивному общественному деятелю Б. Расселу. В письме подчеркивалась угрожающая человечеству опасность ядерной катастрофы и необходимость того, чтобы деятели науки объединились для подготовки совместного заявления на эту тему. Такое заявление, по мнению Ф. Жолио-Кюри, должны были сформулировать и подписать лица, пользующиеся неоспоримым научным авторитетом, хотя и с различными философскими убеждениями. Б. Рассел поддержал предложение Ф. Жолио-Кюри и также отметил, что лица, которые подпишут заявление, не должны принадлежать к одному политическому направлению, а, напротив, должны представлять мнения всех кругов общества. Такой подход и лег в основу написанного Б. Расселом манифеста, который подписали выдающиеся ученые капиталистических и социалистических стран. Первым подписал его А. Эйнштейн (за два дня до своей кончины), затем — Ф. Жолио-Кюри, М. Борн, Л. Полинг и другие.

9 июля 1955 г. Б. Рассел огласил на пресс-конференции это заявление ученых, которое стало называться Манифестом Рассела — Эйнштейна и положило начало широко известному теперь Пагуошскому движению за мир и разоружение. В манифесте подчеркивалась трагичность ситуации, в которой оказалось человечество в результате разработки оружия массового уничтожения. Мы обращаемся как люди к людям, говорилось в этом документе. Помните о том, что вы человеческие существа, и забудьте все остальное. «Имея в виду тот факт, что в любой будущей мировой войне ядерное оружие, несомненно, будет использовано и что такое оружие угрожает продолжению существования человечества, мы призываем правительства стран мира признать и публично заявить, что цели политики не могут быть продолжены мировой вой-

ной, и мы призываем изыскать мирные средства для разрешения всех разногласий между ними».

Растущее беспокойство ученых за судьбы мира и человечества проявляется в возникновении за истекшие после опубликования Манифеста Рассела — Эйнштейна многочисленных антивоенных, антиядерных движений — не только Пагуошского, объединяющего в основном ученых-физиков, но и движений врачей, экологов и других.

Все большее число действительно по-новому мыслящих ученых выступает против ядерного безумия, против милитаризации и космоса, и науки. Конечно, среди западных ученых немало таких, кто ставит свой талант и знания на службу военно-промышленному комплексу и не обременяет себя какими-либо нравственными дилеммами. Особенности современной науки, вовлекающей в свою орбиту множество людей различного интеллектуального и морального уровня, предполагающей большую расчлененность решаемых задач и порой огромную удаленность от конечного результата исследований и особенно их технологических применений, чрезвычайно усложняют данную ситуацию. Мы вполне сознаем, что количество научных работников, занятых исследованиями, имеющими прямой выход в военную сферу, намного больше, чем количество «обеспокоенных ученых», а тем более активно участвующих в борьбе за мир и разоружение. Но надежды человечества на будущее всегда были связаны со всем лучшим, передовым, что есть в человечестве, с его разумом и гуманностью.

Именно они определяют гуманистические социально-этические подходы не только к первейшей глобальной проблеме — проблеме мира в современном мире, но и ко всей сумме (вернее сказать, системе) глобальных проблем настоящего и будущего человеческой цивилизации.

Мир социализма искренне и честно следует основополагающему принципу своей внешней политики — принципу мирного сосуществования государств с различным социальным строем, международного сотрудничества во имя мира и прогресса всего человечества. А это и есть то основное, главное, что заключено в знаменитом призыве манифеста: мыслить по-новому в ядерный век. Мыслить и действовать — так отвечает на этот призыв мир социализма. «Нельзя сегодня, в ядерно-космическую эру, мыслить категориями прошлого,— сказал, выступая по советскому телевидению, М. С. Горбачев.— Надо в конце концов всем понять, что все коренным образом измени-

лось. И сейчас вопрос уже стоит не только о сохранении мира, но и о выживании человечества» [1].

Наша страна выдвинула программу полной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. Это сделано в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Это четко и определенно сформулировал XXVII съезд партии в своих программных документах.

Глобальной угрозе человечеству противопоставлена глобальная мирная стратегия, в осуществлении которой необходимо участие всех народов и государств, независимо от того, в какой части света они расположены, к какой социально-экономической системе принадлежат, какими мировоззренческими, философскими идеями вдохновляются.

Это может означать начало нового этапа в развитии человечества. Теперь уже речь идет не столько о росте его материальной и научно-технической мощи, но — главное — о его мышлении и психологии, ценностных ориентациях и гуманистических устремлениях. Почему «главное»? Да потому, что все другое теперь уже больше подавляет, чем высвобождает, основное в человеке и человечестве — его разум и гуманность, элементарное чувство самосохранения.

Надо вспомнить простые и вечные истины, на которых зиждется жизнь человеческого рода. Они не измеряются мегатоннами злой и неразумной разрушительной силы, но они только и могут противостоять ей. Это разум, соединенный с гуманностью, который во все времена назывался мудростью, так необходимой нам сегодня, в век укрощения (опасного и не всегда успешного) грозной силы атома. Это то, может быть, самое основное, что подразумевается сегодня, когда говорится о необходимости нового мышления и новой политической психологии.

За всем этим стоят конкретные, научно обоснованные исследования мировой ситуации и конструктивные предложения, в общем и целом составляющие глобальную мирную стратегию. Предложенная нашей страной программа содержит поэтапное решение проблем ядерного разоружения, а значит, она рассчитана и на эволюцию нашего мышления и политической психологии, их адаптацию к новым условиям и их динамике, связанную прежде всего с ростом сотрудничества и международного до-

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 304.

верия, воспитанием в духе мира. Международное сотрудничество, новое мышление необходимы, чтобы сохранить мир, обеспечить безопасность мирного использования энергии атома. Но это значит, что программа и сама будет культивировать почву, на которой она произрастает. Это разумный реализм созидающей силы, противостоящей губительной для человечества злой неразумности.

Программа полной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. является предпосылкой и для решения все более обостряющихся глобальных проблем, включая экологические. Лишь в общем контексте таких проблем, насущных и будущих забот человечества по обеспечению мирного развития, преодолению отсталости, голода и нищеты, сохранению природы и т. п. выкристаллизовываются идеи, которые составляют глобальную мирную стратегию, новое мышление и политическую психологию, ориентированные на сотрудничество, честный и заинтересованный диалог, совместные действия.

В существенной мере это относится и к тому, что называют экологическим мышлением, являющимся необходимым элементом, цементирующей основой человеческой деятельности в природе, включая позитивные и негативные технологические воздействия на нее. По оценкам экономистов, в последние десятилетия XX в. государства планеты будут выделять на природоохранные мероприятия в среднем 3—5% своего валового национального продукта, т. е. не менее 150 млрд дол. в год.

Сейчас предпринимается многое для научно-технологического и практического решения экологической проблемы, но все усилия в этой области могут быть сведены на нет в результате ядерной катастрофы, которая привела бы к гибели всего живого на Земле. Поэтому сегодня все очевиднее становятся взаимосвязь экологии и политики не только в национальных, но и в глобальных масштабах, социальный смысл и значение борьбы за чистую биосферу Земли. Большое значение имеет подписание в Женеве представителями 33 стран, в том числе СССР и США, конвенции о запрещении военного или любого враждебного использования средств воздействия на природную среду.

Глобальные проблемы уже сегодня существенно влияют на все стороны жизни человечества — его материальную сферу и культуру, мировоззрение и мораль. Это влияние будет существенно усиливаться в перспективе. От того, сумеем ли мы найти в максимально короткие сроки

пути и методы если не полного, то по крайней мере частичного решения или просто смягчения их угрожающей остроты, зависят исторические судьбы всего человечества.

Это относится и к самому научно-техническому прогрессу, альтернативность которого ставит перед человечеством много весьма сложных проблем. Сегодня мы сталкиваемся с проблемами и дилеммами ядерной энергетики и учимся мыслить и действовать по-новому. Но впереди могут быть еще более сложные проблемы и дилеммы, выдвигаемые перед человечеством «высокой» технологией — микроэлектроникой, информатикой, робототехникой, биотехнологией, а также новые блага и опасности, которые таит в себе применение достижений генной инженерии к человеку. Новая технология требует «высокого соприкосновения» с человеком, обществом и природой. Необходимо также новое мышление, учитывающее интересы личности и общества, прогресса познания и безопасности человечества. Не случайно уже сейчас так много внимания уделяется тому, что называется этикой науки, социально-этическим регулированием познания жизни и человека.

Отвечая на письмо руководителя Международного института жизни профессора М. Маруа, М. С. Горбачев подчеркнул: «Последствия применения новейшей технологии для жизни людей; продовольственные ресурсы и питание; окружающая среда и живой мир; этика и биомедицина; наука, воспитание, телевидение и будущее человечества — эти и другие темы, над которыми работает институт жизни, поставлены самой жизнью, становятся от года к году все более насущными, порою острыми и жгучими. Может, не все это осознали сейчас, но все это почувствуют и поймут завтра — не далее порога нового тысячелетия» [1].

Готовность к самому широкому сотрудничеству, объединению усилий государств в применении научно-технических достижений в целях мира и прогресса человечества — неотъемлемая черта внешнеполитического курса СССР. «Мы,— отмечал М. С. Горбачев во время встречи с делегацией конгресса лауреатов Нобелевской премии мира в октябре 1985 г.,— за принципиально иной путь ускорения прогресса в науке и технике, мы — за технологическое соревнование и конструктивное сотрудничество

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 292.

в условиях прочного и справедливого мира»[1]. Об этом же со всей силой и определенностью говорилось на XXVII съезде КПСС.

Очевидно, что такой подход наполняет новым содержанием и само понятие мирного сосуществования. В Программе КПСС оно определяется как «не просто отсутствие войн», а как «такой международный порядок, при котором господствовала бы не военная сила, а добрососедство и сотрудничество, происходил широкий обмен достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу всех народов»[2].

Широкое международное сотрудничество ученых становится поэтому неотъемлемым элементом международной жизни, превращаясь сегодня в важную социальную предпосылку упрочения тенденций к самосохранению человечества. Речь идет, по существу, об одном из главных направлений в формировании социального фактора разрешения противоречий глобального масштаба, лежащих ныне в основе многих насущнейших общечеловеческих задач. И здесь надо подчеркнуть: достигнутые конкретные результаты служат надежной основой укрепления авторитета антивоенных движений и инициатив прогрессивных ученых в несоциалистических странах. Кроме того,— и это, пожалуй, самое главное — они делают все более прочной материальную ткань политики мирного сосуществования.

В той перестройке общественного сознания, в утверждении нового политического мышления, новых общечеловеческих приоритетов, которые становятся характерной чертой нашего времени, особое место занял проходивший в феврале 1987 г. в Москве международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества». Не случайно мировая пресса назвала его беспрецедентным. Свыше тысячи человек из более чем 80 стран, представлявшие поистине цвет духовной жизни, интеллекта, культуры сегодняшнего человечества, свободно и открыто вели разговор о том, какие практические шаги необходимы, чтобы при всех противоречиях, конфликтах, раздирающих мир, прийти к согласию и единству в главном — в спасении жизни на планете Земля. В этом были единодушны ученые — медики и естественники, политологи и

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 55.

[2] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 136—137.

экологи, представители делового мира и мастера культуры и искусства, генералы и религиозные деятели.

Большое впечатление произвел на миллионы людей всех континентов призыв, прозвучавший в выступлении М. С. Горбачева перед участниками форума: «...необходимо сломать ядерную гильотину. Ядерные державы должны перешагнуть через свою ядерную тень в безъядерный мир. И тем самым покончить с *отторжением политики от общечеловеческих норм нравственности.* Ядерный смерч сметет и социалистов, и капиталистов, и праведников, и грешников. Нравственна ли эта ситуация? Мы, коммунисты, считаем, что — нет» [1].

Активное участие во всемирной встрече в Москве приняло новое международное движение «Экофорум за мир», созданное в августе 1986 г. на конференции ученых-экологов в г. Варне (Болгария) [2].

Мир чрезвычайно разнообразен. И в этом счастье человечества. Новое мышление связано с признанием множественности культур и воззрений, уважения к разнообразию взглядов, точек зрения на мир, что, естественно, не исключает открытого и прямого утверждения своих жизненных позиций, идеалов.

Что же такое — новое мышление, о котором говорили чуть ли не все выступавшие на форуме?

Основу нового политического мышления составляют два момента. Первый — представление о современном мире как о противоречивом, расколотом на противоположные социально-экономические системы, но одновременно взаимозависимом, целостном. В этом смысле мы можем говорить о единой мировой цивилизации, о человечестве, о роде человеческом. И второй момент — идея приоритетности общечеловеческих ценностей мира по отношению ко всем другим, когда решается, быть или не быть человечеству. Это совсем не означает, что мы от-

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 380.

[2] Само возникновение этого движения, начало его активной деятельности, весомые инициативы, обращение к мировому общественному мнению говорят о том, что экологи одними из первых стали овладевать новым мышлением. Каждый специалист приходит к нему через реальность и проблемы своей профессии, своей науки. И как раз экология, поднимающаяся сейчас от узкого профессионализма к осмыслению взаимозависимости человека и биосферы в целом, дает для этого благодатную основу. На московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» «круглый стол» «Экология и мир» по числу ученых с мировой известностью оказался одним из самых представительных (см.: Коммунист, 1986, № 14, с. 115—122; 1987, № 6, с. 110—117).

казываемся от наших идеалов, от нашей идеологии, от классовых позиций. Наоборот, мы подчеркиваем глубокую диалектическую взаимосвязь между ними и общечеловеческими ценностями.

Выступая перед участниками форума, М. С. Горбачев сказал: «Мы заставили себя глубоко проникнуться пониманием того, что с накоплением ядерных вооружений и их совершенствованием род людской лишился бессмертия. Вернуть его можно, лишь уничтожив ядерное оружие... Мы выстрадали *новое мышление,* которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами» [1].

Новое мышление предполагает и новый, более высокий уровень взаимного доверия. Не отказываясь от своего образа жизни и образа мыслей, каждая из сторон должна все же выстроить навстречу друг другу мосты взаимопонимания во имя спасения планеты от ядерного самоубийства, от деградации природы. Это было доминантой дискуссий экологов, да и, пожалуй, всего московского форума. Но выстраивать такие мосты непросто.

Под влиянием необходимости сотрудничества в решении глобальных проблем еще более усиливается интернационализация жизни человечества, которая происходит по мере интернационализации его экономического и культурного развития и т. д. В перспективе она станет основой дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Так видятся те благоприятные возможности, которые открываются перед человечеством в свете новых советских инициатив, значение которых имеет глубокий политический и философский смысл. «Неоглобалистским» концепциям, распространяющимся сейчас в США и являющимся, по существу, философией мирового гегемонизма, мы противопоставляем концепцию подлинно общечеловеческого, глобального мышления, исходящего из признания самостоятельности и независимости каждой страны и народа и вместе с тем общности их интересов, единства рода человеческого перед лицом всеобщей термоядерной угрозы и обострения глобальных проблем настоящего и будущего.

Такая философия и такое мышление, утверждающие новый этос науки, способствуют нахождению новых форм

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 380, 381.

практически-политических действий по укреплению глобального потенциала сил мира.

Вместе с тем приходится констатировать, что империализм, и прежде всего империализм США, далек от понимания того, насколько необходимо в наше время новое мышление. «Правящие круги США явно утрачивают реалистическую ориентировку в этот непростой период истории. Агрессивное международное поведение, растущая милитаризация политики и мышления, пренебрежение к интересам других неизбежно ведут к моральной и политической изоляции американского империализма, к расширению пропасти между ним и всем остальным человечеством. Противники мира в этой стране будто не ведают, что, когда ядерное оружие наготове, время и пространство для цивилизации теряют свои привычные очертания, а человечество оказывается пленником случая» [1].

Марксистский (реальный) гуманизм — это и есть поистине новый гуманизм, идущий на смену старому, буржуазному и соответствующий новым условиям существования и развития человечества.

Учение, провозглашающее, говоря словами Маркса и Энгельса, развитие богатства человеческой природы как самоцель, свободное развитие каждого как условие свободного развития всех, абсолютное движение становления человека,— такое учение гуманистично по самому существу своему. И оно, конечно, не может не победить, так как обращается к разуму и гуманности человека разумного и гуманного. Безусловно, при этом и сам реальный гуманизм марксизма будет творчески развиваться и обогащаться, в том числе и с учетом глобальных, общечеловеческих подходов.

Но не только в будущее устремлен новый, реальный гуманизм, его необходимость обнаруживается уже сегодня — в условиях бурного развития науки и техники, обострения глобальных проблем — как основа единой стратегии, ведущей в будущее, как фундамент нового этоса и нового типа науки, служащего гуманистическим целям развития человека. И это отчетливо проявляется не только в решении глобальных проблем человечества. Прогресс комплекса наук о жизни и человеке, все более ускоряющийся в последние годы, ставит новые, не менее

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 20.

(а может быть, и более) острые и, главное, тонкие вопросы социально-этического плана, на которых следует сконцентрировать наше внимание.

2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Соотношение теории и практики: философский и социальный аспекты

В философии Маркса соотношение теории и практики с самого начала выступало как насущная социальная проблема. Исходным для ее постановки было *критическое* отношение мыслителя к современной ему социальной действительности. Уже здесь выявляется важность не только самой по себе критики, но и ее *характера,* ее направленности.

Младогегельянцы, к которым первоначально примыкал Маркс, считали критику первоочередной задачей философии, однако они ограничивали критику преимущественно сферой религии. Маркс также начинает с критики религии, но именно для того, «чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий», «придать вопросам религии и философии форму, соответствующую человеку, осознавшему самого себя» (1, 381). Но если младогегельянцы полагали, что критикой религии они «потрясают мир», то Маркс, признавая, что критика религии есть «предпосылка всякой другой критики» (1, 414), настаивает на необходимости переходить к критике действительности, которая «нуждается в иллюзиях». Отсюда его призыв перейти от критики религии к критике политики. Этим же объясняется его интерес к «Философии права» Гегеля, которую он подверг основательному критическому анализу.

Если критика сознания должна освободить человека от иллюзий, то критика действительности должна быть направлена на освобождение человека от реальных оков. Следовательно, философская критика должна непосредственно включиться в политическую борьбу, которая происходит в обществе. И Маркс приступает к изучению истории буржуазных революций, промышленного переворота в Англии, к изучению буржуазной политической экономии, воспроизводящей анатомию капиталистического производства. Он категорически против всякого спеку-

лятивного конструирования будущего и навязывания настоящему готовых схем и догм. Он принципиально отделяет себя от идей утопического коммунизма и социализма (Э. Кабе, В. Вейтлинг, Ш. Фурье и другие), авторы которых преподносили свои учения в качестве абсолютных истин. Готовых решений нет, но, чтобы их выработать, надо стать на почву самой действительности и «посредством критики старого мира найти новый мир» (1, 379). Поэтому процесс критики есть одновременно и выработка сознания, необходимого для борьбы против старого мира, за мир новый. Стать на почву действительности — значит выявить ее реальные противоречия, определить возможные пути их развития и способы разрешения. В обществе происходит борьба различных общественных сил. Раскрыть реальный смысл этой борьбы — значит дать передовым силам общества необходимое им сознание. Путь в будущее высвечивается не утопическими построениями, привлекающими людей прекрасными проектами этого будущего, а создаваемой на основе революционной практики революционной теорией, способной эффективно служить практическим руководством в социальной борьбе.

Таким образом, критика, по Марксу, представляет собой не систему оценок, вытекающих из применения к действительности каких-то априорно заданных критериев, а процесс проникновения в существенные стороны самой реальности, выявление заложенных в ней противоречий, законов, тенденций и определения на этой основе тех позитивных целей и ценностей, во имя достижения которых осуществляется отрицание, ведется борьба. Так понимаемая критика ориентирует на постоянную связь с действительностью. Она несовместима с утопическим доктринерством.

Именно такая трактовка критики открывает путь к научному познанию общества, к предвидению будущего, вырастающего из критического анализа настоящего. Нельзя забывать, что «Капитал» — основное произведение Маркса — имеет подзаголовок «Критика политической экономии». Этот подзаголовок и выражает то, что данный труд посвящен критическому анализу капиталистического производства. Маркс писал «Капитал» не для того, чтобы научить капиталиста лучше хозяйствовать, а для того, чтобы на основе научной критики капитализма дать рабочему классу сознание целей и возможных результатов его борьбы. Поэтому можно с полным основа-

нием сказать, что рассматриваемый подход к критике характерен не только для молодого Маркса, но для марксизма вообще. Общественная наука не может не быть критичной по своей природе, иначе горизонт ее сужается, и она превращается, выражаясь словами Маркса, в «угодливую апологетику». Разработанным в марксизме методом этой науки явилась материалистическая диалектика — метод революционно-критический по своему существу.

История философии свидетельствует, что критическое отношение к тем или иным явлениям далеко не всегда выливалось в призывы к действию. Бесстрастность, невозмутимое созерцание существующего были жизненным идеалом античных скептиков, стоиков, эпикурейцев. Монтень блестяще критиковал предрассудки своего времени, религиозный догматизм, авторитеты, но не считал возможным что-либо улучшить в этом мире. Созерцательность старого материализма означала, что для него связь сознания с практической деятельностью была вне рамок философского анализа. Просветители же ожидали улучшений в общественном устройстве главным образом от изменений в сознании и общественных нравах.

Для Маркса задача науки не ограничивалась выработкой новых идей, ибо сами по себе идеи бессильны что-либо изменить в реальной жизни. «*Идеи* никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» (2, 132). Эта установка принципиально противопоставила подход Маркса не только к «критической критике» младогегельянцев, но и к позиции созерцательного материализма, поскольку ориентировала на связь критического анализа действительности с практической деятельностью людей. Действенность марксовой критики не только в ее теоретических результатах, но прежде всего в их связи с практикой, в том, что они выступают моментом реального общественного движения. Этим общественным движением и явилась классовая борьба пролетариата против буржуазии. Именно в движении этого класса революционная теория, философия обретают свое «материальное оружие». Однако не только воплощение, но и само становление этой теории зависит от степени развитости пролетариата, от того, насколько в самой

жизни проявились его революционные потенции, ибо лишь тогда, когда была «замечена эта сторона, наука, порожденная историческим движением и принимающая в нем участие с полным знанием дела, перестает быть доктринерской и делается революционной» (4, 146). Это важное обстоятельство неоднократно отмечалось классиками марксизма; в нем, помимо всего прочего, проявилась следующая общая закономерность: само появление общественных идей, приобретающих социальную значимость, должно быть исторически подготовлено. Такого рода идеи являются ответом на определенную общественную потребность, на возникновение социальных сил, нуждающихся для своей деятельности, борьбы в соответствующем «духовном оружии», причем эта заинтересованность первоначально даже не осознается, хотя и объективно заложена в данной системе общественных отношений: «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» (1, 423). Социальный мыслитель улавливает это стремление и реализует общественную потребность, создавая ту или иную систему взглядов. Но движение от действительности к мысли должно постоянно сочетаться с обратным движением от мысли к действительности. Подобно тому как новая теория не создается автоматически, так же автоматически она не реализуется. Первым шагом на пути реализации теории является превращение ее в фактический ориентир социальной практики; из «оружия критики» она превращается в «критику оружием». Если осмыслить это положение в контексте всего учения Маркса, то можно сказать, что речь идет о переходе от теоретической деятельности идеологов к практической деятельности народных масс, просвещенных теоретическим сознанием, пониманием целей и задач этой практики, что и означает превращение теории в «материальную силу». Теоретическим основанием такой постановки вопроса является материалистическое понимание общественно-исторического процесса.

В нашей литературе при философском рассмотрении соотношения теории и практики обычно преобладает гносеологический подход, т. е. упускается из виду социальный аспект данной проблемы. Иной раз даже допускается отождествление взаимодействия теории и практики с взаимоотношением идеального и материального. Эта неправильная постановка проблемы — результат того, что

практика односторонне характеризуется лишь как материальное основание теории, т. е. идеального, которое в свою очередь может обратно воздействовать на материальное.

Но практика не сводится к одной лишь материальной основе познания. Практика — единство материального и идеального. Практическая деятельность носит сознательный, целесообразный, целеполагающий характер. Это относится не только к трудовой деятельности, но и к социальной практике, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений. Что же касается сознания, то на него влияют не только характер самой практики, но и условия, в которых она протекает, прошлые результаты человеческой деятельности, совокупность общественных отношений и т. д. При этом нельзя игнорировать влияние на сознание людей духовной культуры, науки, искусства, идеологии. Новые идеи и теории воздействуют на практику, поскольку они воздействуют на субъектов практической деятельности. Не только теория зависит от практики, но и практика от теории. Последняя придает практике определенный уровень и направленность, поскольку на ее основе вырабатываются цели и задачи практической деятельности. Практика — средство и способ материализации идей, их реализации. Но объективированные результаты деятельности — особенно если речь идет о деятельности больших масс людей — могут и соответствовать, и противоречить первоначальным замыслам, целям, идеям, ибо эти результаты формируются под воздействием многих объективных обстоятельств. Материалистическое решение основного вопроса философии выступает гносеологическим основанием адекватного анализа теории, практики и их взаимосвязи. Но отождествлять его с соотношением теории и практики — значит становиться на неверный путь.

Проблема объективизации идей, их превращения в материальную силу (так же как вопрос об их происхождении) является, как уже говорилось, не только гносеологической, но и социальной, поскольку эти процессы совершаются не в социальном вакууме, а в определенных общественных условиях, в столкновении противоборствующих сил. Соединение теории с практикой есть сложный социальный процесс поиска путей связи между ними, процесс, зависимый от исторических условий, от конкретных ситуаций, от социальной природы действующих субъектов. Применительно к условиям классовой

борьбы пролетариата при капитализме решающими являются, очевидно, три обстоятельства, на характеристике которых следует остановиться подробнее.

Прежде всего, чтобы результаты теоретического критического анализа социальной реальности стали руководством к действию, они должны быть, выражаясь современным языком, «операционализированы». Фактически об этом писал Маркс, когда противопоставлял мессианству и доктринерству утопических социалистов выработку теории, дающей реальному движению «истинный лозунг борьбы». Идеи, вдохновляющие массы и приводящие их в движение, становятся «лозунгом борьбы», поскольку они доводятся до формулировки конкретных целей, стратегии и тактики борьбы. Философия, рассматривающая и анализирующая процесс «материализации идей», не имеет права игнорировать эту сторону дела. «...Без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания» [1]. Поскольку же «лозунг борьбы» зависит не только от принципов теории, но и от конкретных условий, то из самой теории вытекает, что она не может дать и не дает готовых решений (лозунгов) на все времена, для любых условий, что нельзя из общих принципов, не сообразуясь с конкретными обстоятельствами, выводить программы практических действий. Это означает, что само применение марксистской теории есть всегда творческий процесс. Следовательно, развитие теории и ее практическое применение внутренне связаны. Отсюда вытекает идея *творческого марксизма*. Быть марксистом — значит последовательно проводить его принципы, исходя одновременно из анализа конкретной ситуации и из существа творчески понимаемой теории. Насколько важно руководствоваться этими установками, блестяще показал В. И. Ленин всей своей деятельностью по созданию и руководству большевистской партией, своей борьбой против «правого» и «левого» оппортунизма. Так, в революции 1905 г. меньшевики, определяя тактику рабочего класса, исходили из того, что не он, а буржуазия играет роль гегемона в революции, поскольку эта революция буржуазно-демократическая. Ленин по-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 77.

казал, что подобный способ рассуждения полностью противоречит самому существу творческого марксизма, ибо стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции есть «опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[1]. Эта ленинская критика догматического стиля мышления, его, так сказать, методологии актуальна, ибо до сих пор встречаются попытки искать ответы на конкретные вопросы в простом «логическом развитии» общих истин марксизма. Но не менее важно видеть и другую серьезную опасность, когда изменение условий используется как предлог для отказа от принципов марксизма, их ревизии как якобы устаревших и не соответствующих новой реальности.

Таким образом, творческое применение теории — это сложная исследовательская задача, требующая глубокого проникновения и в фундаментальные основы марксистского учения, и в существенные стороны самой реальности. Обольщаются те, кто думают, что применять марксистскую теорию так же легко, как решать самое простое уравнение первой степени (Ф. Энгельс).

Развитие социальной теории и ее применение к конкретным условиям не только сложная, но и *ответственная* задача. Действительно, в естественных науках заблуждения ученого в поисках истины, когда они обнаруживаются на стадии эксперимента, в процессе развития науки, остаются фактом истории науки и личной биографии исследователя, если, конечно, они в силу тех или иных обстоятельств не приобретают политического, идеологического и тому подобного общественного значения. Заблуждения социальной теории, если они реализуются в практике массовых действий, затрагивают судьбы миллионов людей, становятся фактом гражданской и политической истории. Выражением этой ответственности теории перед рабочим классом, делом социализма является марксистский принцип партийности. При его правильном применении он служит и стимулом развития теории, и одним из критериев ее адекватности, и фактором повышения социальной активности народных масс.

Характеризуя теорию марксизма, В. И. Ленин подчеркивал, что она внутренне и неразрывно соединяет в себе высшую и строгую научность с революционностью,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.

включающую в себя партийность[1]. Однако эти оценки Ленина было бы неверно трактовать таким образом, что изначально заложенное в марксистской теории органическое сочетание научности и революционности, научности и партийности всегда сохраняется и действует автоматически. Напротив, это сочетание и единство требуется постоянно поддерживать, реализовать вновь и вновь при решении любой новой социально значимой проблемы, чтобы оно сохранялось и укреплялось. Опыт истории марксизма свидетельствует, что пренебрежение революционной стороной теории ведет к оппортунизму, объективизму, а пренебрежение ее научностью — к псевдореволюционности, волюнтаризму и субъективизму. Соединение научности и революционности органично, когда они практически, на уровне применения теории взаимно проникают друг друга, когда партийность опирается на научный подход к проблемам, а научность обусловливает партийность. Партийность, оторванная от научности, превращается в легковесную тенденциозность, поэтому их диалектическое единство — условие и предпосылка единства теории и практики.

Соединение революционной теории с практикой классовой борьбы, научного социализма с рабочим движением осуществляет пролетарская партия. Успех этого дела в немалой степени зависит от того, насколько творческим является подход к теории, ибо в конкретных условиях всегда имеют место неповторимость ситуации, разнообразные альтернативные возможности для деятельности революционных масс. Задача партии состоит в том, чтобы, выявив эти возможности, перевести полученные выводы на язык политических лозунгов, организовать действия масс по их реализации. Связь теории с практикой революционной борьбы предполагает наличие определенного социального механизма, который В. И. Ленин обозначил как «вожди — партия — класс — масса». В рамках этого механизма осуществляется «социализация» и реализация принципов теории. Всякие нарушения взаимосвязи между его элементами не только имеют свои социальные корни и субъективные причины, но и связаны с деформациями в соотношении теории и практики, в их неправильном или недостаточно эффективном согласовании.

История дает тому немало примеров. Крах II Интер-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

национала в период первой мировой войны, предательство его лидерами идеалов рабочего движения в идейном отношении были не в последнюю очередь обусловлены отходом от революционного марксизма, социальной же базой оппортунизма была прослойка «рабочей аристократии». В. И. Ленин критиковал и «левых» доктринеров, которые прямолинейно, без учета конкретных условий, реального соотношения классовых сил и т. д. применяли истины марксизма. Отвечая им по вопросу об участии коммунистов в парламентской деятельности, Ленин указывал, что они абсолютизируют марксистскую критику буржуазного парламентаризма. А это очень опасно, ибо «самое верное средство дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда» [1]. Опасность «левого» доктринерства он видел в том, что оно ведет к отрыву партии от масс, к сектантству, к превращению ее в группу заговорщиков.

Нередко субъективизм под флагом защиты революционной теории догматизирует ее, при этом теряется важнейший признак научной теории — открытость, возможность ее дальнейшего развития. Между тем, как отмечал Ленин, практика «богаче теории», ибо никакая теория не может охватить всего, с чем люди сталкиваются в действительности. «История вообще, история революций в частности,— писал он,— всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов» [2]. Догматизм не просто отрывает теорию от практики, он порождает или оправдывает негодную практику, создает искусственные препятствия познанию реальной действительности, что чуждо революционной теории, ибо сама она «окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» [3].

Наконец, следует указать еще на один важный принцип успешного соединения революционной теории и практики. Идеи, политические цели, стратегические и тактические лозунги, оценки и т. п. находят в массах соответствующий отклик только в том случае, если они

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.
[2] Там же, с. 80.
[3] Там же, с. 7.

соответствуют их интересам. Но этого недостаточно для того, чтобы они стали для трудящихся действительным руководством к действию. К пониманию их правильности и необходимости руководствоваться ими массы приходят на основе собственного политического опыта. Маркс, Энгельс и Ленин считали, что искусство политического руководства состоит, в частности, в том, чтобы чутко прислушиваться к настроениям масс, учитывать их при проведении политической линии и подводить массы к пониманию ее правильности с учетом их собственного политического опыта. Это марксистско-ленинское искусство соединения теории и практики блистательно проявилось при подготовке большевиками социалистической революции в России, которая стала самым великим в истории примером органического сочетания революционной теории и революционной практики.

Сейчас, на исходе XX столетия, можно сказать, что Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ход мировых событий, которые и ныне совершаются под знаком ее влияния. Попытки мирового империализма уничтожить родившееся в результате революции социалистическое общество успеха не имели. Последующий ход всемирной истории привел к распаду колониальной системы империализма. Ему пришлось отступить. Но надежд на социальный реванш империализм не оставляет. Поэтому продолжается гонка вооружений. В мире накапливаются огромные запасы оружия массового уничтожения — ядерного, химического и т. д. Над человечеством нависает зловещая угроза ядерной войны, способной уничтожить все живое. Вопрос о предотвращении этой угрозы стал важнейшей проблемой современности. Вместе с тем эта угроза не снимает других глобальных проблем и противоречий. К традиционным противоречиям капитализма добавляются новые, глобальные проблемы, вызванные научно-техническим прогрессом. Все это означает, что перед социалистическим обществом, международным революционным рабочим движением возникли задачи, которые раньше вообще не имели места либо не стояли с такой остротой. В этих условиях многие сделанные в прошлом конкретные выводы и оценки устарели и не могут быть теоретическими ориентирами в современном мире. Но в целом марксизм-ленинизм по-прежнему остается единственно правильным теоретическим фундаментом научного анализа мирового общественного развития.

В начале нынешнего столетия В. И. Ленин писал, что будущее принесет триумф учению Маркса. Это ленинское предвидение сбылось в полном объеме, ибо сегодня марксизм — это духовное и общественно-политическое движение мирового масштаба, оно воплотилось в реальности мирового социализма, в исторические завоевания мирового революционного процесса. История доказала истинность гениальных идей Маркса. Марксизм сохранил все свое научное значение потому, что развивался, обогащаясь новыми выводами, отбрасывая и догматизм, и ревизию своих основных принципов.

В современных условиях задача применения марксистско-ленинского учения к конкретной реальности различных стран, с их специфическими особенностями, а также к мировому процессу в целом стоит перед всеми коммунистическими и рабочими партиями. Теоретическая работа, проделанная в этом плане КПСС начиная с апреля 1985 г., привела к разработке стратегии ускорения развития советского общества и утверждению необходимости нового мышления. Важнейшая черта этого нового мышления состоит в признании того, что ныне складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир [1]. Лишь *совместными* усилиями человечество может предотвратить и устранить нависшую над ним угрозу ядерного уничтожения. Для этого надо отказаться от изжившей себя традиции разрешать возникающие между государствами противоречия с помощью войны. Термоядерная война — это самоубийство, а не средство политики. «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания *конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты*» [2]. Региональные конфликты должны разрешаться политическими средствами, между государствами с различным социальным строем и в международных отношениях в целом должно быть установлено доверие, открывающее путь к разоружению. Не вооружение, а согласованное и поэтапное разоружение, ликвидация ядерного и других видов оружия массового уничтожения — путь к подлинной безопасности государств. Чтобы двигаться по пути, отвечающему интересам всего человечества, необходимо налаживать

---

[1] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 21.

[2] Там же, с. 20.

конструктивное, созидательное взаимодействие стран, народов и государств.

Впервые человечество встало перед глобальным выбором: быть или не быть. Решить эту проблему в пользу человека, жизни, прогресса могут только сами народы, взяв судьбы мира в собственные руки. Коммунисты идут в авангарде этой борьбы. Марксистско-ленинская теория вселяет надежду в ее успех, чувство оптимизма, веру в будущее человека и человечества.

Социализм и принцип единства теории и практики

Переход к социализму внес качественные изменения в соотношение теории и социальной практики. Конечно, общие методологические установки марксизма, касающиеся их соотношения, сохранили свою силу. Но условия, характер, способы реализации теории изменились радикально.

Прежде всего важно отметить, что впервые в человеческой истории начала создаваться социальная система, одним из принципов построения, функционирования и развития которой является единство научной теории и практики. За одним этим тезисом кроется очень многое: и ликвидация антагонистических классов, и возможность сознательного исторического творчества, управления социальными процессами, и рост социальной активности трудящихся масс и значения в этом процессе их авангарда — партии, и утверждение в жизни общества таких принципов, как социальная справедливость, честность, единство слова и дела и т. д. На этот последний момент стоит обратить особое внимание, ибо никакое единство теории и практики невозможно в социалистическом обществе, если в нем имеет место разрыв между словом и делом. Этот разрыв В. И. Ленин считал одним из самых отвратительных черт эксплуататорского общества. В условиях капитализма он закономерен, ибо буржуазия всегда стремится выдавать свой эгоистический, корыстный интерес за всеобщий. Социализм же, напротив, базируется на единстве коренных общественных интересов, утверждает научную идеологию, призванную дать адекватное отражение действительности.

Все это и создает необходимые объективные предпосылки для утверждения единства слова и дела в качестве одного из важнейших принципов жизнедеятельности нового общества. Нарушения же этого принципа, имеющего прямое отношение к вопросу о взаимоотношении теории и практики, свидетельствуют о неполадках в

системе социального управления и в каждом конкретном случае болезненно переживаются обществом, поскольку подрывают доверие к руководству, резко снижают эффективность идейно-воспитательной работы, создают почву для цинизма и социального безразличия, ведут к нарушениям в функционировании многих социальных механизмов. Партия подвергла резкой критике различные проявления противоречия между словом и делом, когда серьезнейшие реальные проблемы не решались, провалы в работе скрывались, а главные усилия прилагались к тому, чтобы создать видимость благополучия. В результате страна теряла драгоценное время, столь нужное для решения назревших вопросов.

Отсюда понятно, какое огромное значение в жизни социалистического общества имеют провозглашаемые им основополагающие принципы и какой большой вред приносит их нарушение. Исторический опыт, в том числе и горький опыт наших ошибок и неудач, учит, что к провозглашаемым принципам надо относиться серьезно и ответственно, что их нарушения не могут быть оправданы никакими соображениями. Принципы марксистского учения — это не пустые абстракции, излишние для «людей дела», как считают некоторые «прагматики», а духовные устои социалистического бытия.

Важнейшей целью соединения теории и практики является созидание — в ходе этого соединения — социалистического общества. При социализме надо строить, развивать, совершенствовать новое общество, каждый раз решая проблемы, с которыми раньше не приходилось сталкиваться. Это требует, во-первых, систематического познания общества и, во-вторых, теоретического обоснования принимаемых практических решений, затрагивающих общие интересы, и предпринимаемых практических действий.

В принципе социализм открывает более широкие возможности для социального познания, чем предшествующие общественные системы. Это обусловлено тем, что социалистическое общество заинтересовано в таком познании, в объективном самопознании. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей» (20, 295). Социализм создает ту точку отсчета, ту историческую веху,

с которой открываются более широкие исторические дали и возможности более глубокого проникновения в саму сущность исторического процесса.

Однако на практике эти возможности далеко не всегда реализуются. В этой сфере также следует не уповать на спонтанные процессы, а учитывать, что и при социализме появляются препятствия для социального познания, возникают свои «механизмы торможения». Их наличие в ряде случаев объясняется объективными причинами и условиями — тем, что социалистическому обществу приходилось развиваться в очень сложных и жестких условиях противостояния капиталистическому миру, ограничения демократии и т. п. Были здесь и причины идеологического и политического характера.

Господство административных методов управления в экономике и других сферах, жесткая централизация в ущерб демократии стали во все возрастающей степени тормозить использование экономического и социального потенциала социализма, сковывать инициативу масс. Исторически назревала потребность в изменении сложившегося положения дел, в приведении системы управления в соответствие с новым уровнем, интересами и задачами социалистического строительства. Однако попытки принципиальных изменений либо пресекались, либо спускались на тормозах. Следствием всего этого было повсеместное распространение и усиление бюрократических, консервативных тенденций, порождением которых явились догматизм в области теории, серьезные интеллектуальные потери в различных сферах духовной жизни.

Действительно, трудно понять, каким образом страна, проделавшая огромный путь революционного развития, совершившая самую великую революцию в истории, оказалась во власти консервативных тенденций, затормозивших ее научно-технический и интеллектуальный прогресс! В этой связи хотелось бы отметить, что В. И. Ленин в своих последних статьях, говоря об улучшении работы государственного аппарата, обратил особое внимание на такое «интереснейшее явление», когда «в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями»[1]. Эту «робость» он связывал с наличием бюрократической иерархии, где, по его словам,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 400.

«наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством» [1].

В условиях перестройки эти слова вождя революции звучат весьма современно, они звучат как предостережение, которое в свое время оставили без внимания. Сегодня необходимо делать все для того, чтобы подлинная революционность изживала рутинерство, а не уживалась с ним.

Партия обратила внимание на связь бюрократизма на практике с догматизацией теории [2]. Догматизм поддерживался идеологическими средствами, что затрудняло объективное изучение социализма, творческую работу в области марксистско-ленинской теории — идейной основы всей системы наших общественных наук.

Марксизм-ленинизм — научная идеология. Это означает, что он сочетает в себе качества и науки, и идеологии, т. е. представляет собой науку, поставленную на службу трудящихся, выражающую интересы рабочего класса, движения общества по пути социального прогресса. Ленинское понятие научной идеологии характеризует и отражает внутреннюю связь марксистской науки с общественной практикой, тот факт, что эта наука служит вместе с тем идейным знаменем, сплачивающим массы на борьбу за лучшее будущее. Однако до сих пор в литературе мало обращалось внимания на диалектичность этого понятия, его противоречивость, обусловленную тем, что сплав идеологии и науки объективно должен удовлетворять требованиям подчас противоположным. Наука, по определению, должна постоянно генерировать новое знание. Она антидогматична и демократична по своей сути, требует для своего развития развертывания дискуссий, столкновения различных точек зрения, критического подхода, сомнений, поиска. Ошибки в науке — это заблуждения в поисках истины, которую она стремится сохранить, отбрасывая новации, не отвечающие критериям научности.

Идеология же сильна в первую очередь единством взглядов, твердостью убеждений, четкостью идейных позиций. Поскольку идеология сочетается с наукой, она берет себе на вооружение авторитет истины и формирует специфически для научной идеологии механизм ее

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 400.

[2] См.: *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 12.

практической реализации. Научность идеологии — источник ее силы. Научно-исследовательская деятельность в области марксистско-ленинской теории, конечно, не имеет права игнорировать ее идеологический характер, а идеологическая деятельность — не считаться с тем, что марксизм-ленинизм — это наука.

На словах все это никогда не отрицалось, но на практике идеологические механизмы, соединенные с административно-командным стилем управления и организации идеологической работы, использовались преимущественно как средство закрепления и распространения уже готового и как бы не развивающегося знания, что препятствовало объективному исследованию реальности, происходящих в социалистическом обществе процессов и тем самым затрудняло развитие общественной теории. Следствием всего это явилось распространение догматизма, обеднение представлений о реальном социалистическом обществе, в котором мы живем, насаждение далеких от действительности идеологических стереотипов, сопровождаемое обвинениями общественной науки в том, что она отстает от практики. На самом же деле теорию нередко пытались приспособить к исторически изжившим себя формам хозяйствования, к административно-командной практике управления. В то же время накапливались реальные практические проблемы, пути решения которых теория, поставленная в ненормальные условия, указать не могла. Политическая экономия социализма, которая как раз и призвана теоретически обосновать формы и методы социалистического хозяйствования, своих функций не выполнила. То же можно сказать и о ряде других общественных наук. Характеризуя сложившуюся здесь ситуацию, М. С. Горбачев отметил, что «положение на теоретическом фронте оказало негативное влияние на решение практических вопросов» [1].

В условиях перестройки одной из важных задач является восстановление нарушенного единства теории и практики. Действительно, если догматизация теории негативно сказывается на практике, это «от противного» доказывает важность теории и означает, что нормальное развитие социалистического общества предполагает систематическое самопознание и опережающее приращение теоретических знаний, эффективно действующий

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 9.

механизм взаимодействия теории и практики. Устранение в ходе перестройки идеологических и административных препон для познания социальной реальности, обновление и развитие общественных наук безусловно является серьезным стимулом, позволяющим реализовать общественную потребность в глубоком изучении нашего общества, его закономерностей, в осознании его проблем, трудностей, противоречий, достижений и недостатков. «Только глубокое знание положения дел позволяет находить верные пути решения сложных задач» [1].

Стимулы к познанию, к творческому развитию теории должны исходить из практики, а общество должно создавать условия для реализации этой общественной потребности. Сама же реализация зависит от людей науки, их активности, ответственности, таланта, компетентности. Поворот науки к реальным проблемам, к практике связан с избавлением не только от не оправдавших себя догм, но и с перестройкой самого стиля мышления, форм и методов работы, т. е. с перестройкой «человеческого фактора» науки.

Что же касается *применения* теории, то здесь социализм также вносит существенно новые моменты. Если в условиях классовой борьбы практическим выходом теории был «лозунг борьбы», выработка ее стратегии и тактики, то при выдвижении на первый план созидательных задач строительства нового общества роль теории состоит главным образом в том, чтобы на основе познания его законов разрабатывать наиболее оптимальные программы социального развития и определять конкретные пути их реализации, выявлять те задачи и проблемы, которые необходимо решать на этом пути, определять возможные способы их решения.

В условиях социализма, следовательно, меняется сам характер воздействия революционной теории на ход общественного развития. Ее воздействие многократно увеличивается как следствие превращения рабочего класса в ведущую силу общества, как результат формирования политической организации общества, ядром которой является Коммунистическая партия, руководствующаяся в своей деятельности марксистско-ленинской теорией. В этих условиях теория, ее положения и выводы призваны определять принципы системы управления процесса-

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 6.

ми, протекающими во всех сферах общественной жизни — от экономики до идеологии, открывается, таким образом, возможность планирования и даже установления сроков, необходимых «для производства коренных социальных изменений» [1].

До социалистической революции рабочему классу приходилось разворачивать свою борьбу в условиях, которые создавались помимо его воли, объективно. При социализме же открывается перспектива *сознательного* формирования самих этих объективных условий, целенаправленного совершенствования общественных отношений в интересах трудящихся, осуществления того, что Маркс и Энгельс называли производством «самой формы общения». Конечно, это не означает, что при социализме все и вся должно подчиняться сознательному управлению и контролю единого центра, как иногда утверждалось в нашей литературе. Такое понимание «сознательного развития», когда всякая заранее незапланированная инициатива рассматривалась как проявление стихийности, как некое нарушение установленного порядка, должно быть отвергнуто как неправильное, основанное на абсолютизации административно-бюрократических методов управления. На самом же деле рост сознательности предполагает развитие институтов социалистической демократии, привлечение масс к управлению, укрепление самоуправленческих начал, широкое проявление инициативы и т. д. Чем шире масса людей, вовлекаемая в процесс сознательного исторического творчества, чем активнее они действуют в русле общих законов и тенденций социалистического развития, тем более быстрыми темпами движется вперед и само общество.

Теория реализуется в деятельности различных социальных субъектов, начиная от индивида и кончая всей массой трудящихся. Формирование сознательного субъекта исторического развития — одно из основных направлений процесса реализации теории. Этому служит система идейно-воспитательной работы, экономической и политической учебы, пропаганды и агитации. Вопрос о действенности этой системы имеет для социалистического общества жизненно важное значение. Зависит же она от многих составляющих, включая не только методы и формы идеологической деятельности, но и весь строй жизни общества, формы организации его деятельности,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 385.

единство слова и дела и т. д. Коммунизму нельзя научиться по книгам. Но это не означает, что не следует читать книг о коммунизме. Нужно только обязательно учитывать, что их восприятие опосредствуется жизненным опытом людей, характером общественной практики.

Другое направление включения теории в практику — обоснование принимаемых решений на различных уровнях социального управления. В условиях социализма каждый шаг вперед должен быть «проработан» теоретически. Революционная наука должна смотреть далеко вперед. Методологическая традиция марксизма-ленинизма предъявляет к теоретику требования добиваться возможно более полной ясности в понимании действительности, ее общих закономерностей, глубинных тенденций, объективных противоречий, а также ставить и рассматривать вопросы об определении и выборе путей движения вперед, о способах решения назревших задач конкретно, исходя из «конкретного анализа конкретной ситуации» (В. И. Ленин). Эти методологические императивы внутренне связаны. Конкретные решения не могут быть непосредственно выведены из общих принципов теории, для этого необходим конкретный анализ исторических условий, достигнутой стадии развития. Эта работа предохраняет от превращения общих принципов теории в абстрактные и безжизненные надысторические схемы.

Но требование конкретности не означает недооценки общих теоретических принципов, ибо плодотворный анализ конкретных условий возможен именно на базе общей теории. Кроме того, ясность в общих теоретических вопросах позволяет «подняться» над конкретными условиями и проводить последовательную политическую линию в разнообразных и быстро меняющихся исторических ситуациях, а не плестись в хвосте событий. Поэтому столь противоречиво соотношение теоретической и практической деятельности, диалектическим образом сочетающее в себе строгую научность и высокую социальную ответственность. От обществоведов в немалой степени зависит готовность науки служить практике. Чтобы выполнить свою социальную функцию, наука должна наращивать творческий потенциал, сохраняя критическое отношение к действительности, присущий марксизму-ленинизму революционно-новаторский дух. Если наука его утрачивает, она перестает быть наукой, превращается в поверхностную апологетику, лишь оправдывающую су-

ществующую практику, а не прокладывающую ей новые пути.

Следует подчеркнуть — об этом у нас почему-то забывали,— что общественная наука должна восприниматься не только как объект критики, но и как мощное *средство* объективной критики социалистической действительности, ее «критического освоения». Если критика и самокритика необходимы для нашего движения вперед, то это надо понимать не только как необходимость критики отдельными людьми отдельных недостатков. Мы не можем двигаться вперед без *научного* критического анализа социалистической действительности. Критика культа личности, волюнтаризма и субъективизма, явлений застоя — это отнюдь не критика «отдельных недостатков».

Критическое отношение теории социализма к его реальности есть выражение самокритики социализма, есть условие не только его обновления и совершенствования, но и сохранения его стабильности как социальной системы. Жизнеспособность и прочность последней возрастают тогда, когда неизбежно возникающие противоречия не накапливаются, а своевременно разрешаются. Задача критического анализа действительности и состоит в том, чтобы выявить эти противоречия и определить пути их преодоления. Поэтому критическое отношение теории к социальной практике, к действительности — это общественная потребность социализма как динамичной системы, условием стабильности которой является изменение, обновление, совершенствование, а не сохранение ее в застывшем неизменном состоянии. Теоретическое обоснование принимаемых решений включает в себя критическое начало как обязательный элемент. Огромный вред бюрократизации системы управления, помимо всего прочего, состоит в том, что бюрократия стремится всячески вытравить это критическое начало из науки, как только последняя обращается к реальности социализма. И в тех случаях, когда бюрократии это удается, наука отрывается от реальности, в ней затухает процесс генерирования новых идей, возникает и разрастается догматизм, она становится апологетической. Надо отметить, что в этих условиях и сама критика в сфере теории приобретает догматические черты, так как своим острием она направляется против всевозможных отступлений от общепринятых положений, независимо от того, сохранили ли они свою значимость или уже устарели. Таким образом, можно с полным основанием сказать, что марксистско-ле-

нинская теория является критической не только по отношению к прошлому, не только в отношении капитализма, но и в отношении реального социализма. Конечно, в последнем случае меняется характер и направленность критики, целью которой становится укрепление, развитие, совершенствование социалистического общества. Говоря о критике, нельзя забывать о тех позициях, с которых эта критика ведется. Как показал исторический опыт, недопустимо под видом «заботы» об укреплении социализма ставить препоны его критике со стороны марксистской науки. Это ведет к большим потерям для социализма и на практике, и в теории, затрудняет его полноценный научный анализ, а также выработку необходимых практических рекомендаций для сферы управления.

В этой сфере с точки зрения применения научной теории к социальной практике можно выделить три основных уровня принятия решений.

Первым, высшим уровнем является тот, на котором вырабатывают стратегические решения, касающиеся целей общества на перспективу, определения его основных задач и путей их разрешения в интересах общества, трудящихся, социального прогресса. Научное обоснование практических решений и политических действий, принимаемых на этом уровне, предполагает глубокое знание закономерностей социализма, особенностей их проявления, четкого определения достигнутого этапа, творческого применения принципов к конкретным условиям и т. д. Разработка КПСС концепции и стратегии ускорения развития советского общества на базе научно-технического прогресса, вступление страны на путь перестройки особенно отчетливо обнажили вред, нанесенный догматизмом, его распространением в науке, отрывом теории от практики в предшествующий период, ибо оказалось, что по ряду направлений наука не может дать практике необходимые конкретные ориентиры. «Нам насущно необходим,— подчеркнул М. С. Горбачев,— принципиальный прорыв на теоретическом фронте, основанный на строгом анализе всей совокупности фактов общественной жизни, научном обосновании целей и перспектив нашего движения» [1].

Та «совокупность фактов», на базе которых строится

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года, с. 12.

теория, включает в себя и весь опыт предшествующего развития, опыт во всей его полноте, с учетом и достижений, и ошибок, и успехов, и упущений, и побед, и поражений. Ведь «конкретные условия» — это не только пространственный срез сегодняшнего момента, это состояние реальной живой и сложной истории, где прошлое в той или иной форме существует в настоящем. Весьма существенно учесть этот опыт в поворотные моменты развития, каким и является перестройка — процесс, революционный по своему существу, когда особенно злободневно звучат слова В. И. Ленина, что «нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов» [1].

Наконец, говоря о выработке решений стратегического уровня, затрагивающих интересы всего общества, следует отметить, что социалистическое общество предусматривает не только использование для этого развитой научной теории, но и расширение участия масс в этом процессе с помощью использования соответствующих демократических процедур, включая общенародные обсуждения принимаемых законов и т. д. И это очень существенно. Ведь дело не только в том, чтобы принять правильное решение. Необходимо еще и провести его в жизнь. В. И. Ленин говорил, что «социализм таит в себе гигантские силы». Эти силы надо активизировать, привести в движение. Участие масс в демократических процессах подготовки и принятия решений делает эти решения кровным делом самих масс и потому представляет собой один из путей приведения в действие сил социализма.

Следующий, второй уровень — научное обоснование и разработка конкретных планов экономического и социального развития. В планах общая стратегия конкретизируется. Поскольку без такой конкретизации принципы стратегии не могут быть реализованы, то между этими уровнями существует (должна существовать) внутренняя связь, они взаимно подкрепляют друг друга, один без другого немыслимы. Как известно, повышение уровня научного обоснования наших планов и программ развития, научная разработка самих методов планирования является задачей, с выполнением которой мы серьезно задержались, и партия выдвинула требование разрешить

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.

ее в кратчайшие сроки. Особенность соотношения теории и практики на этом уровне заключается в том, что для планирования необходимо использование широкого спектра общественных наук, дающих не только знание глубинных экономических и социальных процессов, но и конкретную информацию о различных сторонах и сферах жизни социалистического общества. Однако вся эта информация может не иметь никакого значения, если не отработана система планирования, если дает сбои, обнаруживает слабые звенья экономический механизм в целом. Это еще раз показывает, что взаимодействие теории и практики — не просто гносеологическая, но и социальная проблема, что практическое применение науки требует не только готовности науки служить практике, но и соответствующих форм организации их взаимодействия, а также готовности самой практики к использованию данных науки.

Использование науки для подготовки социально значимых решений, для выработки планов экономического и социального развития — действенное средство предотвращения и преодоления субъективизма и волюнтаризма, так как в планы ведь тоже можно закладывать нарушение экономических законов. Бюрократическая централизация такой субъективизм как раз и порождает, ибо не терпит каких-либо ограничений своей воли. Бюрократия вовсе не заинтересована в широком использовании науки, которая ставит какие-то ограничения ей, каким-то образом вмешивается в сферу ее компетенции. Поэтому наука остается лишь «модной фразой», а реальная бюрократическая система планирования и управления науку, ее рекомендации не воспринимает. Работа строится таким образом, что наука оказывается излишней, отсутствует традиция установления связи с наукой. Если во взаимодействии науки и производства у нас действовали механизмы торможения использования достижений науки в производстве, то во взаимодействии науки и общественной практики в целом дело обстоит еще сложнее. Восстановление органичного взаимодействия науки и практики требует серьезной перестройки не только науки, но и практики, «расчистки» путей их соединения.

Наконец, имеется третий уровень управления с точки зрения применения теории к социальной практике — уровень реализации намеченных планов, уровень выработки и принятия конкретных управленческих решений в

определенных условиях места и времени, решений, касающихся не всего общества, а отдельных производственных коллективов, групп людей, тех или иных слоев общества. Любой план или программа ставят конкретные задачи, решение которых зависит от «человеческого фактора» и имеющихся ресурсов, от компетентности и оперативности руководства и объективных условий и т. д. Эта деятельность тоже нуждается в научном обосновании, с тем чтобы принимаемые на этом уровне решения также были оптимальными. И для этого в современных условиях недостаточно личного опыта и здравого смысла. Нужна наука, изучающая конкретные условия деятельности и самого деятеля, включающая в себя целый комплекс научных дисциплин. Такими являются экономическая наука, конкретная социология, социальная психология, юридические науки и т. д., науки об организации и управлении; здесь также складывается своеобразный комплекс необходимых для практики наук. Здесь также должен быть разработан механизм связи общественной науки и социальной практики.

Таким образом, связь теории (науки) с практикой на разных уровнях социального управления при социализме требует своеобразных форм организации, и в целом в обществе формируется достаточно сложный социальный механизм этой связи. Его отработка в современных условиях является чрезвычайно важной задачей, одной из проблем происходящей в стране перестройки.

Научное управление — понятие, относящееся ко всем уровням управления, а не только к самым высшим. Это связано с самой природой и структурой управления при социализме, где каждый уровень управления существует не сам по себе, а во взаимодействии с другими. И если научный подход на высшем уровне не будет подкрепляться аналогичными подходами на более низких уровнях, то это будет подрывать его основы, нарушать единство теории и практики. Бесспорно, более полное использование возможностей всей системы марксистского обществознания является значимым фактором ускорения социально-экономического и духовного развития социалистического общества, его перехода на рельсы интенсификации.

Мы не всегда достаточно бережно относимся к интеллектуальному потенциалу нашего общества. А марксистская общественная наука — основа, ядро этого огромного интеллектуального потенциала, и его необходимо

полнее использовать в интересах укрепления и прогресса социализма, всестороннего развития личности, для решения конкретных задач ускорения и перестройки.

3. МАРКС И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Маркс о сущности научно-технического прогресса и его роли в развитии общества

Среди обширного круга проблем, разработанных Марксом, важное место занимают вопросы, относящиеся к пониманию сущности и роли научно-технического прогресса в развитии общества. Он подчеркивал, что развитие цивилизации немыслимо без использования достижений науки и техники, практическое применение которых способствует повышению производительности труда, обусловливает изменения в технологической структуре производства, ведет к увеличению общественного богатства.

К. Маркс исследовал сущность и основное содержание технических переворотов в обществе и убедительно показал, что коренные преобразования в жизнедеятельности людей самым тесным образом связаны с созданием принципиально новых средств труда — революционизирующих начал в способе производства вообще (см. 47, 548). Причем средство труда, отмечал он, выступает не только как «мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (23, 191).

Осмысление диалектической взаимосвязи между техническим развитием общества и изменениями в производственных, общественных отношениях людей — один из существенных моментов материалистического понимания истории. В размышлениях Маркса о создании прядильной машины и парового двигателя, о прогрессе орудий труда, изменяющих технологию производства, речь идет об исторической закономерности развития машинного труда как одного из элементов, революционизирующих и производительные силы, и производственные отношения. «Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также,— подчеркивал Маркс,— и революция в производственных отношениях» (47, 461).

В результате широкого использования машин в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства стало возможным включение науки в общественное производство. Разрушение патриархальных отношений и упадок мануфактурного разделения труда, усиление тенденций к концентрации предприятий и капитала, а также к научной организации производства, рост масштабов и значения обобществленного труда, изменение социальной структуры общества, связанное с появлением новых классов — пролетариата и буржуазии,— все это способствовало прогрессивному развитию человечества. Этот вывод был сделан Марксом на основе всестороннего анализа капиталистической общественно-экономической формации, пришедшей на смену феодальному обществу.

Всесторонний анализ Марксом капитализма глубоко вскрывает комплекс кардинальных проблем, имеющих непреходящее значение для понимания научно-технического и социального прогресса. «Марксов анализ поражает своей исторической масштабностью, меткостью и глубиной. Применительно к буржуазной действительности двадцатого века он, пожалуй, стал еще более актуальным, чем в веке девятнадцатом» [1].

К. Маркс исследовал характер и структуру собственности при капитализме, формы и методы реализации классовых интересов, противоречия между общественным характером труда и частнособственническим присвоением его результатов. Он показал, что буржуазия подчиняет общественные силы труда своим классовым интересам, нещадно эксплуатирует трудящихся в погоне за максимальными прибылями, присваивает прибавочную стоимость и усиливает социальное неравенство, углубляя тем самым пропасть между имущими и неимущими.

Марксов анализ вскрывает глубокую противоречивость капиталистической системы хозяйствования, в условиях которой технические достижения нередко приводят к моральной и интеллектуальной деградации. «Мы видим,— писал Маркс,— что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 9.

благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации... Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» (12, 4). Наука как «самостоятельная потенция производства» (см. 23, 374), силы природы, непосредственные условия труда, формы организации труда (например, «единство при кооперации», «комбинация при разделении труда») — все это противостоит трудящимся как нечто капитализированное, как сила капитала. «Наука и ее применения действительно отделяются от искусства отдельного рабочего и его знания дела, и хотя они,— если их проследить до самого их источника,— представляют собой опять-таки продукты труда, всё же они всюду, где они входят в процесс труда, выступают как *включенные в состав капитала.* Капиталист, применяющий машину, не должен обязательно понимать ее устройство... Но *в машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала.* И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно как *силы,* принадлежащие капиталу и противостоящие труду» (26, ч. I, 399).

Обострение противоречий современного капитализма, давшего толчок бурному развитию науки и техники, проявляется сегодня в более резких формах, чем в прошлом столетии, во времена Маркса. Исключительной остроты противоречия капитализма достигли вследствие безудержной гонки вооружений, навязанной человечеству милитаристскими кругами США и других империалистических государств. Непомерно разросшийся военно-промышленный комплекс этих стран в колоссальных размерах расхищает общественные богатства, способствует дальнейшему непрерывно нарастающему обогащению богатых слоев общества.

Это классовое своекорыстие буржуазной экономики ныне осознают многие представители различных обще-

ственных кругов Запада. А. Печчеи писал: «Наука в том виде, в котором она существует в нашем обществе, служит власть имущим. В значительной степени она планируется и используется для увеличения их благосостояния, их богатства, их власти, их престижа. Она служит их капризам сверхпотребления материальных благ и благ псевдокультуры» [1].

Разумеется, в условиях государственно-монополистического капитализма использование достижений науки и техники повышает производительность труда, модернизирует процессы производства. Вместе с тем научно-техническая революция в странах капитала сопровождается сегодня такими отрицательными последствиями, которые свидетельствуют, что современная наука и техника вступают в конфликт с общественным строем, основанным на частной собственности и эксплуатации. Чем больше наука и техника внедряются в производство и чем масштабнее их воздействие на все сферы жизни общества, тем рельефнее обнаруживаются кризисные процессы, внутренне присущие капитализму. Научно-технический прогресс способствует углублению старых и возникновению новых антагонистических противоречий: он не только обостряет противоречия между трудом и капиталом, но и порождает еще более глубокие антагонизмы между общественным характером современного, оснащенного по последнему слову науки и техники производства и государственно-монополистическим характером его регулирования.

Научно-технический прогресс привел к качественному скачку в производительных силах различных социальных систем. Но он же вызвал к жизни и качественный скачок в средствах разрушения, подтолкнув капиталистические страны, особенно США, к новому витку гонки вооружений. Новейшие достижения науки и техники, оказавшись на службе монополистического капитала, обернулись в конечном счете против трудящихся масс. «Капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных. Богатство и власть еще более концентрируются в руках немногих. Неимоверно разбухает на гонке вооружений милитаризм, стремя-

[1] *Peccei A.* 100 pages pour l'avenir. Reflections du president du Club de Rome. P., 1981, p. 91.

щийся шаг за шагом овладеть и политическими рычагами власти. Он становится наиболее уродливым и опасным чудовищем XX века, его усилиями самая передовая научно-техническая мысль переплавляется в оружие массового уничтожения» [1].

Современные буржуазные идеологи безуспешно предпринимают различные попытки противопоставить свои антинаучные концепции марксистско-ленинскому пониманию научно-технического и социального прогресса.

В 60-е гг. на Западе широкое распространение получил так называемый технологический детерминизм, представляющий собой систему идеологических мифов, абсолютизирующих роль техники, приписывающий ей универсальное значение.

Однако реальные процессы, породившие кризисные ситуации в экономике, политике и культуре буржуазного общества, пришли в явное противоречие с теориями бескризисного развития капитализма, возникшими на почве технологического детерминизма. Трезвомыслящие ученые стали высказывать опасения по поводу созданной человеком могущественной техники, выходящей из-под его контроля и ведущей к разрушению окружающей природы. Многие из них стали подчеркивать, что, наделив людей невиданной ранее силой, научно-технический прогресс не способствовал торжеству мудрости, обеспечивающей использование достижений науки и техники на благо, а не во вред человеку. Техника, по словам А. Печчеи, «превратилась в абсолютно неуправляемый, анархический фактор» [2].

В 70-е гг. в буржуазной литературе стали усиливаться пессимистические тенденции, связанные с критикой «технической цивилизации». Западные теоретики, претендующие на всестороннее рассмотрение как позитивных, так и негативных последствий научно-технического прогресса, все чаще стали задаваться вопросом о том, являются ли наука и техника добром или злом. Появились многочисленные выступления в печати, свидетельствующие о разочаровании их авторов в научно-техническом прогрессе. Все чаще звучали сетования об утрате человеком связи с природой, о технизации человеческой жизни и деградации личности. Ан-

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 9—10.

[2] *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985, с. 67.

титехницистские умонастроения стали питательной почвой для романтической критики капитализма, не столько вскрывающей действительные причины отчуждения в обществе, сколько выступающей против «демонии» техники и прогресса научного знания в современном мире.

В 80-е гг. в условиях бурного развития электроники и информатики на Западе на передний план выдвинулись концепции «компьютерной» и «микропроцессорной революции». Их авторы и сторонники усмотрели в компьютеризации общества гарантию «выживания» и «обновления» капитализма, спасительный выход из социально-экономического, политического и экологического кризиса. Антитехницистские умонастроения быстро сменились оптимистическими ожиданиями, навеянными концепцией «компьютерной революции», в свете которой новейшая электронно-вычислительная техника воспринимается в качестве некоего волшебного ключика, способствующего решению любых социально-экономических и политических проблем.

Воплощенные в электронике и информатике достижения науки и техники рассматриваются буржуазными идеологами не только в контексте перспектив разрешения кризисных ситуаций в западном мире, но и в плане новых идейных трансформаций, противостоящих марксистскому пониманию закономерностей научно-технического и социального прогресса. Так, профессор Лондонского университета Б. Шерман утверждает, что компьютерная технология якобы опровергает положения Маркса о роли рабочего класса в обществе и о необходимости социалистической революции, поскольку на современных оснащенных роботами компьютерных предприятиях появляется «новый класс» обслуживающего персонала. По его мнению, этот «новый класс» нельзя считать пролетариатом, в силу чего противоречия капитализма, о которых говорил Маркс, сводятся до минимума [1]. Данная точка зрения, по существу, оказавается рецидивом того же технологического детерминизма, только политизированного и перенесенного в сферу социальной структуры общества. Появление новых профессиональных групп и слоев вовсе не означает, что коренным образом изменяется социально-эконо-

[1] *Sherman B.* The New Revolution. The Impact of Computers on Society. Chichester, 1985, p. 394.

мическое содержание основного способа жизнедеятельности людей. В мире капитала по-прежнему сохраняются продажа рабочей силы, отчуждение, капитализация результатов труда и т. п., основательно проанализированные Марксом в «Капитале» и других работах.

Действительность опровергает иллюзии относительно всемогущества электронной техники. Многие западные ученые сами обращают внимание на отрицательные последствия «компьютерной революции» — рост безработицы, социальную поляризацию в современном капиталистическом обществе. Об этом, в частности, недвусмысленно говорит специалист по проблемам труда и технологии Массачусетского технологического института Х. Шейкен. «Главная опасность состоит в том, что новая техника способствует все большей поляризации рабочей силы, и это может привести к появлению небольшого числа высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест и большого числа обычных низкооплачиваемых. Вот,— заявил он,— рецепт для социальных волнений» [1]. Другой буржуазный исследователь — Р. Лакки в работе «Социальное воздействие компьютеров» прямо заявляет: «Компьютеры сами по себе не изменят стародавних ролей эксплуататора и эксплуатируемого, но они, безусловно, сделают возможными новые формы эксплуатации. Я убежден, что компьютер сделает наш труд более содержательным, освободит нас от неприятной работы и увеличит нашу производительность. Но на пути к этим достижениям следует ожидать вытеснение множества рабочих мест и, возможно, восстаний против технологии» [2].

Научно-технический прогресс оказывает все возрастающее воздействие на различные процессы, протекающие в мире. Но он не может отменить объективных законов общественного развития, а следовательно, обреченности капиталистического строя. Перспективы буржуазного общества, которые отстаивают апологетические теории, навеянные «компьютерной революцией», беспочвенны: разумное и гуманное использование

---

[1] «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984, с. 63.

[2] *Lucky R. W.* The Social Impact of the Computer.— Computer Culture: The Scientific, Intellectual and Social Impact of the Computer. N. Y., 1984, p. 5.

науки и техники, предупреждение и устранение отрицательных последствий научно-технической революции в рамках современного капитализма противоречат самой сущности этого общества, основанного на эксплуатации человека человеком. Несмотря на усиление регулирующей роли государственно-монополистического капитализма, последняя четверть XX в. убедительно подтверждает правильность вывода Маркса о неизбежности перехода от капитализма к социализму.

Прогнозы Маркса и тенденции современного научно-технического прогресса

Сила учения Маркса — в его прогностическом характере. Анализируя значение материальных условий в развитии общества, прежде всего его производительных сил, Маркс сумел вскрыть диалектику научно-технического и социального прогресса, предсказать магистральное направление будущего прогресса науки и техники.

Отмечая в «Капитале», что в формах крупной машинной индустрии капиталистическое производство приобрело адекватную себе материально-техническую базу, Маркс обратил внимание на революционный характер этих форм. Новейшая промышленность, подчеркивал он, никогда не рассматривает существующие формы производственного процесса как окончательные. Они обладают революционным техническим базисом, тогда как у прежних, докапиталистических способов производства базис был, в сущности, консервативным. Внедряя новые машины, процессы, методы, промышленность «постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда» (23, 498).

Машинно-фабричный способ производства стал революционным благодаря тому, что он объективно обусловил возможность применения науки, вызвал закономерную потребность в научных исследованиях и использовании научных результатов. «Только при этом способе производства,— писал Маркс,— впервые возникают такие практические проблемы, которые могут быть разрешены лишь научным путем. Только теперь опыт и наблюдения — и настоятельные потребности самого процесса производства — впервые достигли такого масштаба, который допускает и делает необходимым применение науки» (47, 554). Таким образом, свя-

зав революционный характер машинной индустрии с принципиальной опорой на науку, Маркс вскрыл истоки научно-технической революции, выявил влияние научно-технического прогресса на социальные и экономические процессы общественного развития.

Сама наука, по его словам, выступает как «идеальное и вместе с тем практическое богатство», как «продукт, так и производитель богатства», «одна из форм», в которых «выступает *развитие производительных сил человека*» (см. 46, ч. II, 33). «...По мере развития крупной промышленности,— писал он,— созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени... зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству. (Само развитие этой науки, в особенности естествознания, а вместе с ним и всех других наук, в свою очередь находится в соответствии с развитием материального производства.)» (46, ч. II, 213).

Собственно научный труд выступает как всеобщий труд, как процесс синтезирования прошлого труда и настоящего, кооперированного труда. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников» (25, ч. I, 116).

Анализируя возможности машинно-фабричного производства, Маркс предсказал неизбежное усложнение машинных процессов вплоть до появления способов «машинного самоуправления», т. е. высоких ступеней автоматизации. «Когда рабочая машина,— писал он,— выполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без содействия человека и нуждается лишь в контроле со стороны рабочего, мы имеем перед собой автоматическую систему машин, которая, однако, способна к постоянному усовершенствованию в деталях» (23, 392).

При использовании такой автоматической системы машин в автоматизированном производстве «труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того

чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним» (46, ч. II, 213).

В этих словах основоположника научного коммунизма содержатся прообразы тех форм производства, которые ныне опираются на самые сложные новейшие технологии. Можно сказать, что революционные преобразования в области современного производства, технические нововведения, применение новых технологий в конечном итоге следуют тем основополагающим тенденциям, которые он обнаружил в середине прошлого столетия. Конечно, Маркс не мог указать конкретных форм производства, сложнейших технологий, появившихся уже к концу XX в., но он глубоко верил в созидательную мощь человеческого разума, в научно-технический и социальный прогресс как необходимое условие развития человеческой цивилизации.

Именно поэтому, анализируя проблемы современной научно-технической революции, мы вновь и вновь обращаемся к идеям Маркса, дающим общеметодологическую основу для решения актуальных задач ускорения и интенсификации научно-технического прогресса.

Для таких крупномасштабных задач очень важна общефилософская и методологическая обеспеченность научных исследований, разработок и нововведений, опирающихся на диалектический метод Маркса, его философские принципы, исторические и социально-экономические обобщения, законы, положения, определяющие и развитие науки и техники, и их взаимодействие с общественными системами. Сегодня решать сложнейшие философские, методологические, общетеоретические проблемы научно-технического прогресса, вопросы, возникающие при осмыслении и освоении комплексных современных задач, требующих широких междисциплинарных подходов, можно лишь на основе принципов марксистской диалектики.

Вопросы развития науки и техники, социального и научного прогресса тесно связаны с проблемой человека. Именно такой подход к решению данного круга вопросов был характерен для Маркса, Энгельса и Ленина. Такой системный подход дает возможность понять глубокую связь диалектики общественного развития с процессами появления, рождения нового, причем не только в технике, науке и производстве, но и во всех других областях жизни общества.

Системный подход, позволяющий рационально управ-

лять процессами развития, приобретает особое значение в условиях плановой системы социалистического хозяйствования. Принципиальные задачи развития науки, разработки и внедрения новой техники, передовых технологий требуют коренного улучшения системы планирования, совершенствования хозяйственного механизма.

Время выдвинуло задачу ускорения и интенсификации научно-технического и производственного прогресса. Необходимо диалектически, системно осмыслить многочисленные взаимосвязанные организационные, научно-технические, технологические нововведения, пронизывающие современное производство, инфраструктуру, все сферы жизни людей, оценить их экономическое значение и социальные последствия. Такой анализ дает надежную методологическую основу для выработки научной стратегии создания и применения электронно-вычислительных машин, микроэлектронных устройств, промышленных роботов, информационных систем, гибких автоматизированных производственных линий, биологических методов сельскохозяйственного и промышленного производства.

Можно с полным основанием считать компьютеризацию, происходящую сегодня почти во всех сферах труда и жизни, новейшей ступенью развития «автоматизированной системы машин», о которой говорил Маркс в прошлом веке. ЭВМ становятся одним из главных факторов современной технической цивилизации. Они позволяют управлять самыми сложными процессами и системами — запуском и работой космических станций, крупнейших электростанций, линий на современных фабриках и заводах. Но их влияние не ограничивается технической и производственной сферой. С компьютерами и порожденной ими информационной технологией прямо связан рост и распространение культуры.

Электронно-вычислительная техника быстро развивается. Улучшаются технические параметры компьютеров, совершенствуется их внутренняя архитектура, разнообразней становится программное обеспечение, происходит постепенное сближение программных языков с языком естественным, и можно полагать, что недалек тот день, когда пользователь будет «общаться» с машиной на своем родном языке.

Миниатюризация электронного оборудования, растущие быстродействие и память, гибкость применения микроЭВМ и микропроцессоров значительно снижают за-

траты на хранение и обработку информации. Микропроцессорная революция, о которой много говорилось в недавние годы, собственно говоря, и представляет собой соединение двух революций — в микроэлектронной технологии и в производстве вычислительной техники.

В ближайшее время микроэлектронным технологиям предстоит решить задачи, связанные с увеличением емкости памяти компьютеров, созданием соединительных линий между отдельными элементами интегральных схем, имеющих энергоемкость значительно меньшую, чем сами элементы, наконец, с увеличением скорости переключения этих элементов. Решение этих сложных и тонких технологических вопросов, по мнению ученых, следует искать на пути перехода к электронной технике нового типа — оптоэлектронике. Уже начинает формироваться технологический прорыв, предполагающий новый поток научно-технических (и социально-экономических) следствий. Речь идет о наноэлектронике и биотехнологии.

Наноэлектроника — ступень дальнейшей миниатюризации, когда размер отдельного элемента микросхемы измеряется уже не микрометрами, а нанометрами. Ожидается, что к концу столетия появятся промышленные образцы интегральных схем, число элементов которых на три порядка превысит нынешние пределы и достигнет десятков миллионов на квадратный сантиметр. Более того, если современные интегральные схемы основаны на плоской «упаковке» элементов, то выход к нанометровым рубежам и совершенствование линий связи элементов откроет возможность создания объемных интегральных схем, что может привести к появлению микропроцессоров с миллиардом элементов на одном кристалле.

По прогнозам, к началу следующего тысячелетия будут разработаны новые типы компьютеров с прямым вводом данных по оптическому каналу и с рекордным быстродействием. Следует упомянуть и о вторжении в область электронной техники биотехнологии, возникновении таких технологических направлений, как биоэлектроника и биоинформатика, в перспективе открывающих возможность создать искусственный интеллект «смешанного» качества.

В нашей стране в некоторых из перечисленных областей сохраняется неоправданное отставание от мировых достижений. Отсюда так важны усилия для того, чтобы в короткий срок преодолеть это отставание и обеспечить должный уровень информатизации и электронизации —

важнейших направлений современного научно-технического прогресса.

Микроэлектроника проникает в быт человека, пользующегося электронными часами, микрокалькуляторами, персональными компьютерами, стиральными, посудомоечными, швейными машинами с программным управлением; в его профессиональную деятельность — мини-ЭВМ, средства автоматизированного проектирования, экспертные системы или «усилители интеллекта»; она преобразует производства с помощью устройств, повышающих эффективность использования топлива, систем централизованного управления большими промышленными системами, автоматизированных заводов, конторских и административных учреждений; сельское хозяйство, где применяется компьютерный анализ основных факторов; автоматизирован экологический контроль, возникла электронная почта, новые системы информации и коммуникации — компьютерные сети, телевидеоконференции; компьютеры используются в медицине, образовании, в системе управления уличным движением и общественным транспортом. Применение экспертных систем в робототехнике позволит роботам самостоятельно выбирать оптимальную программу управления производственным процессом при обработке узлов и деталей сложных изделий.

Применение промышленных роботов оказывает на экономику значительное технологическое и социальное воздействие. Оно перестраивает производственную схему от традиционной формулы «человек — машина» к новой — «человек — робот — машина». Место человека в рабочем процессе изменяется, согласно предсказанию Маркса о том, что система механизмов и машин будет все меньше нуждаться в опосредствовании отдельных процессов человеческим трудом (см. 47, 504). При полной автоматизации, когда человек заставит машины делать для него то, что он раньше делал сам, изменится содержание и характер труда.

Роботы с встроенным «искусственным интеллектом» в сочетании с центральным управляющим компьютером приведут к возникновению полностью автоматического производства. Эта возможность уже становится реальностью, и многие социологи на Западе начинают задумываться о грядущей беспрецедентной безработице в мире капитала. К началу XXI в. количество «лишних» людей может увеличиться, по некоторым оценкам, на сотни мил-

лионов. Значит, необходимы коренные социально-политические изменения.

Природа социалистического общества такова, что в нем автоматизация и роботизация являются необходимыми формами улучшения жизни трудящихся. Их следствием становится не безработица, а развитие новых отраслей созидательной деятельности людей, облегчение труда, развитие присущих ему творческих потенций, возрастание массы свободного времени — одной из важнейших, по словам Маркса, человеческих ценностей.

В обсуждаемой проблеме есть и другая сторона. Нужно учитывать, что новая техника изменяет не столько совокупный объем человеческого труда, сколько его формы. Проблема занятости тесно связана с реально существующей профессиональной структурой, которая начинает глубоко изменяться в развитых странах. Планомерное внедрение новых технологий, сокращая количество рабочих в одной сфере, создает новые рабочие места в другой. К тому же трудосберегающий эффект новых технологий не ограничивается роботизацией — идет масштабная перестройка всего производства на новых технологических и организационных принципах — с сокращением технологических цепочек, применением новых видов сырья и материалов. В нашей стране этот процесс, в русле перестройки всех сторон экономической и социальной жизни, должен многократно усилить позитивные эффекты, одновременно снижая возможность негативных последствий.

Развитие биотехнологии позволяет ожидать нового потока технологических нововведений. Генная инженерия стала реальностью. Уже удалось изменить наследственные свойства некоторых видов бактерий так, что они обрели способность производить лекарственные и биохимические препараты. Подобными же методами можно получить сельскохозяйственные культуры с заданными биологическими свойствами, например устойчивые к гербицидам и ядохимикатам; добиться более полноценных пищевых характеристик. В медицине разрабатываются способы лечения некоторых наследственных заболеваний с помощью введения больным генов здоровых людей. Дали интересные результаты эксперименты с некоторыми белковыми соединениями, в частности с протеинами человека, которые могут активизировать организм и даже стимулировать регенерацию органов тела после травм или операций. Биотехнология затронет и селекцию сель-

скохозяйственных животных, и энергетику — путем производства реагентов для более полного извлечения нефти, биологического производства новых горючих материалов, разложения воды на компоненты и использования водорода и т. п.

Но и здесь есть свои трудности, возникают опасения, когда дело касается некоторых методов генной терапии, случаев распространения в окружающей среде организмов с измененным генотипом. Английский ученый Дж. Постгейт приводит в качестве примера заявку биотехнологов на вакцинацию свиней «живыми» бактериями, которым вводится клонированная ДНК из клеток кишечного тракта животных, больных диареей. Таким же способом пытаются лечить и человека от холеры и дизентерии. Но возможные последствия этих методов совершенно не исследованы, и в то же время ясно, что с их помощью можно создать новое бактериологическое оружие [1].

Вопросы выхода продуктов генной инженерии за пределы лаборатории подводят нас к одной из острейших глобальных проблем современности — экологической.

Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» молодой Маркс обращает внимание на неприглядную картину капитализируемой экосферы человека: *«Светлое* жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров, посредством которых он превратил дикаря в человека, перестает существовать для рабочего. Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже *животным* чистоплотность перестают быть потребностью человека. *Грязь,* это состояние человека опустившегося, загнивающего, *нечистоты* (в буквальном смысле этого слова) цивилизации становятся для него *жизненным элементом.* Полная *противоестественная* запущенность, гниющая природа становится его *жизненным элементом.* Ни одно из его чувств не существует больше не только в его человеческом виде, но и в *нечеловеческом,* следовательно, не существует больше даже в его животном виде» (42, 130).

В «Капитале» Маркс показывает, что капитализм, экономя на средствах производства, занимается систематическим грабежом условий, необходимых для жизни рабочего: «...пространства, воздуха, света, а также всех

[1] *Postgate J.* Biology in the eighties and beyond.— New scientist, 1984, 2 august.

средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или вредных для здоровья условий процесса производства...» (23, 437). Ограблению подвергается и земля, причем этот процесс до определенного предела идет по восходящей линии. Две тенденции ограбления смыкаются и создают антагонистическое противоречие между измененными общественной формой производства условиями жизнедеятельности человека, которые стали для него «чуждыми обстоятельствами» (см. 47, 502), и жизненными потребностями человека как природного, биологического существа и разумно действующего социального субъекта. «...Всякий прогресс капиталистического земледелия,— пишет Маркс,— есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия. Чем более известная страна, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки, исходит из крупной промышленности как базиса своего развития, тем быстрее этот процесс разрушения. Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» (23, 515).

Упорная борьба трудящихся за свои права привела, в частности, к тому, что в промышленно развитых странах непосредственные условия труда ныне в значительной мере отличаются от тех, которые воспроизводились в прошлом. Между тем на определенных этапах развития капитализма экономическая конъюнктура привела к тому, что ограничение капиталовложений в работника и условия его труда (ограничение не только и не столько по объему, сколько по тем внутренним пределам, которые есть в самом капиталистическом способе производства) стало рассматриваться как необходимое условие повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции или предоставляемых услуг. Ограбление, таким образом, приняло более сложные, завуалированные формы.

Научно-технический прогресс, как уже отмечалось, обостряет старые противоречия и порождает новые: новые вещества, материалы, процессы, технологии создают новые замкнутые экосистемы производственной жизнедеятельности, воздействие которых на человека, его здо-

ровье, психику, эмоциональные состояния исследуется (если, конечно, исследуется) с большим запозданием. Естественно, запаздывает и создание компенсационных механизмов: медицинских, экономических, социально-психологических. Некомпенсируемость потенциальных и непосредственно вредных новых условий труда, создаваемых под воздействием научно-технического прогресса, выступает здесь как форма присвоения не только чужого труда, но и здоровья. В более широких экосистемах — «земля», «вода», «лес» — наблюдаются тревожные симптомы разрушений, в ряде случаев необратимых, под воздействием научно-технической революции.

В современной марксистской литературе обстоятельно проанализированы сложные взаимозависимости между научно-техническим прогрессом и угрожающей экологической ситуацией, которая показывает, что человечество должно отойти от односторонней оценки научно-технического и экономического развития, отказаться от потребительского отношения к природе, перейти к разумному, основанному на глубоких научных знаниях управлению единой системой «общество — природа».

Мощный потенциал научно-технической революции должен быть не в последнюю очередь обращен на решение обостряющихся экологических проблем. Насущно необходимо создание целостной системной теории взаимодействия природы и общества в условиях бурного научно-технического и производственного прогресса, возникновения и обострения глобальных проблем.

К. Маркс писал: «...культура,— если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*... оставляет после себя пустыню...» (32, 45). Эту стихийность мы все еще не преодолели, несмотря на создание более рациональных подходов к тем или иным аспектам политики в области окружающей среды — на уровне страны, региона или даже на глобальном уровне,— проблема остается, изменяются лишь ее формы.

Заметим, что изучение закономерностей общения человека и природы долго отставало,— ему не хватало глубокой скоординированности, междисциплинарного синтеза, системного обобщения. Весьма значительные объективные трудности создает чрезвычайная сложность масштабных экологических систем и процессов, для которых очень сложно построить исследовательскую и прогностическую модель.

Оптимизация экологических процессов в масштабах

глобальной системы — одна из самых неотложных задач. Ее решение требует заметного продвижения в развитии всей науки и техники. Но широкое содержание экологической проблемы, ее экономические и социально-политические аспекты требуют не только научно-технического подхода, они, как и острые вопросы научно-технического прогресса, должны рассматриваться в широкой, масштабной панораме экономического и социально-политического развития всего общества.

Системная концепция современного развития науки и техники

В «Капитале» Маркс, как отмечалось, разработал основные принципы системной методологии. Особенно велико методологическое значение ее основополагающего положения: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития» (46, ч. I, 229).

В свете этого общетеоретического положения Маркса по-прежнему остается актуальной проблема системности научно-технического прогресса. Сегодня еще полнее, чем во времена Маркса, раскрывается комплексный характер развития науки и техники, его сложные и противоречивые прямые и обратные связи с общественным процессом и индивидуальной диалектикой формирования личности.

Одна из установок системного подхода к прогрессу техники связана с тенденцией его все нарастающего «онаучивания», о которой писал Маркс. Производство во все большей мере становится приложением естествознания. Мы на нашем сегодняшнем опыте видим, насколько прав был Маркс, показав, что необходимость «онаучивания» техники вырастает из самих глубинных основ машинной индустрии, из ее запроса и требования к научному анализу технологии. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он писал: «*Промышленность* является *действительным* историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку... естествознание утратит свое абстрактно материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь —

хотя и в отчужденной форме — стало основой действительно человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь» (42, 124). Системная целостность жизни и науки — важнейшая черта научно-технического прогресса, наметившаяся во времена Маркса и полностью развившаяся в наши дни.

Системный анализ социального значения и социальных результатов бурно развивающейся техники невозможен без всесторонней оценки новых технологий под углом зрения их воздействий на природную среду. Такой анализ новой техники немыслим без исследования ее взаимосвязей с биосферой. Здесь важным методологическим принципом является требование обеспечения максимальной совместимости технических нововведений с процессами и структурами биосферы. А это предполагает необходимость введения в каждом конкретном случае критерия «биосферосовместимости» новых технических устройств. От техники, несовместимой с условиями природной среды, грубо разрушающей ее, необходимо будет отказаться. Уже нынешняя ситуация в системе «техника — биосфера» заставляет нас при поиске оптимальных решений рассматривать не только экономические, социальные, но и экологические их последствия.

Главным методическим инструментарием развития и оценки технических нововведений служит системное компьютерное моделирование. Сегодня можно не только «проиграть» в машинном эксперименте структуру и процесс функционирования проектируемого технического устройства, но и в сценарном режиме исследовать его возможное экологическое воздействие. Моделирование позволяет прогнозировать чрезмерные нарушения биосферы технического происхождения и отсекать еще на стадии проектирования те технические устройства, которые могут их вызвать. Системное моделирование с его сценарным подходом, с его эффективным и быстрым сопоставлением в рамках единой системы множества признаков проектируемой техники, множества ее позитивных и негативных потенциальных воздействий на общество и природу служит важным инструментом принятия решений относительно путей дальнейшего научно-технического развития.

Существует и еще одна немаловажная сторона проблемы моделирования технических нововведений. Дело в том, что использование системного моделирования при

оценке новых технологий органически связано с анализом обострившейся в последнее время проблемы технологического риска. Мы сейчас должны со все большей полнотой отдавать себе отчет в том, что по мере усложнения техники риск при ее функционировании не может быть нулевым. Чтобы его свести до минимума, чтобы постоянно повышать надежность технических устройств, необходимо шире использовать системное компьютерное моделирование. Однако здесь имеются сложные и противоречивые связи, поскольку эффективность компьютерного моделирования в свою очередь в большой степени зависит от надежности электронно-вычислительных машин. Сейчас в литературе подчеркивается необходимость резкого повышения (минимум на порядок) их надежности, создания эффективной системы обслуживания. Без этого невозможно повышение эффективности самого инструмента моделирования. Иными словами, надежность техники зависит от совершенства системных компьютерных моделей, а последнее — от надежности самих компьютеров.

Важнейшее требование системного подхода к научно-техническому прогрессу — разработка программ, которые ориентированы на гуманные цели. Этому противостоит тенденция к антигуманному использованию достижений науки и техники, связанному с наращиванием гонки вооружений, усиливающей опасность глобальной термоядерной катастрофы. Причем гонка вооружений во все возрастающей степени затрудняет возможность разрешения других глобальных проблем. Только отказ от гонки ядерных вооружений с последующим сокращением и обычных вооружений открывает перед научно-техническим прогрессом и всем общественно-историческим процессом надежные перспективы.

Задачи ускорения научно-технического прогресса

Под руководством партии советский народ приступил к решительной революционной перестройке всех сторон жизни общества на базе ускорения научно-технического и социального прогресса. Наряду с другими важными моментами перестройка означает «решительный поворот к науке, деловое партнерство с ней практики в целях достижения высших конечных результатов, умение поставить любое начинание на солидную научную основу, готовность и горячее желание ученых активно поддерживать курс партии на обновление общества; одновременно это и забота

о развитии науки, росте ее кадров, их активном участии в процессах преобразований»[1].

Современная форма научно-технического прогресса — важнейший элемент выработанной XXVII съездом КПСС стратегии и концепции ускорения социально-экономического развития общества. В этих условиях идеи Маркса о том, что машинное производство делает необходимым применение науки, приобретают особую значимость. Обеспечить в кратчайший срок выход страны на передовые рубежи в производительности труда и эффективности экономики можно только путем «интенсификации производства, на основе новейших достижений науки и техники»[2].

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, XXVII съезде партии и последующих пленумах ЦК КПСС со всей остротой рассматривались вопросы, связанные с необходимостью устранения различного рода преград, стоящих на пути ускорения научно-технического прогресса, более эффективного использования в народном хозяйстве новейших достижений науки и техники. «Стратегия управления ускорением научно-технического прогресса, выработанная партией, состоит, во-первых, в том, чтобы, продвигаясь широким фронтом науки и техники, концентрировать имеющиеся средства на ключевых направлениях. Во-вторых, дать простор массовому использованию надежных, проверенных практикой технических новшеств, с тем чтобы получить максимальную отдачу, пока они морально не устарели. В-третьих, быстро и целеустремленно вести научные, проектные и конструкторские разработки, которые обеспечат создание и освоение принципиально новых техники и технологии, многократно повышающих производительность труда»[3].

Комплекс проблем, которые связаны с научно-техническим прогрессом в условиях ускорения, чрезвычайно широк и многообразен. Один из важнейших вопросов касается научно-технического и экономического сотрудничества, развитие которого отражает объективные требования, обусловленные усилением международного характера научной и технической деятельности. Решение этих проблем во многом зависит от взаимодействия и сотруд-

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 16.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 2, с. 254.

[3] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 236.

ничества различных государств, регионов, континентов, от доброй воли участников этого сотрудничества, использования достижений науки и техники в интересах человека и человечества.

Научно-технический прогресс ускоряет темпы интернационализации производства, углубляет интеграционные процессы, позволяющие формировать мощные международные хозяйственные комплексы, в рамках которых складываются особенно благоприятные условия для применения научно-технических достижений.

Государства — члены СЭВ выработали стратегию экономического сотрудничества на долгосрочную перспективу, наметили конкретные меры для достижения поставленных целей. Разработана Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года, предусматривающая сотрудничество в создании и использовании принципиально новых видов техники и технологии. Программа наглядно показывает преимущества интеграционных процессов, развивающихся между странами социализма, которые должны обеспечить выход братских социалистических государств на уровень современных требований и возможностей научно-технического прогресса.

Научное понимание проблемы совершенствования в процессе научно-технического прогресса заложено Марксом — это совершенствование орудий, предметов и процессов труда. Задача науки — дать современную трактовку этих понятий и на их основе разработать перспективную научно-техническую политику.

Долгосрочная стратегия в области совершенствования орудий труда, т. е. применение новой техники и технологии производства, должна быть согласована с рациональной структурой общественного производства. Прежде всего необходимо выделение ключевых отраслей народного хозяйства, развитие которых обеспечит темпы ускорения научно-технического прогресса.

Современная проблема научно-технического прогресса в области предметов труда связана с потреблением ресурсов при исчезновении их дешевых и легкодоступных источников, в условиях обострившейся экологической ситуации. Задача всемерной экономии ресурсов выдвигает новые критерии решения научно-технических проблем.

Научному совершенствованию процессов труда у нас все еще не уделяется достаточного внимания. Многие

прогрессивные решения в области организации производства, труда и управления, возникшие в социалистической и мировой практике, не получили глубокого научного анализа, теоретического обоснования, методического аппарата, что, конечно, затрудняет их широкое освоение в хозяйственной деятельности.

«В то время как страны Запада в широких масштабах начали структурную перестройку экономики с упором на ресурсосбережение, использование новейших технологий и других достижений науки и техники, у нас научно-технический прогресс затормозился. И не из-за отсутствия научных заделов, а главным образом по причине невосприимчивости народного хозяйства к нововведениям» [1],— говорилось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

На научно-технический прогресс должен быть ориентирован весь хозяйственный механизм, с тем чтобы все хозяйственные организации были заинтересованы в обновлении производственного аппарата и повышении его эффективности на основе новейшей техники и технологии, применения научных методов работы. Отсюда необходимы мощные стимулы, помогающие искать наиболее совершенные научно-технические решения и внедрять их в производство.

Социалистическая плановая система хозяйствования, обладающая огромными преимуществами, используется, к сожалению, недостаточно эффективно. Объективные возможности социалистического способа производства не реализуются автоматически, поэтому ныне стоит первостепенной важности задача активизации всех факторов развития.

В стране происходит преобразование материально-технической базы, внесены изменения в структурную инвестиционную политику. Разработаны целевые программы по основным направлениям научно-технического прогресса. Однако механизм торможения еще не сломлен. Поэтому в качестве первоочередной встала задача создания целостной, гибкой, эффективной системы управления экономикой, формирования более мощных, чем при капитализме, стимулов научно-технического и социально-экономического прогресса, позволяющих наиболее эф-

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года, с. 40.

фективно соединить плановое руководство с интересами личности и коллектива. А для этого необходима демократизация экономики, создание условий для реального участия в ее управлении широких народных масс.

Человеческий фактор — решающий фактор перестройки — имеет важное значение для решения задач ускорения. Его всесторонний учет включает требования к квалификации и уровню образования кадров, их удовлетворенность процессом и условиями труда, создание творческой атмосферы в коллективе и обществе, благоприятного социально-психологического климата.

Перестройка, ускорение, активизация человеческого фактора, разумеется, не являются самоцелью, они направлены в конечном счете на создание необходимых условий для формирования гармонично развитой личности, ведь главное достижение культуры и прогресса — это сам человек. Маркс писал: «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... но изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» (46, ч. I, 483—484).

Основоположники марксизма-ленинизма говорили о будущем коммунистическом обществе как об обществе наивысшего расцвета всех отраслей знания, обеспечивающем расцвет способностей каждого из его членов, полное удовлетворение их потребностей. Выступая на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев сказал: «Мы хотим превратить нашу страну в образец высокоразвитого государства, в общество самой передовой экономики, самой широкой демократии, самой гуманной и высокой нравственности, где трудящийся человек чувствовал бы себя полноправным хозяином, мог пользоваться всеми благами материальной и духовной культуры, где надежно будущее его детей, где он располагал бы всем, что нужно для полнокровной, содержательной жизни» [1].

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 65—66.

4. СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ НА ПУТЯХ ОБНОВЛЕНИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ТОРМОЖЕНИЯ

Механизм торможения, его структура и пути устранения

В свое время, размышляя о будущем обществе, Маркс сравнивал его с «вечно зеленеющим деревом», способным к постоянному обновлению и самосовершенствованию. Развернувшаяся в Советском Союзе перестройка подтверждает этот прогноз Маркса. Перемены, охватившие все стороны советского общества, призваны очистить его от негативных наслоений прошлого, обновить нашу жизнь. Не менее важно и другое. Маркс не раз подчеркивал и то, что прошлое, угнездившись в сознании людей, до поры до времени цепко держит их в своих оковах, препятствуя прогрессу, заставляя наряжать свои новые действия в прежние лозунги и костюмы. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» (8, 119).

Называя развернувшуюся перестройку революцией, прямым продолжением дела Октября, советские люди критически анализируют ситуацию в стране, возвращаются еще и еще раз к прошлому, уже совершившемуся, чтобы вновь подвергнуть анализу сделанное, освободиться от слабостей и недостатков. Пролетарские революции, писал Маркс, «с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток...» (8, 123). Именно так относятся советские коммунисты к «слабым сторонам и негодности» некоторых своих прежних действий и их результатам.

Среди положений, сформулированных в документах КПСС последнего времени, одно из главных мест принадлежит выводу о сложившемся в прошлом механизме торможения и нарастании кризисных явлений в советском обществе, а с этим связана и формулировка важнейшей задачи перестройки — «решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, соз-

дание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества»[1].

Что же представляет собой механизм торможения, какова его структура, каковы пути его устранения и замены механизмом ускорения?

Стремясь понять сущность механизма торможения, важно подчеркнуть, что формирование и действие такого механизма в социалистическом обществе отнюдь не является неизбежным, что его возникновение в советском обществе (и в ряде других стран социализма) обусловлено определенными историческими обстоятельствами, что, рассматривая историю по самому большому счету — с точки зрения ее внутренней объективной логики, механизма торможения при социализме могло и не быть. И тем не менее возникновение такого механизма, тормозящего развитие нового строя, не просто случайность.

Для понимания этого вопроса необходим более широкий взгляд на историю реального социализма, рассмотрение этой истории с последовательно марксистско-ленинских позиций, с учетом противоречий и негативных процессов, имевших в ней место.

Думается, что только на этом пути и можно понять не идеальный, прямолинейный, а реальный, противоречивый, зигзагообразный ход истории реального социализма. Марксизм всегда исходил и исходит из того, что историю делают живые люди, преследующие свои интересы и цели. Однако, поскольку достижение целей, которые преследуют отдельные индивиды и группы, в конечном счете приводит к результатам, которые не вполне совпадают с поставленными целями, для понимания хода истории и ее результатов необходимо изучать не цели отдельных индивидов, а интересы больших масс людей — классов, целых народов. И марксисты, вырабатывая свой взгляд на будущее, руководствовались, как нитью Ариадны, интересами классов, изучали в своем предвидении событий логику борьбы классов. Устарел ли такой подход? Ни в коем случае! Но, применяя его при анализе истории реального социализма, очень важно пользоваться научным марксистским ключом, а не вульгарной упрощенной отмычкой, с помощью которой у истории нельзя выведать ее тайн, нельзя заглянуть в ее будущее.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 15.

Так, переход от капитализма к социализму — это не только взаимоотношения трех классов — рабочего класса, крестьянства и буржуазии. В действительности реальных борющихся сил гораздо больше, чем существующих классов, ибо в каждом классе есть разные социальные группы и слои с далеко не совпадающими интересами: например, у городских рабочих и у сельских и т. д. Есть различные слои и группы, имеющие свои интересы, и в аппарате управления.

Можно сказать: к чему все эти общие рассуждения, если мы говорим о механизме торможения, вовсю проявившем себя на рубеже 70—80-х гг. Если говорить о принципе, то нелишне напомнить предупреждение В. И. Ленина, который писал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность» [1]. В самом деле, если мы не выясним природы тех сил, которые могут отрицательно сказаться на прогрессе при социализме, мы будем бессознательно для себя «натыкаться» на них в том или ином частном случае, ошибаясь в своем прогнозе.

В данном же конкретном случае обращение к общим вопросам необходимо как раз потому, что рассматриваемый механизм торможения хотя и проявил себя в полной мере именно на рубеже 70—80-х гг., однако складываться он начал гораздо раньше. Так, характеризуя развитие отношений к собственности, М. С. Горбачев говорил: «Произошло серьезное ослабление контроля за тем, кто и как распоряжается ею. Она нередко разъедалась ведомственностью и местничеством, становилась как бы «ничейной», бесплатной, лишенной реального хозяина, во многих случаях стала использоваться для извлечения нетрудовых доходов» [2]. Вряд ли можно отрицать, что возникающая в таких условиях незаинтересованность части трудящихся в активной трудовой деятельности, в умножении общественных богатств объясняется именно их отношением к государственной и кооперативной собственности как по меньшей мере «ничьей», является одним из существеннейших элементов механизма торможения.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 9.

Но ведь первопричины такого отношения появились не на рубеже 70—80-х гг., а значительно раньше.

Есть еще одна причина, вынуждающая обратиться к общим историческим условиям, породившим механизм торможения. Ведь трудно утверждать, что кто-то, какие-то силы советского общества имели сознательную цель — затормозить общественный прогресс. Правильнее предположить, что механизм торможения сложился как побочный продукт сознательных действий, преследовавших другие цели. Такой подход вынуждает еще раз взглянуть на общую расстановку социальных сил при продвижении от капитализма к коммунизму.

Анализируя перипетии классовой борьбы, Маркс, Энгельс и Ленин не раз предупреждали рабочий класс, трудящихся, их политический авангард о тех опасностях, которые могут подстерегать их из-за развития, например, бюрократии и бюрократизма. Нельзя не видеть, что в экономических извращениях и бюрократических политических деформациях времен культа личности уже содержались многие элементы того механизма торможения, действие которых стало причиной падения темпов развития, застоя и накопления кризисных элементов в 70 — начале 80-х гг.

XX и XXVII съезды партии, хотя и созывались в разных условиях, своим критическим острием были направлены против одних и тех же по своей социальной природе консервативно-догматических сил. Именно под воздействием этих сил с конца 60-х гг., но особенно в 70-е и в начале 80-х гг. в развитии советского общества усиливались негативные процессы, все отчетливее проступали застойные явления и деформации. Причина конечно же не в том, будто социализм из-за своей социально-экономической природы или из-за «советской системы» не способен успешно развиваться, о чем твердят его противники. Никаких «врожденных недостатков» социализма не существует. Главная причина, говорил М. С. Горбачев, «состояла в том, что ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление, на более полное использование возможностей, заложенных в социалистическом строе. При выработке политики и в практической деятельности возобладали консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от все-

го, что не укладывалось в привычные схемы, нежелание решать назревшие социально-экономические вопросы»[1].

Было бы неверно считать, будто рабочий класс, трудящиеся не замечали того, что проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались, что инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе и нарастание бюрократизма наносили немалый ущерб делу, вели к застойным явлениям.

Антикоммунисты, ссылаясь на то, что политическая власть в СССР, согласно Конституции, принадлежит народу, заявляют о «неспособности» трудящихся к самостоятельному политическому руководству страной. Кивая на «культ личности и его последствия», на механизм торможения, они заявляют, что, если бы трудящиеся были способны к политическому руководству страной, они бы использовали свою власть, чтобы исправить положение, заменить тех руководителей, которые, неся непосредственную ответственность за происходящее, не справлялись со своими обязанностями. Однако вопрос далеко не так прост.

Дело в том, что в Советском Союзе в то время еще не сформировался механизм, гарантирующий рабочему классу, трудящимся, народу выполнение в полном объеме их властных функций, возможность решающего вмешательства в управление делами общества, чтобы не допустить извращений социалистической власти, воспрепятствовать всему тому, что называют «культом личности и его последствиями». Сейчас наша партия, учитывая негативный опыт прошлого, занята работой по решению этой задачи. Выступая в г. Электростали, Е. К. Лигачев так говорил об этом: «...сейчас немало говорят о культе личности. Очень важно ответственно разобраться в причинах этого явления, а главное — создать условия, при которых подобное было бы невозможно. Это наш святой долг, наша обязанность. Партия и народ сейчас заняты этой работой, стержень которой составляет процесс демократизации жизни общества»[2].

В свое время Маркс предупреждал, что при государственно-политических формах общественного управления нужно помнить «постоянную опасность правительственной узурпации классового господства» (17, 548), т. е. опасность такого положения, когда функции классового

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 7—8.

[2] Правда, 1987, 27 августа.

господства могут присваиваться и деформироваться правящими представителями класса. Об опасности этого писал и Энгельс: он указывал на то, что в любом обществе имеется потребность в исполнении «общих функций», необходимых для жизнедеятельности общества. Предназначенные для этого люди, отмечал он, образуют новую отрасль разделения труда внутри общества. Тем самым они приобретают особые интересы также и по отношению к тем, кто их уполномочил, они становятся самостоятельными по отношению к ним. Энгельс предупреждал рабочих, что сразу же после прихода их класса к власти, они должны обезопасить себя от бюрократизма. Он же указывал и на средства, выработанные Парижской коммуной в этих целях (см. 22, 199—200).

Как известно, из-за особенностей развития Советской власти (использование «спецов» и т. п.) указанные Энгельсом «безошибочные средства» для борьбы с рассматриваемой опасностью не применялись в полной мере в нашей стране; поэтому здесь не была создана «надежная помеха погоне за местечками и карьеризму» (22, 200), а низкий уровень грамотности народных масс не позволил сразу сделать решительные шаги — к утверждению самоуправления трудящихся как главного средства против бюрократизма, самоуправления, обеспечивающего, по словам Маркса, «обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы...» (17, 548).

Поэтому, когда в развитии Советского государства стали появляться наросты бюрократизма, В. И. Ленин указывал на опасность государственно-чиновничьих извращений. «...Надо уметь,— говорил он,— использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата *от* этой государственной власти» [1].

Однако после смерти Ленина и прихода к руководству страной Сталина, сделавшего ставку на управленческий аппарат, трудящимся так и не удалось найти средства, которые гарантировали бы страну от разраставшихся и усиливавшихся командно-бюрократических методов управления, от тенденций отрыва власти от масс.

За массовые репрессии и беззакония 30-х гг. несет ответственность не рабочий класс, а те, кто стоял у руко-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 209.

водства страной. И, как подчеркивает М. С. Горбачев, мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было в 1937—1938 гг. «Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений» [1].

Механизм деспотической сталинской власти был подвергнут решительной критике и осужден XX и XXII съездами КПСС; был осуществлен его демонтаж и была начата его замена более адекватной социализму системой политической власти. Однако в результате действия консервативных сил, сопротивлявшихся решениям XX и XXII съездов партии, выработанный этими съездами курс на обновление постепенно был сведен на нет, укрепилась административно-командная система руководства страной, вполне соответствующая условиям экономической стагнации и общественного застоя (70-е— начало 80-х гг.). Условия этого периода существенно сказывались на возможностях участия трудящихся в управлении общественными делами, на развитии социалистической демократии. Командно-бюрократические методы управления, сковывающие общественную инициативу, как раз и создавали условия для упрочения механизма торможения. «По сути дела, возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма» [2].

Идейно-теоретические основы механизма торможения — это вся та совокупность упрощенных, вульгаризированных представлений о социализме, которая сложилась еще в 30—40-е гг. и продолжала воспроизводиться в 70-е — начале 80-х гг., способствуя распространению и укоренению идеологии и психологии застоя. Произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества, говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Более того, подобные

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 21.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 10.

представления, по сути дела, отождествлялись с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа. Сложился застывший образ социалистических производственных отношений, недооценивалось их диалектическое взаимодействие с производительными силами. «Социальная структура общества изображалась схематично как лишенная противоречий и динамизма многообразных интересов его различных слоев и групп. Ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивались их теоретическая глубина и значимость. Это относится и к таким ключевым проблемам, как общественная собственность, классовые и межнациональные отношения, мера труда и мера потребления, кооперация, методы хозяйствования, народовластие и самоуправление, борьба с бюрократическими извращениями, революционно-преобразующая сущность социалистической идеологии, принципы обучения и воспитания, гарантии здорового развития партии и общества»[1].

Итак, есть основания утверждать, что *механизм торможения* — это совокупность застывших экономических форм и отживших политико-организационных структур, неэффективных методов руководства и рычагов управления, освящаемых определенными догматическими представлениями и психологией, блокирующих разрешение назревших противоречий, не позволяющих использовать преимущества социализма, сковывающих его успешное развитие, замедляющих его прогресс.

Когда речь идет об устранении механизма торможения и формировании взамен его механизма ускорения, всем очевидно, что говорится не о какой-то частной задаче перестройки, а о ее центральной задаче, ее сути. Ведь перестройка необходима советскому обществу не сама по себе, не в силу перманентного желания изменяться, не из-за какого-то зуда перестраиваться, а именно потому, что такая всесторонняя перестройка — предварительное условие, необходимая предпосылка ускорения развития общества, что составляет сегодня суть генеральной линии КПСС.

Поэтому, ведя речь об этой центральной задаче перестройки, неверно думать, что здесь можно ограничить-

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 8—9.

ся лишь разрушительными действиями, скажем: раскритиковать, разоблачить идеологию и психологию застоя, осудить застывшие представления о социализме, указать на устаревшие звенья производственных отношений, подвергнуть критике уже не работающие стимулы, выставить на осмеяние отжившие формы управления и т. д. Все это необходимо, но особенно важна созидательная часть задачи, а именно понимание и раскрытие того, чем и как должно быть заменено устраняемое, разрушаемое для того, чтобы механизм торможения не только был упразднен, но и взамен его утвердился механизм ускорения развития.

И этого нельзя сделать в один присест, а потому нельзя, рассчитывая на немедленный результат, думать, что осуществляемая перестройка уже сегодня даст все свои плоды. В этом, кстати, заключается одна из главных причин постепенности и многоступенчатости перестройки. Здесь мало одного желания обновить общество, важно еще иметь целостную концепцию перестройки всех сфер общественной жизни, причем концепцию, продуманную настолько, чтобы ее реализация не вызвала новых трудностей и застойных проблем.

Сейчас, когда после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего новую политическую линию партии, прошло три года, есть основания говорить, что концепция перестройки, о которой идет речь, уже разработана в своих главных чертах, а последующая ее реализация как раз и обеспечит замену механизма торможения механизмом ускорения социально-экономического развития страны.

Если говорить в самом общем виде, то суть дела сводится к действительной, а не к декларативной реализации принципов социализма, поэтому-то главный лозунг перестройки — «Больше социализма!» — и в первую очередь в *экономике* и *политике*.

В *экономике* это означает действительное, а не формально-юридическое *обобществление средств производства,* действительное превращение всех трудящихся в собственников, совладельцев средств производства, в хозяев страны. Для тех, кто считает, что со времени «кавалерийской атаки на капитал» 1917—1918 гг. у нас обобществлены средства производства и утвердились социалистические производственные отношения, такое утверждение может показаться странным. Однако ничего странного в нем нет, ибо еще Ленин едко высмеивал

«левых коммунистов», которые считали тогдашние меры — конфискацию и национализацию — достаточными для полной реализации социалистического обобществления. Теперь, после XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС, высказавших свое критическое отношение к существующим формам реализации собственности, мы особенно хорошо понимаем всю справедливость ленинских насмешек по этому поводу. Ведь на протяжении многих десятилетий утверждалось, что средства производства в советском обществе «социализированы», но вместе с тем наша пропаганда прямо-таки «уговаривала» трудящихся чувствовать себя «хозяевами производства», «хозяевами страны».

Возникает вопрос: почему трудящихся никто не уговаривает чувствовать себя хозяевами у себя дома, где они и так себя чувствуют хозяевами? Однако этого нельзя сказать о производстве. И это понятно, ибо каждый трудящийся, каждый коллектив тружеников становится действительным хозяином производства, учили Маркс, Энгельс и Ленин, не потому, что их объявляют, называют хозяевами, а только в меру того, как действительно сами трудящиеся хозяйствуют на производстве, управляют им, т. е. определяют численность работающих, планируют и организуют производство, распоряжаются произведенным продуктом и доходом, определяют размер заработной платы, премий, пути расширения и модернизации производства, развитие социальной сферы.

Целям реализации именно этой центральной марксистской идеи служит принятый недавно Закон о социалистическом предприятии. Этим вопросам были посвящены июньский (1986 г.), январский и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС. Только в результате осуществления намеченных партией изменений и перестроек (введение выборности директоров, начальников цехов, бригадиров и т. п., введение полного хозрасчета, самоокупаемости, самофинансирования и производственного самоуправления на предприятиях) может быть реализован социалистический идеал в обобществлении средств производства, в утверждении социалистической экономики, в реализации социалистической собственности.

В *политике* перестройка означает решительный поворот к действительному *народовластию,* т. е. власти самого народа. Речь идет не только о расширении *прав* и *свобод граждан,* все расширяющейся гласности, позволяющих самим трудящимся иметь свое мнение по соот-

ветствующим вопросам, о действенной *критике* и *самокритике, контроле* масс за деятельностью властей, но и о *перестройке политической системы общества.* До сих пор было так — люди, которые в силу своей должности распоряжались судьбами других людей, зачастую никакой ответственности перед самими этими людьми не несли и отвечали за свои действия только перед вышестоящими должностными лицами, что имело негативные последствия. Предстоит перевернуть эту пирамиду, поставить все без исключения должностные лица под контроль масс. Именно в этом плане идут все реорганизации и перестройки в трудовых коллективах, в государственных и общественных организациях, во всех сферах жизнедеятельности; в этом же духе перестраивается и советская избирательная система, трудящиеся смогут внести свой вклад в демократизацию выборов; будут расширены права депутатов, усилится их контроль за исполнительными органами, а главное — вся система политической власти должна постепенно превращаться в «управление народа посредством самого народа» (Маркс), т. е. в систему социалистического самоуправления народа, когда все совершается не только в интересах трудящихся, но и по воле самих трудящихся.

Лишь реализовав все эти и многие другие задачи перестройки, обеспечив с помощью демократии активизацию человеческого фактора, активные действия народных масс — истинных творцов истории, можно будет сказать: механизм торможения разрушен, взамен его утвержден механизм ускорения, советское общество вступило в новую полосу истории — полосу ускоренного социально-экономического развития, всестороннего совершенствования социализма.

Необходимость решительной борьбы с бюрократизмом

Чем шире и глубже осуществляется перестройка советского общества, тем отчетливее обнаруживают себя силы, выступающие на разных полюсах борьбы — за и против развертывающихся перемен. XXVII съезд партии назвал те общественные силы — рабочий класс, колхозное крестьянство, народную интеллигенцию,— которые призваны осуществить задуманную партией перестройку. Вместе с тем съезд указал и на социальные силы, которые будут препятствовать такому развитию: это — группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным

интересам, те, кто олицетворяет и питает собой такие уродливые явления, как бюрократизм и догматизм, местничество и формализм. Наиболее опасным злом, чуждым подлинной природе социализма, является бюрократизм.

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы уразуметь, что особым социальным злом предшествующего апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК КПСС периода с его застойными явлениями и деформациями социализма было широкое распространение во всех сферах жизни формализма и казенщины, бумаготворчества и канцелярщины, «спихотехники» и волокиты, т. е. всего того, что в нашем сознании и в самой действительности объемлется словами — бюрократические извращения. Можно назвать сотни примеров того, как настоящее дело подменялось формальными мероприятиями — «показухой» для отчетности, как при попытке решить ту или иную проблему и обращении с этой целью в официальные учреждения человек попадал в ситуацию, когда его «футболили» от одного начальника к другому, когда для получения одной справки часто требовали другую подписанную заявку, когда приходилось убеждаться в справедливости притчи: «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек!»

Указывая на эту разросшуюся в советском обществе опасность, XXVII съезд КПСС подчеркнул: «Партия должна объявить решительную и беспощадную войну бюрократизму. Владимир Ильич Ленин считал особенно важной борьбу с ним в переломные моменты, во время перехода от одной системы управления к другой, когда требуется максимум деловитости, быстроты и энергии» [1].

То, что борьба против бюрократизма является особенно важной в переломные моменты — во время перехода от одной системы управления к другой — объясняется также и тем, что подобные переломы и переходы задевают прежде всего самих бюрократов, их положение в обществе, и, естественно, они всеми силами сопротивляются любым изменениям в системе управления, с которой они связаны самой своей сущностью, своей природой.

Откуда же взялся бюрократизм? Каковы его корни и какова природа? Как его преодолеть?

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 83.

Социальные корни бюрократизма уходят в глубины общественного разделения труда. Маркс неоднократно отмечал, что общество, создавшее себе путем простого разделения труда органы для защиты своих собственных общих интересов, вскоре оказалось в положении, когда эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Основоположники марксизма обращали внимание на то, что при выполнении общих функций управления, необходимых для жизнедеятельности общества, предназначенные для этого люди образуют особую отрасль разделения труда внутри общества и тем самым обретают особые интересы, отличные от интересов тех, кто их уполномочил, становятся самостоятельными по отношению к ним, а в определенных условиях могут встать над всем обществом, преследуя свои корыстные цели. В этом и заключаются истоки бюрократизма и бюрократии.

Сущность бюрократизма впервые была вскрыта Марксом в работах первой половины 40-х гг. прошлого века, т. е. в период формирования научного коммунизма. И хотя эта критика бюрократизма относилась к буржуазному обществу, а частью также и к феодализму, ее гуманистический пафос и глубокое содержание заключают в себе многие положения, сохраняющие свое значение и для критики современных форм бюрократизма, в том числе в нашем, социалистическом обществе.

Маркс о бюрократизме и бюрократии

Уже в то время Маркс глубже, чем кто-либо другой, подошел к характеристике сути бюрократизма и ряда его важнейших социальных черт. Что же собой представляет, согласно Марксу, бюрократизм? Какова природа бюрократии?

Бюрократизм — это социальное зло, паразитирующее на общественном разделении функций управления и исполнения, на реальном противоречии между управляющими и управляемыми; *бюрократия* как своеобразная каста, как определенный корпоративный слой управляющих стремится использовать свое положение в своих интересах, безотносительно к тому, соответствует ли это общественным интересам. При засилье бюрократии, отмечал Маркс, складывается особый иерархический тип отношений «как внутри самого организма управления, так и *между ним и управляемым организмом*» (1, 205). Бюрократизм — одно из существенных зол как государственно-

го, так и любого другого многоступенчатого управления. Конечно же бюрократом является далеко не каждый управляющий, не каждый человек, обладающий должностью, облеченный чином, а значит, не всякое должностное лицо, не каждый чиновник. Бюрократизм и бюрократия начинаются там и тогда, где и когда общественно необходимая функция управления осуществляется вразрез со своим подлинным предназначением, когда само управление из формы сложного труда превращается в простой источник благополучия управляющего, чиновника, служащего.

Стараясь «выжать» максимум возможного и невозможного из своей «управляющей» роли, такой управляющий в центр своих интересов ставит не столько выполнение доверенных ему общественных функций, сколько использование их в своих корыстных целях (даже если речь идет о простом получении заработка без должного выполнения своих обязанностей). Результат такого исполнения общественно необходимых функций сплошь и рядом приобретает совсем иной смысл, оборачивается не действительным управлением общественными делами, а лишь видимостью управления.

Выхолащивание действительного смысла, действительного содержания управления и наполнение видимой реализации этого процесса иным смыслом — характернейшая черта бюрократизма. Тот, кто сталкивается с бюрократизмом, легко замечает, что воплощающий его чиновник не решает дела, причем поступает так, опираясь на букву инструкций, ссылаясь на форму закона, в результате чего собственное безделье и безразличие бюрократа выглядит как бездушие самого государства.

Не менее важно и то, что дела, «решаемые» бюрократом, для него не существуют как практические дела, которые сами по себе представляют определенный интерес; его действительный личный интерес в самом делопроизводстве, а не в его содержании, ибо только в таком качестве его собственная деятельность может быть оценена и поощрена, поэтому именно она имеет для него совсем иной — не содержательный, а канцелярский смысл. Только это канцелярское, формальное содержание делопроизводства бюрократ считает действительной целью осуществляемого им управления. «Бюрократия,— замечал Маркс,— считает самоё себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в

конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить» (1, 271).

Поскольку управляющие призваны заниматься «общими функциями», т. е. общими вопросами жизни данного общества, это невозможно без определенного знания, включающего необходимую информацию о положении дел, его оценку, перечень намечаемых мер, их результативность и т. д. В соответствии с этим бюрократия, стремясь подчинить осуществление «общих функций» своим интересам, по-своему относится к этим знаниям, монополизируя их. «Ее (бюрократии.— *Авт.*) иерархия,— писал Маркс,— есть *иерархия знания.* Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» (1, 271—272).

Приспосабливая к своим корыстным интересам исполняемые общественные функции, бюрократы выступают как откровенные противники информированности и гласности, как враги самостоятельных, «собственных» мнений.

Что касается первого — информации об общем состоянии дел, то бюрократия прекрасно понимает, что все знания так или иначе упираются в информацию, вырастают из нее, что отсутствие информации исключает возможность любых, как правильных, так и неправильных, суждений о положении дел. Поэтому она старается сделать себя монопольным владельцем подобной информации, стремится максимально сузить гласность в обществе. Ведь благодаря только этому ее положение в глазах неинформированного общества сразу приобретает особую привлекательность и дополнительный вес и, что не менее важно, уменьшается возможность конкурирующих решений, а вместе с тем и критики, сводится к минимуму возможность негативной оценки ее деятельности. Иерархическая дозировка информации, скрытность внутренних взаимодействий и таинственность, окружающая принятие важных решений,— характерные черты, присущие бюрократии. «Всеобщий дух бюрократии,— отмечал Маркс,— есть *тайна,* таинство. Соблюдение этого таинст-

ва обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии *предательством* по отношению к ее тайне» (1, 272).

Если же говорить об общих суждениях, мнениях и решениях, касающихся осуществления «общих функций», то постепенно укореняется мысль, что такое доступно только узкому кругу лиц. Бюрократия поддерживает и насаждает убеждения, возвеличивающие их как единственных людей, способных здраво оценить общее положение, взаимоотношение целого и его частей. И если кто-либо вздумает превратить «бедствия частных лиц в государственное бедствие, устранение которого является обязанностью государства перед *самим собой*», то, как писал Маркс, само такое «утверждение управляемых кажется непристойным поступком по отношению к правителям. Правители-де могут лучше всех оценить, в какой мере та или иная опасность угрожает государственному благу, и за ними следует заранее признать более глубокое понимание взаимоотношений целого и его частей, чем то, какое присуще самим частям. К этому следует еще прибавить, что отдельное лицо и даже многие отдельные лица не могут выдавать свой голос за голос народа; напротив, то освещение вопроса, которое они дают, всегда сохраняет характер *частной* жалобы» (1, 205—206).

К. Маркс подчеркивал, что вышколенная и организованная по иерархическому принципу бюрократия и к самим знаниям относится по этому принципу; для бюрократии главное не в том, что говорится, а кем говорится, для нее важны не аргументы и доказательства, обосновывающие решения, а чины и авторитеты, стоящие за ними и удостоверяющие собой степень авторитетности и правильности решений. «*Авторитет,*— писал он,— есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее *образ мыслей*» (1, 272).

Маркс, Энгельс и Ленин об опасности бюрократизма в новом обществе

При наличии общих черт, обусловленных самой сутью бюрократизма, природой его социальных корней и выполняемыми функциями, проявления бюрократизма имеют свою специфику, связанную с особенностями его эволюции в том или ином обществе.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин учили трудящих-

ся: пока в обществе существуют классы, политика и государство, пока имеет место деление на управляющих и управляемых, рабочему классу, всем трудящимся приходится вести настойчивую борьбу против бюрократизма. Однако пройти этот путь нелегко и непросто.

Ведь в эксплуататорском обществе рабочему классу противостоит не только буржуазия, но и созданное ею государство-паразит со всеми своими бюрократическими учреждениями и органами насилия, нацеленными на недопущение и подавление политической активности трудящихся. Именно с помощью бюрократических ухищрений, канцелярского формализма и чиновнического крючкотворства буржуазия добивается того, чего не могут дать орудия государственного насилия,— удушения гражданской активности и политической воли трудящихся, превращения их в послушных исполнителей чужих распоряжений.

После совершения социалистической революции и установления диктатуры пролетариата, учили Маркс и Энгельс, рабочему классу предстоит определенное время продолжать борьбу в государственно-политических формах, при сохраняющемся разделении общества на управляющих и управляемых, а значит, при наличии опасности бюрократизма.

Что же должны делать рабочий класс, трудящиеся в такой обстановке, чтобы преодолеть эти новые опасности и достичь своих конечных целей?

Рассматривая под этим углом зрения опыт истории и ход революционной борьбы, Маркс, Энгельс и Ленин пришли к ряду весьма важных выводов, смысл которых заключался в том, что с первых шагов новой власти надо вести дело к всемерному развитию подлинно демократических начал, к становлению и развитию самоуправления трудящихся, т. е. к преодолению противопоставления управляющих и управляемых в обществе, а тем самым и к ликвидации самой опасности бюрократии и бюрократизма.

Обобщая опыт Парижской коммуны, Маркс писал, что это была революция против такого государства, которое является «сверхъестественным выкидышем общества» (см. 17, 546), революция, поставившая на место сил, порабощающих общество, его собственные живые силы. Маркс считал, что социалистическая революция призвана вернуть обществу те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, государство, кор-

мящийся за счет общества и задерживающий его свободное движение.

Учитывая возможность чрезмерного обособления аппарата управления после победы революции, рабочему классу следует с самого начала принимать меры, направленные против опасных последствий такого отделения функций управления от функций исполнения, когда аппарат управления становится над обществом. Историческая заслуга Парижской коммуны, писал Энгельс, состояла в том, что «против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие... Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму...» (22, 200).

После победы Октябрьской социалистической революции, поставившей в повестку дня практический переход от капитализма к социализму, перед В. И. Лениным и всей партией во весь рост встала задача преодоления таких нежелательных явлений в государственно-политической сфере, которые могли отрицательно повлиять на этот процесс. Отличительная черта ленинского стиля борьбы с бюрократизмом — честное и правдивое обращение к массам, подчеркивание того, что партия этого зла не скрывает, что «мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом...» [1].

В чем заключаются особенности и сложности решения этой проблемы в условиях строительства и совершенствования социализма? Как здесь решается проблема организованности и управления?

Как известно, *организация* — это обусловленная характером явления или процесса его внутренняя упорядоченность, воспроизводимая взаимосвязь или взаимодействие элементов структуры данного явления или процес-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 229.

са. *Управление* — это тоже организация, но только поддерживаемая сознательно, специально предназначенными для этого элементами структуры.

Очевидно, что на всех ступенях своего развития человеческое общество не только порождает известные общие функции, без осуществления которых оно не может обойтись, но именно благодаря осуществлению этих общих функций поддерживается, воспроизводится та или иная организация общественной жизни. По мере развития общества и естественного усложнения его организации расширяется область сознательности, изменяются не только сами жизненно важные для общества общие функции, но и способы их реализации, выступающие или в виде управления, или в виде самоуправления, или комбинации того и другого.

Социализм — сознательно создаваемое и сознательно развиваемое общество. Поэтому для него проблема эффективного и сознательного осуществления общих функций управления имеет особое значение, ибо без этого нельзя достичь цели общественного развития. Сознательный характер развития социалистического общества многократно увеличивает роль управления в нем. Отсюда так важно, чтобы по мере утверждения и совершенствования социализма управление обществом все более приобретало характер социалистического самоуправления с присущим ему всесторонним и полным развитием демократических начал.

Учитывая огромную роль сознательного управления в ходе социалистического строительства, В. И. Ленин с первых шагов Советской власти обращал внимание партии на недопустимость роста в связи с этим бюрократизма, выделил ряд этапов борьбы с ним.

Первый этап, по его словам, охватывает первые месяцы Советской власти, когда, после того как в ходе Октябрьской революции был разбит старый бюрократический аппарат сверху донизу, в стране еще не ощущалась опасность бюрократизма.

Второй этап относится к началу 1919 г., когда полтора года функционирования государственного аппарата заставили в принятой на VIII съезде партии Программе РКП(б) открыто заявить о *«частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя»* [1].

Третий этап борьбы с бюрократизмом В. И. Ленин

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 229.

относит к 1921 г., когда не только опыт, но и многоплановое изучение проявлений бюрократизма, его тормозящего воздействия в различных сферах общественной жизни позволили подвести итоги спорам, «теснейше связанным с анализом бюрократизма», вынудили сказать: «...Мы видим *это* зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой» [1].

Однако В. И. Ленин не ограничивается одной констатацией опасности бюрократизма, а ставит вопрос о его тогдашних корнях. Он указывает на то, что корни бюрократизма в обществе, строящем социализм, иные, чем в капиталистическом обществе. «...Развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые, против буржуазии. Армия у нас классовая, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие *оборота* между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. В громадной степени это — результат гражданской войны» [2].

Достаточно задуматься над той ситуацией, которая имела место в дореволюционной России, чтобы прийти к неизбежному выводу о связи бюрократизма с распыленностью и раздробленностью мелких производителей, возобладавших в стране. В самом деле, в условиях России, экономика которой во многом опиралась на мелких производителей, как раз из-за недостаточной развитости капитализма экономические связи между центром и окраинами и производственные взаимозависимости между отдельными регионами заменялись связями административными, канцелярски-бумажными, чиновничьими. Разные губернии и волости были связаны в централизованное государство не столько с помощью уже развившихся хозяйственных взаимодействий, интенсивного развития торговых связей и функционирования транспортных линий, сколько посредством чиновничьих циркуляров и военных распоряжений, осу-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 230.
[2] Там же.

ществлявших военно-феодальную деспотическую власть самодержца.

Новая власть, разбив старый аппарат, стала создавать новый, черпая необходимые для этого структуры первоначально в профсоюзах [1], а затем формируя органы государственного управления экономикой (наркоматы, главки, центры), заполненные новыми людьми. Вместе с тем приходилось создавать и естественные экономические связи. В этих условиях, писал В. И. Ленин, «бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне» [2].

С того времени, когда были написаны эти ленинские слова, прошло более 65 лет. И хотя бюрократизм не исчез из жизни стран социализма, он пережил свою историю, весьма поучительную для тех, кто намерен преодолеть его. Ведь не случайно в выступлениях на XXVII съезде партии ставился вопрос: почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений?

Пути преодоления бюрократизма в социалистическом обществе

Обращаясь к реальной истории бюрократизма в нашем обществе, важно подчеркнуть, что после смерти В. И. Ленина не только не проводилась линия на развитие самоуправления народа, но, напротив, обосновывалась и осуществлялась на практике «теория» такого укрепления государственности, которая вступала в противоречие с этим развитием, а сама идея самоуправления народа с определенного рубежа стала предаваться анафеме как анархо-синдикалистская, ревизионистская.

В обстановке культа личности Сталина политическая система была деформирована, что нередко сопровождалось попранием прав личности, репрессиями и беззаконием. В этих условиях сложилась определенная прослойка бюрократии, не умеющей и не желающей считаться с народом, признающей лишь авторитет вождя. В свою очередь сам Сталин, опираясь на административно-бюрократический аппарат, требовал от своих подчиненных безоговорочного исполнения своих приказов и славословий в свой адрес.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 221.
[2] Там же, т. 43, с. 230—231.

Административное командование отрицательно сказалось на развитии экономики, где сплошь и рядом игнорировались ленинские указания об учете объективных законов развития и налаживании на этой основе сложнейшей сети новых общественных отношений, по существу, практиковались волевые методы времен «военного коммунизма».

Широкое применение внеэкономических командно-бюрократических (включая и насильственные) методов управления вело к еще большей централизации власти, к угасанию в массах способности к самостоятельному мышлению, общественной инициативе и политической активности.

Когда мы обращаемся к анализу идеологии и психологии застоя 70 — начала 80-х гг., о чем говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, то прежде всего нужно отметить, что это не нечто аморфное, ничейное и безадресное, а вполне определенный духовный продукт — порождение жизнедеятельности тех кругов, которые не хотели никаких перемен, которые, плохо выполняя свои общественные функции и злоупотребляя служебным положением, оторвались от масс, оказались вне контроля и критики, в своих корыстных целях действовали по принципу вседозволенности и круговой поруки.

Экономический и социально-политический застой, связанный с пассивностью многих звеньев управления, засильем бюрократизма, не мог не сказаться и сказался на духовном настрое общества, его социальной и культурной жизни. Это выражалось в таких явлениях, как падение интереса к общественным делам, аполитичность, бездуховность, скептицизм и цинизм, снижение роли моральных стимулов к труду. «Возросла прослойка людей, в том числе среди молодежи,— говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС,— для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобретала все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства. Показателем падения социальных нравов стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности» [1].

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 12.

В сфере культуры, как отмечалось на Пленуме, партийный подход к художественному творчеству нередко подменялся ведомственным, необоснованным вмешательством в сугубо творческий процесс. Возникали и укоренялись чуждые социалистическим идеалам нравы и методы работы, распространялись групповщина и беспринципность, на действительные завоевания культуры напластовывался эстетически убогий слой продукции.

Бюрократизм антигуманен, античеловечен. Но, вытравляя из культуры оригинально-личностное, индивидуальное, никем еще не сказанное, он всякий раз ссылается на «высшие» интересы, стремится доказать, что действует в интересах самих людей. Отвергая достижения человеческой культуры, всегда несущие на себе печать создавшей ее личности, ее уникальности и неповторимости, бюрократ или ставит при этом клеймо «отсебятина», «оригинальничанье», или просто указывает пальцем вверх, намекая на то, что ему одному известно мнение «верхов».

Однако, хотят того бюрократы или нет, прошла безвозвратно безликая эпоха торможения и застоя. Конечно, нельзя недооценивать самоуверенности бюрократии, ее убежденности в собственной необходимости и незаменимости. Однако необходимость управления вовсе не означает необходимости бюрократии.

XXVII съезд КПСС указал на бюрократизм как на одно из главных препятствий перестройки и ускорения развития советского общества. Сегодня, как и при В. И. Ленине, мы говорим о бюрократизме в нашей жизни прямо, не боясь признать того зла, которое он с собой несет, а желая глубже раскрыть его, основательнее разоблачить и тем самым вызвать мысль и волю, энергию и действия для борьбы с этим злом.

Важно при этом видеть главную линию сегодняшней борьбы. В Программе КПСС, определившей пути совершенствования социализма, подчеркнуто: «Должно обеспечиваться последовательное осуществление... принципа *демократического централизма,* выражающего единство обоих его начал — повышение эффективности централизованного руководства и значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности объединений и предприятий»[1]. Действуя в этом

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 148.

направлении, партия повела дело к «значительному расширению хозяйственной самостоятельности» предприятий, т. е. к установлению должной меры между демократией и централизмом, как это и было предусмотрено XXVII съездом КПСС.

Дело в том, что отличительной чертой прежних форм управления, сложившихся еще на начальных фазах экстенсивного развития экономики, было сосредоточение всех его функций в центре, ограничение самостоятельности предприятий, государственно-директивное руководство объединениями и предприятиями при незначительном использовании в этих целях экономических нормативов и товарно-денежных механизмов. Кроме всего прочего, это создавало благоприятные условия для развития командно-бюрократических методов управления, а следовательно, для процветания бюрократии.

Учитывая сложившиеся новые условия, XXVII съезд партии поставил задачу установить подлинное сочетание демократии и централизма в советском обществе. Практическая реализация этой задачи означает перераспределение прав и обязанностей в обществе, то, что в управлении экономикой гораздо шире будут использовать не администрирование с его опасностями бюрократизации, а экономические нормативы и товарно-денежные механизмы, что часть функций, принадлежавших раньше центральным государственным органам, министерствам и ведомствам, будет передана местным органам власти, объединениям и предприятиям. Короче говоря, речь идет о перестройке не только экономической, но и административно-управленческой, перестройке всей политической системы, поскольку суть политической системы как раз и выражается в том или ином распределении в обществе властных функций, в соответствующем разделении прав и обязанностей, управленческих и исполнительских действий.

Именно такая перестройка и натолкнулась на препятствия, связанные с размерами, неповоротливостью и неэффективностью работы управленческого аппарата, его нежеланием поступиться теми правами, которые должны быть переданы предприятиям. «Истекшее после съезда время показало,— говорил М. С. Горбачев на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК КПСС,— что темпы нашего движения и освоения новых методов хозяйствования в немалой степени затормаживаются громозд-

костью и неэффективностью работы аппарата управления. Очень болезненно идет процесс перераспределения прав и обязанностей между центральными экономическими ведомствами, министерствами, с одной стороны, и предприятиями, производственными объединениями, трудовыми коллективами — с другой» [1].

Вот здесь сегодня и пролегает главная линия борьбы с бюрократизмом. Ведь перекос в соотношении демократии и централизма, сосредоточение чрезмерного числа распорядительных функций в министерствах и ведомствах в ущерб предприятиям — главная причина неповоротливости управления, ограничений хозрасчета, основной источник бюрократической волокиты и канцелярщины. Если все решения принимаются в центре, а исполняются на местах, то для кажущейся результативности управления центр чуть ли не по каждому конкретному вопросу должен выдавать циркуляры, требовать информации и отчетности, а исполнители главное внимание должны уделять не делу, а бумаготворчеству, в то время как самое радикальное средство устранения волокиты и канцелярщины — перенести принятие решений туда, где они выполняются.

К настоящему времени советская экономика достигла такого уровня развития, когда управлять ею в соответствии с моделью, сложившейся в 30-е гг. и упрочившейся в последующие десятилетия, уже нельзя. «В современных условиях недопустимо решать из центра все вопросы, да это практически и невозможно. Усвоить эту истину надо всем» [2]. Выступая в Хабаровске, М. С. Горбачев решительно подчеркнул, что здесь, «может быть, сильнее не только понимаешь, но просто чувствуешь, что нельзя, просто невозможно управлять всем этим громадным хозяйством только из центра...» [3].

Когда речь идет об излишествах централизма, гипертрофии министерских и ведомственных директив, дело не только в неэффективности такого управления. Особенно важно то, что творчество масс невозможно подменить никакими директивами, даже самыми хорошими. А ведь перестройка как раз и предполагает всемерное развитие инициативы и самостоятельности тру-

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 года. М., 1986, с. 9.

[2] Там же, с. 11.

[3] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 4, с. 48.

довых коллективов, всех кадров. Сегодня уповать на старые командно-бюрократические методы руководства — значит пренебрегать потенциальным зарядом человеческого фактора, делать ставку на узкий круг административных работников. А это и раньше не могло, а сегодня тем более не может заменить творческую мысль трудовых коллективов.

Конечно же старое, прочно укоренившееся, превратившееся в привычку легко не уходит. Воспитанная прошлыми десятилетиями практика наглядно проявилась, например, в том — и об этом уже неоднократно говорилось в партийных документах,— что и после XXVII съезда КПСС поступают просьбы о создании все новых органов управления, расширении штатов, а ряд республик, копируя действующую в центре структуру управления, вошли с предложением образовать новые министерства и ведомства.

Как показывает ход событий, противодействие идеям и практике перестройки хозяйственного механизма все еще весьма ощутимо. Иногда оно прикрывается рассуждениями о «защите идеи централизма». В этом вопросе не должно быть неясности. КПСС действительно всегда исходила из того, что для успешного развития социализма конечно же нужен централизм. Но при этом наша партия последовательно придерживается напоминания В. И. Ленина, что, «отстаивая централизм, мы отстаиваем исключительно *демократический* централизм» [1]. Именно так, и только так, может решаться и решается эта проблема на нынешнем этапе развития советского общества.

5. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Чем диктуется необходимость нового мышления?

Сегодня философское и политическое мышление вошло в полосу ломки устаревших взглядов и прежних представлений, выработки нового подхода, отвечающего реалиям нашего времени.

Даже если сегодня не каждый говорящий о новом мышлении может объяснить его суть и необходимость, показать, почему по-старому мыслить нельзя, то сама

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 144.

постановка вопроса о новом философском и политическом ви́дении мира, повсеместное, заинтересованное обсуждение этого вопроса являются симптомом того, что в мире происходит нечто глобально важное, что уже не может быть понято, усвоено, объяснено со старых позиций, с позиций вчерашнего мышления.

Если попытаться осмыслить современную эпоху с точки зрения коммунистической перспективы и высказать о ней предварительные суждения, то можно указать на следующие обстоятельства. Классики марксизма-ленинизма писали о времени, когда человечество подойдет к завершению той продолжавшейся тысячелетия полосы общественного развития, которая развертывалась в рамках стихийно совершающегося естественно-исторического процесса, который характеризовался, по Марксу, «скудостью и антагонистичностью», с тем чтобы совершить коренной переход в царство исторической свободы, уже не знающее прежней материальной нужды и всех мерзостей старого мира.

Для людей, не знакомых с философией истории Маркса и Энгельса, это положение звучит не более чем красивая фраза, хотя для основоположников научного коммунизма в нем содержался исключительно глубокий и конкретный смысл о переломе исторического развития, равноценном тому, который произошел при возникновении частной собственности и эксплуатации человека человеком, классов, государства и политики. Если можно себе представить, какую перестройку в мышление людей, в их ви́дение мира внесло возникновение частной собственности, эксплуатации, классов, политики и государства, то можно попытаться представить себе и то, какую перестройку должно пережить наше мышление сегодня, как должно измениться наше философское и политическое ви́дение мира, когда совершится этот всемирно-исторический общественно-экономический перелом.

Здесь у читателя может возникнуть недоуменный вопрос: о каком общественно-экономическом переломе здесь ведут речь, когда глобальным переходом к новому строю даже и не пахнет? Все это так, но элементарно грамотные марксисты никогда не забывали о том, что философские революции — а создание нового философского и политического мышления относится именно к такой революции,— не за год, а за десятилетия предвосхищали перемены в общественной жизни. Маркс и Энгельс не раз писали о том, что революция в философии всегда не за-

вершала, а предвосхищала социально-политический переворот, и это понятно, ибо сам этот переворот не был возможен, не мог осуществиться без нового понимания, новых подходов к жизни. Это тем более правильно, если иметь в виду всемирно-историческое содержание того общественного переворота, о котором идет речь.

Однако люди всегда есть люди, а потому они не склонны принимать на веру подобного рода абстрактные формулы и глобальные предсказания, а тем более призывы менять мышление, ви́дение мира. Мышление не теоретика, а обыденное сознание простого человека требует осязаемых фактов, наглядных свидетельств, бесспорных доказательств, действительно убеждающих его в том, что пройдет еще какой-то срок — и наступит время, когда в завтрашний день со своим вчерашним мышлением уже не войдешь.

Есть ли такие факты? Да, есть! Прежде всего это современная научно-техническая революция, представляющая собой не просто очередной переворот в материально-технической базе общества, а действительную подготовку материальной основы будущего человечества. К тому же сегодня человечество уже не только расколото на два мира — социалистический и капиталистический, но и так далеко зашло в их противоборстве, что встало перед тем, чтобы новое философское и политическое мышление, необходимое для его выживания, становилось реальностью по обе стороны разграничительной линии, разделяющей две системы, что сопряжено со многими сложностями и трудностями.

И в то же время именно научно-техническая революция и ее все расширяющиеся и углубляющиеся общественные — социально-экономические и международно-политические — последствия требуют, принуждают человечество оставить прежние мерки, старые подходы и отжившие представления и перейти к новому философскому и политическому мышлению. Каким же оно должно быть?

О сущности нового мышления

Когда речь идет о коренной перестройке мышления, т. е. о переходе от прежнего философского и политического ви́дения мира к новому, современному, то под этим подразумевается не просто более глубокое понимание ранее существовавших проблем плюс верное понимание проблем новых. Речь идет о гораздо большем — о *новой форме* диалектического мышления, т. е. о качественно новом

подходе к проблемам, что предполагает отказ от целого ряда прежних формул и выводов во имя новых, т. е. *самоочищение* теории и ее *обновленное* формирование с позиций нового мышления.

Самоочищение и самообновление мышления и теории, о которых здесь идет речь, не субъективны и не произвольны. Именно современная научно-техническая революция, вооружая человечество качественно новыми производительными силами, заставляет наше мышление обретать новую форму, адаптироваться как к тому, что возникают новые нерешенные проблемы (так бывало и раньше), так и к тому, что старые проблемы встают в новом освещении и должны решаться по-другому.

В самом деле, разве не развитие производительных сил на основе научно-технической революции создает реальную возможность обеспечить всех материальными благами, а вместе с тем разве не это же развитие породило на другом своем полюсе экологическую, продовольственную, энергетическую и другие проблемы, способные, каждая в отдельности и все вместе, не только остановить развитие человеческого рода, но и повести его вспять, по пути деградации? Можно ли в связи с этим по-прежнему рассматривать взаимосвязь человека и природы, природы и общества? Думается, что нет!

Разве не научно-техническая революция, изменив средства ведения войны, создав ракетно-ядерные вооружения, поломала все прежние представления о войне и мире, о сосуществовании и соперничестве двух общественно-экономических систем? Разве научно-техническая революция не втаскивает силком весь мир, все его отношения и связи в еще не известный никому новый экономический и политический порядок, без признания которого по обе стороны разграничительной линии человечеству не выжить?

С этой проблемой в прежнем нашем мышлении связан и известный тезис о мирном сосуществовании как специфической форме классовой борьбы. Новое мышление требует такого подхода, который видит не только противоположность, но и определенную общность интересов двух социальных систем, требует выработки новой формулы, нацеливающей не только на противоборство, но и на сотрудничество, воспринимающей расколотый мир прежде всего как целостность, формы взаимодействия внутри которой диктуются реалиями ядерного века.

Разве научно-техническая революция уже не втащи-

ла современный капитализм в какую-то ранее не предвиденную полосу развития с постоянной безработицей и инфляцией, с бессмысленной растратой ресурсов на недостижимые цели? А разве под воздействием все той же научно-технической революции современный социализм не меняет свою внутреннюю форму, не обретает облик, во многом не предвиденный классиками марксизма? Можно ли в связи с этим подходить к рассмотрению исторического прогресса с прежними мерками? Думается, что нет!

В чем же в таком случае заключается содержание нового мышления?

Поскольку современный мир как бы сжался, чтобы перейти от *жестокостей естественной необходимости* к более *цивилизованным формам развития в рамках исторической необходимости*, чтобы совершить скачок из царства необходимости в царство свободы, и поскольку главное содержание переживаемого перелома, требующего нового мышления, именно в этом скачке и состоит, то и все содержание этого мышления сводится к пониманию сути, условий и путей совершения такого перехода, перелома в обретенных новых обстоятельствах.

Когда человечество завершит этот переход и он останется далеко позади, не исключено, что для краткости само возникновение нового мышления и его суть будут связывать с этим переломом. Однако трудно оспорить и то, что новое мышление, чтобы стать «работающим», действенным, должно освоить, понять, «переварить» все содержание этого перелома и все сопутствующие ему явления, процессы, изменения.

Для обществоведов, живущих в преддверии или в самом начале этого перелома, особенно важно, руководствуясь новым мышлением, новым философским и политическим ви́дением мира, понять, что́ нас окружает в этом преддверии, понять те новации, которые уже имеют место в нашей современности и явятся завтра, а также по-новому решить многие прежние проблемы, которые уже нельзя понять со старых позиций. Ведь современная жизнь, нынешняя практика требуют иного, гораздо более широкого и свободного, чем раньше, полета мысли, несравнимой с прошлым восприимчивости к новым методам, новым идеям, новым взглядам, еще недавно казавшимся не просто крамольными, но и немыслимыми.

Чтобы преодолеть трудности современного обществоведения, представляется необходимым, во-первых, осво-

бодиться от пут психологии застоя, в которых оно находилось прошедшие десятилетия, но это хоть и нелегкая, но ординарная задача, а во-вторых, особая трудность состоит в том, чтобы овладеть новой формой диалектического мышления, а значит, освободиться не только от многих прежних представлений, но и от прежних подходов, вырабатывая новые подходы, новое ви́дение мира. Это и будет означать утверждение нового философского и политического мышления.

О преодолении идеологии и психологии застоя

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось о том, что в результате прошлых ошибок и просчетов руководства страны уже с начала 70-х гг. планы хозяйственного строительства в Советском Союзе по большинству показателей не выполнялись, «страна стала терять темпы движения, начали накапливаться трудности и нерешенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления. Все это серьезно сказывалось на экономике, социальной и духовной сферах»[1]. Сегодня в ходе перестройки все эти негативные явления нужно преодолеть.

Уже все привыкли к фразе: перестройку надо начинать с перестройки сознания. Однако не все задумываются — почему? В прошедшие десятилетия, когда под влиянием механизма торможения в обществе стали распространяться застойные явления и деформации социально-экономической жизни, обозначились негативные явления и в духовной сфере. Здесь позиции все заметнее захватывала идеология и психология застоя со всеми своими последствиями для всех и каждого: индивидуальное сознание пропитывалось догмами, любая его самостоятельность по отношению к «общим» положениям теории осуждалась как непростительный индивидуализм или опасное оригинальничание, да и само оно становилось пленником и заложником распространявшегося застоя.

Многолетняя практика в условиях торможения развития и нарастания застойных явлений, практика, освящаемая девизом: «Как бы улучшить дела, ничего не меняя», стала той привычной средой, в которой сложилось целое поколение людей, чье профессиональное и лично-

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 7.

стное формирование протекало под деформирующим воздействием догматического мышления.

В самом деле, достаточно оглянуться вокруг, чтобы убедиться в том, что и сегодня, когда можно проявить инициативу, мы не торопимся и чего-то ждем, когда следует показать свою самостоятельность и принять решение, спешим «на согласование» или ждем «указаний сверху», нам неуютно и мы испытываем дискомфорт, когда над нами никто не возвышается и не учит нас, как надо жить и работать. Мы привыкли к тому, что за нас думают другие. А ведь фраза: «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой» — это не только слова из гимна, а и священный принцип, лозунг, призывающий рассчитывать прежде всего на самих себя, делать все «своею собственной рукой».

Кое-кому кажется, что беда не столь велика, что достаточно переставить кадры и с помощью средств массовой информации распространить передовые идеи, и все будет исправлено, войдет в нужную колею. Однако ржавчина в общественных отношениях — не пыль, которую можно смахнуть одним движением. Созданные людьми и закрепленные многолетней практикой идеология и психология застоя имеют весьма глубокие корни, у них не только своя общественная почва, но и свои жрецы. Кто они? «Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п.,— учил В. И. Ленин,— следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?» [1]

Так кому же выгодно было, чтобы в нашем обществе доминировали идеология и психология застоя, кто не по простому недомыслию или по своей слепой привычке, а по другим соображениям насаждал и культивировал эти идеологию и психологию?

Идеология и психология застоя — общественный продукт, но это — результат жизнедеятельности не масс трудящихся, всегда стремящихся к улучшению своего положения, а значит, к изменению существующих порядков, существующих форм жизни, а продукт жизнедеятельности сил, получивших возможность определять атмосферу в обществе, которые удовлетворены сложившимся положением, своим материальным и социальным статусом, что чаще всего случается там и тогда, где и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 61.

когда люди получают не по заслугам и хорошо понимают это.

Это и произошло в тот период, когда в советском обществе при выработке политики и в практической деятельности возобладали «консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от всего, что не укладывалось в привычные схемы, нежелание решать назревшие социально-экономические вопросы» [1].

Здесь имеется и обратная сторона медали: препятствуя анализу действительных явлений и процессов, силы застоя и торможения культивировали и поддерживали схоластические дискуссии и споры, уводившие от насущных проблем, чуждых их интересам. «Ведь это, товарищи, факт,— говорил М. С. Горбачев,— что у нас нередко даже поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы, а попытки конструктивного анализа и выдвижения новых идей не получали поддержки» [2].

В обстановке застоя ключевые позиции в духовной сфере все больше захватывал догматизм.

Догматизм — это прежде всего жизненная позиция, иногда связанная с леностью мысли, но чаще всего с неспособностью охватить и понять все сложности и связи реальной действительности. Догматическое мышление воспринимает окружающий мир как окостенелое образование, изученное раз и навсегда, а наука ему представляется в качестве набора непогрешимых истин и верных выводов, применимых независимо от условий, места и времени. Однако главное заключается именно в социальных корнях догматизма как жизненной позиции, диктуемой корыстными личными и групповыми интересами.

Не менее важно и то, что догматизм органически связан с бюрократизмом: если догматизм «теоретически» обосновывает неизменность, стабильность сложившихся форм жизни и управления и тем освящает бюрократизм, то бюрократизм, видя в догматизме, его псевдоортодоксальности удобную идеологическую дубинку, стремится с ее помощью разрушить все новации, приостановить любые попытки изменения управления и подрыва его позиций.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года, с. 8.

[2] Там же, с. 9.

«Бюрократизм нуждается в догматизме, и наоборот. Как бюрократы, так и догматики могут существовать только за счет ущемления интересов общества, используя для этого принадлежность к государственному аппарату...» [1]

Поскольку догматизм гнездится в сознании, в мышлении, без участия которого ничто не совершается в жизни, то вполне естественно и то, что первым препятствием на пути всего нового выступает препятствие в самом сознании, т. е. именно догматизм. Как раз поэтому догматизм — ярый враг перестройки. Ведь по самой своей природе он не просто чужд, но и глубоко враждебен не только ускорению, но и любому развитию, отрицает его. Вот почему идейно-теоретическое обеспечение перестройки и предполагает слом догматизма — этого важного составного элемента механизма торможения в сфере сознания.

Борьба против догматизма — не простое дело, тем более после многолетнего господства идеологии и психологии застоя.

Однако, сколько бы ни цеплялись догматики за обветшалые выводы, сколько бы ни спекулировали на устоявшихся человеческих привычках, усвоенных истинах и стереотипах поведения и т. д., жизнь берет свое: практика и связь с нею теории подрывают сами основы догматизма, его почву.

Можно проиллюстрировать, как сегодняшняя жизнь, требуя к себе новых подходов, ведет к тому, что и в обществоведении пробивают себе дорогу новые подходы и новое видение мира, происходит, пусть не всегда последовательное, очищение и обновление теории.

Возьмем, к примеру, проблему современных международных отношений. Суть нового философского и политического мышления здесь связана с осознанием того, что в результате достижений научно-технической революции человечество впервые в своей истории оказалось перед трагическим выбором: между жизнью и самоуничтожением.

Все помнят, что в начале XX в. В. И. Ленин и большевики говорили и писали о неизбежности войн. Войну нельзя было предотвратить, пояснял В. И. Ленин, ибо в международных отношениях безраздельно господствовал империализм. Это и делало войны неизбежными. Поло-

---

[1] *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 12.

жение принципиально изменилось с возникновением и развитием мирового социализма, лишившего империализм возможности монопольно определять ход мировых событий. «КПСС исходит из того,— говорится в Программе партии,— что, как ни велика угроза миру, создаваемая политикой агрессивных кругов империализма, *фатальной неизбежности мировой войны нет. Предотвратить войну, уберечь человечество от катастрофы можно. В этом — историческое призвание социализма, всех прогрессивных, миролюбивых сил нашей планеты*» [1].

Порой говорят, что мирное сосуществование стран с различным общественным строем — объективная закономерность, продукт неравномерности революционного процесса. Зачем тогда бороться за мир, ведь закономерность — в данном случае мирное сосуществование — никто отменить не может. Суть ошибки здесь заключается в следующем.

Творчески развивая марксистскую теорию социалистической революции, В. И. Ленин доказал, что неравномерность экономического и политического развития стран в условиях монополистического капитализма делает возможным и неизбежным победу революции не сразу во всех странах, а первоначально в ряде стран или даже в отдельно взятой стране, а отсюда неизбежно время, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства» [2], т. е. неизбежно, закономерно одновременное существование на Земле (сосуществование) социалистических и капиталистических стран. Однако будет ли это закономерное сосуществование стран с различным общественным строем мирным или немирным, вытекает из конкретного соотношения сил, из борьбы разных политических линий. И В. И. Ленин писал, что в условиях одновременного сосуществования капиталистических и социалистических стран социализм выступает за мирное сосуществование, борется за него, ибо оно отнюдь не гарантировано фактом одновременного сосуществования тех и других стран.

Проблема сохранения мирного сосуществования стран с различным общественным строем особенно актуальна в наше время, когда отказ от него грозит термоядерным конфликтом, способным уничтожить человеческую цивилизацию, что требует нового политического мышления,

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 137.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 197.

пересмотра устаревших пониманий по обе стороны разграничительной линии.

Прежде всего здесь речь идет о новом понимании соотношения войны и политики, а также о понимании приоритетов.

Сегодня, указывая на огромную разрушительную силу современных средств ведения войны, многие утверждают, что широко известная классическая формула К. Клаузевица, согласно которой война есть продолжение политики иными, насильственными средствами, должна быть отвергнута. Однако при этом не всегда поясняют: почему и в чем? А ясность здесь необходима. В самом деле, разве и сегодня, когда возможна ракетно-ядерная война, мы не считаем такую возможность продолжением политики, именно агрессивной империалистической политики. Конечно, считаем. Но дело в том, что в классической формуле К. Клаузевица содержатся не один, а два тезиса: один касается *причин* войны, другой — ее *роли*. Согласно *первому тезису:* война — это продолжение и порождение определенной политики. И этот тезис, определяющий истоки войн, сохраняет свою справедливость: именно политика определенных классов, ныне империалистической буржуазии, толкает к войне, может породить войну. Согласно *второму тезису:* война — насильственное средство достижения целей политики. Вот этот тезис нуждается в пересмотре: с возникновением ракетно-ядерных средств ведения войны сама война перестает быть средством достижения целей политики, ибо с помощью *такой* войны нельзя достичь целей политики, она ведет человечество к самоубийству, а следовательно, к прекращению любой политики с ее целями, средствами и задачами. Осознание этого как раз и требует нового политического мышления, ибо в таких условиях гонка вооружений вообще теряет прежний смысл; с ее помощью нельзя приблизиться к достижению политических целей, которые можно было раньше достичь посредством победоносной войны. По-иному встает и проблема безопасности, ибо порознь выжить борющимся силам невозможно.

Что касается проблемы приоритетов в общественном развитии, то, когда мы говорим о сохранении мира, надо задуматься над тем, есть ли заинтересованность в сохранении мира и насколько сильна она у противоположной стороны, какое отношение к этой проблематике имеют вопросы международной классовой борьбы?

В свое время В. И. Ленин писал о необходимости учета «тех различных интересов *различных* классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»[1]. Думается, что это положение вполне применимо к общей заинтересованности в мире сил, противоборствующих на мировой арене. Но сегодня особенно важна другая мысль Ленина, согласно которой в табели интересов для коммунистов превыше всего стоят интересы всего человечества, интересы общественного развития. Такое понимание является важным предостережением всякого рода «левакам» и авантюристам, готовым во имя сомнительных шагов по поддержке мнимых революций в отдельных, не созревших для этого странах пойти на провоцирование мирового термоядерного конфликта. Подобная авантюристическая политика противоречит духу марксизма-ленинизма.

В условиях наличия ракетно-ядерного оружия каждый шаг в этой сфере требует и от коммунистов нового политического мышления, необходимости соизмерять свои действия с ленинской мыслью о приоритете интересов всего человечества, ибо, если не будет человечества, то бессмысленно ставить и проблемы побед или неудач в мировом революционном процессе. Сохранение мира — ныне центральная задача мирового социализма.

И еще одна важная особенность современного социализма. Социалистическое общество — первое в истории общество, *развивающееся сознательно,* т. е. на основе познания и практического использования объективных закономерностей этого развития, что позволяет предвидеть создаваемые и изменяемые общественные структуры, совершенствовать их в заранее известном направлении. Задолго до возникновения социализма было известно, что в ходе его становления и развития будут иметь место власть трудящихся, их демократия, общенародная и кооперативная собственность, классы, политика, государство. Было известно и общее направление их развития, изменения предвидимых структур и учреждений.

В наше время социализм подошел к такому рубежу, когда предвидение будущего должно исходить из тех изменений, которые общество претерпевает благодаря научно-технической революции. Научное прогнозирование предстоящих качественных изменений нам необходимо, чтобы действовать не путем проб и ошибок, а опираясь

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 276.

на понимание объективной логики современного социального прогресса. В этом именно и заключается сущность перелома, переживаемого ныне и самим социализмом, и его научным осознанием, призванным, опираясь на диалектико-материалистическую марксистско-ленинскую методологию, осветить путь в будущее с учетом того, что основоположники научного коммунизма не занимались конкретными проблемами социалистического строительства, зашедшего столь далеко в своем технологическом и социальном продвижении к коммунизму. Причем речь идет о предвидении социализма с новой сущностью — с *политическим* социалистическим самоуправлением народа и *многоуровневой* общественной собственностью на средства производства.

Нет сомнения в том, что преодоление идеологического застоя, развития нового философского и политического мышления откроет новый этап развития обществоведения, науки об обществе.

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ И ДЕЛА МАРКСА

(Заключение)

Греческий миф рассказывает о титане Прометее, который похитил у богов с Олимпа огонь и передал его людям, научил их строить дома и корабли, добывать металл из недр земли, приручать животных, исцелять недуги, вселил в них надежду и веру в свои силы и будущее. За это по приказу разгневанного Зевса он был прикован к скале и обречен на постоянные муки. Гордый титан не склонил головы и не молил о прощении, ибо знал, что поражение ненавидящего людей Зевса неизбежно и правое дело, которому он, Прометей, отдал свои силы, восторжествует.

В 1841 г., когда молодой Маркс еще не был ни коммунистом, ни материалистом, но уже глубоко осознавал необходимость борьбы против социального зла, образ Прометея привлек его внимание. В предисловии к докторской диссертации он писал, что, подобно тому как восставший против богов Прометей, похитив с неба огонь, начинает строить дома и водворяться на земле, философия призвана восстать против общественного строя, который угнетает людей, чтобы сделать общество гуманным, достойным разумной природы человека. «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»,— писал Маркс, как бы предвосхищая то великое революционное дело, которому он без остатка посвятил свою жизнь (40, 154). В этих его словах раскрывается великая жизненная правда античного мифа. Легенда о Прометее была создана народом в те далекие времена, когда человек был подавлен стихийными силами природы. Но уже тогда человек боролся с этими, казалось, непреодолимыми силами, и именно борьба отличала его от животного, которое просто приспосабливается к окружающей природной среде или погибает. Человек научился разжи-

гать и поддерживать огонь, строить жилище, возделывать землю, приручать животных, добывать металлы,— все это было началом его будущего господства над стихийными природными силами, первыми зарницами грядущей победы. И по мере того как люди посредством познания и практики все больше и больше приспосабливали природные условия к своим потребностям, росла и их вера в свои силы, в могущество разума, знания.

Образ Прометея вдохновлял поэтов — Эсхила, Гёте, Байрона, Шелли и других. Они видели в этом благородном образе предвосхищение героической борьбы человеческого разума против чуждых ему сил и были непоколебимо убеждены в том, что разум непременно восторжествует. Молодой Маркс в своей оценке мифа о Прометее безусловно примыкает к этой гуманистической просветительской традиции. В предисловии к диссертации он ставит перед философией великую, поистине прометееву задачу. Признание Прометея: «По правде, всех богов я ненавижу» — Маркс назвал «собственным признанием» подлинной философии, «ее собственным изречением, направленным против всех небесных и земных богов». Подлинная философия как мыслящий, ни перед чем не преклоняющийся разум по самой природе своей враждебна религиозному, рабскому сознанию. Подчеркивая эту мысль, Маркс писал: «А в ответ заячьим душам, торжествующим по поводу того, что положение философии в обществе, по-видимому, ухудшилось, она (философия.— *Авт.*) повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу:

> Знай хорошо, что я б не променял
> Своих скорбей на рабское служенье:
> Мне лучше быть прикованным к скале,
> Чем верным быть прислужником Зевеса» (40, 154).

Гуманистический пафос воззрений молодого Маркса, страстная ненависть ко всем формам эксплуатации и угнетения человеческой личности и убежденность в могуществе разума и истины были необходимым фундаментом для последующего критического осмысления им исторического опыта буржуазных революций и их идеологии, творческого восприятия, переработки и развития всего ценного, содержащегося в предшествующих социальных теориях. Все это способствовало созданию подлинно гуманистического, революционного, единственно верного учения.

Учение, заслуженно названное именем его гениального творца Маркса, возникло закономерно, его становление диктовалось объективной исторической необходимостью. Закономерность возникновения марксизма обусловили в первую очередь развитие капиталистического способа производства и обострение внутренне присущих ему антагонистических противоречий, буржуазные революции, в ходе которых выявилась враждебность буржуазии делу социального освобождения угнетенных народных масс, усиление классовой борьбы пролетариата.

Исходя из материалистического понимания истории, можно утверждать, что, не будь Маркса, это учение все равно было бы создано. Его творцом выступил бы другой гениальный ученый и бесстрашный революционер. И все же тот факт, что именно Маркс, а не кто-то другой из выдающихся деятелей первой половины XIX в. стал творцом принципиально новой философии, научной теории освободительного движения пролетариата, далеко не случайность. Ибо личность Маркса сконцентрировала в себе все необходимые для этого качества. Уже первые публичные выступления Маркса поразили его современников мощью мысли. Видный участник левогегельянского движения М. Гесс писал писателю Б. Ауэрбаху в сентябре 1841 г.: «Будь готов познакомиться с величайшим, может быть единственным из ныне живущих настоящим философом. В скором времени... на него будут обращены взоры всей Германии. Как по своему направлению, так и по философским познаниям он превосходит не только Штрауса, но и Фейербаха... Доктор Маркс — так называется мой кумир — еще совсем молодой человек (едва ли ему больше 24 лет), он нанесет последний удар по средневековой религии и политике. В нем сочетаются глубочайшая философская серьезность и тончайшее остроумие. Представь себе соединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, я говорю — соединенными, а не смешанными, и ты будешь иметь представление о докторе Марксе» [1].

Как ни высока эта оценка, ей все же не хватает одной в высшей степени существенной для характеристики Маркса черты: М. Гесс увидел в Марксе гени-

[1] Marx — Engels — Gesamtausgabe (MEGA), Abt. 1, Bd. 1, Hbd. 2, S. 261.

альнейшего мыслителя, но не постиг уникальности личности Маркса, а именно того, что он органически сочетал в себе гений ученого, неутомимого исследователя с гением революционера всемирно-исторического масштаба. Среди современников Маркса были гениальные ученые, были и замечательные революционеры. Но только в Марксе гений исследователя и революционный гений составили единое неразрывное целое.

Ф. Энгельс, гениальный соратник К. Маркса, также органически сочетавший в себе качества ученого и революционера, справедливо подчеркивал, что величайшие научные открытия Маркса, несмотря на их беспрецедентное значение в истории познания, не были все-таки самым главным в деятельности этого великого человека. «...Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным образом участие в ниспровержении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому *он* впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,— вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба» (19, 351).

Жизнь великого исторического деятеля, в особенности жизнь и деятельность великого среди великих, нельзя постигнуть путем простого повествования о его запечатленных в истории делах: ее нужно изучать как историю необыкновенной и вместе с тем удивительно простой (в смысле подлинной человечности) личности, которой ничто человеческое не чуждо, могучей индивидуальности, счастливой и трудной судьбы. Недостаточно знать факты, из которых складывалась эта жизнь, необходимо проникнуться их внутренним смыслом, чтобы увидеть сквозь время, отделяющее нас от эпохи возникновения марксизма, как стал возможен этот удивительный человеческий феномен.

К. Маркс не был кабинетным ученым, хотя очень часто (по-видимому, даже слишком часто) просиживал за письменным столом по 12—14 часов, не давая себе отдыха, передышки. Когда близкие Маркса упрекали его в том, что он изматывает себя работой, день изо дня подрывает свое здоровье чрезмерным напряжением, он обычно отделывался шуткой. Но в одном, пожалуй, единственном письме, отвечая на совет отложить на время исследование, чтобы основательнее заняться

лечением, Маркс говорит кратко и выразительно: «Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре» (31, 454). Муки трудящегося человечества были его муками, его болью. И события современной ему эпохи не просто постоянно находились в поле его зрения (а это ведь тоже немало!), но и составляли непосредственное поприще, живую среду, атмосферу его многогранной и героической деятельности. Маркс ведь не только автор четырех томов «Капитала» и других многочисленных фундаментальных исследований. Он также блестящий публицист. Его политические статьи, содержащие глубокий анализ событий общественной жизни, политики господствующих классов капиталистических стран, развития пролетарского и национально-освободительного движений, печатались по обе стороны Атлантического океана. И что еще более важно: Маркс — основатель первой коммунистической партии, руководитель Союза коммунистов, организатор I Интернационала, к нему обращались за практическими советами парижские коммунары, русские революционеры, деятели возникавшего в ту эпоху профсоюзного движения. Единство научной теории и революционной практики как диалектическое единство (ибо научная теория благодаря этому единству является революционной, а революционная практика — научной) нашло свое адекватное выражение во всей деятельности Маркса.

Поразительна многосторонность его исследовательской, политической, организаторской деятельности. Поразительно многообразие его интеллектуальных потребностей, духовных интересов, творческих исканий. Поразительно его постоянное общение со многими людьми, самоотверженно вступившими на путь борьбы за освобождение рабочего класса. И, осмысливая основные факты интеллектуальной, политической, научной биографии Маркса, начинаешь понимать, что только такой человек, универсально одаренный и беспримерно самоотверженный, человек, непримиримый ко всякой дискриминации человеческой личности, к любой половинчатости, неправде и полуправде, мог стать и, мы бы сказали, должен был стать основоположником научной идеологии рабочего класса. Величие дела, социалистического общественного движения, освободительной борьбы рабочего класса, общечеловеческое зна-

чение этого всемирно-исторического революционного процесса нашли свое адекватное выражение в личности, в деятельности гениального вождя мирового пролетариата.

Еще в начале XX столетия идеологи буржуазии обвиняли марксизм в нигилизме, в отречении от вековых традиций культуры. То, что марксизм объявил войну реакционным идеям и традициям, выдавалось за разрыв с культурным достоянием человечества вообще. В. И. Ленин полностью опроверг эти утверждения апологетов капитализма, которые страшатся социального прогресса, поскольку он подрывает устои буржуазного общества. В наше время ситуация существенно изменилась. Империалистическая реакция по всей линии стала доминирующим фактом в мире капитала. И хотя на Западе по-прежнему встречаются идеологи, обвиняющие марксизм в отрицании культурного наследия прошлого, большинство этих идеологов, отрекаясь от передовых идей буржуазного просвещения, обвиняют марксизм уже в том, что он воспринял, сохранил и развил эти идеи, третируемые современными апологетами капитализма как наивные и устаревшие.

Таким образом, идеологи современного капитализма вопреки собственным намерениям и утверждениям выявляют истину, которую они хотели бы скрыть: именно марксизм, в отличие от новейших реакционных буржуазных теорий, унаследовал, сохранил и творчески развил общечеловеческие гуманистические идеи, содержавшиеся в прогрессивных буржуазных учениях прошлого. Социализм — подлинный продолжатель великих завоеваний цивилизации. «Социалистическая система и проверенные ею на практике поиски и опыт имеют общечеловеческое значение,— говорит М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября.— Она предложила миру свои ответы на основные вопросы человеческого бытия, апробировала свои гуманистические и коллективистские ценности, в центре которых — человек труда. Социалистический строй прививает ему чувство достоинства, хозяина страны, дает социальную защищенность, уверенность в будущем. Открывает простор к овладению знаниями, культурой, создает условия для реализации индивидуальных способностей и дарований» [1].

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 57.

Буржуазные просветители XVII—XVIII вв. верили в могущество человеческого разума, в социальный прогресс, в возможность рациональной организации общественной жизни, создающей условия для свободного развития каждого члена общества. Они верили в будущее, их вдохновлял образ Прометея. И хотя деятели буржуазного просвещения вели борьбу против феодальных общественных отношений, они вызывали на бой само социальное зло, все порабощающие личность общественные силы. В предисловии к своей знаменитой «Системе природы» П. Гольбах писал, что цель его книги — внушить уважение к разуму, научить человека ценить свою человеческую сущность, указать путь к истине, блеск которой режет глаза лишь врагам человеческого рода, рассеять мрак, скрывающий дорогу, которая может привести человека к счастью. Истина всемогуща, говорил Гольбах, и ее непобедимая сила станет очевидной для всех рано или поздно.

Конечно, буржуазные просветители были наивны в своих представлениях о движущих силах общественного развития. Они не видели социальных антагонизмов, заключавшихся в нарождавшемся в ту эпоху капиталистическом строе, и развитие буржуазного общества, покончившего с сословными перегородками, феодальными привилегиями, представлялось им становлением царства разума, равенства и свободы. Капиталистический прогресс беспощадно разрушил иллюзии буржуазного просвещения. Буржуазное общество оказалось злой карикатурой на то царство разума, наступление которого вдохновенно возвещали просветители. Но значит ли это, что их мысль о возможности разумной организации общества, обеспечивающей благосостояние, равенство и свободу для всех его членов, является просто заблуждением? Именно это и пытаются доказать идеологи империализма, для того чтобы дискредитировать великую правду учения Маркса, научно доказавшего историческую неизбежность сознательного, коренного переустройства общественной жизни.

Американский марксолог А. Гоулднер в объемистой книге критически интерпретирует воззрения Маркса, выдвигая в качестве отправного пункта проблему социального прогресса. Идея прогресса возникла, как известно, задолго до появления марксизма. Еще французские просветители Ж. Кондорсе и А. Тюрго, осмыс-

ливая достижения науки, техники и культуры, обосновывали идею о том, что вся история человечества представляет собой непрерывный прогресс. Маркс подверг основательной критике их воззрения, игнорирующие антагонистический характер прогресса в классовом обществе. Переход к бесклассовому коммунистическому обществу, преодолевая антагонистический характер общественного развития, не устраняет противоречивости прогресса, который немыслим без борьбы противоположностей. Марксизм противопоставил метафизическим и идеалистическим концепциям социального прогресса диалектико-материалистическое понимание истории, вскрывающее материальную основу и движущие силы развития общества. А. Гоулднер, однако, не считает необходимым разграничивать марксистскую теорию социального прогресса и домарксистские, односторонние представления о прогрессе. «Моя критика,— утверждает он, определяя свое отношение к марксизму,— является отрицанием мифа о неизбежности прогресса. Нельзя верить в то, что зло предопределено утратить свою власть, а добро предназначено одержать победу. Иными словами, нет оснований утверждать, что мы неизбежно превзойдем наших предков» [1].

Приведенное высказывание — наглядный пример вульгаризации марксизма, которому приписываются понятия, взятые из лексикона теологии. Маркс и Энгельс, отстаивая материалистическое понимание истории, постоянно разоблачали буржуазные фаталистические представления о неизбежности и неустранимости противоположности между имущими и неимущими, социального неравенства и т. д. Они доказали, что рассуждения о неизменной, изначально предопределенной природе человека являются лишь секуляризованным пересказом теологических предрассудков о божественном предустановлении. В противоположность социологическому фатализму, оправдывающему, по существу, капиталистическое status quo, Маркс и Энгельс утверждали, что вся история цивилизации есть история классовой борьбы, что развитие производительных сил, определяющее в конечном счете характер всех общественных отношений, осуществляется следующими друг за другом поколениями людей, каждое из которых вно-

[1] *Gouldner A. W.* The Two Marxisms. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory. N. Y., 1980, p. 18.

сит свой собственный вклад в дело социального прогресса. Неразрывная связь, внутреннее единство человеческой деятельности и объективных условий, созданных деятельностью предшествующих поколений, принципиально исключают как фатализм, так и его столь же несостоятельную противоположность — волюнтаризм, субъективистское истолкование истории и общественной практики.

А. Гоулднер, взявшийся за опровержение марксизма, засвидетельствовал, таким образом, лишь реакционность буржуазной идеологии, которая утверждает, что признание объективной закономерности социального прогресса равнозначно вере в предопределение. Если идеологи прогрессивной буржуазии XVII—XVIII вв. боролись против невежества, суеверий, предрассудков, то апологеты современного капитализма объявляют призраками социальный прогресс, научные и технические достижения. Фиксируя негативные последствия научно-технической революции и смутно сознавая, что они непреодолимы в рамках капиталистического общества, эти защитники исторически изжившего себя общественного строя выступают против прогресса, который в конечном счете означает отрицание капитализма. «В настоящее время прометеизм,— заявляет американский социолог Ю. Шкляр,— превратился в нечто противоположное. Человека больше не прославляют как жертву всего того, что он создает»[1]. Шкляр имеет в виду стихийные последствия, так сказать, печальные издержки сознательных, целесообразных человеческих действий: отходы производства, отравляющие естественные условия жизни людей, а также стихийные последствия общественного развития, которые находят свое выражение в кризисе буржуазной культуры, моральной деградации, превращении преступности в организованный капиталистический бизнес. Таковы, по мнению американского социолога, неизбежные последствия научно-технического прогресса. Но действительно ли эти негативные последствия неизбежны, непреодолимы, непредотвратимы? Откуда проистекает это фаталистическое убеждение у исследователя, претендующего лишь на анализ фактов? Все дело в том, что Шкляр, как и многие другие буржуазные теоретики, не может

[1] *Shklar J. N.* After Utopia. The Decline of Political Faith. Princeton, 1957, p. 111.

представить себе иного (некапиталистического) пути общественного развития, преодолевающего ужасающее наследие капитализма. Фаталистическая обреченность, которая выявляется в концепциях многих буржуазных идеологов, весьма примечательна: капиталистический способ производства обречен независимо от того, сознают или не сознают этот факт его теоретики.

Страх перед прометеизмом не есть, конечно, только страх перед стихийными последствиями научно-технического прогресса. Это прежде всего страх перед общественными силами, борющимися против империализма. Прометеизм для современных апологетов капитализма есть метафорическое обозначение антикапиталистического социального движения, которое истолковывается как утопический протест против непререкаемой реальности. «Для них,— пишет английский философ-марксист Дж. Льюис, характеризуя идеологов современной буржуазии,— величайшим грехом в истории является восстание рабов. Прометеев бунт против судьбы и беспомощности, против эксплуатации и нищеты они осуждают как самонадеянность» [1].

Итак, отрицание буржуазными идеологами «прометеевой гордыни» — это, по сути дела, отречение от прогрессивных традиций эпохи ранних буржуазных революций, гуманистических идеалов, полноправным и, в сущности, единственным наследником которых стал марксизм. Маркс неразрывно связал пафос истины и разума, присущий классикам буржуазной философии, с классовой борьбой революционного пролетариата, с социализмом, который он превратил из утопического учения в науку. При этом, как свидетельствует интеллектуальная биография Маркса и Энгельса, начало исторического процесса становления научной идеологии рабочего класса составляет именно эта непреклонная, бесстрашная устремленность к истине вопреки идеологическим предрассудкам эксплуататорских классов. Так, разоблачая в одной из первых своих статей лицемерие феодальной идеологии, Маркс заявляет: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой сое-

[1] *Lewis J.* Science, Faith and Scepticism. L., 1959, p. 132.

диняются в конечном итоге» (1, 7—8). В этом гносеологическом императиве уже, по существу, заключена определенная программа исследовательского поиска и бескомпромиссной критики социальной действительности, которая угнетает, порабощает трудящихся. В. Либкнехт с полным основанием утверждал, что Маркс, человек величайшей непримиримой партийной последовательности, «не знал другого культа, кроме культа истины...» [1].

Буржуазные критики марксизма противопоставляют научность и партийность как абсолютно исключающие друг друга противоположности. Партийность изображается ими как отрицающее научную объективность субъективное пристрастие, личное предпочтение и т. п. Эти «теоретики», третирующие партийность как «ангажированное мышление», как мышление, вовлеченное в дела, не имеющие прямого отношения к исследованию, фактически не хотят видеть того, что партийность есть не просто личная точка зрения, а выражение интересов определенного класса, социальной группы и тем самым отражение реального исторического конфликта.

Буржуазный идеолог противопоставляет марксистской партийности пресловутую «беспартийность», которая характеризуется как беспристрастность ученого, отвлекающегося от ценностных ориентаций в интересах научной объективности. Это тенденциозное противопоставление, так же как и иллюзия беспартийности, исторически выросло из положения буржуазии в рамках «третьего сословия» феодального общества. В эпоху ранних буржуазных революций буржуазия действительно выражала интересы подавляющего большинства общества, выступавшего против господствующего меньшинства. Но с тех пор как буржуазия захватила политическую власть и антагонизм между трудом и капиталом стал основным противоречием капиталистического общества, рассуждения о беспартийности превратились в лицемерное разглагольствование, призванное завуалировать действительную партийность буржуазного сознания.

Буржуазные идеологи редко признают себя идеологами буржуазии. А если они действительно не осознают своей приверженности интересам этого класса, то это лишь свидетельствует об их теоретической слепоте.

---

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 213.

Даже те из них, которые вплотную подходят к пониманию противоположности интересов труда и капитала, стремятся посредством создаваемых ими теорий примирить эти противоположности, т. е. подчинить интересы пролетариата интересам буржуазии. Поэтому буржуазная заинтересованность в конечном счете выступала не иначе как под флагом «беспартийности», возвышающейся якобы над противоположными классами и обосновывающей программу солидарности всех членов общества. Из того факта, что труд в той форме, в какой он существует в буржуазном обществе, невозможен без капитала, а последний, само собой разумеется, невозможен без труда, буржуазный идеолог делает апологетический вывод о необходимости социального партнерства, о единстве интересов противоположных классов данного общества. Такая идеологическая позиция предполагает рассмотрение капитализма как системы производства, которая всегда существовала хотя бы в неразвитом виде, а в своей развитой «рациональной» форме сохранится навсегда. Частная собственность на средства производства принимается буржуазным идеологом как само собой разумеющийся факт, т. е. примерно так же, как то, что каждый человек имеет или может иметь одежду, продукты питания, жилище, различные необходимые в семье вещи, вроде шкафа, обеденного стола или посуды.

Буржуазный идеолог принципиально не проводит различия между частной собственностью на средства производства и личной собственностью, которой в какой-то мере располагает всякий работающий человек. Это столь существенное в развитии общества, в отношениях между противоположными классами качественное различие смазывается «беспартийным» буржуазным социологом, экономистом, историком с помощью словечка «имущество», формально охватывающего все виды собственности. Неудивительно поэтому, что, выступая против научной идеологии рабочего класса, защитники капитала безапелляционно заявляют, что коммунисты хотят уничтожить собственность, лишить людей принадлежащего им имущества. Лицемерие внутренне присуще буржуазной идеологии независимо от сознательной позиции того или иного ее представителя. Именно поэтому В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: беспартийность есть идея буржуазная, партийность — идея социалистическая.

К. Маркс, вскрывая классовые корни буржуазной партийности, ее неизбежную противоположность объективной истине, к установлению которой стремится каждый настоящий ученый, писал, что апологет капитализма приспосабливает теорию к той социальной действительности, оправдание которой составляет его непосредственный, отнюдь не научный интерес. Такое отношение к теории и к социальной действительности не имеет ничего общего с научностью. «...Человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне,* к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами,— такого человека я называю *«низким»,*— писал Маркс (26, ч. II, 125).

Партийность созданного Марксом учения неотделима от его научности: она не привнесена в теорию извне, хотя бы из самых благородных, возвышенных соображений, она с необходимостью вытекает из самого исследования, поскольку оно объясняет действительность из нее самой. Основное положение марксизма о всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма, как класса — строителя социалистического общества представляет собой результат глубочайшего научного исследования, подлинное научное открытие, от которого были бесконечно далеки даже прогрессивные деятели эпохи возникновения марксизма.

Социалисты-утописты сочувствовали страданиям пролетариата, призывали имущие классы прийти на помощь неимущей, страдающей массе трудящихся. Именно это обращение к эксплуатирующим «верхам», т. е. непонимание несовместимости интересов эксплуатируемых и эксплуатирующих, свидетельствовало о том, что утопические социалисты не видели становления борющегося пролетариата, консолидация которого в процессе классовой борьбы и социалистического просвещения сделает его со временем решающей революционной силой. Что же касается буржуазных идеологов, то для них пролетариат представлялся массой невежественных, лишенных предприимчивости, неспособных к самостоятельной деятельности, а тем более к политической организации и инициативе людей. Показательны в этом отношении воззрения левых гегельянцев, которые встретили в штыки положение Маркса и Энгельса об исторической роли рабочего класса. Эти буржуазные радикалы утверждали,

что пролетариат — бесформенная, лишенная каких-либо положительных идеалов и духовных потребностей «некритическая масса». Они обвиняли основоположников марксизма в предвзятости, тенденциозности, партийности, в том, что они «некритически» относятся к пролетариату и чуть ли не обожествляют его. «Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс,— писал В. И. Ленин.— Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества» [1].

К. Маркс и Ф. Энгельс не сразу стали идеологами рабочего класса, создателями научной теории его освободительного движения. Необходим был титанический труд, упорнейшая исследовательская работа для того, чтобы, теоретически осмыслив исторический опыт буржуазных революций и критически переработав достижения мировой общественной мысли, научно обосновать идею о всемирно-исторической миссии пролетариата. В начале своей деятельности основоположники марксизма, отстаивая интересы неимущих классов, не выделяли пролетариат из этой эксплуатируемой и угнетаемой массы. Да и сам пролетариат этой эпохи не был еще гегемоном, руководителем в освободительной борьбе трудящихся. Значительная часть рабочего класса той эпохи образовалась вследствие разорения мелких производителей, кустарей и крестьян. Эти первые поколения пролетариев в Германии, Франции и других европейских странах все еще стремились снова стать самостоятельными хозяевами. Лишь в Англии, наиболее развитой капиталистической стране этой эпохи, сложился более или менее социально однородный, уже осознающий свои особые классовые интересы пролетариат, заявивший о своих политических требованиях знаменитым чартистским движением. Анализ социальных последствий промышленной революции, происходившей в Англии во второй половине XVIII в., изучение чартистского движения, начавшегося в Англии в 30-х гг. XIX в., сыграли особенно важную роль в разработке Марксом и Энгельсом вопроса об исторической миссии пролетариата. Это значит, что пролетарская партийность учения Маркса сложилась в процессе исследовательского поиска, который,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 10.

как и всякое научное исследование, не может заранее предвосхитить свои результаты. «К коммунистическим убеждениям Маркс пришел,— вспоминал П. Лафарг,— не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям трудящихся классов, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния частных интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен прийти к тем же выводам»[1].

Таким образом, первой предпосылкой марксистской, коммунистической партийности является освобождение от влияния буржуазных интересов и предрассудков, т. е. предвзятых субъективистских установок. Не следует думать, что данные предрассудки — это предрассудки одних лишь капиталистов. Идеи господствующего класса всегда становятся господствующими идеями в любом обществе. Буржуазные идеи и идеалы бытуют и в не буржуазных слоях капиталистического общества, в том числе и в среде пролетариев, где они обычно переоблачаются в реформистские, нередко даже псевдосоциалистические одежды. В мире капитала трудящиеся порабощены не только экономически и политически, но и духовно, идеологически. Понятна поэтому величайшая роль учения Маркса в идеологическом, социалистическом просвещении, в духовном освобождении пролетариата и всех эксплуатируемых и угнетаемых вообще. В. И. Ленин, развивая учение Маркса в борьбе с оппортунистической «теорией стихийности», доказал, что только соединение научного социализма с рабочим движением превращает это движение в подлинно революционную социалистическую борьбу против диктатуры капитала.

Прямая, открытая, воинствующая партийность учения Маркса есть не что иное, как его революционность, научно обоснованная глубочайшим теоретическим анализом развития капитализма, создающего материальные предпосылки для ликвидации этой последней антагонистической формации. Научное исследование антагонизмов капиталистического прогресса необходимо является вместе с тем критикой капиталистических общественных отношений.

Ныне буржуазные теоретики, вполне осознавая то, что

---

[1] Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе, ч. 1, с. 140.

нельзя игнорировать научное значение марксизма, пытаются доказывать, что марксистское исследование капитализма и марксистская критика этой социально-экономической системы представляют собой совершенно разные и, в сущности, несовместимые вещи, которые Маркс, дескать, напрасно пытался объединить в единое целое. Научное исследование, как утверждает марксолог А. Гоулднер, описывает явления и их связи друг с другом, не осуждая и не восхваляя их. Такова, например, позиция естествоиспытателя. Почему же социолог, экономист, историк не следуют этой исследовательской установке?

А. Гоулднер, как мы видим, игнорирует качественное отличие социальной реальности, которая создается людьми, от природных процессов, существующих безотносительно к человеческой деятельности. Руководствуясь этой чуждой науке установкой, Гоулднер расчленяет марксизм на две разные и якобы принципиально несовместимые части, утверждает, что существуют два марксизма: «научный марксизм», который представляется Гоулднеру более или менее приемлемым, и «критический марксизм», который, разумеется, данный автор отвергает с порога как не соответствующий стандартам строгой научности. Несостоятельность этой попытки противопоставить Маркса Марксу, с тем чтобы выхолостить революционно-критическое содержание марксизма, убедительно говорит о лицемерии буржуазных идеологов, заявляющих о своей готовности принять научные идеи марксизма. Но марксизм не был бы научной теорией, если бы он не доказал, что капиталистический способ производства, вопреки утверждениям его апологетов, носит исторически преходящий характер. Научный анализ капиталистических отношений необходимо становится их критикой, поскольку он вскрывает социальные бедствия, порожденные данными отношениями. Полемический характер учения Маркса отражает, как указывал В. И. Ленин, антагонистические противоречия, присущие капитализму. Понятно поэтому, почему «Капитал» Маркса, посвященный исследованию возникновения и развития капиталистических отношений производства, имеет подзаголовок «Критика политической экономии». Речь, разумеется, идет о буржуазной политической экономии, основным постулатом которой было признание «естественности» частной собственности на средства производства, отождествление этой исторически определенной

экономической формы с обязательными условиями всякого производства вообще.

Буржуазная политическая экономия не отличалась критическим отношением к капитализму, и это составляло ее основную ограниченность, не только классовую, но и теоретическую, научную. Создание марксистской, последовательно научной политической экономии предполагало как критику капиталистической системы производства, так и критику ее некритического исследования буржуазными экономистами. Марксизм, таким образом, доказал всеми своими научными достижениями, что не может быть положительного, последовательно научного исследования капиталистических отношений без их критики и в конечном счете революционного отрицания.

Буржуазные марксологи утверждают, что критика социальной действительности не находится в компетенции науки и что марксизм, следовательно, выходит за границы науки, выступая против капиталистического строя. Так, Гоулднер, извращая действительное отношение между социальным исследованием и критикой социальной реальности, объявляет марксистское отрицание капитализма... идеалистической установкой. Соответственно этому «критический марксизм» характеризуется им как... непреодоленное гегельянство. «Различие между критическим и научным марксизмом,— пишет он,— отражает конфликт между теми, кто рассматривает Маркса как кульминационный пункт немецкого идеализма, и теми, которые подчеркивают его превосходство над этой традицией»[1].

Буржуазный критик марксизма игнорирует принципиальное различие между материалистической и идеалистической критикой социальной действительности. Он не видит того, что классики немецкого идеализма критиковали феодальные общественные порядки, в то время как предметом научной критики Маркса является главным образом капиталистический строй. Гоулднер умалчивает также о том, что критика феодальных общественных отношений не является специфической характеристикой идеализма вообще и немецкого идеализма в частности. Французские материалисты XVIII в. были блестящими критиками феодального строя, их просветительская деятельность сыграла огромную роль в деле

---

[1] *Gouldner A. W.* The Two Marxisms. Contradictions and Anomalies in the Development of Theory, p. 39.

создания идейных предпосылок Великой французской революции.

Таким образом, история идеологии буржуазных революций, прогрессивной буржуазной идеологии полностью опровергает основной тезис Гоулднера, что критика существующего общественного строя, его отрицание носят идеалистический, утопический характер. Суть дела состоит в том, что научный социализм, всем своим содержанием противостоящий капитализму как его экономически обоснованное отрицание и как научное предвидение будущего нового общественного устройства, ставшее уже реальностью на значительной территории нашей планеты, издавна истолковывается противниками марксизма как учение, которое не освободилось от иллюзий утопического социализма. И Гоулднер, рассуждающий о «двух марксизмах», фактически лишь перелицовывает, подновляет давно обанкротившуюся антимарксистскую концепцию, согласно которой учение Маркса заключает в себе, с одной стороны, научные, а с другой — утопические воззрения.

Таким образом, буржуазная критика марксизма тщится опорочить, дискредитировать его величайшее научное достоинство: единство научности и революционности. Буржуазных критиков ужасает это единство в особенности потому, что оно характеризует не только *теорию* марксизма, но и *практику* коммунистического движения. Это — единство революционной теории с революционной практикой, классовой борьбой, высшей формой которой выступает социалистическая революция. Именно благодаря этому единству научности и революционности, научной теории и революционной практики социализм не является только теорией, учением, наукой, но представляет собой вместе с тем новый общественный строй, сменивший капитализм в нашей стране и ряде других стран.

Буржуазные противники марксизма еще в конце прошлого века противопоставляли друг другу научность марксизма и его революционность, изображая марксистское революционное отрицание капитализма как социально-политическую позицию, которая отнюдь не вытекает с необходимостью из научных исследований Маркса. Так, «легальные марксисты» в России пытались отгородить учение Маркса (прежде всего его экономическую теорию) от научного социализма, который был абсолютно неприемлем для них как идеологов либераль-

ной буржуазии, обосновывавших, в противовес народникам, необходимость капиталистического развития страны. П. Струве, один из лидеров этого течения, которое В. И. Ленин характеризовал как отражение марксизма в буржуазной литературе, утверждал, что можно быть марксистом, не будучи социалистом. Последующая эволюция «легального марксизма», превратившегося в откровенно контрреволюционное антимарксистское, холопствующее перед царизмом течение, наглядно показала всю лживость буржуазной интерпретации марксизма даже тогда, когда она выступает под флагом признания его научного значения, которое при этом, конечно, предельно ограничивается.

Тот факт, что уже в конце прошлого века некоторые буржуазные идеологи заигрывали с марксизмом, стремились использовать отдельные его стороны, положения для обоснования враждебных социализму воззрений, весьма примечателен. Если уж в те далекие времена находились буржуазные теоретики, стремящиеся нажить себе капитал на марксизме, то в нашу эпоху, когда марксизм воплощается не только в революционном антикапиталистическом движении, но и в практике строительства нового, свободного от эксплуатации общества, формальное признание научности марксизма, необходимости считаться с его открытиями стало излюбленным приемом многих буржуазных идеологов, осознавших, что нельзя просто отвергать, отбрасывать, охаивать марксизм, если хочешь придать хотя бы видимость убедительности своему отрицанию этого учения. Стоит в этой связи привести очень характерное высказывание известного антикоммуниста Зб. Бжезинского: «Марксизм представляет собой новый, исключительно важный и творческий этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение материальной действительности, так же как и руководство действием, вытекающим из этого изучения»[1].

Естественно, возникает вопрос: почему весьма влиятельные в буржуазном мире противники марксизма

---

[1] *Brzezinski Z.* Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1971, p. 73.

считают необходимым сочетать борьбу против него с признанием его притягательной силы? Это объясняется, во-первых, особенностями современного общественного развития и, во-вторых, логикой идеологической борьбы. Мировой революционный процесс, укрепление и расширение позиций социализма на международной арене находят свое отражение и в буржуазном общественном сознании. Идеологи отживающего строя не способны противопоставить социализму позитивную социальную программу, рассчитанную на длительную историческую перспективу. Этим и объясняется тот парадоксальный на первый взгляд факт, что новейшая буржуазная идеология в отличие от традиционной уже не утверждает, во всяком случае прямолинейно, что капитализм — единственно разумное социально-экономическое устройство общества. Даже неоконсерваторы, наиболее реакционные идеологи современного империализма, обосновывают свои программные установки с учетом критики капиталистического строя справа. Ныне идеологи Запада все чаще выражают притязания на теоретическую разработку альтернативы буржуазному образу жизни, в частности на обоснование «третьего» (или среднего) пути, якобы свободного от «крайностей» как капитализма, так и социализма.

Весьма показательно, что в приведенной выше цитате высокая оценка Зб. Бжезинским марксистского мировоззрения полностью изолируется от его классового содержания. Марксизм в его изображении оказывается чем-то вроде абстрактного гуманистического учения, отнюдь не враждебного капиталистическому строю и его идеологии. Бжезинский, так сказать, деидеологизирует марксизм, сводя его просто к активной (как в теоретическом, так и в практическом отношении) жизненной позиции. Такая интерпретация учения Маркса противопоставляет его марксизму как исторически определенному общественно-политическому движению, теории и практике современного социализма.

Буржуазные марксологи пытаются противопоставлять Маркса... марксизму, изолировать Маркса от достижений последующего развития его учения, дискредитировать марксизм-ленинизм. То обстоятельство, что Маркс и Энгельс творчески разрабатывали, развивали свое учение на протяжении всей своей жизни, тот факт, что они были организаторами и вождями коммунистического движения, полностью сбрасывается со счета. И хотя марксоло-

ги при этом не прочь порассуждать о заслугах Маркса, на самом деле они всячески принижают его учение, замалчивая достижения, открытия, неразрывно связанные с развитием марксизма в эпоху империализма и социалистических революций, в ходе строительства социализма в СССР и других странах.

Антинаучному противопоставлению Маркса марксизму вообще и марксизму-ленинизму в особенности служит созданный на Западе миф о «западном марксизме», который, в свою очередь, противопоставляется «восточному марксизму». Характерно, что наиболее значительными представителями «западного марксизма» считаются деятели так называемой Франкфуртской школы социальных исследований (Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм и другие), которые, по существу, были буржуазными профессорами, чем-то вроде «легальных марксистов» нашего времени. Претендуя на аутентичное истолкование учения Маркса, эти псевдомарксисты отрицали марксизм как научную социалистическую идеологию, объявляли научную идеологию принципиально невозможной.

Буржуазный марксолог П. Андерсон, утверждая, что «западный марксизм» является «совершенно новым интеллектуальным образованием в процессе развития исторического материализма», противопоставляет ревизионистское истолкование материалистического понимания истории ленинскому этапу в развитии марксизма, марксизму-ленинизму. При этом он не останавливается даже перед утверждением, что В. И. Ленин якобы «исходил в своей деятельности из осознания фундаментального исторического различия между Западной и Восточной Европой...» [1]. Между тем Ленин, как известно, постоянно подчеркивал интернациональный характер марксизма, отражающий интернациональный характер освободительного движения рабочего класса. Отмечая специфические особенности развития российского капитализма и революционного социалистического движения в нашей стране, Ленин характеризовал их как своеобразие проявления общих закономерностей капиталистического развития и классовой борьбы пролетариата. Развивая учение Маркса и Энгельса применительно к новой исторической эпохе, теоретически подытоживая не только российский, но и международный опыт классовой борьбы пролетариата,

[1] *Anderson P.* Considerations on Western Marxism. L., 1976, p. 117.

Ленин противопоставлял учение марксизма, обогащенное им новыми важнейшими положениями, не только российскому, но и западноевропейскому оппортунизму, ревизионизму, который нынешние буржуазные марксологи именуют «западным марксизмом».

Марксизм-ленинизм — интернациональное учение, научно отражающее новые исторические условия, сложившиеся в эпоху империализма, общего кризиса капитализма, эпоху социалистической революции и строительства социализма в Европе, Азии и на других континентах. Развитие марксистско-ленинской теории — общая задача всех коммунистических партий.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд нашей партии, а также последовавшие за ним пленумы ЦК КПСС знаменуют начало качественно нового исторического периода в развитии советского общества. Негативные явления, возникшие в нашем обществе за последние десятилетия, замедление темпов социально-экономического развития, механизмы торможения, сложившиеся в силу ряда объективных и субъективных факторов,— все это подверглось всесторонней критике, выявляющей как причины этих деформаций социалистического развития, так и пути их устранения. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивалось, что «замедление социально-экономического развития явилось следствием серьезных промахов не только в области хозяйственного руководства, но и идеологической работы» [1]. Обществоведы, прежде всего философы, социологи, экономисты, оказались в известной удаленности от насущных жизненных проблем развития социалистического общества. Сложилась парадоксальная ситуация, когда представители революционно-критического учения марксизма не смогли вскрыть реальные противоречия нашего развития, подвергнуть критике исторически изжившие себя формы общественной практики, дать анализ негативных явлений, которые весомо, грубо, зримо, говоря словами В. Маяковского, выступили уже на поверхности.

Конечно, положение дел в философии, как и в обществоведении в целом, в немалой степени определялось общей ситуацией в стране, которая со всей полнотой проанализирована в партийных документах последних лет.

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 86—87.

Однако «обществоведение не просто отражало состояние общества, но и принимало активное участие в его формировании. Идеология застоя, маскировка стагнации не нуждались в точном знании жизни. Все, что не укладывалось в прокрустово ложе догматического мышления и практики «всеобщего восхищения», считалось — публично или негласно — сомнительным и подозрительным» [1]. Следовательно, вина обществоведов, философов в особенности, заключалась прежде всего в том, что они не стали инициаторами в деле научной критики существующего положения вещей. Больше того, те немногочисленные представители советской философской науки, которые все же осмеливались ставить вопрос, например, о противоречиях между производительными силами и производственными отношениями при социализме, не встречали поддержки в своей среде, а подчас и осуждались своими коллегами как защитники ложных воззрений.

Чтобы радикально исправить положение дел в философии и в обществоведении в целом, требуется прежде всего глубоко осознать собственные недостатки, главными из которых являются догматизм, начетничество, некритическое отношение к явлениям нашей жизни.

Поясним это простыми примерами. Общественная практика, как известно,— основа познания и критерий истины. Но достаточно ли ограничиваться таким общим утверждением, не конкретизируя его с учетом исторического развития практики, отрицания ее устаревших форм новыми, более прогрессивными формами практики? Конечно нет. Маркс выступал против рассуждений об «обществе вообще», подчеркивая, что он всегда имеет в виду общество на исторически определенной ступени своего развития. То же следует сказать и об общественной практике. Существуют заведомо устаревшие, изжившие себя формы практической деятельности, которые могут быть лишь основой заблуждений. Такую практику надо критиковать, преодолевать. А мы, философы, по существу, ограничивались общими рассуждениями о практике, вместо того чтобы заниматься ее конкретным анализом, как это делают, например, естествоиспытатели или представители технических наук, критически анализирующие научно-исследовательскую и производствен-

[1] *Яковлев А.* Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 6.

ную практику. Почему же в таком случае социальная практика должна оставаться за пределами диалектического, критического по природе своей исследования?

Другой пример. Борьба между новым и старым — закон развития. Однако в наших философских работах старое выступало лишь как наследие проклятого капиталистического прошлого. Мы не видели, по-видимому, даже побаивались замечать, что в нашем социалистическом обществе имеется уже такое старое, отжившее, ставшее тормозом нашего движения вперед, которое — хотя и сложилось при социализме — не соответствует более современным условиям социалистического строительства, научно-технического прогресса. В наш стремительный век, когда новое нередко устаревает раньше, чем к нему успевают привыкнуть, когда социальные преобразования и научно-технический прогресс революционизируют все стороны общественной жизни, способность отказываться от устаревшего, способность переучиваться, мыслить и действовать по-новому абсолютно необходимы, чтобы не остаться позади. В известном смысле было, пожалуй, легче отвергнуть то старое, что оставил после себя российский капитализм, чем ныне отвергнуть устаревшие формы хозяйствования, управления, правового регулирования, сложившиеся в условиях социалистического общества и не имеющие ничего общего с практикой капиталистического предпринимательства. Это старое, изжившее себя, а частью и вообще непригодное даже с точки зрения предшествующих периодов социалистического строительства все еще представляется некоторым руководящим работникам отнюдь не враждебным новому. Это, так сказать, для них родное счастливое старое, которое вынесло их на поверхность, вознесло, наградило. А философам, живущим с оглядкой на цитаты, черпающим свои мысли из цитат, подтверждающим свои тезисы цитатами и подозрительно присматривающимся к любому тезису, если он не подтвержден цитатой, перестроиться будет весьма трудно, может быть, даже невозможно.

Наука немыслима без дерзания, к философии это относится прежде всего. А между тем самая большая ошибка — это боязнь ошибиться. Уместно напомнить в этой связи философское завещание В. И. Ленина, статью «О значении воинствующего материализма», в которой прямо сказано: не ошибается только тот, кто

ничего не делает. Мы же, философы, во всяком случае в своем большинстве, боялись впасть в заблуждение по какому-либо актуальному социально-политическому вопросу. У нас были хорошие исследования по истории философии, теории познания, методологии научного исследования, философским вопросам естествознания, логике. Что же касается вопросов социалистического строительства, то здесь философы ограничивались в лучшем случае разъяснением азбучных истин, комментированием основных положений научного социализма, в то время как жизнь требовала творческого применения диалектического и исторического материализма.

Марксистско-ленинская философия призвана указывать пути общественной практике, идти впереди практики, основываясь на ней, критически анализируя ее и теоретически обосновывая пути ее дальнейшего развития. «Во весь рост встает задача непримиримой борьбы с начетничеством, талмудизмом,— говорил М. С. Горбачев.— Нужно возродить живую душу нашего великого учения, ориентируясь на известные ленинские слова о том, что теория Маркса не есть нечто законченное и неприкосновенное, что она только положила краеугольные камни науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если не хотят отстать от жизни» [1].

Социализм — постоянно развивающийся, созидающий самое себя общественный строй, развитие которого не есть простое воплощение в жизнь теоретически выработанных научных представлений. Исторический опыт социалистического строительства выдвигает теоретические проблемы, которые отражают изменение объективных условий этого процесса и внутренние противоречия, специфически характеризующие каждый качественно новый тип развития общества. В. И. Ленин предвидел неизбежность такой исторической ситуации, когда перед теорией марксизма будут вставать вопросы, которые не возникали, не могли даже возникнуть в прошлом, когда ответ на эти вопросы станет возможным не путем логического развития уже установленных истин, а посредством всестороннего анализа, обобщения, осмысления накопленного опыта социалистического строительства со всеми противоречиями, трудностями, достижениями и ошибками, составляющими реальное содержание

[1] Правда, 1987, 22 апреля.

этого многогранного исторического процесса. И в настоящее время, когда в нашей стране совершается революционная перестройка всего общественного бытия и общественного сознания, экономического базиса и надстройки, необходимо соответствующее радикальному обновлению общественных отношений творческое, революционное развитие марксистско-ленинского учения.

Перестройка в области марксистско-ленинской теории возможна только на этой, созданной гением классиков марксизма научной основе, обогащение которой опытом живой жизни, осмысленным в духе нового мышления, свободного от догматической перестраховки,— насущная и в высшей степени благодарная задача.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абсолютное 92, 154—157, 160, 169
Абстрактное (абстракция) 176, 304
— и конкретное 8, 153
Авторитет 355
Антиномия 216, 218
Антропология 55, 59, 72

Базис 256, 331
— и надстройка 92, 403
Бюрократия (бюрократизм) 17, 32, 33, 305, 306, 311, 314, 344, 345, 350—362, 364, 373

Война 23, 94, 283, 288, 302, 373—375
Воспроизводство 134, 140, 156, 206
Восхождение от абстрактного к конкретному 153
Всеобщее (всеобщность, общее) 135, 154, 157, 158, 160, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 191, 214

Гласиость 18, 354
Глобальные проблемы 265—268, 284, 286, 290, 332
Гносеология (теория познания) 67, 68, 78, 131, 152
Государство 5, 31, 34, 37, 38, 91, 93, 185, 190, 197, 356

Гуманизм 24, 28, 38, 270—272
— пролетарский 42
— реальный 186, 269, 270, 275, 282, 291

Движение 73, 85, 121, 151, 155, 160, 170, 240
— формы Д. материи 18, 158, 161, 173
Демократия (демократизация) 91, 184, 195, 305, 309, 313, 338, 339, 344, 346, 363
Деятельность 7, 13, 71, 74, 79, 172, 176, 177, 219—229, 236, 296
Диалектика 9, 21, 44, 48, 49, 75, 78, 88, 92, 116, 118, 131, 132, 153, 157, 158, 160—164, 169, 170, 203, 205, 240—242, 370
— материалистическая 9, 151, 153, 294
— и системность 243—246
Диалектический материализм 9—11, 35, 47, 49, 162
Догматизм 372, 373

Единичное (отдельное) 166—169, 191, 214
Естественные науки (естествознание) 18, 19, 157, 161, 169, 235
— и философия 7, 8

Идеализм 27, 28, 49, 50, 67, 68, 73, 75, 91, 163, 394
Идеология 66, 296, 306, 307, 370, 371, 389, 400
— буржуазная (идеологи буржуазные) 4, 5, 8, 9, 58, 62, 98, 321, 383, 384, 386—389, 393, 395—397
— социалистическая 195, 387
Идея (идеи) 35, 36, 240, 294—297
Империализм 93, 136, 267, 291, 301, 373
Индивид 36, 146, 172, 174, 193, 198, 224, 226, 272, 277
Интересы 17, 18, 31, 33, 92, 122, 181, 195, 196, 302, 317, 341, 345, 347, 352—354
Интернационализм 136
Интернационал I 4, 87, 135, 382
Интернационал II 10, 11, 95, 96, 300
Исторический материализм (материалистическое понимание истории) 10, 11, 15, 18, 35, 38, 47, 58, 68, 71, 73—75, 78, 145, 173, 260
Исторический процесс 35, 36
Истина 50, 144, 215, 298, 387
— абсолютная и относительная 21
История 12, 13, 16, 21, 22, 40, 45, 48
— идеалистическое понимание И. 66, 67
— как наука 63

Капитал 15, 41, 42, 45, 58, 60, 100
Капитализм (капиталистический способ производства, капиталистическое общество, капиталистический строй) 4, 22, 53, 62, 63, 80, 104, 136—139, 145, 156, 178, 188, 250, 319—321, 331, 389
Класс (классы) 71, 82, 91, 173, 174, 302, 341, 342
Классовая борьба 16, 91, 125, 131, 189, 211, 368, 380, 390, 398
Коммунизм 27, 28, 44, 45, 49, 51, 82, 84—86, 100, 141, 146, 366
— научный 40, 47—49, 51, 88
— утопический 30
КПСС 147, 182, 183, 288, 302, 304, 306, 312, 340—343, 346—349, 351, 361, 363, 364, 370, 372, 374, 399
— XXVII съезд КПСС 3, 4, 17, 18, 24, 132, 143, 144, 186, 265, 266, 268, 271, 274, 282, 285, 288, 302, 312, 317, 320, 336, 349—351, 362, 363, 399
Критика 4, 293—295, 311, 312, 388, 393—395
— и самокритика 18, 350
Культура 16, 115, 133, 193, 198, 238, 255, 288, 296, 320, 339, 383, 386

Ленинизм 100, 101, 111
Личность 186, 187, 191—194, 197—200, 273, 277
— и общество 15, 186
Логика 29, 30, 37, 45, 46, 131, 240

Марксизм (марксистская философия) 3—6, 8—10, 13, 15, 17, 19—21, 27, 28, 46—49, 51—53, 88, 94—96, 100, 116—119, 124—130, 132, 152, 154, 186, 193, 269—272, 294, 385, 396, 398
— в России 99—107, 114, 126—128

— и народничество 103, 107, 108, 111, 112
Марксизм-ленинизм (марксистско-ленинская философия) 4, 24, 136, 147, 167, 233, 234, 274, 275, 301, 306, 307, 366, 376, 377, 398, 399
Материализм 9, 11, 12, 27, 28, 39, 48—50, 66, 67, 69, 74, 78, 88, 92, 131, 171, 241, 297
Материя 72, 73, 174, 244, 245, 252
Международное коммунистическое (рабочее) движение 5, 121, 123, 125, 135, 301, 395
Методология 239, 240, 246, 247, 257—259, 333, 377
Механизм торможения 305, 338, 340—343, 346—348
Милитаризм (милитаризация) 23, 94, 284
Мир (международный) 23, 284, 289, 291, 374
Мирное сосуществование 284, 368, 374
Мораль (моральные нормы) 23, 84, 88

Народ 38, 184, 290, 349
Наука 90, 138, 228—238, 256, 275, 283, 294, 298, 306, 318, 319, 324, 401
— как производительная сила 137, 233, 235, 236, 324
— и техника 23
Научно-техническая революция 137, 235, 266, 267, 319, 325, 332, 367—369, 373
Новое мышление 23, 133, 283, 286, 288—290, 365—369, 373, 374

Общественное бытие 69, 249, 252
Общественное сознание 68, 69, 71, 72, 137, 179
Общественные отношения 33, 34, 60, 72, 83, 171—173, 175, 176, 178—181, 183—185, 385
Общество 4, 36, 46, 70, 72, 74, 91, 160, 162, 172, 174, 358
Обществознание (общественные науки) 62—64, 67, 75—80, 311, 369, 400
Оппортунизм 10, 11, 132, 167
Опредмечивание 46
Основной вопрос философии 69, 73, 78
Особенное 166—169, 191, 214
Относительное 154—157, 160
Отражение 226, 237, 262
Отрицание 8, 204
Отрицание отрицания 8—10, 163
Отчуждение 41—43, 46, 56, 57, 59—61, 188, 189, 191, 321

Партийность (в философии, в науке) 388—392
Перестройка (социальная) 3, 116, 147, 180, 181, 183, 219, 306—308, 339, 340, 347, 348—350, 403
— в мышлении 366, 370
— общественного сознания 288
— системы хозяйствования 16, 18, 133, 355, 365
— управления 16, 17, 133, 363, 364
Переход от капитализма к социализму 15, 109, 342
Планирование 309, 314, 315
— реформа П. 17
Познание 169, 170, 213, 215, 219, 223, 224, 226, 228, 232, 296
Политика 40, 348, 349
Политическая организация (система) общества 308, 350

Политическая экономия 15, 40, 48, 77, 105, 106, 114, 130, 179, 307, 393, 394
Потребности 23, 62, 63, 140, 141, 143, 181, 195, 198
Право 29, 37, 88, 142, 184
Практика 7, 63, 219, 220, 222—224, 296
— политическая 23
— социальная 62, 400—402
Природа 159, 160, 170, 171, 174, 255, 286, 332
— и общество 12, 66, 67
Прогресс 13, 234, 384—386
— научно-технический 143, 146, 234, 287, 316, 319, 320, 322—324, 326, 328, 331, 332, 336—338
— социально-экономический 16
Производительные силы 13, 15, 16, 22, 48, 58, 59, 74, 93, 139, 142, 145, 385
Производственные отношения 14, 48, 93
Производство 13, 83
— материальное 13
— способ П. 71
Противоположность 37, 44, 70
Противоречие 36, 37, 65, 153, 201—219, 318, 331
— антагонистическое 202, 208, 210, 211, 393
— диалектическое 203, 211

Рабочий класс (пролетариат) 4, 7, 23, 39—42, 48, 65, 66, 75, 78, 85, 86, 90, 94, 106, 123, 134, 196, 390—392
Радикальная экономическая реформа 17
Развитие 4, 151, 152, 155, 159, 268
— марксизма 116—121, 125, 126, 129, 132, 136
— общественное 12, 120, 122
Разоружение 285, 302
Распределение 141, 142, 182, 190
Ревизионизм 9, 20, 118, 120, 121, 124
Революция 62, 357
— буржуазная 5, 379, 380, 387, 391
— социалистическая (пролетарская) 3, 5, 47, 78, 84, 100, 110, 198, 210, 301, 309, 356, 374
Религия 73, 84, 102

Самоуправление социалистическое 184, 345, 347, 377
Свобода 193—195, 197
— и необходимость 15
Системность (системный анализ) 131, 179, 243—254, 256—262, 325, 333—335
Собственность 9, 184, 189, 194, 198, 317, 347, 349, 373
— формы С. 31, 37, 38, 43, 44, 47, 51, 53, 58, 59, 169, 342, 389, 394
Сознание 72, 73, 183, 229, 230
Социализм (социалистическое общество) 16, 62, 77, 79, 80, 85, 136, 141, 142, 145, 183, 184, 189, 190, 193, 196, 197, 199, 200, 250, 251, 303—305, 308, 313, 329, 340, 341, 358, 360, 369, 376, 386, 402
— научный 10, 11, 82, 90, 130, 136, 395, 396
— утопический 45, 113, 130
Социалистический идеал 11, 42, 349
Средства производства 14, 15, 142, 198, 330
Субъект (субъективное) 35, 36, 39, 174, 175, 227, 240
— и объект 15
Субъективный фактор 180

Творчество масс 17, 79, 200, 298, 309
Теория 133—135, 221, 297—300, 309
— и практика 39, 80, 97, 117, 127, 219, 292, 295—297, 299, 300, 301, 303, 304, 307, 308, 310—312, 314, 315
Товар 172, 175
Товарный фетишизм 61, 172
Труд 16, 23, 42, 44, 45, 58, 140, 142, 143, 145, 147, 171, 172, 175, 177, 188, 190, 213, 235, 246, 258, 259
— отчужденный 41—44, 47, 57, 58, 178
— разделение Т. 22, 44

Управление 304, 305, 309, 310, 314, 315, 338, 339, 352, 353, 355, 357, 358, 362—364
— реформа У. 17
Ускорение (социальное) 3, 144, 145, 312
— научно-технического прогресса 146, 148, 326, 335
— социально - экономического развития общества 16, 18, 132, 146—148, 302, 341, 347, 348, 350

Феодализм 14, 103, 394
Философия 6—9, 29, 35, 39, 40, 67, 69, 72, 84, 90, 275, 402
Формация общественно-экономическая 48, 60, 62, 110, 155, 256

Централизм 361, 363, 364
— демократический 362, 365
Цивилизация 24, 265, 267, 383

Человек 13, 24, 36, 39, 43, 46, 58, 143, 145, 172, 187, 188, 192, 194, 199, 226, 255, 268, 269, 271—282, 291, 328, 330, 332
— отчуждение Ч. 188, 190
— сущность (природа) Ч. 12, 47, 57, 59, 186, 187, 273, 277, 279, 385
Человеческий фактор 16—18, 200, 308, 339, 365
Человечество 16, 23, 24, 238, 265, 269, 271, 283—286, 288, 302, 369

Экономика 90, 92, 93, 134
Эксплуатация 4, 14, 147, 189, 190, 195

Ядерная война (катастрофа) 23, 286, 289, 302, 374
Ядерное оружие 283, 285, 286, 290, 302

SUMMARY

This book is written by leading Soviet philosophers and edited by T. I. Oizerman. It is devoted to the 170th anniversary of the birthday of the genius and revolutionary thinker Karl Marx. In this book, in a form comprehensible to the reader, the authors discuss the philosophical heritage of the founder of Marxism. In the spirit of a creative attitude to Marx's teaching and on the basis of new thinking, perestroika, and the democratization of scientific studies, three broad topics are discussed. Within the first of these, the Soviet scholars consider the dialectics of the emergence and development of Marxist philosophy, its dissemination and embodiment in the intellectual life of the world community, and the essence of the revolution undertaken by Marx in the social sciences. In the context of careful analysis, the following problems are considered: Marx and Russia, current Western interpretations of this relationship, Lenin's treatment of Marxism as a dialectically developing theory, and the meaning of Marx's legacy for all-embracing reform in the USSR.

The second part of the book covers the most real and substantial subjects of Marxist philosophy: the universal and absolute character of objective dialectical regularities; the unity of epistemology and ontology within dialectical materialism; Marx's theory of social relations, their genesis, and their system-like character; the problem of personality and real humanism. Special attention is devoted to the question of dialectical contradictions, which have an exceptional significance under conditions of perestroika in the USSR and in view of radical changes in international relations on behalf of the achievement of world, nonnuclear and nonviolent peace. As the contributors point out, problems of the interrelationship between knowledge and practice, between the ideal and the material, have an important methodological and general theoretical sense. There is also a discussion of Marx's *Das Kapital* and of the role of this work for prospects in the development of the social sciences and the methodology of studies of society.

In the third part of the book, there is a consideration of the heuristic potentialities of Marxist-Leninist philosophy for solving the burning problems of world history at the end of the XXth century. The authors concentrate on the question of how Marx's philosophical legacy can promote a correct understanding and working out of an effective strategy for settling global issues, humanization of international relations, scientific-technological progress, and renovation of the construction of socialism in the Soviet Union. The authors appeal to the Marxist interpretation of bureaucracy in order to promote a better understanding of the ways of fighting this negative social phenomenon. The monograph covers this subject philosophically, showing bureaucracy to be one of the causes of the ideology and psychology of stagnation. Related issues which are examined comprise problems of new thinking, radical economic reform. In their conclusions, the authors stress that Marx's philosophy has had an unprecedented impact on world intellectual history. This indicates that Marxism is suitable for solving the fundamental problems of the contemporary stage of global civilization.

Marx. Philosophy. Contemporary Times provides a solid understanding of the place of philosophy in the process of perestroika in the Soviet Union.

RESÜMÉE

Dieses Buch wurde von einem Kollektiv bekannter sowjetischer Philosophen unter der Redaktion von T. I. Oiserman geschrieben. Es ist dem 170. Geburtstag des genialen Denkers und Revolutionärs Karl Marx gewidmet. In der Arbeit wird in für breite Leserkreise verständlicher Form über das philosophische Erbe des Begründers des Marxismus erzählt. Im Sinne des schöpferischen Herangehens an die Lehre Marx' und auf der Grundlage des neuen Denkens, der Umgestaltung und der Demokratisierung der wissenschaftlichen Forschungen analysieren die Autoren drei große Problemkreise. Im ersten Problemkreis werden solche Fragen, wie die Dialektik der Entstehung und Entwicklung der Philosophie des Marxismus, ihre Verbreitung und Verwirklichung im Geistesleben der Weltgesellschaft, das Wesen der revolutionären Umgestaltung, die von Marx auf dem Gebiet der Gesellschaftswissenschaften vollzogen wurde und ihre Beziehungen zu Rußland sowie moderne westliche Interpretationen dieser Frage behandelt, sowie die Leninsche Interpretation des Marxismus als einer sich entwickelnden Lehre, die Bedeutung des geistigen Erbes von Marx für die Beschleunigung der sozialökonomischen Entwicklung in der UdSSR. Der zweite Abschnitt des Buches ist der Erforschung der wesentlichsten und größten Probleme der marxistischen Philosophie gewidmet: der Universalität und Absolutheit der Gesetze der materialistischen Dialektik, der Einheit ihrer gnoseologischen und ontologischen Aspekte; der Marxschen Theorie der gesellschaftlichen Verhältnisse in ihrer Genesis und ihrem Systemcharakter; dem Problem der Persönlichkeit in der Konzeption des realen Humanismus K. Marx'. Viel Aufmerksamkeit wird der Analyse der Frage nach den dialektischen Widersprüchen gewidmet, die unter den Bedingungen der Umgestaltung, die sich heute in der UdSSR vollzieht, besonders aktuell ist, und der Notwendigkeit der radikalen Veränderungen der internationalen Beziehungen mit dem Ziel der Schaffung einer kernwaffenfreien und gewaltlosen Welt. Eine wichtige methodologische und gesamtwissen-

schaftliche Bedeutung besitzt auch das in der Monografie behandelte Problem des Wechselverhältnisses von Erkenntnis und Praxis, Idealem und Materiellem im Leben der Menschen. Unter dem Aspekt der Systemforschungen wird das Hauptwerk von K. Marx, „Das Kapital", betrachtet, seine unvergängliche Bedeutung für die weitere Entwicklung der Gesellschaftswissenschaften und der Methodologie der sozialen Erkenntnis aufgezeigt.

Im dritten Abschnitt geht es um die theoretischen und heuristischen Potenzen der marxistisch-leninistischen Philosophie für die Lösung lebenswichtiger Fragen der Weltgeschichte Ende des 20. Jahrhunderts. Die Aufmerksamkeit der Autoren ist darauf konzentriert, wie, auf welche Weise uns das philosophische Erbe von Marx hilft, die Strategie der Lösung der globalen Probleme wissenschaftlich zu durchdenken und auszuarbeiten, die internationalen Beziehungen zu humanisieren, und auch den wissenschaftlich-technischen Fortschritt, die Erneuerung des sozialistischen Aufbaus in der Sowjetunion erfolgreich verwirklicht werden kann. Die Autoren wenden sich den Ideen des Marxismus über den Bürokratismus zu, seinen Schlußfolgerungen über die Notwendigkeit des entschiedenen Kampfes gegen ihn als einen ernsthaften hemmenden Faktor der sozialistischen Entwicklung. In der Arbeit ist eine Analyse des neuen Denkens enthalten, werden das Wesen und die Quellen der Ideologie und der Psychologie des Stillstandes untersucht.

Die Ergebnisse der wissenschaftlichen Analyse des Erbes von Marx als Philosophen zeugt überzeugend von der Beispiellosigkeit seines Beitrages in die intellektuelle Schatzkammer der Menschheit, von der hervorragenden Bedeutung seiner Ideen für die Lösung der fundamentalen Probleme der gegenwärtigen Etappe der Entwicklung der Weltzivilisation.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

РАЗДЕЛ I. ДИАЛЕКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ МАРКСА 25

1. Диалектика возникновения марксизма 27
О периодизации формирования марксизма — 27. Первый этап — 28. Второй этап — 30. Третий этап — 38. Становление марксизма и современные противники учения Маркса — 49.

2. Революционный переворот в обществознании 62
Общая постановка вопроса — 62. Объективная необходимость революции в философии — 65. Создание предпосылок научного обществознания — 67. Первое великое открытие Маркса и преобразование философии — 72. Значение создания исторического материализма для развития общественных наук — 75.

3. Маркс и Энгельс: беспримерное духовное единство 81
Восхождение к истине — 81. Во главе борющегося пролетариата — 86. «Настольная книга всякого сознательного рабочего» — 88. Продолжая дело Маркса — 90.

4. Маркс и Россия: вымыслы и реальность 96
Интерес Маркса к России — 96. Миф о «русофобии» Маркса — 98. Марксизм в России: аномалия или закономерность? — 102. Исправляя Маркса: «третий Маркс» и русское народничество — 107.

5. В. И. Ленин о диалектике развития марксистской теории 116
Анализ закономерностей развития пролетарского учения — 116. О диалектическом взаимодействии составных частей марксизма — 130.

6. Теория, испытанная временем 133
Строгая научность и революционность марксистской теории — 133. Творческий характер учения Маркса о капитализме и социализме — 136. Магистральное направление социалистического созидания — 144.

РАЗДЕЛ II. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ 149

1. Всеобщность законов материалистической диалектики 151
Всеобщность и существенность развития — 151. Всеобщность как многообразие форм существования — 153. Всеобщее, абсолютное, относительное — 154. Абсолютный характер законов диалектики — 157. Единство законов диалектики и специфических законов природы и общества — 160.

2. Диалектико-материалистический анализ общественных отношений 171
К вопросу о генезисе общественных отношений — 171. Системный характер общественных отношений — 179.

3. Проблема личности в марксистской концепции реального гуманизма 186
Диалектико-материалистическое понимание сущности человека — 186. Маркс об отчуждении человека в

буржуазном обществе и условиях его преодоления — 188. Марксизм о путях освобождения и развития человеческого индивида — 193. Идея всестороннего развития личности — 198.

4. Диалектико-материалистическая теория противоречия 201
Место категории «противоречие» в теоретическом творчестве Маркса — 201. Диалектика объективных противоречий — 203. Противоречия процесса познания — 213.

5. Маркс и современные проблемы взаимоотношения практики и познания 219
Принцип деятельности и его методологическая роль — 219. Развитие форм предметной деятельности и познания — 223. Генезис и развитие научного познания — 228. Особенности современного этапа развития науки — 233.

6. «Капитал» Маркса: методология системных исследований 239
Научная методология и системное знание — 239. Системные качества — 243. Системная специфика — 254.

РАЗДЕЛ III. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ 263

1. Глобальные проблемы, человек и судьбы человечества 265
Проблемы, затрагивающие интересы цивилизации — 265. Марксизм как реальный гуманизм — 269. Целостная концепция человека — 275. Новое мышление и новый этос науки — 283.

2. Революционная теория и социальная практика 292
Соотношение теории и практики: философский и социальный аспекты — 292. Социализм и принцип единства теории и практики — 303.

3. Маркс и научно-технический прогресс 316
Маркс о сущности научно-технического прогресса и его роли в развитии общества — 316. Прогнозы Маркса и тенденции современного научно-технического прогресса — 323. Системная концепция современного развития науки и техники — 333. Задачи ускорения научно-технического прогресса — 335.

4. Современный социализм на путях обновления: преодоление механизма торможения 340
Механизм торможения, его структура и пути устранения — 340. Необходимость решительной борьбы с бюрократизмом — 350. Маркс о бюрократизме и бюрократии — 352. Маркс, Энгельс и Ленин об опасности бюрократизма в новом обществе — 355. Пути преодоления бюрократизма в социалистическом обществе — 360.

5. Новое мышление в современном мире 365
Чем диктуется необходимость нового мышления? — 365. О сущности нового мышления — 367. О преодолении идеологии и психологии застоя — 370.

ВЕЛИЧИЕ МЫСЛИ И ДЕЛА МАРКСА (*Заключение*) 378

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 404

SUMMARY 409

RESUMÉE 411

Маркс. Философия. Современность / Под общ. ред. Т. И. Ойзермана.— М.: Политиздат, 1988.— 414 с.

М27

ISBN 5—250—00080—0

Книга, написанная советскими философами и приуроченная к 170-летию со дня рождения К. Маркса, знакомит читателя с основными положениями его философского учения, которое рассматривается в тесной связи с современными социальными проблемами, как теоретическими, так и практическими. Авторы акцентируют внимание на задачах марксистско-ленинской философии в условиях перестройки. Раскрывая значение философского знания для ускорения социально-экономического развития социализма, формирования нового мышления, они затрагивают и ряд дискуссионных вопросов.

Адресована широкому кругу философов, обществоведов, пропагандистов.

М $\frac{0104000000—081}{079(02)—88}$ 35—88 **ББК 15**

МАРКС.
ФИЛОСОФИЯ.
СОВРЕМЕННОСТЬ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *П. П. Апрышко*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художник *Е. П. Суматохин*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

ИБ № 7272

Сдано в набор 17.12.87. Подписано в печать 22.03.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,89. Уч.-изд. л. 23,36. Тираж 30 000 экз. Заказ № 3407. Цена 1 р. 90 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.